

Паро Жан-Франсуа

Убийство в особняке Сен-Флорантен

Посвящается Арлетте и Ришару Бене

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николя Ле Флок — комиссар полиции Шатле

Луи Ле Флок — его сын, ученик коллежа

Сартин — министр морского флота

Ленуар — начальник полиции Парижа

Сен-Флорантен, герцог де Ла Врийер — министр Королевского дома

Герцогиня де Ла Врийер — его жена

Пьер Бурдо — инспектор полиции

Папаша Мари — привратник в Шатле

Сортигнос — осведомитель

Рабуин — агент

Эме де Ноблекур — прокурор в отставке

Марион — его кухарка

Пуатвен — его лакей

Катрина Госс — бывшая маркитантка, служанка Николя Ле Флока

Гийом Семакгюс — корабельный хирург

Тьерри де Виль д'Аврэ — первый служитель королевской опочивальни

Лаборд — его предшественник
Шарль Анри Сансон — парижский палач
Сатин — мать Луи Ле Флока
Полетта — бывшая содержательница борделя
Господин де Жевиглан — доктор
Госпожа де Кюзак — любовница герцога де Ла Врийера
Маркиз де Шамбона — ее зять
Бурдые — изобретатель
Д'Арране — адмирал
Эме д'Арране — его дочь
Тестар дю Ли — судья по уголовным делам
Ансельм Витри — садовник
Маргарита Пендрон — горничная герцогини де Ла Врийер
Жан Миссери — дворецкий герцога де Ла Врийера
Эжени Гуэ — старшая горничная герцогини де Ла Врийер
Жанна Леба, прозываемая Жанеттой, — горничная герцогини де Ла Врийер
Шарль Бибар, по прозвищу Прованс, — лакей герцога де Ла Врийера
Пьер Микет — швейцар в особняке де Ла Врийера
Жак Блен — привратник герцога де Ла Врийера
Жак Деспиар — помощник повара герцога де Ла Врийера
Жиль Дюшамплан — старший брат покойной госпожи Миссери
Николь Дюшамплан — его жена
Элен Дюшамплан — старшая сестра покойной госпожи Миссери, монахиня монастыря Св. Михаила
Эд Дюшамплан — младший брат покойной госпожи Миссери
Ретиф де ла Бретон — журналист, писатель
Папаша Лонжер — скотовладелец
Лорд Эшбьюри — английский шпион
Ришар — садовник в Трианоне

Читателям, впервые взявшим в руки книгу о приключениях Николя Ле Флока, автор напоминает, что в первой книге, именуемой «Загадка улицы Блан-Манто», ее герой, мальчик-подкидыш, воспитанный каноником Ле Флоком из Геранда, по велению своего крестного отца, маркиза де Ранрея, покидает родную Бретань. В Париже юный Ле Флок сначала живет в монастыре Карм Дешо, где его опекает отец Грегуар, а затем, по рекомендации маркиза, поступает на службу к Сартину, начальнику парижской полиции. Он учится ремеслу и постигает тайную кухню расследований, ведущихся в высших кругах. После года ученичества ему поручают особое задание, и он успешно с ним справляется. С помощью своего помощника и наставника, инспектора Бурдо, Николя, преодолев множество опасностей, распутывает нити сложнейшей интриги и оказывает важную услугу Людовику XV и маркизе де Помпадур.

Король принимает его у себя в Версале и жалует ему должность комиссара полиции Шатле. Николя Ле Флок поступает в непосредственное распоряжение Сартина и долгое время работает под его началом в качестве следователя по особым поручениям.

ПРОЛОГ

Темная ночь забрала у предметов все краски.

Морис Сев

Воскресенье, 2 октября 1774 года

Что значит это неурочное свидание? Нет, подобная прихоть ему даром не пройдет! Отчего ему в голову пришла такая дурацкая мысль? На этаже, где живут слуги, предостаточно уголков, где можно уединиться, для этого вовсе не надо бродить впотьмах по всему дому. Хорошо еще, что обязанности в апартаментах хозяйки удерживают ее вдали от красавца-любовника большую часть дня. Стоит ей появиться на половине слуг, как он тут как тут. Он хорошо знает все закоулки дома Ла Врийеров и уводит ее... Ему всегда мало. Но разве она может ему отказать? Она обязана ему своим местом, он всегда хоть и по-своему, но помогал ей... Она ждала, с тревогой глядя на стремительно уменьшавшийся огарок свечи. Скоро он погаснет, и тогда мрачный подвал, с его закопченными очагами, крючьями для котлов под железными колпаками, с вертелами и поддонами для жира, погрузится в темноту.

Она усмехнулась: надо было не экономить, а взять еще один огарок. Каждый день в господских комнатах она собирала свечные огарки, пополняя, таким образом, собственный запас свечей. Несколько раз ее чуть было не поймали за этим занятием. Приходилось опасаться не только бдительности хозяйки, но и других слуг, вечно соперничавших друг с другом, когда речь шла о мелочах, которыми можно пожить. Свечные огарки крали все, ибо их всегда можно выгодно продать на вес по стоимости воска.

Металлический звон разорвал тишину. Сердце заколотилось так сильно, что ей стало плохо. В ожидании дальнейших событий она затаила дыхание; но ничего не произошло. «Значит, опять крысы, — подумала она, — от них, похоже, никогда не избавиться». Наверняка одна из тех покрытых серой клочкастой шерстью тварей, что, не довольствуясь кухонными отбросами, забираются в соседнюю кладовую и обжираются там до отвала. Кладовая рядом с кухней, куда сносили блюда, не доеденные господами, пользовалась у слуг особым вниманием: оставшиеся на тарелках куски получше они продавали в соседние таверны, а огрызки сбывали по дешевке продавцам супа. Изготовив дымящееся варево, торговцы супом ходили по улицам, толкая впереди себя котелок на колесах, откуда бедняки за несколько лиаров могли получить плошку горячей похлебки. Еще недавно она сама питалась этим супом — после того, как сбежала из родительского дома. Ее рот до сих пор помнил кислый привкус гнили, и никакие приправы не могли его заглушить. При этом воспоминании к горлу подступила тошнота.

Прислушавшись, она надеялась различить тяжелые шаги своего любовника. Где-то вдалеке раздалось недовольное мяуканье. Она рассмеялась: здешние коты, разжиревшие на остатках обильного стола, давно не обращали внимания ни на мышей, ни на крыс. Их глаза сверкали во мраке при малейшем отблеске света, пугая боязливых особ; крысы их не боялись. Ей случалось видеть, как коты без боя сдавали позиции здоровенным крысакам, когда те, ощерив длинные желтые зубы, бесстрашно шли в наступление. Коты ее не пугали. Помогая отцу, разводившему скот в Сент-Антуанском предместье, она научилась гонять грозных бродячих котов, сбегавшихся в хлев на писк и шорох кишевших в соломе мышей.

Она хотела забыть прошлое и старалась не вспоминать о доме. Даже сейчас, когда в памяти ненароком всплыли последние часы, проведенные в семейном кругу, она чувствовала, что поступила правильно. Ее отец хотел непременно выдать ее замуж за соседского сына-садовника. Но парень с глазами навывкате, хотя и отлично сложенный, нисколько ей не нравился, с ним даже говорить было не о чем. В тот единственный раз, когда она разговаривала с ним, он умудрился перечислить все сорта салата, выращиваемые в парниках, рассказать, как правильно высаживать вдоль аллей живую изгородь и как делают трельяж и шпалерник. А после посещения семейства Витри она окончательно поняла, что откажет ему.

Жених жил в доме с окнами на болото, с которого кормилась вся его семья. Она привыкла, что у нее дома пол покрывали навощенные плиты; здесь же вместо пола была утоптанная

земля. Соломенные стулья, большой обшарпанный стол, фаянсовая печь, медный рукомойник и жалкий буфет составляли убранство единственной комнаты первого этажа. На втором этаже располагались две спальни, с кушетками и тюфяками; одна спальня принадлежала сыну, и в ней ему предстояло создавать семейный очаг. Мамаша Витри, высокая, сухая и смуглая, с грязными обломанными ногтями, строгим тоном перечислила обязанности супруги садовника: вставать в пять утра, в любую погоду и любое время года, работать до восьми вечера, перехватив среди дня миску супа или кусок хлеба — чтобы не тратить драгоценного светлого времени. Супруга обязана во всем слушаться родителей супруга, ибо отныне его семья станет и ее семьей.

Когда принялись обсуждать брачный контракт и приданое, которое приносил каждый из будущих супругов, ей стало еще противнее. Стоило старухе Витри услышать, сколько серебра дают за будущей невесткой, как глаза ее алчно заблестели. Еще старик Пендрон обещал несколько месяцев подряд бесплатно поставлять будущим родственникам свежий навоз, что позволит увеличить урожай овощей, выращиваемых семейством Витри. В день помолвки и подписания контракта в присутствии нотариуса она представила себе, какая жизнь ждет ее рядом с увальнем-садовником, ужаснулась и, бросив коров, телят, быков, навоз, салат, ошеломленного жениха и оба оскорбленных семейства, сбежала из дома. Опасаясь, что ее станут искать, она отправилась в столицу и затерялась в людском море. Уязвленный поступком дочери, папаша Пендрон не захотел ее искать. Она опозорила семью, она больше ему не дочь, и он без промедления лишил ее наследства. Затем он слег и вскоре умер. Вдова быстро продала ферму, уступив ее за хорошую цену могущественному клану скотовладельцев из предместья, приобрела пожизненную ренту, обеспеченную ценными бумагами ратуши, и, заручившись гарантиями нотариуса, удалилась в свою родную Бургундию.

Поначалу Маргарита Пендрон скиталась по улицам, устраиваясь на ночлег то среди бочек на набережной Рапе, то на набережной Сен-Поль, то в дровяных пирамидах в Дровяном порту, где сплавленные по реке бревна и прибившиеся к берегу куски дерева складывали в высокие штабели, треугольные или квадратные, а древесный хлам сваливали в кучи. Башни и кучи быстро обретали своих жильцов, и по утрам, едва проснувшись, разношерстные обитатели сих незаконных поселений выползали из своих тупичков, улочек, убежищ и тайников и растворялись в столичном городе. Несколько луидоров, которые ей удалось украсть у отца, быстро закончились, но она умела читать и писать, и, продавая свое умение самым бедным, она сумела продержаться до зимы. Однажды, зимним вечером, доведенная до отчаяния холодом и голодом, она встретила прилично одетого молодого человека, который отвел ее к себе в дом, отогрел и сделал своей вещью, игрушкой для получения удовольствий. Он хорошо одевал ее и кормил, а потом через своего зятя, дворецкого в доме герцога де Ла Врийера, пристроил на место. Она обрадовалась, что наконец-то нашла работу, но радость быстро испарилась, так как ей пришлось пополнить армию служанок, выносивших ночные горшки и помои. Вдобавок женская прислуга, исполнявшая тяжелые и грязные работы, постоянно подвергалась грубому обращению слуг рангом повыше.

Вскоре она сообразила, что, если доставлять удовольствие дворецкому, можно избежать любых неприятностей. Овдовевший два года назад, дворецкий не переносил одиночества и волочился за всеми юбками, что населяли особняк Сен-Флорантен. Сначала она сопротивлялась его ухаживаниям, хотя страх оказаться на улице не покидал ее. Она открылась своему покровителю, но тот рассмеялся ей в лицо и посоветовал уступить. Она была молода и красива, и ее новый любовник воспылал к ней поистине пламенной страстью. Через некоторое время ей захотелось избавиться и от начавшей ее тяготить связи, и от назойливого внимания старика, которому она уступила исключительно из страха потерять работу; но она не знала, как это сделать. Желая отделаться от старикашки, она изобретала сотни предлогов и причуд, включая интрижки с другими, более молодыми слугами, и, надеясь, что станет ему противна,

не скрывала от него своих походов. Он ревновал, устраивал ей дикие сцены, но с каждым разом все сильнее жаждал ее любви.

Она смахнула навернувшиеся на глаза слезы. Впрочем, по сравнению с событиями трехдневной давности, все это сушие пустяки. А вот три дня назад... при этом воспоминании ее снова охватила дрожь. В тот вечер, к концу работы, неожиданно явился ее любовник и покровитель. Чтобы незаметно выскочить на улицу и сесть к нему в фиакр, ей пришлось воспользоваться черным ходом. Они ехали долго, а когда приехали, он повел ее в незнакомый дом, где заставил переодеться в непристойное платье. Почему она позволила ему распоряжаться собой как игрушкой? О том, что происходило потом, вспоминать было противно. Как она до такого докатилась? Потрясенная разнузданным развратом, правившим бал в незнакомом ей доме, напуганная испуганными воплями, она была сама не своя и не осмелилась протестовать. В тот вечер она увидела, каким необузданно-жестоким может быть ее молодой любовник, и с тех пор не может думать о нем без содрогания.

Легкий ветерок пригнул пламя свечи, фитилек затрещал и потух, распространив вокруг себя резкий запах горелого. Этого только не хватало! У нее не нашлось огнива, чтобы вновь зажечь свечу. И хотя она знала, что стоит одна в пустой кухне, ее медленно охватывал липкий страх. Вскоре ей показалось, что рядом кто-то есть. Наверное, это какая-нибудь мелкая живность или насекомое, что в начале осени наводняли теплую кухню в поисках пристанища на зиму. За спиной раздался треск, и ей почудилось, что кто-то проскользнул совсем близко от нее. Собравшись с духом, она заставила себя обернуться, но в темноте ничего не увидела. Ей показалось, что в кухне неожиданно стало душно, и, охваченная паникой, она часто задышала. В необъяснимом порыве она рванулась к лестнице, ведущей на верхние этажи, но невидимая рука схватила ее и притиснула к мускулистой груди. Жуткая боль пронизала шею; она потеряла сознание, а потому не поняла, что умирает, исторгая потоки крови.

Ранним утром помощник повара обнаружил в кухне два тела: задушенной Маргариты Пендрон и раненого дворецкого Жана Миссери; дворецкий был без сознания. Рядом с ним, в алой луже, растекшейся по каменному полу, валялся нож.

I ТЕЧЕНИЕ ДНЕЙ

Время раскрывает тайны; время рождает возможности; время подтверждает правоту добрых советов.

Боссюэ

Воскресенье, 2 октября 1774 года

Николя украдкой разглядывал сына. Вылитый он сам в юности. И гордая посадка головы — как у деда, маркиза де Ранрея, когда тот, обернувшись, смотрел прямо в глаза собеседнику. Тонкие черты еще не окончательно сформировавшегося лица отличались мягкостью, присущей внешности Сатин. Манеры благородные и непринужденные, без свойственной подросткам неловкости. Он спорил с Ноблекуром, засыпая старого прокурора цитатами на греческом и латыни, а тот, улыбаясь, исправлял solecismy и barbarismy мальчика. Праздничный ужин, устроенный в доме на улице Монмартр в честь Луи Ле Флока, был в самом разгаре. Умиротворенный и счастливый, Николя сидел в окружении Семакюса, Бурдо и Лаборда и наслаждался теплотой дружеского общения. Он специально не вмешивался в дискуссию, надеясь, что сын сам найдет свое место среди его друзей. И его надежды оправдывались: Луи чувствовал себя вполне в своей тарелке. Неведомая прежде роль отца, которую Николя предстояло разучить, преисполняла его одновременно и восторгами, и страхами.

Год завершался лучше, чем начался. Эхо заговоров и уголовных дел, последовавших за смертью его любовницы, госпожи де Ластерье, постепенно угасло. Он по-прежнему носил в сердце траур по покойному королю, при воспоминании о котором его охватывала светлая печаль. Бурный период его жизни, связанный со службой покойному монарху, к счастью, завершился радостным открытием: у него есть сын, рожденный Сатин пятнадцать лет назад. А когда старая Полетта узнала о случайной встрече отца и сына и об их бросавшемся в глаза сходстве, она решила вмешаться. Покинув свою деревню в Отейле, где она вела жизнь комфортабельную и благочестивую, она примчалась к Ноблекуру и, выступая от лица Сатин, убедила почтенного магистрата в необходимости подарить Луи отца, ибо до сих пор мальчик считал, что отец его неизвестен. Восприняв дело со всей серьезностью, старый прокурор сделался советчиком обоих родителей.

Щепетильности в избытке наличествовало как с одной, так и с другой стороны. Сатин боялась, как отнесется к известию Николя, ибо помнила, что когда-то он уже спрашивал ее, кто отец ребенка, и выражал готовность взять на себя ответственность за его появление на свет. Добрая девушка, она понимала сомнительность своего положения и опасалась, как бы из-за ее занятия признание отцом сына не привело к печальным последствиям. Николя, сохранивший в душе нежность к женщине, с которой он познакомился вскоре после своего прибытия в Париж, опасался, что оскорбит новую хозяйку «Коронованного дельфина», удалив ребенка из гибельной и развращенной среды веселого дома; одновременно он не намеревался ослаблять естественные узы, связывавшие сына с матерью.

Задачу, равную, поистине, квадратуре круга, решил Ноблекур, возложивший на себя задачу увязать интересы и чувства, сколь бы деликатными они ни были. Вооружившись пером, он составил список взаимных требований. Сатин обязалась вернуть себе имя Антуанетты Годле, полученное ею при рождении, и оставить свое теперешнее занятие. Николя брал на себя обязательство помочь ей приобрести у супругов, давно желавших удалиться от дел, небольшую лавочку на улице Бак, где она станет торговать модными товарами и предметами женского туалета. Самое сложное оказалось убедить Полетту; видя, как в одночасье рушится дело, переданное в надежные руки избранной ею преемницы, бывшая сводница бушевала так, что Николя незамедлительно вспомнил, с какой яростью эта изворотливая бестия в былые времена торговалась с полицией. Подождав, пока первая гроза пройдет, господин де Ноблекур, успевший к тому времени снискать благоволение сей не слишком почтенной в прошлом особы, осыпал ее куртуазными комплиментами, проявил чуткость и понимание, и в результате его вмешательство сотворило чудо. Полетта успокоилась, а неожиданное возвращение Президентши, чей английский вояж завершился катастрофой^[1], позволяло устранить последние препятствия. При мысли о возможности вернуться в «Коронованный дельфин», а тем более в качестве хозяйки и управляющей делами, подруга Сатин запрыгала от радости. Не переставая ворчать, Полетта согласилась на все, а сделала еще больше. Под началом Сатин заведение не только процветало, но и приобрело определенную изысканность, что изрядно повысило его репутацию. Желая отблагодарить Сатин, Полетта сделала ей подарок, купив для нее маленький антресольный этаж в доме на улице Бак, где Николя уже приобрел для нее лавку.

Николя официально, в присутствии нотариуса, признал своего внебрачного сына и дал ему свое имя. Пользуясь своим влиянием, он сделал все необходимое, чтобы сведения, хранившиеся в полицейских архивах относительно прошлых занятий Сатин, затерялись навечно. Оставалось сообщить Луи о переменах, суливших серьезные изменения в его видах на будущее. Дело это казалось особенно деликатным, ибо могло вызвать у подростка подлинное потрясение. Ноблекур вызвался исполнить роль посредника, но Николя решил начать свою карьеру отца с откровенности и рассказать сыну всю правду. Впрочем, ему не в чем было себя упрекнуть, ибо о том, что у него есть ребенок, он узнал совсем недавно. Оставалось только выяснить, что думает сам подросток о решениях, принятых без его ведома.

Николя вспоминал, каким он сам был в этом возрасте, и, обращаясь к Луи, пытался представить на его месте самого себя, только много лет назад. Их первая встреча вдохнула в него мужества. В тени деревьев, окружавших дом Полетты в Отейле, он рассказал мальчику всю свою жизнь, ничего не опуская и обходя острые углы, дабы не набросить тень на мать ребенка. Луи, воспринявший все всерьез и вполне естественно, немедленно атаковал его вопросами. Летом их встречи участились; особенно они любили собираться в Вожираре, у доктора Семакгюса; там между отцом и сыном зародилось своеобразное чувство сообщничества, вскоре переросшее в нежную привязанность. Проверив знания сына, Николя, не переставая сожалеть об изгнании из королевства своих учителей-иезуитов, решил отдать его в коллеж ораторианцев в Жюйи, где воспитание, опиравшееся не только на классическое наследие, но и на современную философию, соответствовало идеям, которые маркиз де Ранрей внушал Николя, когда тот, будучи подростком, жил в Геранде. Особое внимание в коллеже уделяли современной литературе и преподаванию иностранных языков. Каникулы Луи будет проводить в Париже, поровну деля свое время между улицей Монмартр и улицей Бак.

— Когда я увижу короля, отец?

Николя вздрогнул: он забыл, где он сейчас находится. Марион и Катрина только что внесли дымящийся омлет с телячьими почками, и все приступили к трапезе.

— Я повезу вас в Версаль в одно из воскресений, — ответил он. — Мы будем слушать мессу в той же церкви, что и король, и у вас будет возможность как следует рассмотреть его величество, а затем приблизиться к нему в большой галерее.

Луи улыбнулся. Глядя на выражение его лица, у Николя сжалось сердце: на миг ему показалось, что сын удивительным образом похож на его сводную сестру Изабеллу.

— Как поживает господин Ленуар? — спросил Лаборд.

— Когда я видел его в последний раз, он пребывал в добром здравии.

Сотрапезники отметили прозвучавшую в ответе горечь.

— Я не погрешу против истины, — продолжил Лаборд, — если скажу, что этот человек, как никто иной, прекрасно разбирается в оперном искусстве.

— Боюсь, — с иронией ответил Семакгюс, — что, общаясь с преемником Сартина, о коем мы дружно сожалеем, наш друг стремится не столько понять его, сколько показать себя.

Николя вскинул голову.

— Фраза, подразумевающая либо слишком много, либо слишком мало, — произнес Ноблекур. — Впрочем, апофтегма несколько коротковата для личности, обладающей обширной властью. Сартин значительно расширил полномочия своей должности. Что сделает из нее его преемник?

— О-о, — отозвался Бурдо, — преемник стал настоящим министром, хотя и без портфеля. Вы же знаете, сколь велико его тайное и поистине необъяснимое влияние. Он разит, и он же спасает. От него исходят и мрак, и свет. Его власть простирается далеко, однако осуществляет он ее весьма деликатно. Он возвышает и низвергает по своей воле и своему усмотрению.

Николя покачал головой.

— Тот любил парики, а этот любит переплеты с гербами.

— И это означает, — смущаясь, произнес Луи, — что и тот и этот пытаются заполнить пустоту!

Все заплодировали, а Николя улыбнулся.

— Как говаривал наш покойный король, «породистого пса не надо учить», — заметил Лаборд.

— Это у него от деда, — отозвался Николя. — Маркиз никогда не лез за словом в карман.

— Господа, — продолжил Лаборд, — с вашего дозволения, я удалюсь, оставив вас в облаке ароматов этого восхитительного омлета. Прошу отметить, сколь нежны в нем почки. В честь молодого Ранрея, я, как некогда в Трианоне, сегодня лично приложил руку к приготовлению ужина. Поэтому вместе с Катриной я иду на кухню доводить до совершенства задуманный мною сюрприз. Семакгюс, вам предстоит убедить нашего хозяина удержаться от искушения! Луи, идемте со мной, мне нужен подмастерье.

Мальчик вышел из-за стола; для своего возраста он был довольно высок. Скольким вещам ему еще предстоит научиться! — подумал Николя. Ездить на лошади, охотиться, фехтовать... Ведь, несмотря ни на что, Луи из рода Ранреев. И он вновь вернулся к своим невеселым размышлениям. Следуя совету Сартина, он попросил аудиенции в первый же день, и новый начальник полиции не отказал ему. Стоя за рабочим столом, где его предшественник часто устраивал смотр парикам, он во всей красе являл подчиненному свою высокую полную фигуру. На круглом одутловатом лице выделялся крупный нос, нависавший над ртом с мясистой нижней губой, выразительные движения которой, сопровождавшие отказ или презрительное снисхождение, привлекали взгляд к двухэтажному подбородку. Пристальный взор живых глаз, в упор смотревших на собеседника, позволял заподозрить наличие немалой доли высокомерия, скептицизма и ничем не обоснованного самомнения. Тщательно закрученные локоны напудренного парика волнами ниспадали на строгую шелковую судейскую мантию, подчеркивая ослепительную белизну батистовых брыжей. Аудиенция, сокращенная по причине прибытия следующего посетителя, не предполагала обмена мнениями.

— Господин комиссар, — произнес Ленуар, — вас рекомендовал мой предшественник. Не так давно я лично имел возможность оценить ваши выдающиеся способности сыщика, кои вы блестяще подтвердили при расследовании весьма деликатного дела. С другой стороны, опыт подсказывает мне, что личные методы ведения дел, какими бы полезными и эффективными они ни были, слишком сходны с интригами, от которых власть уже устала. Вы не можете играть при мне такую же роль, какую играли при господине де Сартине. Я намерен обновить правила игры и ввести новые методы, соответствующие моим собственным взглядам.

— Я нахожусь на службе королю, сударь.

— Он вас ценит, сударь, несомненно, ценит, — бросил Ленуар с заметным неудовольствием, — и нам это известно. Но правила едины для всех. Комиссары с большим стажем работы вправе возмутиться...

«И они не лишают себя этого удовольствия», — подумал Николя.

— ...и выразить свое недовольство тем, что их младший товарищ без всякого на то основания монополизировал внимание и милость начальства. Можем ли мы доверить вам квартал? Нет, пожалуй, это несвоевременно. Ваше безжалостное обхождение со своими сотоварищами...

— Сударь!

— Не перебивайте меня, я знаю, что говорю. До меня уже дошли многочисленные жалобы и прошения. Прислушайтесь к мудрому совету: отправляйтесь отдыхать, съездите на охоту и ждите, когда настанет благоприятное для вас время. Впрочем, должность комиссара полиции Шатле можно продать за хорошую цену и с большой выгодой. Желающих на нее много, подумайте об этом. Имею честь приветствовать вас, господин комиссар.

Николя не стал ничего предпринимать, дабы исправить положение и завоевать приязнь нового начальника. Его прямая натура противилась лицемерию, и он не умел притворяться побежденным. Радость от обретения сына затмевала неприятности по службе, однако его не могло не беспокоить положение Бурдо, сметенного тем же вихрем перемен. Его помощник, имевший на содержании малолетних детей, лишился всех — весьма существенных — дополнительных заработков и остался с одним лишь жалованьем. По распоряжению Николя инспектору выплатили солидное вспомоществование; дабы не обидеть друга, комиссар

объяснил, что это вознаграждение за прежние поручения, не оплаченные своевременно. Засим он ушел в себя, а при мысли о будущем стал проявлять непривычный для него фатализм: будь что будет. И только иногда он сдержанно приоткрывал душу Ноблекуру или Лаборду.

Ноблекур поддерживал его, считая, что надобно быть выше проходящих неприятностей, неизменных при любой карьере на поприще служения королю. Время — великий мастер все улаживать, а при нынешних обстоятельствах единственной обязанностью честного человека оставалось сохранить лицо. Он покажет, что события, которые другой счел бы катастрофой, для него всего лишь мелкие превратности судьбы. Прекрасно разбираясь в людях и обладая богатым жизненным опытом, Ноблекур был уверен, что постепенно Ленуар вернет все на круги своя. По его мнению, негативное отношение нового начальника к Николя совершенно естественно, ибо, будучи сам новичком, заставил подчиняться себе других, в том числе и Николя. Комиссару не следовало забывать, что он являлся протеже и другом Сартана и тот даже пытался протолкнуть его на свое место, надеясь таким образом продолжать контролировать полицию, этот важный винтик государственной машины, ее привилегированный инструмент, позволявший влиять на самого короля. Отклики, доходившие до Ноблекура о новом начальнике полиции Парижа, носили исключительно похвальный характер. Многие поощряли его умение четко мыслить, приятную манеру вести беседу, живой интерес к обсуждаемым вопросам и изощренность суждений. Говорили, что, приобретя глубокие познания в области серьезных материй, он не утратил пристрастия к изящным и возвышенным беседам и слывет просвещенным любителем искусств и литературы. Короче говоря, следовало ожидать скорых перемен и не забывать, что никто не знает, где найдет, а где теряет.

Лаборд говорил менее замысловато, но его слова вторили речам Ноблекура. Он напомнил, что на следующий день после смерти короля он добровольно предал забвению свое славное, но уже отжившее прошлое. Сегодня они оба принадлежали к «прежнему двору» — надолго, а может, и навсегда, и в этом следовало отдавать себе отчет. Лаборд решил заняться тем, на что его обязанности при особе его величества никогда не оставляли времени. По секрету он поведал Николя, что покойный король исполнил обещание и возместил ему убытки, понесенные им в свое время при покупке должности. Также он признался, что наконец решил остепениться и недавно заключил брак с Аделаидой Сюзанной де Вим, моложе его на девятнадцать лет. Хорошо знакомый с рассеянным и легкомысленным образом жизни друга, Николя не сумел скрыть свое изумление. По словам Лаборда, церемонию, назначенную на 1 июля, перенесли на сентябрь и провели крайне скромно, ибо общество все еще пребывало в трауре. Не выдержав разочарования, вызванного крушениями их надежд, его жена впала в состояние меланхолии, сменявшейся приступами возбуждения и слез. В приливе искренности, без сомнения, порожденном недавним отцовством Николя, Лаборд открыл ему, что четыре года назад он узаконил свою внебрачную дочь, рожденную от связи со знаменитой актрисой Гимар. Этот рассказ, похоже, принес ему облегчение, и, он, оставив на время собственные неприятности, вернулся к неприятностям друга^[2].

Лаборд делал все, чтобы вывести Николя из апатии. Черт возьми, с жаром восклицал он, в кои-то веки у Николя появилось время для досуга! Значит, надо этим пользоваться и постараться уделить больше внимания сыну, возвращая ему долг отцовской любви, чтобы потом без всякого стеснения обратить эту любовь в ренту! Каждый, кто изучал свет, знает, что время и необходимость действовать всегда наступают неожиданно. Он обязан приспособиться к создавшемуся положению, поставив свои таланты на службу самому себе. Совет Лаборда сводился к итальянскому изречению: *Volto scelto I pensieri strelli* «Лицо открыто, но мысли скрыты». Надобно взрачивать лицемерие, а неприятности окутать покровом глубокой тайны; иначе говоря, комиссар временно должен уступить место маркизу де Ранрею. Видимость немилости следует превратить в броню, дабы общество, привыкшее подмечать любую вашу слабость и немедленно обращать ее против вас, не посмело ни освистать вас, ни раздавить.

Пусть он как можно чаще появляется на приемах, и пусть король, который знает его, отметит его опыт и талант охотника на крупную дичь и птицу. Не надо забывать, что благодаря Людовику XV он имеет право участвовать во всех королевских охотах. И тогда слух, что Ленуар отстранил его от дел, не будет ни опровергнут, ни подтвержден. А в разговорах не стоит ничего разьяснять. Лаборд с грустью признался, что времена сильно изменились и теперь любая острота господина де Морепа ценится при дворе гораздо выше, чем искреннее служение королю.

Николя последовал мудрым советам друзей, сумевших убедить его, что единственным выходом для него является лицемерие: оно одно способно направить сплетни в иную сторону и в конце концов лишит их всякого смысла. В самом деле, скоро пересуды, столь любимые холодными сердцами и злыми языками как в столице, так и при дворе, прекратились; разумеется, слухи о нем ходили еще долго, однако в них царил полнейший разнобой, ибо каждый почитал свое мнение относительно «нашего дорогого Ранрея» единственно правильным. Оставалось только дополнить картину несколькими мазками, предназначенными для падких на новости светских бездельников, дабы те сообщили даже наименее легковверным, что дела у маркиза де Ранрея обстоят превосходно. Он намекнул на весьма лестную интрижку с нескромной дамой, в беседах был вежлив, но снисходителен и постоянно подчеркивал любой знак внимания к нему со стороны короля. Через некоторое время он со смехом заметил, что, похоже, преуспел в карьере придворного. Когда в августе двор пребывал в Компьене, во время травли кабана он несколько раз оказывался непосредственно за спиной у короля, и все могли видеть, что он пользуется особым расположением повелителя. Живо обсуждая стати зверя и перипетии погони, его величество нередко уезжал вместе с ним вперед, не дожидаясь, когда к ним присоединится свита. Охотясь на пернатую дичь он, желая доставить удовольствие Людовику XVI, несколько раз нарочно промахнулся, и государь в знак своего расположения подарил ему ружья покойного короля, те самые, которые тот незадолго до болезни одолжил Николя на время охоты.

Подобные мелочи при дворе имеют огромное значение, и его звезда, уже считавшаяся потухшей, внезапно засияла еще ярче, заставив прибежать к нему с комплиментами даже тех, кто еще несколько дней назад смотрел на него невидящим взглядом. Он не сомневался, что слухи о его успехах — без сомнения, раздутые — достигнут ушей Ленуара, ибо осведомители информировали начальника полиции обо всех без исключения событиях придворной жизни. Однажды он обнаружил, что в суете, вызванной постоянной сменой впечатлений и чувств, пролетели несколько месяцев.

Зычный глас вернул Николя к действительности.

— Фаршированная баранья нога по-королевски с гарниром из слоеных пирожков с опятами! — громко декламировал Лаборд, неся на вытянутых руках серебряное блюдо, над которым клубились ароматные завитки пара.

— Похоже, в его лице мы потеряли настоящего герольда, — воскликнул Ноблекур, чей взор уже сверкал от вожделения. — Ему не хватает только табарда^[3].

— А это, по-вашему, что? — притворно возмутился Лаборд, указывая на белый передник, защищавший его костюм.

Появился Луи; лицо его покраснелось от жара плиты. Мальчик нес огромное фарфоровое блюдо, где, прикрытая салфеткой, высилась гора слоеных пирожков. Николя присоединился к всеобщему веселью.

— А чем мы станем запивать это великолепиие?

Бурдо извлек из-под стола две бутылки.

— Божественным напитком цвета сливы, изготовленным из винограда, выращенного монахами монастыря Сен-Николя в Бургейле.

— Господа, господа, — раздался голос Ноблекура, — пока Пуатвен разрезает ногу, я предлагаю Лаборду не нарушать традиций и рассказать о процессе приготовления этого восхитительного блюда подробно и в деталях.

— Могу я, сударь, спросить вас, когда возникла эта традиция? — поинтересовался Луи.

— Молодой человек, она существует с тех пор, как ваш отец появился в этом доме и принес в него радость, которую ваше присутствие среди нас увеличивает вдвойне, так что у нас есть великолепный повод не отступать от заведенного обычая. Превосходные кушанья, состряпанные под этой крышей, должны быть оценены не только нашим органом вкуса, но органами слуха.

— И зрения! — воскликнул Семакгюс. — Заметьте, я вкладываю в свои слова исключительно прямой смысл!

— А я, — ответил Ноблекур, — заявляю, что сегодня не намерен подчиняться моему врачу, а, напротив, желаю удовлетворить все три органа чувств!

— Господа, — произнес Лаборд, — начиная рассказ, я хочу напомнить, что имел честь приготовить это блюдо на глазах у покойного короля, а маркиза де Помпадур, несмотря на свой больной желудок, с удовольствием его отведала.

— Сия достойная дама отличалась необычайной снисходительностью, — проговорил Семакгюс.

— Нисколько. Она попросила добавки.

— Господа, шутки в сторону, — умоляющим тоном произнес Ноблекур, — нога остынет.

— Представьте себе отличную баранью ногу, — выдержав паузу, проговорил Лаборд, — положенную на несколько дней на холод, дабы она избавилась от сопутствующих запахов и приобрела должную мягкость. Когда время истечет, берем ногу, разбиваем мосол, а затем извлекаем кость вместе с мякотью, оставив кожу нетронутой. Для этой операции мне пришлось прибегнуть к помощи истинного мэтра!

— Мясника с улицы Сент-Оноре? — поинтересовался Николя.

— Отнюдь. Корабельного хирурга, привыкшего резать и выдалбливать.

— Мои хирургические инструменты пришли очень кстати, — уточнил Семакгюс, с притворным сокрушением потупив взор.

— Фу, негодник! — воскликнул Ноблекур. — Только не говорите, что вы использовали инструменты, которыми проводите...

— Я обязан убедить вас в этом, дабы отбить у вас аппетит!

— Если вы будете все время перебивать меня, — простенал Лаборд, — я никогда не доберусь до конца. Так вот, извлеченное мясо надо мелко порубить вместе с небольшим количеством сала, костного мозга и тоненьких прослоечек жира, срезанных с телячьих почек, потом добавить грибы, яйца, соль, перец и пряности, хорошенько перемешать и нафаршировать этой начинкой баранью кожу, постаравшись придать ей привычную форму ножки. Чтобы начинка не вываливалась, перевяжите вашу ножку бечевкой, обжарьте со всех сторон, потом положите в горшок, залейте двойным бульоном и добавьте обжаренный кусок постного мяса, чтобы тот напитал ножку своими соками и оттенил вкус фарша. Не забудьте луковичку, гвоздику и букет гарни. Через час переверните ножку и продолжайте уваривать до готовности, коя определяется на ощупь, иначе говоря, когда кончиками пальцев вы ощутите мягкость мяса. Достаньте ножку, искусно ее нарежьте и полейте соусом, не забыв добавить в оный соус мясную заправку.

Лаборд завершил речь под дружные «ура». Каждый почел своим долгом продегустировать блюдо, требовавшее, наряду с вилок и ножом, еще и ложки. Краем глаза наблюдая за сыном,

Николя с радостью отмечал, как аккуратно он ест, как свободны и раскованны его движения, напомнившие ему изысканные манеры маркиза де Ранрея и природное изящество его матери.

— Это блюдо как нельзя лучше подходит для моих старых зубов, — произнес Ноблекур.

— Удачное сочетание корочки с нежнейшей начинкой, — добавил Семакгюс. — А как прекрасно оттеняет вкус ягненка это вино сливового цвета!

— Так вы оценили мой выбор? — радостно воскликнул Бурдо. — А мне хотелось бы отметить, что опята, притаившиеся в тонком слоеном тесте, не только свежи и упруги, но и сохранили запах леса.

Ноблекур повернулся к Луи.

— Об этом ужине вы станете вспоминать в коллеже, — проговорил он. — Он достойно украсит ваши воспоминания.

— Когда придется есть холодную кашу и червивую селедку, я буду вспоминать о нем с особым удовольствием, сударь, — ответил мальчик. — Эти прекрасные видения укрепят мое мужество.

Все основательно насытились, когда Катрина внесла и поставила на стол блюдо оладьев с цукатами из айвы, присыпанных сахарной пудрой. Улыбнувшись, старый прокурор сделал знак Пуатвену; и тот исчез, но вскоре вернулся с двумя свертками.

— Молодой человек, — начал Ноблекур, открывая самый объемный сверток, — я тоже учился в коллеже, терпел и суровую дисциплину, и голод. И моя заботливая матушка снабжала меня айвовым мармеладом, который я потихоньку ел каждый вечер, стремясь унять голодное урчание в животе.

Он достал из свертка несколько маленьких коробочек из елового дерева, круглых и плоских.

— В этих коробочках хранится айвовый мармелад, сваренный с добавлением белого вина. Он не только утихомиривает ваш голод, но и облегчит любые боли в животе, независимо от их причины. Он также поможет переварить дурную пищу, которой зачастую кормят учеников. Вам остается только спрятать его как следует, ибо кражи в коллежах, увы, случаются очень часто. С этими коробочками вы вполне продержитесь до Рождества.

Далее беседа приняла более общий характер.

— В Версале все еще носят траур по нашему королю? — спросил Лаборд с плохо скрываемым волнением; он так тяжело переживал свое удаление от центра мира, что, несмотря на все усилия, ему не удавалось это скрыть.

— Согласно предписаниям, — начал Николя, — можно носить серый фрак из сукна или из тонкого шелка, в зависимости от времени года, черные шелковые чулки, шпагу, серебряные пряжки и один бриллиант на пальцах. Допускается кружевная оторочка манжет, разрешается носить манжеты навыпуск. Соблюдать предписания необходимо до первого ноября, а далее, в преддверии Рождества, начнутся различные послабления.

— Однако, вы осведомлены даже о мелочах, — заметил Лаборд. — Похоже, вы прекрасно прижились при дворе!

— Следуя совету друзей, я постарался занять там место.

— Меня уверяют, — проговорил Ноблекур, — что король велел Морепе исправить некоторые злоупотребления. Можно ли усмотреть в этом ростки нового?

— Королевскую охоту сократили на сто тридцать лошадей и тридцать пять служителей королевской псарни.

— Да, воистину, великое деяние! — усмехнулся Бурдо. — С одной стороны, выгоняют лошадей, а с другой — король, уступая капризам королевы, увеличивает штат ее прислуги,

хотя он без того не мал. Ей не хватает разве что главного сборщика податей и разогревателя сургуча!

— Похоже, Бурдо тоже в курсе всего, что происходит при дворе, — промолвил Семакгюс.

— Разумеется, — ответил инспектор, — ибо я внимательно слежу за тем, куда идут народные денежки.

— Что-то вы давно не подвергали действия двора вашей язвительной критике, — заметил Семакгюс.

— Я утверждаю и настаиваю, — с жаром отвечал Бурдо, — что создание новых придворных должностей отягощает бюджет, и без того обремененный военными расходами по усмирению Корсики. Вы только представьте себе, тамошние жители не ценят счастья, кое ожидает их, когда они станут французами! Мятежники и бандиты разоряют деревни и разбойным путем вымогают деньги.

— В самом деле, — вступил в разговор Лаборд, — мятеж ширится с каждым днем. Наш командующий на Корсике, господин де Марбеф, только что навел порядок в долине Ниоло. Мятежников колесовали на площади перед церковью, при большом стечении народа. А когда в одном из монастырских склепов обнаружили шесть сотен ружей, двух монахов, не долго думая, повесили прямо во дворе монастыря. Скорее всего, дело затянется, и кто знает, когда и чем оно закончится!

— И все же не станем печалиться, — произнес Ноблекур. — Лаборд, я уверен, что вы были на премьере оперы господина Глюка «Орфей и Эвридика». Что вы можете о ней сказать? Ведь оперное искусство не имеет для вас секретов.

— Скажу, — ответил Лаборд, делая вид, что не замечает звучащей в голосе прокурора иронии, — что эта трагическая опера произвела большое впечатление на публику, и ее успех превзошел успех «Ифигении в Авлиде», представленной в прошлом апреле.

— Полностью с вами согласен, — произнес Ноблекур, наслаждаясь удивлением друзей, уверенных, что почтенный прокурор не выходит в свет. — Да, ваше удивление вполне оправдано! Пока Николя гонял оленей в Компьенском лесу, я приказал запрягать, Пуатвен облачился в новую ливрею, взял кнут — и вперед!

Он исподволь бросил взгляд на Николя.

— Когда я прибыл в оперу, господин Бальбастр^[4], медоточиво улыбаясь, помог мне добраться до моего места. Он был предельно любезен... сладок до липкости.

Николя пожал плечами.

— Короче говоря, я присутствовал на спектакле и подтверждаю, что он имел успех. Но какой успех? И у кого? Вы, Лаборд, выносите суждение со знанием дела, и, хотя в этом случае я не разделяю ваш вкус, я уважаю ваше мнение. А кто сидел в зале? Три четверти мест занимали старые любезники и юные кокетки, из тех, что проводят время в модных салонах, вырезая бумажные силуэты. Стоит только появиться новой голове, хоть чуть-чуть возвышающейся над общим уровнем, как эта свора немедленно приходит в ярость и принимается извергать потоки бессмысленных слов, словно хозяин лавки, который кучей вываливает перед вами свой товар. Вместо того чтобы отправиться поклониться святому Грелюшону^[5], автор тщится скрыть свое бесплодие, оглушая зрителя и парализуя его мозг какофонией жалких звуков и голосов. Но со мной такое не пройдет. Я лучше пойду слушать зауспокойные молитвы в монастырь Кларисс в Лоншане. Для меня господин Глюк как композитор не существует.

Воспользовавшись изумлением, в которое повергла друзей его неожиданная эскапада, он одной рукой подцепил кусок ножки, а другой опрокинул в рот стакан с вином.

— Мой дорогой Ноблекур, — начал Лаборд, — дозвоьте мне не согласиться с вами. Со своей стороны, я полагаю, что даже самая тонкая кисть мастера вряд ли смогла бы в точности передать подробности незабываемого представления.

— Ибо, сударь, наконец-то появилось что-то новенькое. Долой итальянские голоса! Долой традиционные приемы жанра и его навязчивый речитатив!

— А что вместо? — возразил Ноблекур. — Фальшивые трели и чириканье? То, что явил нам альт, исполнявший роль Орфея?

— Сударь, — робко произнес Луи, — могу я вас спросить: что такое альт?

— Примите мои поздравления, дитя мое. Вы были правы, задав вопрос, ибо никогда не следует скрывать свое незнание. Ваша искренность делает вам честь, а мы всегда рады просветить вас. Знания, а не ум, блестящий, но пустой, являются главным достоинством человека. Тот, кто знает, о чем говорит, заставит уважать себя везде и всюду. Господин де Лаборд, сочиняющий оперы, даст вам ответ, а я пока позволю себе немного передохнуть.

— Да, именно передохнуть, а не доест баранину и опустошит еще стакан нектара из Сен-Николя, — вмешался Семакгюс. — Медицина категорически возражает против подобных нарушений.

Лицо Ноблекура опечалилось; в это время на уровне стола показалась мордочка Мушетты, кошечки Николая; розовый кошачий носик явно учуял чарующие ароматы жаркого.

— Альт, — объяснил Лаборд, — это тенор на французский манер, самый высокий мужской голос, обладающий верхним грудным регистром, полнотой звучания и выразительным тембром. Возвращаясь же к нашему спору, скажу, что я удивлен вашим несогласием с таким выбором для роли Орфея. Это был реверанс в сторону столь милых вашему сердцу французских привычек. Неужели вы по-прежнему будете спрашивать: а что вместо?

— Разумеется! Я жду вашего ответа, не сходя с места.

— Скорее, не покидая кресла, — со вздохом произнес Семакгюс.

— Естественное пение, — ответил Лаборд, — это пение, раскрывающее чувствования, страсти и переживания; в соединении с пленительной музыкой, происходящей из вечного источника гармонии, оно способно передать и ужасное, и возвышенное и прекрасное. Иначе говоря, истинную трагедию в музыке, продолжающую традиции Еврипида и Расина. Я считаю, что Глюк — гений с безупречным вкусом, и утверждаю, что в его творениях нет ни слабости, ни небрежения.

— Слушая вас обоих, — заметил Семакгюс, — словно я вновь присутствую при дискуссии о старой и новой кухне, всегда вызывавшей живейший интерес нашего хозяина.

— Золотые слова, — произнес Лаборд. — Разумеется, не считая того, что наш друг, выступая за естественность и простоту в кухне, защищает искусственность и вычурность в музыке.

— Я не признаю себя побежденным, — ответил Ноблекур, — и не собираюсь оправдываться. Я всегда считал и продолжаю считать, что мясо должно быть мясом и иметь вкус мяса; но в искусстве меня больше привлекают фантазии. Хотя не премину заметить, что только упорядоченное воображение предоставляет пищу для размышлений.

— Однако, — возразил Лаборд, — новый музыкальный стиль настолько глубок, что дает и повод для раздумий, и откликается на трагические перипетии сюжета, и услаждает слух проникновенными мелодиями.

— Я вижу в нем лишь недостатки и жеманство. Он напоминает мне мясо из рыбы, которое и не рыба, и не мясо.

— Мне горько об этом говорить, но должен вам сказать, вы рассуждаете как директора нашей королевской академии музыки, предпочитающие не замечать иностранное искусство из опасения, что оно низвергнет в пропасть наше собственное.

— Мир, господа, — пророкотал Семакгюс. — Если судить по справедливости, то правы оба, и только нечестивый азарт спорщиков заставляет вас продолжать проталкивать свои аргументы с еще большим лицемерием, нежели председатель Сожак.

— Ах, — вздохнул Ноблекур, — в этом-то и заключается удовольствие от спора. Что заставляет нас спорить? Возможность поддержать то, что поддержки не заслуживает, привести доводы за гранью разумного и выдвинуть аргументы, заведомо необоснованные.

— Значит, вы сдаётесь?

— Ни в коем случае. Я всего лишь напоминаю о необходимости подкрепить наш ученый спор фактами, и по возможности самыми разными. Иначе как мы сможем продолжить нашу словесную дуэль в присутствии умников в квадратных шапочках, заседающих в Сорбонне?

Марион подошла к задремавшему на стуле Луи и вручила ему мешок со свежими орехами. Николя спохватился: сын вот-вот упадет от усталости!

— Друзья мои, — произнес он, взглянув на часы с репетиром, только что издавшие тихий мелодичный звон, — думаю, пора завершать наш достопамятный ужин. После королевской трапезы и прокурорских излишеств нашему хозяину надо отдохнуть.

— Вы хотите так рано прервать наш замечательный вечер? — удивился Ноблекур.

— Новый день уже наступил, а Луи еще должен повидаться с матерью; она ждет его. А на заре, с первой почтовой каретой, он едет в Жюйи.

— Прежде чем он нас покинет, я хочу сделать ему подарок, — произнес бывший прокурор.

Развязав второй сверток, Ноблекур извлек из него два маленьких томика в сафьяновых переплетах с его гербом и благоговейно открыл один из них. Присутствующие улыбнулись, зная, что почтенный магистрат маниакально привязан к своим книгам.

— Это «Метаморфозы» Овидия, переведенные аббатом Бопьером, из Королевской академии надписей и изящной словесности, — вздохнув, многозначительно произнес Ноблекур. — Изумительное издание, с гравюрами на фронтисписах и вдобавок прекрасно иллюстрированное. Мой дорогой Луи, я от всего сердца дарю вам эти томики... — И, словно для себя самого, тихо прибавил: — Дорогим подарком может быть только та вещь, расставаясь с которой мы испытываем горечь и сожаление. — А затем громко произнес: — Пусть эти сказки о богах, принимавших людской облик, научат вас мечтать и любить литературу.

Пускай огнем страстей исполненные строки

Тревожат, радуют, рождают слез потоки!^[6]

Читая их, вы убедитесь, что слово, звучащее изысканно на латыни, не всегда столь же красиво по-французски, ибо у каждого языка есть свой тон, свой строй и свой гений, присущий только ему одному. Когда вам придется делать переводы, старайтесь переводить просто, ясно и точно, тогда вы правильно изложите мысль любого автора и воздадите должное изысканности и элегантности его стиля. Ибо все взаимосвязано. Тот, кто в жизни всегда следует букве принципа, становится суровым и бессердечным, а перевод становится сухим и оторванным от оригинала, если ты начинаешь предлагать свои идеи вместо идей автора.

— Сударь, — перебил его окончательно проснувшийся Луи, — не знаю, что сказать, а главное, я вовсе не хочу лишать вас сокровища, к которому вы, насколько мне известно, очень привязаны. Отец говорил мне, что вы с особой любовью относитесь к книгам из своей библиотеки.

— Напротив, для меня истинная радость сделать вам этот подарок! Не беспокойтесь, я сохранил для себя издание инфолио господина Бермана, выпущенное Вестайном и Смитом в 1732 году, с великолепными гравюрами...

— Большое спасибо, сударь. Эти книги будут мне особенно дороги, потому что их подарили мне вы, — ответил Луи, открывая один из томиков и под одобрительным взглядом

старого магистрата почтительно переворачивая страницы. — Что означают эти записочки, сударь?

Он протянул Ноблекуру кусочек бумаги цвета зеленого миндаля, исписанный мелким убористым почерком.

— Переводы латинских цитат из предисловия, сделанные вашим покорным слугой. Вы сможете проверить их точность.

— Луи, — произнес Николя, — эти книги являются своего рода напутствием нашего друга. Следуйте его советам. Я сам всегда так поступаю и ни разу об этом не пожалел. Когда я впервые прибыл в Париж, он стал моим наставником, а в то время мне было всего на несколько лет больше, чем вам сейчас.

Все поднялись из-за стола. Прощание заняло порядочно времени. Семакгюс возвращался в Вожирар и взялся подвезти Луи; он пообещал посадить мальчика на улице Бак, непосредственно возле дома его матери. Давая сыну последние наставления, Николя особенно настаивал, чтобы тот писал ему каждую неделю — хотя бы пару слов. Потом он открыл объятия, и Луи бросился ему на шею. Николя растрогался, и на мгновение ему показалось, что он вернулся во времена своего детства, но, к великому удивлению, маркиз де Ранрей явился к нему в облике своего внука.

Гости разъехались, и Николя, преисполненный светлой грусти, отправился к себе. Обычно дорога, именуемая жизнью, плутала среди нагромождения случайностей, а судьба никогда не упускала случай нанести удар дважды. В этот раз все было по-иному: его затянувшаяся немилость совпала с дарованной ему наградой, и чаши весов фортуны уравнились. Провидение неожиданно явило ему свою милость, позволив обрести Луи, и за это он был ему благодарен...

Понедельник, 3 октября 1774 года

Как только Мушетта принялась фыркать ему в ухо, Николя проснулся и сразу вспомнил о сыне, для которого сегодня утром началась новая жизнь. Ему удалось придумать причину, почему он не сможет прийти проводить сына. На самом деле он опасался, что его появление вызовет бурю чувств не только у Луи, но и у Антуанетты. Он с трудом привыкал называть про себя Сатин этим именем, хотя, когда они впервые встретились, ее звали именно так. Дабы у сына была мать, достойная неожиданно открывшихся перед ним видов на будущее, она решила забыть прошлое, отвергнув его вместе с некогда взятым ею именем Сатин.

Осенний туман легкой дымкой окутывал прохожих и экипажи. Выйдя из дома на улицу Монмартр, Николя задумался: с чего начать запланированные на сегодня покупки? Помня, что в коллежах за счет заведения стирали только нижнее белье, а о верхней одежде пансионерам приходилось заботиться самим, он решил приобрести специальную эссенцию для выведения пятен. Эта эссенция, удалявшая грязь с любых, даже очень деликатных тканей, не портила цвет, не оставляла залысин и вдобавок обладала чудесным свойством уничтожать клопов и их яйца, равно как и моль, и прочих насекомых, охочих до шерстяных тканей. Сей бесценный состав он обнаружил в Версале, у лавочника с улицы Конти. Успех средства побудил лавочника начать торговать им в Париже, и теперь его можно было приобрести по адресу Гран Кур де Кенз Ван, в галантерейной лавке под вывеской «И-Грек». Николя знал, что каждая бутылочка обернута в инструкцию, которая научит сына пользоваться эссенцией.

Еще он намеревался зайти к госпоже Пелуаз, державшей напротив «Комеди-Франсэз» лавку, где торговали разноцветными подделками, имитировавшими драгоценные камни. Он хотел выбрать подходящий камень, чтобы выгравировать на нем инициалы сына и вставить его в печатку. У него даже мелькала мысль вырезать герб Ранреев, чтобы провести незримую

нить от внука к деду, подчеркнув таким образом связь поколений, но внутренний голос усомнился, не навлечет ли такое украшение неприятности на юного Ле Флока. Николя потом долго задавался вопросом, почему его отец и он сам оказались в похожем положении, почему у них обоих внебрачные сыновья? Простое совпадение или роковое повторение, смысл которого от него ускользнул? Еще он рассчитывал пройтись по букинистам и отыскать несколько достойных книг, дабы вложить их в посылку, которую он вскоре намеревался отправить сыну в коллеж в Жюйи.

С удовлетворением отметив, что ему не придется идти далеко и все покупки можно сделать в одном квартале, а именно на улице Сент-Оноре и в окрестностях Лувра, он после бодрящей прогулки начал свой обход с магазинчика госпожи Пелуаз. Ловкая особа сумела убедить его потратить гораздо больше, нежели он рассчитывал. Предложенная ею античная инталия с римским профилем, закрепленная на серебряной рукоятке, привела его в восхищение и заставила позабыть, что он намеревался приобрести всего лишь печатку с инициалами. Предложенное ему изделие оказалось гораздо более изысканным, необычным, неброским и вместе с тем неповторимым. Затем он направил свои стопы за эссенцией для выведения пятен. Лавочник облегчил ему задачу, заверив его, что сам отправит в Жюйи на имя Луи Ле Флока необходимое количество пятновыводителя.

Выбравшись из лабиринта старых улочек вокруг богадельни Кенз-Ван^[7], он отправился в галереи Лувра. Он давно с грустью наблюдал, как древний королевский дворец приобретал все более уродливый вид за счет постоянно прилеплявшихся к нему разного рода сооружений. Недавно колоннаду освободили от беспорядочно окружавших ее строений, а уже сегодня целая армия старьевщиков расставила там свои лотки с пестрым старьем и тряпьем, никак не вязавшимся со стройными архитектурными формами дворца. После того как в Лувре разместили академии, к великому сожалению Николя, многие академики стали селиться там же, нанося своими пристройками ущерб красоте здания. Строительные леса выросли повсюду, даже во внутренних двориках, а уродливые лестницы, сооружавшиеся каждым жильцом по своему усмотрению, умаляли величие дворцового ансамбля. Он вспомнил, как когда-то Лаборд и инспектор королевских зданий маркиз де Мариньи, брат маркизы де Помпадур, обсуждали благородный замысел восстановить дворец во всей его былой красоте. Мариньи процитировал Вольтера, стенавшего при виде того, как Лувр, «памятник величию Людовика XIV, усердию Кольбера и гению Перро, скрывается за постройками готов и вандалов».

Бесчисленные торговцы картинами и гравюрами, заполонившие Лувр, втискивали свои лавки в любую щель дворцовых зданий. В этих лавках часто продавали подделки, и хотя за крупные мошенничества полагалась виселица, наказание останавливало далеко не всех. Однажды полиции пришлось расследовать дело о мошенничестве, жертвой которого стали несколько богатых иностранцев, подавших жалобу в посольство своей страны. Когда в 1772 году Николя вывел на чистую воду нескольких умельцев, изготавливавших подделки, торговцы забежали так, что ему показалось, будто он разворошил муравейник. Впрочем, покупателям переполох пошел на пользу: количество продаваемых подделок сократилось.

В книжных лавках его знали так же хорошо, и стоило ему появиться, как продавцов, как честных, так и не очень, охватывал трепет. Просвещенных любителей книг насчитывалось не слишком много, и книготорговцы, следуя примеру продавцов картин и эстампов, не стремились выставлять подлинные редкости, предпочитая предлагать публике дешевые издания. Николя вспомнил несколько счастливых находок, например, первое издание «Французского кондитера» Франсуа-Пьера де ла Варена. Этот маленький, размером с двенадцатую часть инфолио, томик в красном сафьяновом переплете, изданный в Амстердаме в 1655 году Луи и Даниэлем Эльзевирами, он презентовал господину де Ноблекуру, и тот от радости едва не лишился чувств. Букинисты налетали на дома, погружившиеся в траур, и оптом скупали у безутешных родственников целые библиотеки. Но ничто не вечно, и теперь найти редкое стало

практически невозможно; вдобавок если раньше его можно было приобрести за приемлемую цену, то теперь стоявшие на страже аргусы мгновенно назначали за него поистине несусветную сумму. А еще в книжных лавках дерзко торговали запрещенными и осужденными книгами; нелегальные брошюры или избежавшие костра памфлеты хранили в задних комнатках, куда, заговорщически подмигнув, торговцы уводили покупателей, дабы скрыться от пронырливых осведомителей, выслеживавших как покупателей запрещенной литературы, так и тех, кто приносил ее на продажу.

У одного из знакомых книгопродавцев Николя отыскал Плавта, Теренция, полное собрание сочинений Расина и томик Лесажа, иначе говоря, книги, способные составить счастье ученика любого коллежа. Отойдя в сторону, он наблюдал, как книголюбы, притянутые, словно магнитом, огромным выбором предлагаемых изданий, рассматривают книгу за книгой, вызывая неудовольствие продавца, постоянно опасавшегося, что у него незаметно украдут какое-нибудь особо ценное издание. Любители книг могли часами оставаться в лавке, просматривая книги и роясь в ящиках с гравюрами, но их поиски редко увенчивались покупкой.

Увлечшись записками путешественника в Америку, Николя внезапно почувствовал, как кто-то тянет его за пуговицу. Обернувшись, он узнал унылую и непривлекательную физиономию одного из приставов, несущих службу при начальнике полиции в особняке на улице Нев-Сент-Огюстен. Пристав был не один; второй стражник, которого, как ему показалось, он видел впервые, наблюдал за ним с улицы.

— Господин комиссар, — сказал пристав, — следуйте за нами.

— Что это значит?

— У нас приказ немедленно доставить вас к господину Ленуару.

Николя постарался скрыть свое изумление.

— Полагаю, вы позволите мне расплатиться за покупки, — не задавая вопросов, произнес он.

Выйдя из лавки, он в сопровождении обоих приставов сел в фиакр. Стекла были подняты, шторы задвинуты, и в спертом воздухе кузова быстро распространился тошнотворный запах немых тел. Надвинув на лоб треуголку, Николя принялся соображать, что могло произойти, ибо его задержание более всего походило на арест. Он слишком хорошо знал приемы и привычки власти, исполнителем которой являлся вот уже много лет. Он провел не одно расследование и был посвящен во множество тайн, так что причину для ареста вряд ли пришлось долго искать. И что теперь его ожидает? Ссылка в провинцию? Но он слишком незначительная фигура, чтобы удостоиться подобной чести. Вероятнее всего, его заключат в какую-нибудь тюрьму на основании письма с печатью, предварительно разъяснив причины его заточения. Интересно, какие основания они выдвинут? Хотя... Он усмехнулся, и оба сопровождающих взглянули на него с изумлением. Скольких людей отправили в тюрьму, не предъявив им обвинения и не разъяснив причин их ареста! Так что он не первый и не последний. Главное — сохранить хладнокровие; впрочем, ждать осталось недолго: скоро он узнает, что приготовила ему судьба.

Пока он ждал в прихожей перед кабинетом начальника полиции, оба цербера не отступали от него ни на шаг. Неожиданно дверь отворилась, и он увидел дружелюбное лицо старого лакея. Лакей пригласил Николя войти, а когда тот проходил мимо, шепнул ему на ухо:

— Он сам ничего не знает!

Слова старика явно относились к Ленуару. Чего не знает его нынешний начальник, и о чем он должен знать? Начальник полиции писал и при появлении Николя даже не поднял головы. Только когда комиссар подошел к столу, тот, наконец, оторвался от своей работы.

— Я вам признателен, господин комиссар, — произнес он, — что вы без промедления исполнили мой приказ.

— В сопровождении двух приставов было бы трудно не исполнить его, сударь. Меня сопровождал почетный караул!

— Полагаю, — бесстрастно изрек Ленуар, — они превысили полученные инструкции.

— Они нашли меня, а это главное. Наша полиция оказалась на высоте, впрочем, как всегда.

Выпрямившись, Ленуар скрестил на груди руки.

— Мне поручили пригласить вас...

Он запнулся, видимо, подыскивал подходящее слово.

— Пригласить вас... скажем... немедленно пригласить в особняк Сен-Флорантен. Господин герцог де Ла Врийер, министр Королевского дома, просит вас приехать.

Казалось, он сам удивлялся своим словам.

— Надеюсь, — продолжил он, — у герцога нет особых оснований жаловаться на вас. Вот уже три месяца, как вы не принимаете участия в расследованиях. Хотя, не обладая привычкой к дисциплине, о чем я уже выражал свое сожаление во время нашей первой встречи, вы, возможно, ухитрились самостоятельно ввязаться в какое-либо дело.

— Нет, сударь, — ответил Николя, — я подчинился вашим требованиям и скрупулезно их исполнил. Я ничего не делал, наслаждался отдыхом и охотился. Вместе с его величеством.

Тон его был настолько ироничен, что Ленуар не сумел скрыть своего раздражения.

— Поезжайте немедленно и подробно докладывайте мне обо всем, что может интересовать службу короля.

— Не премину исполнить ваш приказ, — ответил Николя. — Надеюсь, вы позволите воспользоваться фиакром, который привез меня сюда.

Поставив, таким образом, точку в разговоре, Николя кивнул и вышел из кабинета. Под изумленными взорами приставов он сбежал с лестницы и прыгнул в экипаж. «Итак, новое дело не заставило себя ждать», — подумал он. Интуиция подсказывала ему, что герцогу де Ла Врийеру понадобится его помощь.

II

ОСОБНЯК СЕН-ФЛОРАНТЕН

Шума не было, но не было и тишины — царило молчание, исполненное великого страха и великого гнева.

Тацит (пер. Г. С. Кнабе)

Словно всадник, которому требуется собраться перед преодолением препятствия, Николя решил устроить себе передышку, пока предстоящие события не вовлекли его в свой водоворот. Он велел довести его до площади Людовика XV и там, усевшись на каменную тумбу, принялся осматривать архитектурный ансамбль, именуемый особняком Сен-Флорантен, где судьба решила назначить ему встречу. После того, как о нем забыли на целых три месяца, его вполне могут подождать еще несколько минут. Любуясь классическим декором здания, гармонично сочетавшимся с роскошными фасадами Мебельных складов, он вспомнил трагическую ночь 1770 года. Перед глазами немедленно встали картины раздавленных тел и охваченной огнем площади Людовика XV с высившейся посередине статуей короля, бесстрастно взиравшей на паническое бегство людей, спасавшихся от пожара, вызванного неудачно пущенным фейерверком^[8]. Фасад особняка Сен-Флорантен смотрел на маленькую площадь; с одной стороны въезд на площадь преграждал фонтан, с другой открывался проход в сады Тюильри. Два высоких благородных этажа с узкой балюстрадой под кровлей венчал лепной щит с оружием и две декоративные вазы. На улицу Сен-Флорантен выходил стройный портик, украшенный гербом хозяина, который поддерживали два мифологических божества. На четырехчастном гербовом щите разместились по диагонали два лазоревых поля, усеянных

золотыми пятилистниками с горностаями рода Фелипо, и два желтых поля с тремя зелеными колотушками.

Зная Сен-Флорантена, нынешнего герцога де Ла Врийера, с первых шагов своей работы в полиции, Николя часто задавался вопросом, в чем секрет его потрясающей карьеры, начавшейся пятьдесят лет назад в королевских советах и выстроенной исключительно на безоговорочной личной преданности Людовику XV. Ни в городе, ни при дворе министра не любили. Завидуя его влиянию, злословили о его слабодушии и застенчивости. Его имя олицетворяли с произволом и «письмами с печатью». Мадам Виктуар считала его глупцом, другие, напротив, подчеркивали его покладистый характер и умение находить компромиссы, не умаляющие авторитет трона. Он неоднократно изъявлял Николя свое благоволение, однако последнее дело, куда оказался замешанным кузен Ла Врийера, герцог д'Эгийон, похоже, настроило его против комиссара.

Николя перевел взор на дом, чьи размеры и благородные формы соответствовали, скорее, небольшому дворцу, позволяя судить о высоком положении его владельца. Он вспомнил слухи относительно сомнительного морального облика министра. Живя в Париже, герцог вел распутный образ жизни, окружал себя продажными женщинами и забросил собственную жену ради любовницы, Мари-Мадлен де Кюзак, маркизы де Ланжак, благоговейно именуемой им «прекрасной Аглаей». Придворные сплетники утверждали, что эта женщина спекулировала влиянием своего любовника и торговала «письмами с печатью». И, похоже, они не ошибались. Герцог пристроил всех детей «прекрасной Аглаи», происхождение которых было более чем сомнительно. После смерти Людовика XV новый монарх стал вводить моду на пристойные нравы, и герцогу пришлось отказаться от встреч с красоткой. Однако она продолжала появляться в обществе, стала причиной дуэли и даже нанесла оскорбление суду. В конце концов ей приказали не приближаться ко двору ближе чем на пятьдесят лье, и она удалилась к себе в поместье близ Кана. Вынужденная разлука сильно подорвала здоровье ее любовника.

Николя направил свои стопы в особняк. Внушительного вида швейцар, весь в серебре, встретил его весьма надменно, однако, услышав его имя и звание магистрата, заметно потеплел. Его провели через парадный двор, затем, преодолев несколько ступенек крыльца, он прошел в вестибюль, где его ожидал следующий лакей. У нескольких попавшихся по дороге ему на глаза слуг вид был крайне сосредоточенный: никто из них даже не посмотрел в его сторону. Поднимаясь по парадной лестнице, он любовался живописными аллегориями благоразумия и силы. На втором этаже его провели через анфиладу прихожих и вывели непосредственно к рабочему кабинету министра. Лакей тихонько постучал в дверь; в ответ раздался знакомый голос. Открыв дверь, лакей пропустил вперед гостя и моментально исчез. В сером фраке и без парика, герцог де Ла Врийер полулежал в кресле возле большого мраморного камина. Со времени их последней встречи он очень изменился: похудел, сгорбился, щеки запали. От маленького круглого человечка, которого некогда знал Николя, не осталось ничего.

— О-о, вот и наш дорогой Ранрей, — брюзжащим тоном произнес Ла Врийер, глядя куда-то в сторону. — Однако, сегодня холодно.

Он вздохнул, словно прозвище Николя вызвало из небытия призрак покойного короля, единственного человека, которого он по-настоящему любил. Разумеется, помимо «прекрасной Аглаи». Николя подумал, что начало разговора складывается лучше, чем он ожидал.

— Сударь, — произнес министр, — я всегда ценил вас. Понимаю, вы имели основание полагать, что вас... что вы... что вы перестали пользоваться моим доверием. Но это совершеннейшее заблуждение с вашей стороны.

— Я не только полагаю, сударь, — ответил Николя, — я убежден, хотя и не могу объяснить, почему. Впрочем, это сделали за меня, о чем мне и сообщили.

— Погодите, погодите... Ленуар? Наверняка это он, больше некому. Одно мое слово рассеет его заблуждения. Мы не можем долго обходиться без ваших услуг. За многие годы Сартин убедил меня в этом. Сегодня вы снова мне нужны.

Николя не ошибся: его ожидало очередное расследование.

— Сударь, я к вашим услугам.

Подняв руку в серой шелковой перчатке, министр с сухим треском ударил по ручке кресла, встал, и через минуту перед Николя вновь стоял тот самый министр, которого он когда-то знал, министр покладистый и властный.

— К делу, к делу. Вчера я был в Версале. Рано утром я вернулся и обнаружил, что в доме все стоит вверх дном. Одним словом, сударь, убили моего дворецкого.

Он раздраженно потрянул головой.

— Нет, я ошибся! Убили одну из горничных моей жены, а дворецкого нашли раненым, без сознания, и рядом валялся нож. Все говорит о том, что, убив девушку, он решил покарать себя и попытаться совершить самоубийство.

— Какие меры были предприняты? — заинтересованным тоном спросил Николя.

В нем снова пробудился опытный сыщик, который не любил, когда за него делали заключения, тем более поспешные.

— Как это вы сказали?.. Вы сказали «меры»?.. Меры? Да, конечно, меры... Я запретил касаться тела служанки. Дворецкого, по-прежнему без сознания, перенесли к нему в комнату на антресолях. Сейчас у него врач. А в кухню, где, собственно, и случилась драма, я запретил ходить и, ожидая вас, на всякий случай приказал запереть дверь.

— Вы знаете жертву?

Герцог скривился, словно его сейчас стошнит.

— Какая-то горничная! Ее совсем недавно приняли на службу в мой дом. Откуда я могу ее знать? Я даже имени ее не знаю.

Николя давно заметил, что на слуг часто взирали как на мебель. Многие хозяева считали слуг некими инструментами, работу которых они оплачивают, а потому вправе не запоминать их имена.

— Сударь, — произнес Николя, — убийство произошло в вашем доме, что, как вы понимаете, усугубляет тяжесть преступления. Могу я требовать передачи этого дела под мой полный контроль? Никакого вмешательства, никаких посторонних, право допрашивать всех обитателей вашего дома, причем, подчеркиваю, — именно всех, а также право в любое время входить в любые помещения и проводить в них обыск.

— Ну, разумеется, разумеется, — обреченно согласился герцог. — Придется через это пройти. Сартин предупреждал меня, что иногда вы бываете совершенно несносны.

— Речь идет не о моих причудах, а о пользе дела. Но это еще не все, сударь. Я хочу, чтобы мне помогал Бурдо. Надеюсь, вы согласитесь с его кандидатурой.

— Я уже где-то слышал это имя. Это ведь один из наших приставов?

— Один из наших инспекторов, сударь.

— Вспомнил, — воскликнул Ла Врийер, хлопнув себя по лбу, — это ваш верный помощник. Мне нравятся верные люди. Само собой разумеется. Я согласен.

— А господин Ленуар?

— Это мое дело. Я помирю вас с ним. Ему сообщат, что я поручил вам особое расследование и теперь вы подчиняетесь только мне. Происшествие чрезвычайное, а потому необходимо соблюдать полнейшую секретность. Начальник полиции получит распоряжение удовлетворять все ваши запросы, особенно если вам понадобятся помощь и поддержка, а они, скорее всего, вам понадобятся. Уверен, в этом деле, как и во многих других, мы проявите

рвение и добьетесь результата. На антресолях вам отвели рабочий кабинет, слугам приказано слушаться вас во всем. Вашим проводником по дому станет мой лакей Прованс. Ему можно доверять, он служит мне уже двадцать лет. Итак, приступайте к работе. Ваш слуга, сударь.

Как неоднократно подмечал Николя, своим тоном министр умело дал понять, что он пребывает на высоте положения. У этого низенького человечка, не любимого придворными и не обладавшего личным авторитетом, часто — и весьма кстати! — случались приступы величия, на которое он мог претендовать только благодаря исключительному доверию монарха. Покинув кресло, герцог де Ла Врийер полностью преобразился; теперь перед Николя стоял министр при исполнении, озабоченный делами государства и поддержанием порядка. Понимая, что основные вопросы решены, Николя откланялся. Ожидавший возле дверей кабинета лакей попросил его проследовать за ним.

Проделав прежний путь, они спустились этажом ниже, в большой зал, за которым тянулась анфилада прихожих. В третьей прихожей лакей указал ему на дверь справа, ведущую в просторный кабинет, расположенный, как показалось Николя, под рабочим кабинетом министра. Лакей вышел и закрыл за собой дверь, В камине из белого мрамора ровно горел огонь, на каминной полке стоял бюст Людовика XV. Николя постоял и, отогнав нахлынувшие на него воспоминания, сел за небольшой, сверкавший лаком и бронзой, рабочий стол. Обозрев разложенные на столе бумагу, перья, чернильницу и свинцовые карандаши, он вытащил из кармана черную записную книжку, свой неизменный инструмент сыщика. Лихорадочное возбуждение, сродни азарту охотника, когда тот, напав на след, галопом мчится по зарослям Компьенского леса, захлестнуло его гигантской волной. Ум сконцентрировался на предстоящем расследовании, логика и интуиция пробудились и приготовились к работе.

Из любопытства он прошел в гостиную, а затем в роскошно обставленную спальню. Рядом со спальней размещалась ванная комната и туалет, оборудованный на английский манер; такие удобства он видел только в Лондоне. Вернувшись в кабинет, он позвонил. Вошел лакей лет пятидесяти, в сером парике и с бесцветными глазами на тусклом морщинистом лице, поражавшем своей обыденностью. Перегруженная серебряным шитьем ливрея болталась на его тощем теле.

— Как вас зовут, друг мой? — спросил Николя.

Лакей избегал его взгляда.

— Прованс, господин комиссар.

— Как ваше настоящее имя?

— Шарль Бибар.

— Где вы родились?

— В Париже, в 1725 или в 1726 году.

Значит, с возрастом он не ошибся.

— А почему Прованс?

— Так звали моего предшественника. Отец нынешнего хозяина, к которому меня приставили, не захотел менять своих привычек.

— Хорошо. Не могли бы вы мне рассказать, что случилось сегодня утром в доме?

— Честно говоря, я мало что знаю. Я находился в хозяйских апартаментах, ожидая, когда господин вернется из Версаля. Неожиданно, часов около семи, раздались крики и голоса, призывавшие на помощь.

— Где конкретно вы в это время находились?

— В спальне. Я немедленно спустился на первый этаж. Помощник повара, в чьи обязанности входит отпирать по утрам кухню, вопил от ужаса и размахивал руками.

— Он был один?

Николя отметил, что лакей на минуту заколебался.

— Ну, этот малый так суетился... кажется, там еще был швейцар. Да, точно, я его видел, он как раз застегивал последнюю пуговицу на ливрее.

— И что произошло в тот момент?

— Жак, Жак Деспиар, помощник повара, нес такую чушь, что никто ничего не мог понять. Он дергался словно одержимый. Появился привратник, с его помощью мы успокоили поваренка, привратник остался его сторожить, а мы спустились в кухню.

— Следовательно, дверь была открыта?

— Да, раз Жак оттуда выбежал. Ключ еще торчал в замке; дверь находится в конце коридора.

— И что вы увидели?

Николя весь напрягся. Опыт подсказывал ему, что первые показания свидетелей часто оказывались наиболее точными.

— Было темно, а помощник повара уронил подсвечник. Мы отправились за свечами и зажгли их. В первом помещении кухни мы обнаружили кровавые следы, а в зале, где готовят жаркое, нашли господина Миссери. Вытянувшись, он лежал в лужи крови, уткнувшись лицом в пол. Подбежав к нему, я увидел, что рядом с ним валяется кухонный нож.

— Как располагалась голова?

— Правая щека прижата к полу.

— А нож?

— Лежал справа. Дворецкий еще дышал, поэтому мы отправились за помощью. А выходя из кухни, швейцар обернулся и увидел, как, на коленях, привалившись к рабочему столу, стоит молодая женщина. Подумать только, ему показалось, что голова ее лежит на столе отдельно от туловища! Ох, сударь, ужасная рана, можно сказать, словно свинью зарезали и выпустили всю кровь.

— А потом?

— Мы отнесли Жана Миссери на антресоли, к нему в комнату.

— То есть на тот этаж, где мы сейчас находимся?

— Да, господин комиссар, только с другой стороны коридора. Там находятся подсобные помещения, бельевая, комната швейцара и привратника. Привратник отправился за врачом на улицу Сент-Оноре. В это время прибыл господин, спустился в кухню и взял дело в свои руки.

— Один?

— Да. Потом он потребовал ключ, который я вытащил из двери, и запер дверь на два оборота. Вот этот ключ, он велел мне передать его вам.

Николя давно убедился, что нерешительный характер министра не исключал способности принимать быстрые решения и обращать внимание на мелочи. Лакей протянул ему конверт из плотной бумаги, запечатанный гербом Сен-Флорантенгов.

— Что сказал врач?

— Что он поправится. Он перевязал рану на боку, предписал раненому полный покой, попросил подежурить возле него и обещал зайти попозже.

— Немного позже мы продолжим нашу беседу, на сегодня вашего рассказа мне вполне достаточно. Теперь проводите меня на кухню.

Выходя из комнаты, Николя отметил, что подошвы башмаков Прованса и сами башмаки сверкали чистотой. Вспомнив шутовское замечание Семакгюса о том, что «позолоченные двери салонов охотно распахивают перед теми, у кого грязь на уме, но закрыты для тех, у кого грязь на башмаках», он решил проверить его справедливость. Лакей повел его по узкой лестнице, без сомнения, предназначенной для слуг. Чтобы не оступиться, Николя пришлось низко

наклонять голову; на одной из деревянных ступеней внимание его привлекли темные следы. Он усмехнулся: в роскошном особняке нашелся уголок, куда прислуга редко заглядывает с ведром и тряпкой. На первом этаже они прошли службы, маленькую домашнюю оранжерею и двинулись дальше по коридору, который, расширяясь, привел их к расположенному по левую сторону выходу во двор особняка; дверь справа вела в просторную кухню. Николя открыл конверт и извлек из него тяжелый ключ. Не забыть бы проверить, есть ли у этого ключа дубликаты. Опытный сыщик всегда заботится о мелочах, ибо именно мелочи чаще всего указывают на истинную причину преступления. Повернув ключ в замке, он открыл дверь и вошел в кухню; свет в нее проникал из широких отдушин под потолком.

— Вот, собственно, кухня, — вымолвил Прованс, направляясь к следующему помещению. — А там, где жарят, там и...

Николя не дал ему завершить фразу; повернувшись, он с улыбкой на устах произнес:

— Благодарю, теперь я хочу остаться один. Но прежде я попрошу вас об одной услуге: не отнесете ли вы записку в Гран Шатле? Передайте ее в дежурную часть, где обычно собираются комиссары и инспекторы.

Вывав листок из записной книжки, он прижал его к стене и свинцовым карандашом наспех набросал послание для инспектора Бурдо, где просил его без промедления прибыть в особняк Сен-Флорантен вместе с полицейской телегой и всем необходимым для перевозки трупа. Он знал, что его помощник каждое утро заходит в здание старинной тюрьмы в надежде получить какое-нибудь задание. Порывшись в карманах, он отыскал облатку для наложения печатей и запечатал ею письмо, а во избежание нескромных попыток проникнуть в его содержание поставил сверху свой росчерк. Поняв, что место преступления будут осматривать без него, лакей с унылой физиономией взял записку. Такое поведение показалось Николя странным: его сыщичий опыт подсказывал, что свидетели кровавых трагедий обычно стараются избегать повторного зрелища трупов. Что ж, придется взять на заметку еще и эту странность. Впрочем, подумал он, возможно, министр поручил лакею доложить, что обнаружит при осмотре полицейский комиссар.

Выложенный белыми и черными плитami пол в зале для жарки был густо запачкан кровью.словно на скотобойне после забоя очередной партии скота, подумал Николя. Однако из множества следов он не извлек ничего существенного. Впрочем, кое-что, кажется, есть: похоже, здесь тащили чье-то тело, скорее всего, раненого дворецкого Жана Миссери. Его внимание привлек валявшийся на полу нож, из тех, какие хозяйки обычно используют на кухне. Средних размеров, с единственной заклепкой посередине деревянной рукоятки, он имел лезвие немногим длиннее ладони. Витавший в помещении сладковатый металлический запах крови пробудил непрошенные воспоминания. Чтобы поскорее от них избавиться, он встал на скамеечку и оглядел место разыгравшейся трагедии.

Картина, нарисованная Провансом, оказалась точной. Тело молодой женщины, согбенное, словно перед смертью она преклонила колени, привалилось к кухонному столу. Голова жертвы покоилась на столешнице, повернутая под совершенно немыслимым углом к телу, из коего, похоже, вытекла вся кровь, и теперь ее темная масса обильно покрывала пол вокруг трупа. Он отметил неуместную в этих условиях деталь: две белые, словно слоновая кость, ступни жертвы, как нарочно, не запятнанные кровью. В нескольких шагах от трупа девушки растекалась еще одна темная лужа. Он без особого труда догадался, что кровавые лужи имели разное происхождение, а точнее, вытекли из двух жертв. Струившиеся поначалу отдельно, оба потока постепенно слились в единое озеро; кстати, неплохо было бы выяснить, в какое время они соединились. Он снова попытался разобраться в хаосе отпечатков, но ничего, кроме бессмысленного топтания, не обнаружил. Тогда он принялся рассматривать убиенную горничную.

На молодой женщине были надеты юбка, кофта и завязанный бантом на талии передник с нагрудником, отличительный признак горничных. Высоко зачесанные и забранные в узел волосы открывали узкий, почти детский затылок. Соскользнувший с головы кружевной чепчик плавал в луже крови. Николя с изумлением воззрился на пару хорошеньких туфель без задников, валявшихся в нескольких шагах от тела. Роскошные туфельки, явно очень дорогие, никак не по карману девушке, проживавшей в услужении. Спустившись со скамеечки, он подошел поближе, пытаясь обуздать обуревавшие его противоречивые чувства: нежелание прикасаться к трупу и жалость к убитому человеческому существу. Понимая, что придется самому оценивать состояние тела и определять время смерти, он потянулся за часами и обнаружил, что забыл их на улице Монмартр. Прежде он всегда заботился о соблюдении точности во времени, но с тех пор, как ему стало некуда спешить, он отвык постоянно смотреть на часы и перестал носить их с собой. Тем не менее надо попробовать вычислить момент смерти хотя бы приблизительно. Он вышел из дома Ноблекура около девяти утра, часа два у него заняли покупки, потом он позволил себе побродить по лавкам букинистов и полистать книги. Когда приставы прервали его занятие, скорее всего, уже пробило полдень. Путь до улицы Нев-Сент-Антуан, пролежавший по лабиринту узких улочек, оказался довольно долгим, и он вошел в кабинет Ленуара никак не ранее половины первого. Беседа с начальником, поездка в фиакре, разговор с герцогом де Ла Врийером, потом с Провансом... Пожалуй, сейчас где-то часа два пополудни.

Он знал, что трупное окоченение происходит постепенно, признаки его также проявляются в несколько этапов. Да, не забыть принять во внимание температуру в помещении. По ночам в кухне прохладно, ибо огонь погашен, а окна открыты. На дворе октябрь, значит, ночные холода уже весьма чувствительны. В сухом и холодном воздухе окоченение держится дольше, нежели во влажном и теплом. Кроме того, установлено, что при внезапной смерти, с каковой, похоже, он сейчас столкнулся, признаки окоченения появляются позднее, нежели в иных случаях. Перевернув тело и убедившись, что процесс окоченения начался, он решил, что смерть наступила между десятью часами и полночью.

Склонившись над трупом, он принялся рассматривать ужасную рану у основания шеи. Похоже, кто-то с силой воткнул деревянный клин под правое ухо жертвы и, разорвав кожу, глубоко вдавил внутрь мышечные ткани. В глубине раны виднелся кусок кружев от рубашки. Жизнь вытекла из несчастной вместе с кровью. Глаза жертвы утратили цвет, роговица помутнела, оболочки покрылись желто-бурыми пятнами. Глядя на лицо, отмеченное печатью смерти, он содрогнулся: лоб посерел, нос заострился, челюсть отвисла, губы оттопырились, сухая и бледная кожа натянулась, придав лицу выражение растерянности и изумления. Порывшись в карманах передника и юбки, он нашел носовой платок и тонкую металлическую цепочку с крестиком; цепочка порвалась и, выскользнув у него из рук, исчезла в складках платья.

Оставалось дожидаться, когда придут носилки, вынести останки из подвала и отвезти их в мертвецкую, где их подвергнут вскрытию. Не исключено, что результаты вскрытия направят следствие по новому пути. А пока он решил произвести небольшое деликатное расследование. Раз невозможно ничего извлечь из окружающей труп грязной кровавой жижи, значит, надобно изучить окрестности, где кровавые следы, без сомнения, разойдутся в разные стороны, и он сможет проследить, куда они приведут. Следы покрывали пол сплошным ковром: слуги натоптали во всех помещениях кухни. Впрочем, ничего удивительного, ведь они сбежались на помощь раненому дворецкому, а потом относили его к нему в комнату. В шкафу он нашел несколько ножей, как две капли воды похожих на нож, оброненный рядом с телом дворецкого. Интересно, нож взяли на кухне или убийца принес его с собой? Как и следует в хорошем доме, во всех кухонных помещениях царила образцовая чистота, о чем свидетельствовала начищенная до блеска утварь. Уборку здесь явно проводили тщательно и ежедневно, быть может, даже делали перепись утвари... Эта мысль потянула за собой следующую, на его взгляд,

бесспорную: рана на шее молодой женщины, широкая, глубокая, с рваными краями, не могла быть нанесена кухонным ножом с деревянной ручкой. Чтобы понять, как был ранен Жан Миссери и не воспользовался ли преступник тем же самым орудием, каким он ударил горничную, следовало осмотреть рану дворецкого. В зависимости от результатов осмотра расследование вполне может обрести новый поворот.

Он вернулся к следам на полу. Отпечатки, обнаруженные им на внутренней лестнице, соединявшей антресоли с первым этажом, не давали ему покоя. Встав на цыпочки, он пошел по следам, стараясь обходить запачканные места, чтобы не добавлять к имевшимся отпечаткам свои собственные. Бурая дорожка привела его в проход, ведущий во двор. Пересекая незапятнанный участок, он снял башмаки. Ни в прачечной, ни в прилегавшем к ней дворике он не обнаружил ничего подозрительного, равно как и на лестнице, ведущей в погреба. Тогда он решил еще раз проделать путь, пройденный им вместе с Провансом, иначе говоря, дойти до внутренней лестницы. Найдя в оранжерее лейку с водой, он тщательно вымыл подошвы своих башмаков. На лестнице он опустился на колени и убедился, что кровавые следы успели почернеть. Добравшись до антресолей, он засомневался, надо ли продолжать изыскания на втором этаже, где находятся апартаменты министра. Хотя, собственно, он ничем не рискует. Вряд ли его упрекнут в нескромности, да и след наверняка окажется ложным. Обнаруживший труп Прованс мог подниматься по этой лестнице, наследить, а потом, заметив, что у него запачкались башмаки, сменить их или вымыть. Пока он обдумывал эту гипотезу, внутренний голос нашептывал ему, что он совершенно прав в своем упорстве и надобно слушать интуицию, которой он, наряду с разумом, уже много лет руководствовался в своей работе.

Отпечатки становились все менее четкими. Но Николя знал, что следы крови, субстанции жирной и липкой, необычайно въедливы. Следы привели его в маленькую комнату, скудно обставленную двумя банкетками, обтянутыми вытертым красным бархатом; напротив обшитой панелями стены высилась стопка поленьев. Попастъ в апартаменты герцога де Ла Врийера отсюда явно не было возможности; вероятнее всего, комнатка располагалась на пути к чердачному этажу здания, где в богатых домах обычно устраивали комнаты для прислуги или дополнительные хранилища. Обнаружив в углу огарок свечи, он зажег его и продолжил осмотр лестницы. Но напрасно он склонялся, едва не упираясь носом, над дубовыми ступенями: на лестнице следов больше не было. Они нашлись на полу упомянутой выше комнатки; цепочка следов тянулась к французскому окну; когда он подошел к нему, на него обрушилась волна ледяного воздуха, и он поежился от холода.

Как случилось, что окно оказалось открытым? Кто забыл опустить ручку щеколды? Он широко распахнул створки, и в лицо ему ударил порыв ветра. Окно выходило на огражденный перилами балкон, с видом на улицу Сен-Флорантен. Когда он увидел на каменном полу кровавые следы, сердце его сильно забило. Следы вели за угол здания, в направлении портала главного входа; проследовав за ними, он перегнулся через балюстраду. Там его ждал новый сюрприз: темная пунктирная линия бежала по узкому стенному карнизу, покоившемуся на украшавших фасад колоннах. Он решил спуститься и посмотреть, куда они приведут его. К счастью, в отличие от своего друга Семакюса, головокружение ему не грозило. Во время кругосветных плаваний на королевских кораблях Семакюс ни разу не вскарабкался на мачту. Впрочем, как говорил он, смеясь, его обязанности хирурга редко требовали от него подобного рода упражнений. Николя боялся закрытых помещений и тесных комнат; высота же не пугала его; к тому же он был ловок как кошка. Прижавшись спиной к стене и не отрывая подошв от карниза, он двинулся вперед и вскоре добрался до портала. Стоило ему поставить ноги на выступающий край крыши, в грудь ему ударил порыв ветра, и от неожиданности он чуть не потерял равновесие. Чтобы снова почувствовать себя уверенно, он, откинув назад голову, отступил и прижался к стене. Обретя равновесие, он, придерживаясь за верхний карниз, ступил на карниз портала. Там следы исчезали. Он осторожно лег на козырек крыши и, придвинувшись к краю, заглянул вниз. Вглядываясь во мрак, он сообразил, что если аккуратно

сесть на край, придерживаясь за всевозможные выступы и обхватив ногами колонну, можно спуститься вниз; а если перебраться на железную ограду, оттуда и вовсе можно прыгнуть на улицу. Конечно, для взрослого человека такая эскапада представляла определенный риск, но мальчишка мог исполнить ее с легкостью. Николя не отважился довести эксперимент до конца, ибо, насколько мог видеть, покрытая слоем грязи мостовая вряд ли могла сообщить ему какие-нибудь дополнительные сведения.

Следовательно, неизвестный покинул место преступления по внутренней лестнице, добрался до второго этажа, открыл французское окно и, словно акробат, ускользнул по карнизу. Такой поступок наводил сразу на несколько мыслей: во-первых, неизвестный прекрасно знал, как устроен дом; во-вторых, бегство произошло глубокой ночью, когда риск быть застигнутым на месте преступления наименьший; а главное, преступник молод, и это позволило ему проделать достаточно сложные акробатические этюды, не свалившись вниз и не напоровшись на острые копыа ограды. Сделанные им выводы противоречили первой гипотезе, согласно которой виновником преступления являлся дворецкий, попытавшийся потом убить себя.

Добравшись до балкона, Николя хотел вернуться в комнату, но обнаружил, что за время его отсутствия кто-то успел закрыть окно изнутри. Необходимо срочно убедиться, сделано это нарочно или случайно. Второпях он было решил проделать опасный путь неизвестного акробата, но быстро от него отказался; не хватало ему еще расшибиться о камни мостовой! Он не мог так рисковать. Продвинувшись дальше по карнизу, он осторожно заглянул в другое окно. В комнате, напоминавшей будуар, в задумчивой позе сидел герцог де Ла Врийер. Для Николя открывались две возможности: либо разбить стекло в первом окне, либо дать знать о себе герцогу наиболее логичным способом, а именно постучав в окно. Ему пришлось стучать довольно долго, пока, наконец, министр не обратил на него внимания и не открыл окно.

— Сударь, сударь, — воскликнул герцог, — меня предупреждали, что вы имеете же обыкновение выходить через дверь, а входить через окно! Пусть так, не надо ничего объяснять! Это ваше дело.

На минуту он задумался, а потом со вздохом повернулся к большому портрету Людовика XV, где на картуше извивалась надпись, что сей портрет подарен Сен-Флорантену королем в 1756 году.

— Какой великодушный повелитель! — жалобным голосом проговорил он. — Он любил нас, действительно любил. А вы, господин маркиз, могли бы сделать карьеру...

Недоговоренная фраза повисла в воздухе.

— Он ценил ваше открытое лицо, — продолжил он через несколько секунд, — ваше редкостное умение развлекать его, но более всего ваше загадочное качество никогда и ничего не просить. Я не говорю об оказанных вами услугах, всегда сопряженных с риском; всегда деликатный, вы творили поистине чудеса и не щадили собственной жизни. Отважных и верных так мало...

Николя решил воспользоваться хорошим расположением духа министра.

— Сударь, позвольте мне задать вам один вопрос. Каково ваше мнение о Жане Миссери, вашем дворецком?

— Сказать, что он твердой рукой управлял моим домом, было бы не совсем верно, — ответил герцог. — Он служит мне пятнадцать лет, унаследовав место своего отца. На его плечи ложатся расходы по содержанию дома; он подбирает прислугу на кухню и для прочих надобностей. Слуги поступают к нему в подчинение, и он, если считает необходимым, вправе выгнать любого. В его обязанности входит договариваться с поставщиками хлеба, вина, съестных припасов, овощей и фруктов. Купив вино, он передает его виночерпию для дегустации, а тот потом докладывает дворецкому, какого вина и сколько требуется закупить. Еще дворецкий ведет переговоры с бакалейщиком, у которого приобретает сахар, свечи,

факелы, масло и еще много чего. Не могу же я все знать! Дрова, посуда, овес, сено, солома и прочие необходимые мелочи также относятся к его компетенции. Наконец — и это главное! самое главное! — он должен подбирать и обучать прислугу, которой предстоит обслуживать обеды и ужины, в том числе и очень поздние ужины, которые устраиваю я.

— Вы считаете его честным человеком?

— Я в это верю и никогда не стану контролировать какого-то слугу, даже если продажность его будет доказана. Когда ты вынужден полагаться на слуг, не стоит обременять себя подозрениями. Чтобы тебе хорошо служили, надо уметь закрывать глаза. Теперь прощайте, у меня еще есть работа.

Николя знал, что настаивать не следует. Пройдя через кабинеты и анфиладу прихожих, он вышел к парадной лестнице и направился на антресольный этаж навестить раненого дворецкого. Ему казалось, что он неплохо ориентируется в особняке, однако тут он понял, что не может попасть из одного крыла в другое, не пройдя через первый этаж. Там он довольно легко отыскал внутреннюю лестницу и по ней поднялся на антресоли. Проплутав несколько минут в темных коридорах, он, наконец, увидел открытую дверь.

За дверью находилась просторная светлая комната с бергамскими обоями на стенах и тремя большими окнами, смотревшими во внутренний двор. В камине гудело жаркое пламя; на мраморной каминной доске стояло трюмо, каждое из зеркал которого было оправлено в деревянную позолоченную раму. На кровати с пологом из красного дамаста в цветочек лежал полный человек. Его обмотанный окровавленными бинтами торс виднелся из-под стеганого хлопчатобумажного одеяла; с другой стороны из-под одеяла торчали ноги. Слева от кровати висел фрак цвета сухой листвы, панталоны до колен того же тона, белая рубашка и желтый галстук. Помимо кровати, в комнате стояли большой дубовый шкаф, столик маркетри, два кресла, обитые желтой саржей, небольшой комод и маленький столик-бюро, покрытый бумагой. Добротная мебель и расстеленный на полу турецкий ковер свидетельствовали о пристрастии хозяина к комфорту. На зачехленном стуле дремал человек в черной одежде и сером парике. Приглядевшись, Николя понял, что человек щупал пульс у Жана Миссери. Незнакомец повернул к Николя тонкое бесцветное лицо. Ему, похоже, за шестьдесят, подумал комиссар.

— Сударь, с кем имею честь?

— Комиссар Николя Ле Флок. Мне поручено вести расследование. А вы, сударь?

— Доктор Жевиглан. Меня вызвали сегодня утром, когда произошло несчастье. Молодой женщине мое искусство уже не могло помочь. Что же касается этого господина, то фортуна пожелала, чтобы лезвие ножа, скользя по ребру, не задело ни одного жизненно важного органа. Полагаю, он поправится.

— Он пришел в сознание?

— Нет, и это меня беспокоит. Его рана не настолько тяжела, чтобы надолго погрузить его в состояние беспамятства. Боюсь, причина здесь в ином. Удар при падении или воспаление оболочек мозга. Как это лечить? Наша наука только учится бороться с подобными симптомами.

Николя с удовольствием слушал речь доктора. Он был рад, что тот не подражал надменным педантам, каковыми часто являлись его собраты, и не пытался ввести его в заблуждение. С достойной похвалы простотой и скромностью он говорил о непознанных болезнях, которые ему приходилось выявлять и лечить.

— Могу я посмотреть на рану?

— Безусловно. Вы увидите, что кровотечение почти прекратилось и рана чистая. Слегка приподнимите повязку. Вот, смотрите, все чисто.

Комиссар склонился над распростертым телом.

Порез со скошенными краями рассекал брюшную стенку в области подреберья. «Ничего общего с зияющей дырой на затылке горничной», — подумал он. Кухонный нож прекрасно подходил в качестве орудия, которым порезали дворецкого.

Для очистки совести он все же задал вопрос. Ответ доктора не удивил его.

— Совершенно очевидно, что такую рану легко нанести кухонным ножом соответствующего размера.

— А что вы скажете о ране молодой женщины?

— Вам, дорогой, надобно найти пробку, способную заткнуть ту дыру!

— Мне надо задать вам еще один вопрос доктор, и прошу нас честно на него ответить, — продолжил Николая. — Исходя из характера повреждения вашего пациента, можете ли вы сказать, что господин Миссери покушался на самоубийство, как некоторые свидетели пытаются меня в этом убедить?

Собеседник с сомнением покачал головой.

— Люди часто говорят то, чего не знают. Хочу обратить наше внимание на одно важное обстоятельство, хотя, возможно, вам оно и покажется незначительным: разве человек, замышляющий самоубийство, станет наносить себе удар справа, рискуя повредить печень и скончаться в страшных мучениях? Выбор смерти при помощи клинка предполагает удар в сердце, а следовательно, в левую часть груди. Заметьте, у меня нет оснований поддерживать ту или иную гипотезу. Однако представим себе, что кто-то решил убить дворецкого. Он подкрался к нему сзади и, зажав, словно тисками, левой рукой голову, правой нанес удар кинжалом. Общая ошибка, всегда совершаемая в пылу нападения. Раненый, потеряв много крови, лишился чувств, и нападавший вполне мог поверить, что его удар оказался смертелен. Но возможно, моего пациента хотели не убить, а всего лишь оставить лежать на месте преступления, дабы подозрения пали на него.

— Вы здраво рассуждаете, сударь, и мысль ваша движется в правильную сторону.

Рассуждения доктора Жевиглана полностью, слово в слово, совпадали с его собственными. Пока комиссар слушал доктора, перед ним, словно картинки в волшебном фонаре, что показывают на бульварах, изображение дворецкого, лежавшего в луже крови, сменило изображение Маргариты Пендрон, скорчившейся в кухне у разделочного стола. Неужели и она, и дворецкий явились жертвами одного преступника, того самого, чьи следы привели его к монументальному портику особняка Сен-Флорантен? Неужели преступник в темноте нанес удар двум жертвам? Тогда почему раны такие разные и, совершенно очевидно, нанесены разными орудиями? И почему одно из этих орудий найдено на полу, а другое, неизвестной природы, возможно, не будет найдено вовсе? А может, неизвестный хотел заставить их поверить в совсем иную версию? Николая яростно соображал. Кто-то сумел поставить настолько убедительный спектакль, что все в него поверили: мужчина убивает женщину, а потом себя. Он вспомнил две лужи крови на кухонном полу, разные даже на первый взгляд, и встрепенулся. Необходимо произвести вскрытие тела горничной; как обычно, он возлагал на эту процедуру большие надежды. В очистительном пламени разума лишние гипотезы исчезнут сами собой.

— Я буду вам очень признателен, сударь, — произнес Николая, — если вы предупредите меня, когда ваш пациент придет в сознание. Я немедленно пришлю пристава, дабы никто не мог к нему проникнуть. В настоящее время он является единственным подозреваемым.

— Надеюсь, господин комиссар, пристав не заставит себя ждать, ибо мне пора к другим больным. Как только дворецкий придет в сознание, об остальном можно не беспокоиться. Немного покоя, хорошая повязка, и все заручбуется как нельзя лучше.

Когда Николя спустился в просторный вестибюль первого этажа, во двор въезжали несколько экипажей. Из одного, с довольным видом потирая руки, выскочил Бурдо. За ним следовали приставы с носилками. Сбежав по ступеням, Николя шагнул навстречу помощнику.

— Черт побери, — воскликнул инспектор, — однако, высоко же мы забрались! Особняк Сен-Флорантен! Дом, живет наш министр! И, похоже, нас тут встречают с распростертыми объятиями!

— Вы, как всегда, правы, дорогой Пьер, — со смехом ответил Николя. — Без нас никак не могут обойтись, так что могу гарантировать: преступление, которое нам предстоит раскрыть, заставит нас основательно побегать.

— А с какого бока тут наш друг Ленуар?

— Боюсь, ему пришлось пойти на поводу у событий. Но мы будем послушными мальчиками и станем ему обо всем рассказывать. Никогда не следует обижать будущее.

— Что-то вы сегодня слишком снисходительны!

— От радости, что, наконец-то появилось настоящее дело.

Приказав приставам немного подождать, он увлек Бурдо к конюшням и там, вдыхая запахи конского пота и навоза, подробно рассказал ему все, что удалось узнать. Инспектор сказал, что, возможно, это всего лишь банальное убийство, и обращаться к таким опытным сыщикам, как они, означает стрелять из пушки по воробьям. Николя указал на явно неоднозначные улики, следы и прочие несообразные и вызывающие подозрения детали, поразившие его воображение. Инспектор признал, что в деле есть о чем подумать, но перспективы весьма смутные, особенно принимая во внимание место, где разыгралась драма. И, смеясь, подвел итог: черт с ними, с перспективами, лишь бы это расследование помогло им вновь оказаться в фаворе. Впрочем, удача им также не помешает. С радостью убедившись, что друг его бодр духом, Николя, стараясь не слишком грешить против истины, сообщил, что герцог де Ла Врийер сам пожелал, чтобы Бурдо работал вместе с ним. Бурдо не ответил, однако его горделивый вид говорил сам за себя. Комиссара всегда подкупали его искренность и непосредственность, за это он любил своего помощника еще больше.

Во главе целого каравана должностных лиц они отправились на кухню. Прежде чем унести тело, Николя попросил Бурдо осмотреть место преступления, в надежде, что тот свежим взглядом подметит какую-нибудь деталь, ускользнувшую от его взора. Инспектор с изумлением осмотрел рану на шее молодой женщины и тоже не смог определить ее природу. Еще он обратил внимание, что в ушах девушки вдеты маленькие сережки с гранатами. На службе горничные не носили украшений, следовательно, появилось основание полагать, что в тот вечер Маргарита Пендрон решила немного прихорошиться — видимо, чтобы отправиться на свидание к своему кавалеру... Разглядывая роскошные туфельки без задников, Бурдо высказал пожелание узнать, кто смастерил эту обувь. В остальном его наблюдения полностью совпадали с наблюдениями комиссара. В поисках предмета, которым можно нанести жуткую рану, ставшую причиной смерти горничной, инспектор перерыл всю кухню. Завершив поиски, он неожиданно устался на угол разделочного стола, затем опустился на колени и осторожно, двумя пальцами, подобрал кусочек серебряной нити и протянул ее Николя.

— Похоже, — произнес он, — эту нить выдернули из шитья. Она вам ни о чем не говорит?

— Вы правы, речь, действительно, идет о шитье. Кто-то наткнулся на плохо оструганный деревянный угол. Видите, шероховатостей тут уйма. Расшитый серебром фрак зацепился за деревянную занозу и оставил нам эту ниточку. Возможно, владелец фрака ударился, но он спешил и ничего не заметил.

Кто, по мнению Николя, всегда носил фрак, богато расшитый серебром? Покойный король, разумеется! В отчаянии обшаривая каждый закоулок своей памяти, Николя вспомнил, что герцог де Ла Врийер часто копировал наряды своего повелителя. За сегодняшнее утро он дважды разговаривал с министром, и оба раза на нем был серый фрак. Но он не помнил, как

этот фрак был расшит. Впрочем, даже если и серебряной нитью, это ничего не доказывало: герцог спускался в кухню и в суматохе мог нечаянно наткнуться на угол стола. Разумеется, все следовало проверить. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что нить не могли выдернуть из ливреи дворецкого: ее шитье отличалось иным цветом. Аккуратно положив нить между страниц своей черной записной книжечки, он опустил книжку в карман и знаком велел приставам уносить тело горничной. Потом он предложил Бурдо подняться на антресоли и продолжить допросы в его кабинете. В прихожей они встретили Прованса; тот медленно продвигался вперед, сливаясь в темноте со стенами.

— Господин Бибар, — обратился к нему Николая, — во что был одет ваш хозяин, когда сегодня утром вернулся из Версаля?

Неуловимые перемены, произошедшие в лице лакея, мог заметить только такой опытный физиогномист, как комиссар, накопивший богатый опыт изучения человеческих лиц.

— Черный плащ, а под ним черный шелковый фрак, сударь. Мы в точности соблюдаем принятый при дворе траур.

— Даже сегодня утром? Мне кажется...

— Сегодня утром, по возвращении, господин герцог переоделся. Он надел серый фрак.

— Фрак с вышивкой?

— Расшитый серебряными цветами.

— Тот самый! Видите, Бурдо, значит, я не ошибся. У покойного короля был точно такой же. В самом деле, верность министра усопшему монарху очень трогательна. Спасибо, Прованс.

Лакей поклонился; похоже, он почувствовал облегчение.

— У меня к вам еще одна просьба, — промолвил Николая. — Для начала пригласите ко мне в кабинет швейцара, привратника и кучера вашего хозяина. Я хочу допросить их в присутствии инспектора Бурдо.

В кабинете Бурдо, скрывая восхищение за нарочитой ухмылкой, принялся рассматривать обстановку. Комиссар ожидал одну из тех желчных реплик, которыми обычно сыпал его помощник; однако реплики не последовало, и он подумал, что радость от возможности вновь вернуться к любимой работе, безусловно, положительно подействовала на характер Бурдо.

— Послушайте, Николая...

Когда они оставались одни, инспектор называл его по имени.

— ...вы заметили, какое любопытное нижнее белье у нашей горничной? Только не подумайте, что я втайне склонен к либертинажу!

— Боже упаси, я слишком хорошо вас знаю! Но что вы хотите этим сказать? — удивился Николая.

— А вот что. Настают непонятные времена, и вы лучше меня знаете, что в наши дни женская порядочность имеет весьма курьезный облик. Когда красотка, прибывшая в театр или на променады, выходя из экипажа, позволяет праздному люду измерить взором длину ее ножек, никто не посмеет сказать, что она не соблюдает приличий. Показать икры считается столь естественным, что женщины не только не стараются скрыть их, но, напротив, облегчают возможность их узреть. Многие дамы из общества прикрепляют к поясу длинную ленту и с ее помощью приподнимают нижнюю юбку, оставляя ноги открытыми до щиколоток и выше.

— Я следую за вашими рассуждениями, — улыбнулся Николая, — хотя и не знаю, сколь высоко вы намерены подняться.

— Я уже остановился! И не приписывайте мне того, что я не говорил! Я лишь хочу обратить ваше внимание, что наша горничная носила панталоны, а это, как известно, признак предосудительных и беспутных нравов. Добавим сюда дорогие туфли... судите сами, куда нас это заводит.

— В процессе расследования мы, без сомнения, многое узнаем о бедной девушке. Особняк живет своим обособленным мирком. Опасливо озираясь, челядинцы борются со страстным желанием посплетничать. Сначала мы будем обречены на молчание и недоверие наших свидетелей, но потом каждый скажет свое слово, хорошее или дурное, об одних или о других. Вам известны нравы прислуги. В этом мирке, как и везде, полно ненависти, ревности, зависти и любовных связей. Перед нами плодородная нива, и наша задача собрать с нее жатву. Всему свое время, главное, сразу не напугать свидетелей.

— Полностью с вами согласен, — ответил Бурдо.

— Кстати, Пьер, велите отнести записку нашим друзьям, Семакгюсу и Сансону. Надо как можно скорее произвести вскрытие; мне не терпится узнать их мнение о происхождении этой раны. А заодно отправьте кого-нибудь из приставов охранять комнату подозреваемого.

Внезапно дверь с шумом распахнулась, и в кабинет, рывком протолкнув широченное старомодное платье с панье, ворвалась разгневанная дама преклонного возраста. Судя по ожерелью из черного гагата, украшавшему морщинистую шею, и мрачному цвету платья, она соблюдала придворный траур. Лицо ее, с нездоровой кожей, без румян и белил, покраснелось от гнева; она так яростно размахивала черным шелковым веером, что Бурдо, отшатнувшись, вжался в стену.

— Сударыня, — произнес Николя, делая некое подобие реверанса.

— Сударь, мне сказали, что вы тот самый комиссар Шатле, которому поручено расследовать ужасную смерть несчастного создания. Господи, как это могло случиться? Впрочем, о чем это я? Ах, да, сударь, вы ведете расследование. И ваше имя мне знакомо. Вы представлены покойной королеве? Нет, наверное, королевским дочерям?

— Я имел счастье оказать услугу мадам Аделаиде, и та оказала мне честь, пригласив меня на свою охоту.

— Наконец-то вспомнила! Вы тот самый дорогой Ранрей, которого высоко ценил король. Какая удача, сударь, что придется иметь дело с человеком благородной крови, хотя и... Сударь, вы непременно должны меня выслушать.

Бросив убийственный взгляд на Бурдо, она спросила:

— Кто этот господин?

— Мой помощник, инспектор Бурдо. Мое второе «я».

— Ну, раз вы так говорите! Сударь, все ужасно. Но это должно было случиться. Я давно это предчувствовала. Нельзя не понимать, что такой образ жизни до добра не доведет.

— Сударыня, могу я спросить вас, с кем имею честь?

— Как, сударь, как! Я герцогиня де Ла Врийер, и вы у меня дома.

III

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

Между слугами в доме никогда не возникает настоящей дружбы.

Лопе де Вега

Величественное заявление не слишком удивило Николя, ибо был к нему готов: в Версале он несколько раз видел эту даму, слывшую брюзгой и святошей. Однако он знал, что далеко не всему, что говорят при дворе, стоит верить: многие слухи были несправедливы и пристрастны. Ему показалось правильным занять бесстрастную и выжидательную позицию, чтобы возмущение и уязвленная гордыня, выплеснувшись наружу, не нашли бы для себя питательный источник. Вспышка гнева вполне сойдет за своего рода моральное кровопускание, подумал он с улыбкой.

— Сударыня, — поклонился он, — я к вашим услугам...

И, не давая ей перевести дух, продолжил:

— Полагаю, я правильно понял, что Маргарита Пендрон принадлежала к штату вашей прислуги. Иначе говоря, была вашей горничной.

— О! Вы все правильно поняли, сударь. Мой штат прислуги — это громко сказано. Речь идет о домашней прислуге, более того, о прислуге на черных работах. Она поступила в дом не только неведомыми мне путями, но и без моего согласия...

Николя знал, что с разговорчивыми свидетелями можно вести себя двояко: либо не позволять им отклоняться от существа вопроса, либо, наоборот, слушать, как они извергают потоки слов, надеясь выудить из них полезный мусор.

— В сущности, — проговорила герцогиня, — в этом доме я никогда рта раскрыть не могла, поэтому большинство из тех, кто мне прислуживает, выбраны на основании причин, совершенно мне неизвестных. Впрочем, я сама предпочитаю не знать подоплеку этих интриг. Ах, сударь, какое ужасное несчастье — обязанность содержать прислугу...

Николя отметил, что в этом вопросе мнение герцогини полностью совпадало с мнением ее супруга.

— Я ненавижу слуг, сударь, — продолжала она, — ненавижу их так называемое усердие, от которого одни только неприятности! Они служат кое-как и постоянно жалуются! Им никогда в голову не приходит оценить наши о них заботы. Собственно говоря, если они и прислуживают нам, то лишь потому, что Господь волею Своей ввергнул их в рабское состояние, дабы они помогали нам в наших немощах, а мы бы заботились об их благе. Честно говоря, постоянно сострадая им, мы зарабатываем для них царствие небесное, как зарабатываем его для себя теми заботами, коими мы их окружаем.

— Сударыня, — промолвил Бурдо, — эти люди обязаны вам своим спасением, а потому вполне могут считать себя привилегированным сословием.

Она смерила его таким взглядом, словно только что заметила его присутствие.

— Этот господин говорит совершенно правильно. Слуга — это, поистине, баловень фортуны. Стоит бездельнику поступить в услужение в состоятельный дом, как он тотчас в изобилии получает все необходимое для жизни. Каждый день он ест хорошую пищу и пьет вино, у него добротная одежда, чистое белье и теплая постель, где он может вволю выспаться. И все эти блага он получает только за то, что иногда оказывает нам незначительные услуги; все остальное время он предается праздности. Так как, я вас спрашиваю, они могут быть недовольны? Даже когда мы не можем их дозваться или неловкость их становится непереносимой, мы, как внушает мой исповедник, все равно должны обращаться с ними милостиво и снисходительно.

Не обращая внимания на треск сопротивляющегося панье, она рухнула в кресло и принялась раздраженно разгонять веером воздух. Воспользовавшись паузой, Николя промолвил:

— Могу я спросить, сударыня, каким образом вы узнали о событиях, случившихся сегодня ночью у вас в доме?

— Меня разбудил ужасный крик, поднявшийся около шести утра под моими окнами. Надо вам сказать, я очень плохо сплю! Впрочем, кто в такой обстановке смог бы заснуть...

Возведя очи горе, она молитвенным жестом вскинула руки, обхватив сделанную из слоновой кости рукоятку веера.

— По совету своего врача я принимаю Гофманские капли, алтейный сироп и сироп из цветов апельсинового дерева. Когда этих средств не достаточно, мне приходится употреблять нечто более сильнодействующее, а именно смесь эфира со спиртом. Но даже тогда мне удается забыться тяжелым сном только на рассвете. Поэтому, чтобы разбудить меня, надобно шуметь очень громко, как сегодня утром.

— А вы, сударыня, уверены, что шум, разбудивший вас, поднялся именно до шести часов?

— Сударь, я еще способна посмотреть на часы, висящие на стене в моей спальне.
— На улице было темно?
— Темнее темного.
— И что же произошло?
— Моя старшая горничная с безумным видом ворвалась ко мне в спальню и закричала, что в кухне случилось ужасное несчастье.
— Вы помните, что именно она сказала?
— Сударь, у меня не только прекрасное зрение, но и память. Пока я расспрашивала о причинах шума, она, запыхавшись, сообщила мне, что «это должно было случиться» и что «девица Пендрон найдена мертвой в кухне».

— И все?
— Сударь!
— Простите мою настойчивость, сударыня, но мне очень важно в мельчайших подробностях знать все, что относится к этому печальному событию. Ваша горничная упоминала о дворцеком?

— О чем вы говорите? Почему она должна была упоминать о нем?
— Потому, сударыня, что его ранили, он потерял сознание и его нашли возле тела Маргариты Пендрон. Есть подозрения, что это он убил горничную, а потом пытался убить себя.
Услышав эти слова, герцогиня де Ла Врийер удивилась, и, похоже, искренне, — если, конечно, забыть о том, что искусством скрывать свои чувства она владела в совершенстве. Николя посмотрел на часы, висевшие над камином.

— После того как старшая горничная сообщила вам об убийстве, вы видели ее еще раз?
— У нее все из рук валилось, — ответила герцогиня, — и я отправила ее отдыхать. Эти люди совсем не умеют владеть собой! Другая моя горничная спит в комнатке возле моей спальни. Когда я снова легла, я слышала, как из Версаля вернулся герцог. Его карета так грохочет! Я проснулась в полдень, и другая горничная помогла мне одеться.

— Как ее зовут?
— Жанетта.
— А дальше?
— Вы смеетесь, сударь? Неужели вы думаете, что я стану забивать себе голову именами слуг?

— Однако, сударыня, мне показалось, что имя Маргариты Пендрон вам знакомо!
— Возможно, сударь. Моя старшая горничная называла ее имя.
— А как зовут вашу старшую горничную?
— Эжени.
— Жанетта обсуждала с вами трагедию, разыгравшуюся сегодня ночью?
— Каким образом? Она же ничего не знала! Она не покидала моих апартаментов и ни с кем не виделась.

— Сударыня, могу я спросить вас, что означали слова, произнесенные вами в начале нашего разговора: «Это должно было случиться»?

Герцогиня встала и резким движением сложила веер, издавший при этом звучный щелчок. Выражение ее лица внезапно стало жестким.

— Разумеется, сударь. Я просто повторила выражение Эжени, без всякой задней мысли.

— Я в отчаянии, сударыня, что приходится нарушать законы вежливости, — не унимался Николя, — но, напомню, вы еще добавили: «Я давно это предчувствовала».

— Сударь, не настаивайте. Дома, где пренебрегают заповедями Господа, не избегут тяжести длани Его.

— Такие дома не редкость, сударыня. Неужели вы считаете, что на основании такого заявления магистрат, будь он судья или прокурор, сможет вынести приговор по делу об убийстве?

— Вы мне угрожаете? В моем собственном доме? Вы забыли, с кем говорите, сударь?

— Я всего лишь призываю вас к осмотрительности.

— Хватит. Я знаю, что мне делать.

Подхватив обеими руками юбку, она, шурша шелками, торопливым шагом покинула кабинет. Николя вздохнул. Чем выше положение человека, тем больше он пренебрегает законом и правосудием.

— Какая несговорчивая особа! — проворчал Бурдо.

— Будем к ней снисходительны, — отозвался Николя. — Вспомним, какую жизнь она ведет. Герцог отнюдь не подарок, и ей пришлось многое вытерпеть. Тем более что недомолвки ее весьма красноречивы. Интересно, связывает ли она случившуюся в доме трагедию с нынешними отношениями между слугами?

— Хотелось бы узнать, — ответил Бурдо, — что она имеет в виду, когда говорит о пренебрежении заповедями: дебоши ее мужа-министра или разврат, распри и интриги многочисленных слуг. Я не уверен, что эта знатная дама закрывает глаза на поведение прислуги. По утрам она наверняка прислушивается к болтовне служанок, пока те помогают ей совершить туалет.

— Что ж, посмотрим. А сейчас сходите за обеими горничными. Прованс вам поможет их найти. Он наверняка слоняется в коридоре где-нибудь неподалеку. Дабы в любую минуту быть к моим услугам!

Дрожа, как на морозе, Николя подошел к камину, где гудел огонь. Бурное пламя не грело, а лишь иссушало горло и при приближении обжигало бедра. Какое, однако, странное дело! Несмотря на жестокость, с которой совершено убийство, причины его, на первый взгляд, кажутся весьма банальными. Все говорило о том, что речь шла об обычных любовных шашнях между состарившимся ловеласом и юной особой. Однако целый ряд деталей не укладывался в рамки собранных показаний, на первый взгляд вроде бы дополнявших друг друга. Он чувствовал, что его хотят заставить поверить в подсунутую ему картину, где, как он подозревал, под одним слоем краски скрыли и старые царапины, и свежие. И кто этот странный беглец, разгуливавший в темноте по особняку Сен-Флорантен и оставивший свой кровавый след на карнизе портала?

Из состояния задумчивости его вывел Бурдо, явившийся в сопровождении женщины в переднике и чепчике. Взглянув на нее, Николя немедленно задался вопросом, зачем она старается выглядеть старше своих лет и скрывает свою привлекательную внешность. Видимо, в этом доме принято не пробуждать сравнений с герцогиней. Убранные под чепец волосы подчеркивали острые черты правильной формы лица с сияющей, молочного цвета кожей. Из-за тонких, словно специально поджатых губ, щеки выглядели напряженными, свидетельствуя об упрямом и волевом характере. Он попросил женщину сесть, но та, замотав головой в знак отказа, осталась стоять, положив руки на спинку кресла. День близился к концу, наступали сумерки. На лице свидетельницы играли отблески пламени, то озаряя его, то набрасывая трепещущий покров тени. Зная, насколько неловко чувствует себя в тишине свидетель, Николя подождал, пока в комнате смолкли все звуки. Но ему не удалось заметить на ее лице признаков

волнения. Только побелевшие пальцы, сжимавшие обитую гобеленом спинку кресла, свидетельствовали, что горничная все же не осталась равнодушной.

— Итак, вы Эжени, старшая горничная герцогини де Ла Врийер?

— Да, господин комиссар, Эжени Гуэ.

— Сколько вам лет? Вы замужем?

— На Сен-Мишель исполнилось тридцать. Я не замужем.

— Как долго вы здесь служите?

— Я состою на службе у госпожи с 1762 года. Тогда этот дворец еще не был построен. Я была совсем юной...

— Вы одна из тех, кто дольше всех служит в этом доме?

— Конечно. Вместе с Провансом, лакеем хозяина.

— Расскажите мне, что случилось сегодня утром.

— Я одевалась у себя в комнате, на третьем этаже, как вдруг услышала крики. Я бросилась в коридор и увидела там помощника повара, Прованса, привратника и швейцара. Они торопились в кухню. Жак, помощник повара, сказал мне, что он обнаружил там два тела: тело Маргариты, которая точно была мертва, и тело господина Миссери, который еще дышал. Решив, что шум наверняка разбудил хозяйку, я поднялась к ней, чтобы предупредить ее.

— Где находятся апартаменты вашей хозяйки?

— На втором этаже, в левом крыле особняка, а господин проживает в правом крыле.

— Хорошо. Теперь по-порядку. В котором часу вы спустились?

— Примерно в семь часов.

Она ответила сразу, не задумываясь.

— Было темно?

— Очень темно.

Николя отметил, что все, кого он успел допросить, единодушно это подчеркивали.

— И, разумеется, Прованс взял потайной фонарь, — проговорил он.

Ловушка была расставлена грубо, и он не был уверен, что женщина в нее попадет. Та на миг замерла, но быстро справилась с волнением.

— Не знаю... Кажется... Мне стало плохо от вида крови. Она была хорошо видна. Откуда взялся свет? Я не могу этого сказать.

Николя не настаивал; иначе его уловка могла быть разгадана. Упоминание о крови заинтересовало его: она имела в виду кровь, запачкавшую пол, или кровь на теле Миссери?

— Ваша хозяйка спала?

— Нет, она стояла возле кровати, разгневанная и жаждавшая узнать причины такого, как она выразилась, гвалта.

— А разве накануне она не приняла свое лекарство?

Горничная уставилась на него своими серыми глазами. Несмотря на суровый и скорбный вид она показалась Николя красивой.

— Госпожа то пьет лекарство, то не пьет, — произнесла она излишне быстро, — то помнит, что выпила его, то не помнит, и пьет вторую порцию. Кто может это знать!

— Однако она утверждает, что приняла лекарство, и, значит, шум не должен был ее разбудить. К тому же это ваша обязанность — приносить ей стакан с успокоительным. Вчера вечером вы приготовили ей снотворное?

Он сказал наугад, и доказательств у него не было никаких, но его утвердительный тон смутил ее.

— Нет... Да... В общем, все, что осталось.

Явно нащупав нечто, возможно, не имеющее отношения к делу, но, со всей очевидностью, смутившее старшую горничную герцогини, Николя попытался развить свое преимущество.

— Что это значит?

— Флаконы разбились, и я сумела собрать всего несколько капель. Я рассчитывала сегодня возобновить их запас у нашего аптекаря.

— Несколько капель микстуры?

— Нет, эфира со спиртом.

— Вы можете показать мне осколки этих флаконов?

Четко заданный вопрос предполагал не менее четкий ответ.

— Чтобы никто не поранился, я бросила их в выгребную яму, — ответила горничная. — Если бы госпожа их нашла, она бы разволновалась, а я обязана охранять ее душевное спокойствие.

К такому объяснению не придерешься. Вот сильный противник, поднаторевший в увертках и способный даже собственное смятение обратить себе на пользу, подумал Николя. И сменил тему.

— Что вы можете нам сказать о Жане Миссери?

Эжени заметно покраснела.

— Я всего лишь горничная, — ответила она, — а он дворецкий. У нас разные обязанности, а потому нам редко приходится разговаривать. Горничными командует госпожа. Однако иногда ему случалось бранить нас.

— За что?

— Как вам сказать? За махинации со свечами. Ладно бы только хозяева злоупотребляли своей властью над нами, но подчиняться тем, на кого они переложили часть своей власти, быть служанкой лакея — нет, для меня это чересчур!

Она произнесла тираду с таким пылом, что расположившийся позади нее Бурдо выразительно подмигнул Николя, желая обратить его внимание на возбужденный тон горничной.

— Что ж, не будем об этом, — промолвил Николя. — Полагаю, речь идет о привычных ссорах между слугами, что в больших домах не редкость. А жертва? Что вы о ней скажете? Она, как и вы, прислуживала вашей госпоже, и вы хорошо знали ее. Вы наверняка были подругами, ведь ваши интересы совпадали.

Эжени скорчила презрительную гримасу.

— Вольно ж вам так думать! Как я могла иметь что-либо общее с этой жеманницей из сточной канавы, чья работа заключалась в том, чтобы выносить ночные горшки и драить полы? Ее привел в дом бедняга Миссери. Одному Богу известно, как эта тварь ухитрилась с ним познакомиться. Да ее подлое происхождение на ней написано! Поверьте мне, она водила его за нос. Наверняка наобещала ему выше крыши, а он уши развесил и взял ее на работу. Она совсем ему голову задурила, а он, пользуясь доверием господина, навязал ее госпоже. Если она хотя бы честно с ним себя вела! Сами подумайте, господин комиссар! Ведь она прямо здесь, в особняке Ла Врийеров, принимала своего молодого любовника! Да еще и по ночам уходила! А госпожа требует от нас исключительно пристойного образа жизни! Но госпожа ни о чем не подозревала. Дворецкий — вдовец и вдобавок очень представительный мужчина, ну, эта драная кошка и вцепилась в него намертво! Она ни капельки его не уважала, а ведь он такой добрый, такой доверчивый!

— Итак, из ваших слов следует, что Маргарита Пендрон была любовницей Жана Миссери.

— Не следует, а была. Да вы у любого спросите. Над ним все слуги потешались. А ведь он этого не заслужил, он мог бы...

Внезапно она умолкла, видимо, сообразив, что едва не сказала лишнего.

— Мог бы что?

— Ну да ясно, что.

— Вы считаете, он способен покарать самого себя?

— Он мужчина полнокровный, быстро гневался, и часто совершенно беспричинно. Он вообще был склонен к преувеличениям.

— И последнее, — произнес Николя. — Что вы хотели сказать, когда заявили вашей хозяйке: «Это должно было случиться»?

Она вызывающе вскинула голову.

— Что дурные нравы приводят к плачевным последствиям. Так учит нас Господь.

— Похоже, в этом доме свято чтут заветы Господа, — усмехнулся Николя. — Что ж, благодарю вас.

Уходя, она толкнула Бурдо, но не сочла нужным извиниться. Сыщики переглянулись: оба перебирали в уме показания свидетельницы, пытаясь разложить их по полочкам.

— Да, девица с характером, — задумчиво произнес Николя. — Не без очарования и с великолепной кожей! Впрочем, уход ей бы не помешал.

— С таким подходом вы далеко не продвинетесь, — хмыкнул Бурдо. — Но меня не проймешь, уверен, ей палец в рот не клади. Вот что я скажу: она умеет держать себя в руках, и ненависти в ней не меньше, чем обожания. В случае необходимости сумеет выкрутиться. Ненавидит жертву и восхищается Миссери. Но тут бы не ошибиться! От восхищения до любви всего один шаг... И шаг этот, похоже, уже сделан.

— Я тоже это заметил и еще кое-какие противоречия, — отозвался Николя. — Она презирает власть дворецкого, однако поет хвалы его доброте, доверчивости и прекраснодушию. Обо всем, что она нам сейчас рассказала, мы очевидно услышим и от других, которые вдобавок нам насплетничают, какие отношения связывали старшую горничную и дворецкого. Не исключаю, что именно здесь собака и зарыта. Приведите Жанетту. Полагаю, она уже ждет в прихожей. Надеюсь, ее никто не успел предупредить.

Едва служанка шагнула в комнату, как стало ясно, что она ужасно напугана. По ее сморщившемуся личику текли слезы, и, судя по тому, как она теребила носовой платок, допрашивать ее смысла не имело.

— Дитя мое, — отеческим тоном начал Николя, — нам нужна твоя помощь. Как тебя зовут и сколько тебе лет?

— Жанетта, — прошептала девушка умирающим голосом. — Жанетта Леба. Родилась в Ивето, в Нормандии, мне семнадцать лет.

— Как долго ты здесь служишь?

— Два года, сударь. На святого Иоанна будет два.

— Сядь и ничего не бойся. Расскажи мне, что случилось.

Она озиралась по сторонам, словно затравленный зверек.

— Мне нечего сказать... Сжальтесь, сударь... Нас могут услышать.

— Хватит ребячиться! — гаркнул Бурдо.

Сделав широкий шаг, он резко распахнул сначала дверь в прихожую, а затем в гостиную.

— Видишь, — продолжил он уже менее резко, — нас никто не подслушивает. Так кто тебя напугал?

Она подняла голову и, глубоко вдохнув, словно собиралась нырнуть, заговорила.

— Никто. Просто я не привыкла. Сегодня утром я услышала шум в комнате госпожи и...

— Не торопись, не беги впереди лошади. Где ты спишь?

— На кушетке в гардеробной.

— В этой комнате есть окно?

— Да, сударь. Оно выходит на главный двор.

— Так тебя хозяйка разбудила?

Она покраснела от смущения.

— Она встала, чтобы облегчиться.

— В котором часу?

— Не знаю, было темно. Затем прибежала Эжени; она так громко кричала, что я толком ничего не поняла.

— Что ты слышала?

— Что случилось что-то ужасное. До меня долетали слова про кровь, про нож. Я так перепугалась, что зажала уши.

— А потом?

— Госпожа снова легла. А я ждала, когда она позовет меня. Это случилось в полдень.

— Скажи мне, — суровым тоном произнес Николя, — когда в спальню ворвалась Эжени, твоя хозяйка уже проснулась?

— Еще как! Я же видела ее в гардеробной. Ой, что я говорю? Я, наверное, сказала что-то плохое? Господи, защити меня! Я не хочу потерять место!

— Ты ничего не потеряешь, если скажешь нам правду. Обещаю тебе. Ты знала Маргариту?

— Разумеется, — всхлипывая, ответила девушка. — Она была со мной очень мила и любезна. Она даже хотела научить меня читать и писать. Я любила ее, хотя и не должна в этом признаваться.

— А почему?

— Госпожа и Эжени считали ее девицей дурного поведения.

— А что ты о ней думаешь?

— Думаю, что ей пришлось многое вытерпеть, но сердце у нее было доброе. А про остальное я ей не судья.

— Она доверяла тебе?

— Она говорила мне, что устала.

— От работы?

— И от работы тоже. Но в основном от неприятностей, которые причинял ей ее любовник.

— Жан Миссери?

Широко распахнув глаза от удивления, служанка задрожала.

— Нет, не он! Тот, молодой, который иногда приходил к ней по ночам.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Нет. Она называла его Ад.

— Ад? Что это значит? Ты уверена, что не ошиблась?

— Уверена.

— А дворецкий?

— О! Он... Он постоянно преследовал ее и даже...

Внезапно она задрожала всем телом, голова ее откинулась назад, все члены свела судорога. Когда-то Николя уже наблюдал конвульсии у юной девицы^[9]. Вместе с Бурдо они

уложили бедняжку на банкетку. Постепенно приступ прошел, к девушке вернулось сознание, и она с удивлением окинула взглядом склонившихся над ней мужчин.

— Дитя мое, — сказал Николя, — тебе надо отдохнуть. Успокойся, тебе ничего не грозит. Я обещал присматривать за тобой и сдержу слово. Пьер, будьте так добры, проводите ее к ней в комнату.

Оставшись один, Николя задумался. Разумеется, расследование продвигалось вперед, однако его не покидало ощущение, что с каждым шагом оно становилось все сложнее и сложнее. Пути, ведущие к истине, множились, переплетались и пересекались столь резко и неожиданно, что разум смутился и потерял след. Почему при упоминании о дворцеком у молоденькой служанки начались конвульсии? Он решил задать этот вопрос Семакгюсу, а пока попытался вспомнить их предыдущие беседы, когда они с доктором обсуждали причины, способные вызвать судороги у девушек. И еще: похоже, все женщины и девицы в особняке Сен-Флорантен неравнодушны к Жану Миссеру.

Размышления его прервал Бурдо; за инспектором робко следовал молодой человек. Прямые как пакля волосы обрамляли прыщавое лицо, лоб покрывали мелкие капельки пота. Съездившись и вцепившись в борта своей холщовой куртки, молодой человек, казалось, пытался скрыться в ней с головой.

Николя без промедления приступил к допросу.

— Вы — Жак Деспиар, помощник повара? Сколько вам лет?

— Да, сударь. Мне двадцать пять лет.

— Когда вы обнаружили тело?

— Каждое утро я отпираю кухню и развожу огонь в плитах и каминах. Чтобы был жар и ничего не дымило, требуется очень много времени. Если на кухне дым, никто там работать не станет. Я всегда начинаю с залы, где жарят, там правильный огонь развести труднее всего. Сегодня утром я, как обычно, вошел туда и сразу увидел кровь и два тела.

Бормоча что-то себе под нос, он провел рукой перед лицом, словно отгонял навязчивое видение.

— Значит, в кухне было светло?

Смутившись, подмастерье забегал глазами от одного бесстрастного лица сыщика к другому, словно ища поддержки или вдохновения.

— Вам понятен мой вопрос? — спросил Николя. — В котором часу вы открыли кухню?

— Кажется, часов в шесть.

— Согласен. Значит, было темно.

— Да, раз вы так говорите.

— Комиссар ничего не говорит, — раздался раздраженный голос Бурдо. — Это вы должны говорить, и мы будем вам весьма признательны, если вы, наконец, оживите ваши воспоминания.

— Инспектор прав, — ласково промолвил Николя. — Каким образом в шесть часов утра в это время года вы могли увидеть тело?

— Может, у вас была с собой свеча? — поинтересовался Бурдо.

— Я больше не знаю... ничего не знаю. Вы меня совсем запутали. Эта кровь... Отпустите меня!

— Успокойтесь! Мы вернемся к месту преступления, когда вы возьмете себя в руки. А теперь расскажите мне о жертве.

Глаза молодого человека заблестели сквозь слезы.

— Она была такая красивая! Она всегда находила для всех доброе слово. Какое чудовище!
— О ком вы говорите?
— Да о дворецком, об этом Миссери. Это он убил ее, он всегда к ней придирался. Хотя говорили...

— Говорили что?

— Ничего.

— Поймите, все ваши недомолвки и попытки скрыть истину приведут вас на соломенный тюфяк в тюремной камере Шатле, где, чтобы заставить вас говорить, к вам применяют иные методы. Что вы можете сказать о Миссери?

Поколебавшись, молодой человек, наконец, выдал из себя:

— Настырный как чесотка. Цеплялся ко всем и к каждому. Расставлял нам ловушки, чтобы мы туда попадались и он бы получил основание выбросить нас на улицу. Понятное дело, чтобы заменить своими людьми. Он угрожал даже господину Шарлю.

— Лакею?

— Да, господин комиссар. Шарлю Бибару. Миссери хотел донести господину, что тот перепродает свечные огарки и фитили, что остаются в доме.

— Быть может, Миссери был честным и не хотел мириться с нарушениями?

Прыщавое лицо свидетеля покраснело от возмущения.

— Это он-то честный? Да он был в сговоре со всеми поставщиками и наживался на них! Брал взятки и комиссию за каждую поставку, лишь бы округлить свою кошину, да еще и на черный день откладывал. Слово ему мало состояния жены! Мог хотя бы ее оплакать! Так нет, тут же утешился.

— Что вам известно об этом наследстве?

— То, о чем все говорят. Жена завещала ему все свое состояние, но при условии, что после смерти Миссери оно вновь вернется в ее семью. Если, разумеется, тот вновь не женится и не заведет детей.

— Благодарю вас за это уточнение. Постарайтесь точно вспомнить, что и когда вы делали сегодня утром: мы с вами еще поговорим об этом.

Парень исчез, словно за ним гнались не менее сотни чертей. Ему на смену с важным видом вошел Прованс.

— Господин комиссар, доктор просил вас передать, что господин Миссери пришел в сознание.

Николя и Бурдо поспешили за лакеем, проводившим их в противоположное крыло особняка Сен-Флорантен. Инспектор с любопытством изучал замысловатую планировку особняка. Прибыв на место, они отослали лакея. Дворецкий сидел в кровати, прислонившись спиной к подушкам; на груди его белела повязка из полос, оторванных от его рубашки. Глаза его были закрыты, голова поникла. Доктор Жевиглан одной рукой щупал ему пульс, а другой подносил к носу флакон с нюхательной солью.

— Мне сообщили, что ваш пациент пришел в сознание, — заявил Николя.

— Я тоже так думал, — ответил врач, — но, едва открыв глаза, он впал в протрацию. Похоже, просветление было кратким. Он никак не может вырваться из объятий сна.

Тут дворецкий чихнул, открыл глаза, но, ослепленный ярким светом, снова их закрыл. Зайдя в приступе кашля, он застонал и схватился за раненый бок. Постепенно дыхание его успокоилось. Тем временем Бурдо тщательно обшаривал все закоулки комнаты, а когда врач повернулся к нему спиной, он, подмигнув комиссару, взял из ящика комода несколько вещей и сунул их в карман. Воистину, инспектор — незаменимый помощник. Поймав одобрительный

взгляд Николя, Бурдо продолжил обследование. Миссери открыл глаза и с удивлением посмотрел на окружавшие его лица.

— Мне плохо, — вязким голосом произнес он.

Николя почувствовал непривычный запах, исходивший изо рта дворецкого.

— Что вы делаете у меня в комнате? — продолжил Миссери. — Что случилось?

Седая щетина на щеках старила его красивое мужское лицо с резкими выразительными чертами. Редкие волосы венцом окружали начинавшуюся ото лба лысину, благодаря которой лоб казался выше. Взгляд затравленного зверя перебегал с одного лица на другое. Казалось, дворецкий что-то судорожно вспоминал и, пытаясь себе помочь, кусал губы; видимо, рассудок еще не полностью вернулся к нему.

— Любезный, — начал доктор, — постарайтесь напрячь память. Надеюсь, вы помните, что вас нашли...

Николя сжал руку доктора, и тот сразу умолк.

— ...спящим и раненым, — продолжил Николя. — Я комиссар полиции Шатле. Можете вы нам объяснить, что произошло?

— Я не знаю, — ответил дворецкий. — Я лег очень поздно, и вот — на тебе! Кто-то напал на меня во сне?

— Сделайте над собой усилие, — проговорил Николя, — и попытайтесь подробно вспомнить все, что вы делали накануне вечером.

— Господина герцога не было дома. Он уехал в Версаль, к королю. Госпожа, как это часто с ней случается, почувствовала легкое недомогание и не стала ужинать. Около одиннадцати часов я совершил обход дома, потом поднялся к себе и лег спать.

— Вы спустились в кухню?

На лице раненого не отразилось никаких эмоций.

— У меня не было на то причин, огонь погасили еще в субботу. Поэтому я сразу направился к себе.

— С подсвечником в руках?

— Да, с тем, что сейчас стоит на бюро.

— А потом?

— Я разделся, задул свечу и лег спать.

— Свечу в подсвечнике?

— Разумеется.

— Где он стоял?

— Вон там.

И он указал на стоявший слева у изголовья небольшой столик маркетри, наполовину скрытый пологом кровати.

— А каким образом он оказался на бюро? — спросил Николя. — Вы его перенесли?

Миссери покачал головой.

— Тогда, может, вы, доктор?

— Конечно, нет.

— Продолжайте, — произнес Николя.

— Я заснул.

— К вам никто не приходил?

В ответе дворецкого он уловил едва заметное колебание.

— Никто.

— Доктор, — сказал Николя, — могу я побеседовать с вами наедине?

И, оставив раненого под присмотром Бурдо, он увлек доктора в коридор.

— Как вы считаете, его рана, которую вы оцениваете как чистую и без признаков воспаления, могла привести к большой потере крови?

— Странно, что вы задаете такой вопрос, — ответил врач. — Только что, меняя повязку, я снова осмотрел порез. Не повреждено ни одного важного кровеносного сосуда. Кровотечения не было. Хотя панталоны больного, действительно, пропитались кровью.

— Я это заметил. Но отчего он потерял сознание?

— О! Не ломайте над этим голову: многие люди от природы столь чувствительны, что падают в обморок от любого пустяка. Кто знает! Во всяком случае, наш больной, если судить по его ответам, нисколько не похож на человека, пытавшегося себя убить.

Они вернулись в комнату.

— Как случилось, сударь, что вы легли спать одетым?

Дворецкий принялся ощупывать себя, словно впервые обнаружил на себе одежду.

— Не понимаю. Вчера вечером я надел чистую и выглаженную ночную рубашку.

— Однако ее нигде нет, — заметил Бурдо.

Реплика инспектора напугала Миссери.

— Сударь, в каких отношениях состояли вы с Маргаритой Пендрон, горничной герцогини де Ла Врийер? — задал вопрос Николя.

Впервые с начала допроса Миссери резко вскинул голову, словно в нем проснулась былая ярость.

— Она была моей любовницей. Вам об этом непременно расскажут, да я этого и не отрицаю. Мне плевать, если...

Он остановился.

— Если что?

— Не знаю.

— Жан Миссери, давайте рассуждать здраво. Вы подозреваетесь в убийстве вашей любовницы, Маргариты Пендрон, и в попытке убить себя, дабы избежать справедливой кары за вышеуказанное преступление. С этой минуты вы находитесь в руках правосудия. Состояние ваше позволяет мне отдать приказ отвезти вас в королевскую тюрьму Шатле, где вы пробудете до конца следствия, после чего королевский судья по уголовным делам вынесет решение по вашему делу. Ваш арест не означает, что решение по вашему делу уже принято, однако, когда речь идет об убийстве, он является необходимой и предписанной законом мерой предосторожности. Могу вас заверить, что все будет сделано, дабы опровергнуть или подтвердить имеющиеся факты и гипотезы, на основании которых вы рискуете попасть под меч закона.

Когда дворецкий уяснил смысл торжественной речи Николя, он, заламывая руки, медленно сполз на кровать; из глаз его заструились слезы, и он, начав икать, вскоре окончательно утратил презентабельный вид.

— Бурдо, — попросил комиссар, — призовите приставов, и пусть они проводят сего господина в указанное место. Его надо связать и не спускать с него глаз.

Печальный случай с подозреваемым, повесившимся в своей камере, по-прежнему бередил память Николя. С тех пор он не только настаивал на соблюдении простейших правил, но и предпринимал дополнительные меры предосторожности. Жевиглан и Бурдо помогли Миссери одеться. Прежде чем на дворецкого надели фрак, комиссар улучил минуту и внимательно осмотрел его. Бурдо исследовал башмаки и только потом подал их дворецкому. Дежуривший у

входа в комнату пристав вызвал своих братьев, и, окружив подозреваемого плотным кольцом, они повели его в Шатле.

Николя повернулся к доктору.

— Сударь, — произнес он, — благодарю вас за помощь и крайне полезные замечания. Уверен, нам непременно понадобятся ваши показания.

— К вашим услугам, господин комиссар, и примите мои уверения в искреннем к вам расположении. Буду чрезвычайно рад, если в какой-нибудь удобный для вас день вы окажете мне честь прийти ко мне отобедать или отужинать. Я живу на улице Сент-Оноре, в доме, что окнами смотрит на монастырь капуцинов. Мы с женой будем рады включить вас в число наших постоянных гостей.

Закутавшись в плащ и поправив треуголку, доктор поклонился обоим сыщикам и вышел. Его правильные черты лица, озаренные излучающими дружелюбие карими глазами, а также изысканный в своей простоте костюм и прическа а-ля Катоган из собственных седеющих волос без малейшего намека на пудру произвели на Николя самое приятное впечатление. Когда доктор вышел, Бурдо, усмехаясь, отвесил ему вслед шутовской поклон.

— Маркиз пожинает комплименты, — бросил он. — Стоит ему заговорить, как все немедленно догадываются о его титуле, хоть он и представляется Ле Флоком. Вот и господин де Жевиглан клюнул! Попался в ваши сети.

Николя не ответил на выпад, от которого его друг не сумел удержаться. Он воспринимал Бурдо целиком, со всеми его недостатками и достоинствами, причем последние значительно преобладали над первыми. Инспектор выказывал ему искреннюю преданность и дважды спас ему жизнь. Когда потребовалось, он ради Николя без колебаний поставил под удар собственную карьеру. Вместе они оказались в немилости и вместе вынырнули из забвения, связанные друг с другом еще теснее. Откуда взялась эта неумная ревность, эта выстрадавшая горечь, порождавшие всплески язвительности, которые, судя по всему, Бурдо не умел контролировать? Малейший пустяк мог разбередить его невидимую рану. Вряд ли единственной причиной тому являлась трагическая смерть отца, разорванного кабаном во время королевской охоты. Безжалостная игра в почтение и презрение, разъедавшая общество, основанное на привилегиях, дарованных рождением, не допускала отступлений от правил. Инспектор испытывал ревность уязвленного собственника по отношению к тем, кто подпадал под природное обаяние комиссара. Внимание, которое они расточали Николя, злило инспектора, ибо он претендовал на исключительность своего звания друга. К счастью, Ноблекур, Лабурд и Семакжюс избежали его всепоглощающей ревности. Они не нарушали давних привычек, а их симпатия к инспектору укрепляла его уверенность в себе. Хотя благоразумие и подсказывало не отвечать на подобные выпады, Николя опасался, как бы регулярные вспышки желчности не подтолкнули его друга к необдуманным поступкам, с последствиями которых он не сможет справиться. Возможно, однажды он решится вскрыть нарыв и высказать другу свои опасения. Но час для объяснения еще не пробил.

— Вы видели его башмаки? — продолжил Бурдо. — Ни капли, ни малейшего следа крови. Ничего. Чистые, сверкающие.

— Может, их вычистили. Надо будет узнать.

Николя сделал помету в своей черной записной книжке, затем спросил Бурдо, который час.

— Так я и думал, уже поздно. Однако нам важно собрать все показания именно сегодня. Так что давайте поделим оставшихся свидетелей. Я пойду допрашивать швейцара, а вы поговорите с привратником. А затем встретимся и обменяемся впечатлениями.

Прованс поджидал их в темном углу коридора. У Николя снова мелькнула мысль, что он ходит за ним по пятам. Интересно, это происходит от усердия или от стремления проконтролировать каждое их движение, каждый поступок? Лакей повел их по очередному

лабиринту коридоров. Миновав бельевую, они дошли до жилых помещений, расположенных в центре здания. Указав Бурдо вход в комнату привратника, Прованс проводил комиссара до швейцарской, угловой каморки на первом этаже, расположенной непосредственно под комнатой, где жил швейцар. Высокий и сутулый швейцар сидел без парика, сверкая обширной лысиной. Завидев посетителей, он мгновенно натянул парик. Выпрямившись во весь рост, он выглядел поистине монументально. Для исполнения обязанностей швейцара владельцы богатых парижских домов всегда старались найти настоящего великана. Швейцар особняка Сен-Флорантен был так высок, что комиссару пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть его.

— Вы открывали мне двери дома, поэтому, полагаю, вам известно, кто я. Как вас зовут и сколько вам лет?

— Пьер Микет, мне почти сорок лет.

Швейцар не стал ждать вопросов.

— Вот что я могу вам рассказать. Во дворе раздался жуткий крик. Надо вам сказать, окно моей комнаты смотрит прямо на портал. Я, как обычно по утрам, подкреплялся супом. Надо вам сказать, я всегда кладу в него сухой хлеб, из тех остатков, что приносит мне помощник повара. С ними суп значительно вкусней. Так вот, раздался крик... Потом вижу, кто-то бежит. Оказалось, опять Жак. Надо вам сказать, его зовут Жак, как и привратника. Все кричали: «Убили! Убили!»

— Все?

— Прованс, Эжени, привратник и Жак.

— К этому времени уже рассвело?

— Не помню. Волнение, сами знаете. Мне кажется...

— Вы видели тело?

— Этого еще не хватало! С меня и капельки крови достаточно, чтобы рухнуть в беспамятстве.

Николя рискнул испробовать одну из своих уловок, нередко приносившую неплохие результаты.

— Вы были в нее влюблены?

Ответ последовал незамедлительно, однако не тот, которого он ожидал.

— В эту девчонку? Конечно, нет. Надо вам сказать, господин комиссар, с тех пор, как я состою на службе у господина герцога, мне удалось кое-что скопить. И мне нужен кто-нибудь посolidнее, чем эта тощая вертихвостка. Но та, другая, и знать меня не хочет. Они все грели ему постель, и та тоже, как и остальные. Мне, конечно, жаль, да и нравится она мне по-прежнему, но она обо мне и слышать не хочет.

— О ком вы говорите?

— Я говорю, что Эжени спуталась с Миссери. Конечно, она получила отставку, но в мою сторону все равно не смотрит.

Ну и история, подумал Николя. И задал следующий вопрос:

— Где вы были этой ночью?

— У себя в комнате.

Николя отправился к себе в кабинет, размышляя по дороге, стоит ли сообщать министру о первых результатах. Разумеется, Ла Врийер хотел быть в курсе событий, но ведь он, по сути, не узнал ничего, что могло бы подстегнуть интерес министра к расследованию. Вряд ли стоит утомлять его мелкими подробностями и противоречивыми показаниями. По примеру Сартина,

герцог де Ла Врийер не интересовался следовательской кухней; ему требовались обоснованные доводы. Так что с докладом лучше повременить.

Николя смотрел на огонь. Мысленно он вновь возвращался в Геранд, в годы своего детства, когда он, сидя у камина, с восторгом наблюдал, как прогоревшая куча поленьев рушится, вздымая облако золы и искр. Он пришел в себя, когда на улице совсем стемнело. Стены дома источали глухую ненависть, и это ощущение тяжким грузом давило ему на плечи. Воздух был напоен ядом зависти. Свидетели имели причины испытывать неприязнь и к жертве, и к дворецкому. И все же он сомневался, что решение загадки следует искать в стенах особняка Сен-Флорантен. Какова роль таинственного незнакомца, чьи кровавые следы привели его на карниз, опоясывавший стены дома? Если, конечно, эти следы не преследовали цель отвести подозрение от обитателей особняка и направить сыщика на ложный путь. Он размышлял долго. Когда в комнату, освещенную слабыми отблесками догорающих поленьев, вошел Бурдо, Николя сидел, подперев рукой подбородок, и смотрел в никуда.

— Удачная охота, Пьер?

— Привратник Жак Блен, двадцать восемь лет, молодой, хорошо сложен, первый парень на деревне, приударял за горничной, — с порога доложил Бурдо. — Ничего не видел. Сбежал за врачом на улицу Сент-Оноре. Ненавидит Миссери, как, впрочем, и остальную челядь. Поистине, этот дом — настоящая клоака!

— Что еще?

— Еще? Рагу из трех кроликов для одного. Я видел шкурки, висящие у него на окне. Он любезно пригласил меня отведать рагу.

— Приправа была достойна блюда?

— Соус оказался жидковат. И не покрывал все кусочки.

— И какие вы сделали выводы?

— Когда я дома делаю рагу из кролика, я в последний момент добавляю в него смесь крови с уксусом, отчего мясо становится более плотным, а соус приобретает консистенцию и цвет. Тем не менее три кролика для одного мне показалось многовато. Впрочем, он предложил мне добавки.

— В доме есть крольчатник?

— Да, во внутреннем дворе.

— Надо посмотреть. Что еще интересного?

— Полагаю, вы заметили, что я кое-что взял из комода дворецкого. Вот эти штучки.

Инспектор положил на одноногий столик две коробочки. Николя нагнулся, желая лучше их разглядеть.

— Ого! *Афродизиак Султана* и пастилки с кантаридином. Господин Миссери боялся оказаться не на высоте!

— Но это еще не все, — продолжал Бурдо. — В комнате Маргариты я нашел в шкафу мешок свечных огарков и остатков фитилей. Да, тут и вправду приторговывали хозяйским добром, но виновницей была жертва!

— Три кролика для одного, донжуан, жаждущий взбодриться, и свечные огарки. Однако! Наши знания о здешних нравах расширяются, а дело запутывается еще больше.

IV

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Что полезного могу я извлечь из трупа, оставленного без погребения?

Цицерон

Пристроившись за маленьким столиком в спальне Ноблекура, Николя налил себе второй стакан кларету и принялся за третий кусок майнцской ветчины. Домой он вернулся поздно, но Катрина быстро собрала полуночнику сытный ужин и накрыла его в спальне хозяина дома, который, предупрежденный Сирюсом, позвонил и сказал, что не ляжет спать до тех пор, пока Николя не зайдет к нему для вечерней беседы. В его возрасте спят мало: то боли мучают, то воспоминания, коих за долгую жизнь накопилось немало, как счастливых, так и горьких. Во время этих поздних бесед, доставлявших бывшему прокурору необычайное удовольствие, Николя, безгранично доверявший своему собеседнику, посвящал его в перипетии расследований и внимательно прислушивался к его прозорливым замечаниям. С недавних пор жизнь почтенного магистрата ограничивалась стенами его дома; исключение составляли редкие парадные визиты и ежедневные короткие прогулки, прописанные женевским доктором Троншеном. Сам он устраивал за год несколько торжественных приемов, и тогда стол его, всегда открытый для друзей, ломился от изысканных яств.

Расправившись с ветчиной, Николя приступил к песочным пирожным с апельсиновой прослойкой и миндальному кексу, облитому блестящей сахарной глазурью. Два вожделевующих взора вперились в исчезающие лакомства: один принадлежал хозяину дома, чей приоткрытый рот свидетельствовал о неизбывном желании приобщиться к трапезе, а другой — кошечке Мушетте, устроившейся на коленях у Николя. Со времен тяжелого детства, наполненного борьбой за пропитание, киска сохранила ненасытный аппетит; ее привлекала любая пища, и она с удовольствием поглощала еду, которую представители кошачьей породы обычно даже в рот не берут. Сирюс, открывший в себе педагогические наклонности, наблюдал за своей юной подругой, готовый в любую минуту ласково, но твердо преподать ей достойные манеры. Старый песик был обязан ей второй молодостью; знаток хозяйских привычек, он с появлением киски взял на себя обязанности старшего в доме. Фыркнув, Ноблекур поправил ночной колпак, словно стряхивая очарование, произведенное на него сладостями и вином, и аккуратно налил себе ароматного отвара из китайского чайничка с двойными фарфоровыми стенками, между которыми находилась горячая вода, поддерживавшая нужную температуру содержимого чайника.

— Увы! — вздохнул он, сделав глоток отвара. — Вот меня и посадили на диету великого короля! Компот из слив и настой шалфея. Сам Фагон^[10] не смог бы ничего убавить.

— Уверен, обед и ужин у вас более разнообразны, — заметил Николя.

— Разумеется! И тем не менее прощайте изыски и приятные излишества! Ничего, вам еще предстоит убедиться, каково это — воздерживаться от любимых блюд.

— Ваши жалобы несправедливы! Жизненные бури, отгремевшие над вашей головой, умчались, не оставив следов, так что, если вы не поддадитесь искушению, вы и дальше останетесь таким же молодым, как сейчас.

— Довольно, гнусный лстец, лучше расскажите мне, как прошел день. Но прежде я познакомлю вас с последней новостью. Один из моих друзей, убедивший меня пригласить его на обед...

— Вы вкушали парадный обед?

— Я поклевал, — ответил Ноблекур со смехом, — и он тоже. Так вот, этот друг, будучи в курсе слухов, которыми полнится не только Версаль, но и резиденции иностранных послов, утверждает, — и это должно вас заинтересовать, — что королеве не по вкусу назначение Сартинна министром морского флота. Она поддержала его кандидатуру из уважения к Шуазелю, чьим другом он был. Но ей хотелось бы видеть его на месте герцога де Ла Врийера, то есть на должности министра Королевского дома. Ей горько смотреть, как бывшего начальника парижской полиции назначают в департамент, деятельность коего чужда его способностям.

— Я бы не сказал, что герцог де Ла Врийер впал в немилость, — заметил Николя. — Конечно, ходят слухи, что король не слишком доволен его образом жизни, но он породнился с

Морепа. Таланты же Сартиня позволяют ему занимать любой пост, сколь бы далеким от его излюбленного занятия он ни казался.

— Разумеется! — согласился прокурор. — Кстати, знаете ли вы, что настроение дочерей Людовика XV, и в частности мадам Аделаиды, испортилось окончательно? Утратив прежнее влияние, они никак не могут с этим смириться. Королева время от времени посещает их, но не более того. Им оказывают почтение, но дают понять, что их претензии неуместны, а сплетни, которые они иногда позволяют себе распускать, немедленно пресекаются.

— Похоже, все мадам неудачно состарились, — заметил Николя, с грустью вспомнив ослепительной красоты амазонку в охотничьем костюме.

Со дня его первой встречи с мадам Аделаидой прошло четырнадцать лет; причиной встречи явилось весьма щекотливое дело...

— Многие полагают, — продолжал Ноблекур, — что столь же прохладно королеве следует относиться и к братьям супруга. Сдержанный и осмотрительный, порой скрытный, месть взвешивает каждый свой шаг, но граф д'Артуа ведет себя крайне легкомысленно и постоянно допускает вольности, полагая их позволительными, раз королева их терпит. Что же касается короля, то, несмотря на его строгий образ жизни, все считают его кротким и слабым. Он не сможет положить конец безумствам своего брата. Только королева может поставить его на место. Если, конечно, пожелает. Увы, такое положение дел заставляет опасаться дурных последствий.

— Какие еще новости, господин Меркурий?

— Можете смеяться, но все достаточно серьезно. По рукам ходит памфлет! Спорят, кто может быть его автором. Подозревают Бомарше. Основной мишенью являются Шуазель и королева; окружение королевы обвиняется в продажности и в подтасовках в пользу прежнего министра.

Магистрат говорил таким зловещим шепотом, что кошечка замяукала от страха.

— Успокойся, Мушетта! — проворчал Ноблекур. — Эти писаки требуют, чтобы король ограничил амбиции и кокетство своей жены, иначе государство погибнет. А еще, заметьте, они рассуждают о том, может ли Людовик XVI вообще иметь детей и как в таком случае вести себя его братьям-принцам, обязанным обезопасить трон от гнусных интриг, на которые, по их утверждению, способна юная королева.

— Очередная мерзкая фальшивка, одна из многих, на которые столь плодovit наш век. Вот уже несколько лет мы пытаемся остановить этот поток, возводя на его пути одну плотину за другой, но, увы, безрезультатно! — с возмущением воскликнул Николя.

— Боюсь, что прискорбные заблуждения покойного короля открыли путь разного рода мошенникам, — заметил Ноблекур. — Распутство, скандалы, беззакония расшатали устои государства. Нет больше ни принципов, ни добронравия, все пошло наперекосяк. Нерешительное правительство не в состоянии остановить мерзавцев, рвущихся к кормилу власти. Коварные интриганы повсюду плетут свои сети. Священные обязанности отброшены за ненадобностью, никто не может считать себя огражденным от самой злейшей клеветы.

— Похоже, ваш скептически настроенный друг прекрасно обо всем осведомлен, — произнес Николя и закашлялся, подавившись пирожным.

Когда он откашлялся, воцарилась тишина; наконец Ноблекур сказал:

— Не стану более скрывать: меня почтил своим визитом маршал Ришелье, пробывший у меня больше двух часов,

Николя подумал, что герцог тоже относится к «прежнему двору» и, хотя, будучи первым дворянином королевской опочивальни, он упорно появляется в Версале, он больше не у дел. Впрочем, ни дурной прием, ни презрительное отношение на него не действовали: он продолжал навязывать новому королю свое присутствие, а король не обращал на него

внимания и смотрел мимо. Ничего удивительного, что Ришелье вспомнил о старых друзьях, тем более что Ноблекур, всегда трепетно относившийся к знакам внимания со стороны этого вельможи, позволял ему питать иллюзии о собственной значимости.

— Теперь понятно, — проговорил Николя. — Маршал, как всегда, закусил удила и надеется на возвращение того, что не вернется никогда. Вам известно, что его дело, все еще обсуждаемое в парламенте, вызвало настоящий скандал?

— И не без основания, — произнес Ноблекур, вновь понизив голос. — Противоположная сторона, а именно госпожа де Сен-Жинест, обвиняет его в лжесвидетельстве и подкупе свидетелей. Говорят, процесс еле движется, а длина речей, кои там произносятся, поистине не поддается измерению!

Свеча задрожала и, зашипев, погасла, погрузив комнату в полумрак.

— В это легко поверить. А он все еще делает хорошую мину при плохой игре?

— Желчь ударила ему в голову, и он, всегда такой остроумный, стал не в меру сварлив. Он часто повторяется и, избрав себе жертву, с присущим ему злорадством начинает ее подавлять; впрочем, вы это знаете не хуже меня. Ну и словечки срываются у него с уст!

И, назидательно подняв палец, Ноблекур изрек:

— Дурное слово иногда понятнее десятка красивых фраз. Ришелье всю жизнь мечтал стать членом королевского совета. *Aut causa aut nihil* «или совет, или ничего».

— Разумеется, — ответил Николя. — Однако какой большой ум надобно иметь, чтобы в его годы продолжать биться за карьеру! Почему бы ему, вершителю великой истории, не гордиться этим, не рассказывать о своих победах, овевших славой его имя?

— Увы, для этого ему не хватает двух качеств, а именно добродетели и предвидения. Ему следует прекратить оплакивать прошлое, осуждать пороки дня сегодняшнего и беспрестанно заботиться о впечатлении, которое он производит. Безмятежность доступна только порядочным людям, а у маршала можно найти любые качества, кроме порядочности. Но вернемся к вам; расскажите, как прошел ваш день.

Удобно устроившись в кресле, старый магистрат прикрыл глаза. Мушетта, не насытившись полученным кусочком, усердно занялась собственным туалетом. Николя излагал события, стараясь не упустить ни единой мелочи. Он не раз замечал загадочную способность Ноблекура впитывать в себя все подробности расследования и, переплавив их в горниле разума, приходил к необычным выводам, или, если угодно, изрекать прозорливые предчувствия. Слушая рассказчика, бывший прокурор то удовлетворенно хмыкал, то изумленно восклицал; потом он умолк и молчал до тех пор, пока Николя, у которого за время рассказа пересохло горло, не опустошил бутылку легкого бодрящего шампанского вина, имевшего рыжеватый цвет, именуемый «глазом рябчика».

— Прежде всего, позвольте сделать вам комплимент, — наконец произнес Ноблекур. — Вы попали в опалу в августе, а в октябре вы уже при деле! Многие могут вам позавидовать! Вы снова на коне, и будьте уверены, господин Ленуар, на чью добросовестность я продолжаю надеяться, непременно изменит свое мнение. И будем уповать на небо, чтобы дело, в которое вас втягивают, не стало ловушкой, способной разрушить любые надежды! Вы сомневаетесь? Давайте поразмыслим. Герцог де Ла Врийер обращается к вам через голову начальника полиции. Этим он отнюдь не оказывает вам услугу. Он поручает вам дело, касающееся его дома и его слуг. Его собственные позиции при дворе не блестящи, и только родство с главным министром защищает его от ссылки, куда его могут отправить в любую минуту. С одной стороны, он ставит вас в положение, явно раздражающее вашего начальника, а с другой стороны, если что-то случится, в своем падении он увлечет вас за собой. Поэтому последуйте моему совету и подготовьте скрупулезный отчет для Ленуара. Он будет вам признателен, и ваши общие интересы выстоят под ударами бурь. Продолжайте появляться при дворе и не премините рассказать обо всем королю. Все, что касается частной жизни вельмож, не может

оставить его равнодушным. Таким образом, вы обезопасите свои тылы и приготовитесь отразить любую угрозу.

— Ваш совет мудр, и я ему последую, — согласился Николя.

— Ваше расследование кажется мне весьма щекотливым, как, впрочем, любые дела, связанные с прислугой. Это мирок, где властвует коварство. К примеру, ваши субретки: любой женщине, вынужденной прислуживать другой женщине, требуется гораздо больше сообразительности и гибкости, нежели пребывающему в услужении мужчине. Тут нет середины, горничная находится либо в завидной близости, либо в плачевной зависимости. Слуга, желающий сохранить за собой место, должен всегда и на все иметь готовый ответ, ему приходится предугадывать капризы, развеивать дурное настроение, обманывать самолюбие и притворяться искренним. Эти обязанности делают слугу лжецом и лицемером. Благородный дом является государством в миниатюре, со своими заговорами, союзами, тайнами и даже со скромными и преданными подданными.

Собравшись с мыслями, Ноблекур продолжил:

— Итак, главный вопрос. Почему герцог де Ла Врийер обратился именно к вам? Держу пари, вряд ли вас ввели в заблуждение его комплименты и излитый на вас придворный елей. Ему известно, что сейчас вы не у дел, и все же он призывает вас к себе. Почему? Может, он уверен, что все покупается, и опальный сыщик, начав расследование убийства, совершенного в доме министра, закроет глаза на нежелательные для одного министра вещи?

— Неужели вы считаете, что он и в самом деле мог так подумать?

Встрепенувшись, Ноблекур обеими руками хлопнул по подлокотникам.

— Меня удивляет, сударь, — нарочито небрежно бросил он, — что после стольких лет расследований в высших сферах вы все еще сохранили наивность, делающую честь вашему доброму сердцу, но никак не вашей проницательности. Что ж, придется вашему старому другу выступить в роли адвоката дьявола: худшее всегда возможно, и его нельзя исключить априорно. Вспомните: когда вы сами стали действующим лицом трагедии^[11], вы чувствовали себя отвратительно, особенно когда я вас расспрашивал. Я был уверен в вашей невинности, но, чтобы в нее поверили остальные, потребовалось вывернуть дело наизнанку. Дабы при расследовании отличить правду от лжи, надо отказаться от мысли, что правда тебе известна.

Ноблекур всегда удивлял Николя. Этот приветливый человек обладал исключительной внутренней силой и властным характером, но выказывал их редко, отчего проявления их производили неизгладимое впечатление.

— Вернемся к вашей жертве, — промолвил Ноблекур. — Вам надо покопаться в ее прошлом, слово прокурора. Есть правила, созданные специально для челяди, и нарушение их ни к чему хорошему не приводит. Коротко напомним: ни один слуга не получит места, не назвав своего имени или прозвища, места рождения и места, где он служил прежде. Он обязан предоставить рекомендацию от прежнего хозяина и честно ответить на вопросы хозяина будущего. Слуга не может уйти от хозяина без согласия последнего и без надлежащих бумаг. Слуги обоего пола, не состоящие в браке, не вправе снимать комнаты у частных лиц без письменного разрешения хозяев. Им запрещено принимать у себя бродяг и подозрительных лиц и предоставлять им ночлег. Полиция хороша тогда, когда она умеет исполнять будничную работу, именуемую надзором за соблюдением законов. Там, где прекращается действие правил, где нарушается привычный ход вещей, начинается зыбкая и неустойчивая почва, способствующая произрастанию загадочных явлений. Факт редко заключает в себе скрытый смысл, лакуна более красноречива.

Тишина воцарилась надолго. Ноблекур удовлетворенно вздохнул, и, видимо, перебирая в уме подробности беседы, принялся исследовать взглядом темные углы комнаты.

— Ах, — вздохнул он, — сколь многочисленны достоинства вашего ремесла! Во-первых, оно отвлекает от ненужных размышлений. Мой врач, господин Троншен, доверительно

сообщил мне, что, не имея возможности удалить слизь из бронхов, он старается отвести ее в другую часть тела... В моем случае смерть стала бы событием естественным и незначительным. Но, несмотря ни на что, я счастливый человек. Сданный в архив магистрат, я по доверенности веду расследование ваших дел. Умереть несложно, гораздо сложнее расстаться с дорогими для вас людьми и предметами, окружающими вас. Отец часто рассказывал мне о последних днях кардинала Мазарини. Тот нашел в себе силы пойти и попрощаться со своими коллекциями. Ах, мои книги, мои редкости, кто станет смотреть на вас, заботливо стирать с вас пыль, как стирал ее я?

— О-о-о, — протянул Николя, — в таком настроении вы мне не нравитесь. Обычно такие рассуждения сулят скорый приступ подагры.

— Всего лишь осенняя хандра, — улыбнулся магистрат.

Но разве я могу не подчиниться

Судьбе, компас которой

Укажет каждому его удел...

Расстаться с вами означает

Покинуть самого себя.^[12]

Моих друзей, мои книги, мой кабинет редкостей...

— Да у вас память лучше, чем у молодого! — заплодировал Николя.

— Да будет вам известно, господин наглец, — произнес Ноблекур, давась от смеха, — что ваши насмешки усугубляют ваше преступление, хотя с утверждением я вполне согласен!

Убедившись, что друг пришел в бодрое расположение духа, Николя попрощался и поднялся к себе. Мушетта последовала за ним; ее ложем служила старая подушка, положенная возле кровати комиссара.

Вторник, 4 октября 1774 года

Николя проснулся задолго до того, как первые лучи солнца осветили завешанные гобеленами стены его спальни. Каждое утро повторялась одна и та же история: выспавшись всласть, голодная Мушетта в игривом настроении прыгала на кровать хозяина и принималась по ней расхаживать. Пробудившись от громкого мурлыканья, Николя вставал, открывал дверь, и кошка, подняв хвост, стремглав летела вниз по лестнице за вкусными кусочками, положенными для нее Катриной; эльзаска вставала раньше всех и, грохоча заслонками, разводила в плите огонь.

Комиссар продолжал обливаться холодной водой во дворе. Ледяная струя пробуждала в нем энергию юности и придавала бодрости. После водных процедур он поднимался к себе побриться и причесаться. Обычно он собирал волосы в хвост и завязывал их шелковой лентой; исключение составляли торжества и поездки в Версаль.

Сегодня утром, привлеченный царившим на улице оживлением, он решил пройтись пешком по набережным: во время ходьбы ему всегда думалось гораздо легче. По дороге он прикинул, что предстоит сделать в ближайшее время. Бурдо сообщит, когда назначено вскрытие. Надо сделать отчет Лемуару, исполнив тем самым пожелание начальника и одновременно оградив себя от его упреков: ведь свое задание он получил из рук министра. Следовало придумать ровную и в то же время гибкую форму отчета.

Не по-осеннему теплое солнце окрашивало золотистым цветом все, на что падали его яркие лучи. Николя шел, разглядывая лица прохожих. Вокруг сновали пешеходы, двигавшиеся с той скоростью, что позволяла лавировать в людском потоке, не сталкиваясь друг с другом. Как замороженный, он наблюдал за мимолетными встречами, взирал, как люди, обменявшись

взглядами, спешили дальше. Кто-то не станет искать дальнейших встреч, кто-то, напротив, попытается найти случайного знакомого, а кто-то просто отведет взгляд. Пристрастившись к собирательству душ, он выносил суждение о каждом увиденном им лице, дабы потом поместить его в один из закоулков своей памяти, прищиплив, словно бабочку из коллекции Королевского ботанического сада. Впрочем, такой подход не слишком облегчал погоню за преступниками. Его прошлый опыт подсказывал, что за ангельской внешностью нередко скрывались далеко не ангельские страсти. И в природе, и в обществе внешность была обманчива, а надежда призрачна.

На миг он обернулся, желая полюбоваться бронзовым всадником^[13] на Новом мосту, чья ставшая привычной фигура с уверенностью кормчего направляла корабль острова в открытое море. Он прошел по набережной Лувра, затем по набережной Тюильри и уже собирался свернуть в сад, чтобы пройти к террасе фельянов, когда внимание его привлекло неожиданное скопление народа. Что-то оживленно обсуждая, люди окружила лежавший на отмели предмет, по форме напоминавший бревно. Он подошел поближе. Какой-то тип, в ком он узнал полицейского осведомителя, из тех, что курсировали в саду, подслушивая чужие разговоры, изложил ему суть дела. Лодочник, переправлявшийся на своей посудине через реку, заметил колыхавшийся на воде предмет, подцепил его багром, а когда вытащил, увидел, что это труп. Кто-то из грузчиков ногой перевернул неподвижное тело. Увидев лицо утопленника, толпа в ужасе отступила: на месте правого глаза зияла устрашающая дыра. Николя покачал головой. Он успел привыкнуть к таким зрелищам: лодочники в большинстве своем не умели плавать, и если кому-то из них случалось упасть в воду, можно было с большой долей уверенности предсказать, что он утонет. Когда же их собратья по ремеслу, пытаясь помочь утопающему, подцепляли его багром, они часто попадали крюком прямо в глаз, отчего спасаемый расставался с жизнью. Получалось, что, даже если жертве удавалось побороть холод, страх и волны и избежать столкновения с быками мостов, багор спасателя добывал ее, проливая море крови.

Стража занялась утопленником, а Николя пересек сад Тюильри, добрался до площади Людовика Великого^[14] и пошел дальше, на улицу Нев-де-Капюсин, где находилось управление полиции. Старый слуга встретил его как хорошего знакомого и без промедления провел в кабинет начальника полиции. В том, что его не заставили ждать, Николя усмотрел благоприятный знак и достойный начальника способ проявить свое благоволение. Прием оказался более любезным, нежели обычно. Тем не менее Николя чувствовал, что Ленуар чем-то встревожен. Напомнив в прошлую встречу комиссару о его обязанностях, он, без сомнения, не ожидал, что тот исполнит их так быстро.

— Следуя вашему пожеланию, сударь, — с поклоном произнес Николя, прижимая к груди треуголку, — я прибыл к вам с подробным отчетом о ходе расследования, ибо понимаю, что даже незначительные детали могут привлечь ваше внимание.

— Будьте уверены, дорогой комиссар, я ценю ваше рвение и расторопность. Полагаю, речь идет о деле, порученном вам министром при моем посредничестве?

Подобно актеру театра Бургундского отеля, начальник нарочито сделал ударение на слове «посредничество». «Он переигрывает» — подумал Николя. Впрочем, он понимал, что Ленуару необходимо найти зацепку, чтобы сгладить неуважение, проявленное по отношению к нему герцогом де Ла Врийером. Комиссар приступил к рассказу, выстроив его поистине виртуозно; в свое время талант рассказчика снискал ему особое расположение Людовика XV. Он говорил без устали, не вдавался в излишние подробности, подчеркивал главное и не забывал о разъяснениях. Строго придерживаясь фактов, он не рискнул выдвигать гипотезы, уже сложившиеся и у него, и у Бурдо. Не переставая ритмично поглаживать левую щеку пером, которое он держал в руке еще до прихода Николя, Ленуар пытался изобразить на лице улыбку. Когда комиссар умолк, он не стал задавать вопросов и долго сидел, перебирая бумаги, толстым слоем устилавшие его рабочий стол. Николя с тоской вспомнил, что во времена Сартина на

этом столе никогда не лежало более одного документа, в крайнем случае, королевский альманах за текущий год; чаще всего здесь выстраивалась парадная шеренга париков.

Казалось, генерал-лейтенант полностью погрузился в чтение. Наконец он поднял голову.

— Господин Ле Флок, помимо расследования убийства на улице Сен-Флорантен, мне бы хотелось, чтобы вы, с присущей вам проницательностью, ознакомились с несколькими текущими делами, повергшими меня в изрядное замешательство. Принимая во внимание важность этих дел, я не могу доверить их первому встречному.

— Жду ваших распоряжений, сударь, — скромно ответил Николя.

Ленуар закашлялся, прочищая горло.

— Господин де Вержен, — начал он, — только что передал мне депешу от нашего министра в Брюсселе. Он пишет об исчезновении двух девушек из хорошей семьи. Несколько дней назад они бежали из родительского дома. Одной из них двадцать лет, другой семнадцать; на лице старшей заметны следы от оспы...

Он вновь погрузился в чтение, в то время как Николя достал черную записную книжечку и начал писать.

— Прекрасно, вы совершенно правы, детали необходимо записывать... Так, что у нас дальше? Да, следы от оспы, стройная фигура, глаза голубые, брови черные. У младшей также голубые глаза и черные брови, она хороша собой и ростом выше старшей. Обе прекрасно говорят по-французски и плохо по-фламандски. Старшая знает английский, младшая едва ли выучила несколько слов на этом языке. У обеих добротная и красивая одежда. Вот опись их гардероба: два полотняных дезабилье, две муслиновые кофты с кружевами, два желтых шелковых дезабилье, шелковое дезабилье в голубую и серую полоску, белое платье из выбойчатого ситца, платье гродетуровое в коричневую и желтую клетку, платье из желтого дамаста, платье из тафты с ажурной отделкой, два белых хлопчатых домашних платья в голубую полоску, две английские шляпки белые с черным и две пары шелковых чулок, розовых и голубых. Не исключено, что для путешествия они надели мужской костюм. Последний раз их видели, когда они садились в почтовую карету, направлявшуюся во Францию. С тех пор ни единого известия. Скорее всего, они хотели добраться до Парижа. Страшно представить себе, какие опасности подстерегают двух невинных созданий в нашей столице... Подумайте, что можно сделать, и сообщите мне ваши соображения.

— Если их найдут, — отозвался Николя, — их придется задержать.

— Разумеется. Поместим их в какой-нибудь монастырь, пока семья не решит, как лучше отправить их на родину. Как только вы их отыщете, мы незамедлительно сообщим нашим людям в Брюссель.

Николя собрался прощаться, но начальник жестом удержал его.

— И еще. Если верить тому, что рассказывал о вас Сартин, вы долгое время обеспечивали безопасность короля и членов королевской семьи.

— Покушение Дамьена на покойного короля выявило кричащие недостатки, — уклончиво ответил Николя.

— Королева пожаловалась его величеству, что в ее садах в Трианоне бродят какие-то непонятные личности...

Он бросил взгляд в бумагу.

— 10 августа сего года Клод Ришар, главный садовник, и его сын Антуан встретили двух женщин, одетых и причесанных крайне странно. Женщины с удивлением воззрились на садовников. Один из приближенных королевы также столкнулся с таинственными незнакомками. Король рассказал мне об этом вчера, после мессы.

На лице Николя отразилось явное неудовольствие.

— Почему нас так поздно ставят в известность? В таких делах своевременность является гарантией успеха.

— Откуда мне знать! — воскликнул Ленуар, продолжая помахивать пером. — Когда королева впервые рассказала об этом королю, он только плечами пожал. Когда выражать беспокойство стало ее окружение, она вновь обратилась к королю. Посмотрите, что можно сделать, и успокойте королеву. Наконец...

Николя ушам своим не верил. Неужели на полицейских напал мор? А может, началась эпидемия, и теперь ему придется тащить все дела? Все же он отметил, что последнее задание предусматривало его непосредственное обращение к королеве.

— И, наконец, — с торжественным видом провозгласил Ленуар, — задание государственной важности. Вы незамедлительно отправитесь к скотоводам предместья Сент-Антуан, встретитесь с главным лицом в корпорации и дадите ему надлежащие инструкции, обязав его довести эти инструкции до сведения каждого члена корпорации. В интересах общества вам надлежит отправиться как можно скорее. И держите цель поездки в секрете. Если слух о бедствии распространится, наши старания пойдут прахом, и паника неизбежна. Поэтому повторяю еще раз, сделайте все возможное и как можно скорее. Помните, королю известно о положении дел, и он намерен внимательно следить за ходом событий.

Желая усилить впечатление от своей речи, он с силой ударил ладонью по столу, в то время как Николя, не понимая, в чем суть последнего поручения, подумал, что его лодка может пойти ко дну от перегрузки. Хотелось бы понять, что за миссию доверил ему начальник!

— Сударь, я обязан подчиняться вам и исполнять приказы короля. Однако нельзя ли уточнить...

— Ох, совсем забыл! — неожиданно воскликнул Ленуар, взмахнув рукой, словно снимая невидимую шляпу, и изобразив шутливый поклон. — Я говорил с вами как с самим собой. Так вот, наши южные провинции охвачены заразной карбункулезной болезнью, поражающей скот. Начиная с 1714 года эпидемия то затухает, то вспыхивает снова.

— Вы говорите о заболевании, которое обычно называют антракс?

Ленуар с нескрываемым удивлением уставился на него.

— Да, похоже, о ней. Подобно чуме, она поражает скот, а недавно наш медицинский факультет сообщил, что зараза может передаваться людям. Откуда она взялась? — спросите вы. Каким образом попала в наши южные провинции? Сейчас очаг находится в десяти лье от Байонны, в деревне Виллафранка, где, как нам известно, жители существуют исключительно за счет выделки кож.

— Следовательно, всему виной кожи?

Ленуар снова с интересом взглянул на Николя.

— Вы мыслите быстро и правильно. Кожи обычно выгружают в Байоннском порту, куда они поступают с Гваделупы или из Голландии. У батавов зараза свирепствует уже несколько лет, а у нас на острове она уничтожила больше половины рогатого скота. Павшую скотину следует закапывать, но нельзя забывать, что всегда найдется тот, кто ради шкуры готов раскопать могильник. А что говорить о хищниках, о волках, пожирающих падаль... Побывавшие в земле кожи больных животных содержат угрозу жизням тех, кто их обрабатывает. Кюре из Сальса, что в диоцезе Манда, в Жеводане, пишет, что у них недавно двое живодеров умерли от карбункулов на лице и чудовищных опухолей на голове, шее и груди.

— И лекарства против этого заболевания нет?

— Его упорно ищут, экспериментируют, пробуют. Описание симптомов, составленное руководителями Королевской ветеринарной школы, поразительным образом совпало с описаниями древних. Можно подумать, болезнь выскользнула из замшелых трактатов. Такое совпадение побудило ученых мужей сделать заключение, что со времен Лукреция, Вергилия и

Овидия мы ненамного продвинулись в понимании природы антракса, и на борьбу с ним необходимо направить лучшие умы современности, и в том числе физиков. Медики утверждают, что в этом году они якобы исцелили одного человека с помощью настойки, в состав которой вошли красное бордо, териак Андромахи, экстракт коры хинного дерева, флаверия контрайерба, виргинский змеевник, янтарное масло, подслащенная азотная кислота, смесь нашатырного спирта с жидким мылом и еще бог знает что. Настоящее варево Альберта Великого.

— Но, сударь, раз болезнь прописалась на юге, значит, нам пока волноваться нечего.

— Увы, нет! Нам сообщили из Бретани, что недавно в Плормеле несколько крестьян скончались от похожих симптомов. Известно, что перед смертью они сняли шкуры со своей скотины, сдохшей от антракса.

— Неужели никак нельзя предотвратить распространение заразы?

Гладкой, как у епископа, рукой генерал-лейтенант расправил тончайшее кружево своего галстука.

— Полагаю, вы понимаете, что мы стараемся надзирать. Единственное оружие, способное воспрепятствовать распространению заразы, — это уничтожение и захоронение. Единственный способ спасти государство от бедствия — уничтожать все, что подверглось заражению. Правительство обещает возмещать ущерб скотовладельцам, которые станут уничтожать свой скот при первых же признаках заболевания. Оно полагает, что если из этой тяжкой и вынужденной жертвы люди смогут извлечь хоть какую-то выгоду, она будет менее болезненной. Мы обязаны внимательно следить за соблюдением этих мер и относиться к нарушителям без всякого снисхождения, дабы не стать пособниками несознательной черни, угрожающей своими действиями как себе самой, так и общественному благу.

— Да, такое бедствие требует решительных и суровых мер, — заметил Николя.

— Вы правы, — ответил Ленуар. — Надобно установить кордоны, препятствующие перегону скота из провинции в провинцию. В деревнях, где свирепствует болезнь, конфисковать и изолировать скот. Опыт соседних государств подтверждает: забой зараженных животных предотвращает распространение эпидемии. В этом приходится убеждать не только крестьян, но и господ. Там, куда известие о возмещении ущерба приходит с опозданием, забой скота вызывает возмущение. Промедление побуждает людей умалчивать о появлении заразы, в надежде — всегда напрасной, — что их скотину она не затронет. Интенданты провинций, заручившись содействием войск и отрядов конной полиции, применяют к нарушителям самые строгие меры. Собственно, все, как всегда, зависит от расторопности местных властей, от бдительности, точности и активности тех, на кого возложена ответственность за исполнение предупредительных мер. Очень важно не допускать продажу и вывоз скота из тех мест, где свирепствует зло. Безжалостно пресекать незаконные сделки и подпольные ночные перегоны. Большой скот, избежавший досмотра, становится самой опасной контрабандной, ибо даже одно заболевшее животное может разорить целую провинцию и стать угрозой благополучия всего королевства!

— Что вы ждете от меня? — спросил Николя.

— Чтобы вы нашли общий язык со старшинами корпорации скотоводов. Я отвечаю за снабжение Парижа продовольствием. Без лишнего шума доведите до их сведения, что не только интересы общества, но и их собственные требуют, чтобы они точно, как евангельские заповеди, соблюдали инструкции, опубликованные по приказу его величества в южных провинциях. Они обязаны ознакомиться с этими инструкциями и проникнуться важностью момента. Если видите, что они не внимают уговорам, без колебаний повышайте тон и напрямую говорите об ответственности, которая на них ложится. Напомните им об угрозе падежа их собственного скота, об опустевших хлевах и крушении надежд на обеспеченную жизнь. Набросайте картину охваченного голодом или, еще хуже, обезлюдевшего Парижа, где

умирает каждый десятый житель, и намекайте, что, подстрекаемые чернью, возмущенные парижане могут пойти крушить их дома и стойла. А если и это их не испугает, пригрозите Бастилией, куда, в случае неповиновения, я без колебаний брошу всех. Мне известны ваши дипломатические таланты и ваше умение грозить топором, никогда его не опуская.

Понимая, что путей для отступления у него нет, Николя тяжело вздохнул про себя. Где он найдет время для расследования преступления в особняке Сен-Флорантен, если его придется тратить на выполнение заданий начальника, навесившего на него целых три поручения? На минуту ему показалось, что Ленуар намеренно подталкивает его к неповиновению, а может, даже и сопротивлению вышестоящему лицу. Стараясь сохранить спокойствие, он поклонился и молча направился к выходу. Взявшись за ручку двери, он услышал, как Ленуар пропел ему последнюю рекомендацию:

— Забыл сказать вам, сударь. Когда будете в предместье Сент-Антуан, не забудьте расспросить о вашей Маргарите Пендрон: среди скотоводов ее семья хорошо известна. Да, и вот еще. Я даю обед для особы весьма высокого ранга. Мне сказали, что у вас безупречный вкус и вы прекрасно разбираетесь в гастрономии. Из Страсбурга я выписал за большие деньги паштет из гусиной печени, приготовленный по рецепту маршала Контада. Какое вино лучше подать к этому блюду?

— Обычно с ним вместе подают венгерский токай, но чтобы не покидать нашей, французской почвы, я бы посоветовал вам выставить несколько бутылок Кар-де-Шом, которое легко отыскать в Анжу. Этому вину отдавала предпочтение Екатерина Медичи, вдова Генриха II.

— Благодарю вас, господин Ле Флок. Ваш слуга.

Николя сжал зубы, чтобы не выругаться. Похоже, начальник решил над ним посмеяться. А его последняя рекомендация и вовсе напоминала совет любителя. Но зачем ему пускать пыль в глаза подчиненному, сообщая ему массу сведений, собрать которые не составляет труда, особенно когда под рукой имеется армия осведомителей, работающих на полицию, вызывающую восхищение всех европейских дворов? Тем не менее во время разговора генерал-лейтенант не допускал ни враждебных выпадов, ни высокомерия, а его последний вопрос и вовсе напоминал светскую болтовню, а не начальственное ехидство. Возможно, таким образом Ленуар хотел показать, что, в отличие от своего предшественника, он будет придерживаться определенных рамок, ждущихся на авторитете и проницательности.

Пересекая двор особняка Грамона, Николя почувствовал, как кто-то дернул его за полы фрака. Обернувшись, он с удивлением узнал радостную физиономию мальчишки на побегушках из Гран Шатле, того самого, который на протяжении нескольких лет ловил на лету поводья его коня и относил его записки. Мальчишка вырос, чего никак нельзя было сказать о его темной потертой куртке: ее рукава стали владельцу откровенно коротки.

— Господин Николя, — воскликнул он, — господин генерал-лейтенант желает вас видеть.

— Я только что от него! — усмехнувшись, ответил Николя.

— Я говорю о господине де Сартине, — с важным видом уточнил посыльный.

Мальчишка прыгал словно козленок, и Николя с трудом поспевал за ним. Посланец привел его к калитке, за которой виднелся парк. Сартин недавно снял соседний особняк и после назначения переехал туда. Ему нравился этот новый и хорошо продуваемый квартал, уединенный и одновременно расположенный близко от оживленного центра города. За деревьями Николя разглядел элегантное строение. Едва ступив на лестницу, он очутился в объятиях старого лакея, не скрывавшего своей радости от встречи с ним. Лакей проводил его на второй этаж в роскошный кабинет, отделанный светлым дубом; сводчатый потолок

украшала роспись, изображавшая заседание Парижского суда. Сартин стоял за рабочим столом маркетри; проследив восхищенный взор бывшего подчиненного, он спросил:

— Что вы на это скажете, Николя? Разве не находка? Для бывшего судьи по уголовным делам и начальника полиции Парижа — заседание Парижского суда! Мне явно хотели польстить...

Он улыбнулся.

— На самом деле все нарисовано до меня.

Похоже, его бывший начальник всем доволен; значит, он благополучно вошел в состав королевских советов. Расставшись с черными одеждами, Сартин — то ли случайно, то ли в память о покойном короле — стал носить светло-серый фрак.

— Я обязан вам своим последним приобретением, — продолжил министр. — Что вы скажете об этом чуде?

Он приподнял над столом роскошную массу белокурых кудрей, и локоны, словно каскад белых грив, мягко заструились по его рукам.

— Но при чем здесь я? — удивленно спросил Николя.

— Вы, наверное, забыли, что дали мне адрес одной несравненной английской лавки. Нашему посланнику оставалось только отправиться туда и приобрести сей экземпляр. Точно такой парик надевает лорд-мэр Лондона во время торжественных церемоний.

Отложив любимую игрушку в сторону, он стремительно развернулся и, совершив небольшой прыжок, оказался нос к носу с Николя, изумленно взиравшим на его маневры. Обняв гостя за плечи, Сартин подвел его к высокому деревянному сооружению, богато украшенному бронзой и накладками под мрамор. На поверхности сооружения разместились несколько десятков кнопок из черного дерева; на каждой кнопке располагалась цифра, выточенная из слоновой кости. Этот загадочный механизм напомнил Николя органнй корпус. С торжествующим по-детски видом, столь его молодившим, Сартин нажал одну из кнопок; раздалось шипение, как при выбросе воздуха. Николя вспомнил, как в детстве, во время равноденствия, когда приливы и отливы набирают наибольшую силу, он стоял перед прибрежной скалой в Круазике и наблюдал, как вода, ударяясь о камень, шумным фонтаном взмывала ввысь. Что-то мерно защелкало, потом зазвенело, и зазвучала веселая музыка, быстро сменившаяся свистящим звуком выпускаемого воздуха. Филенка медленно заскользила вверх, открыв стоявшую на подносе болванку с нахлобученным рыжим париком.

— Точь-в-точь как у принца Евгения, — сияя, сказал Сартин. — Как вам мой новый шкаф для париков? Он больше похож на книжный. Надо бы спросить у наших академиков, нет ли особого названия для такого шкафа. Ах, вы не представляете, какое это чудо! Теперь мои парики, словно полицейские досье, стоят по ранжиру, защищенные от света и пыли. И в любую минуту вы можете извлечь тот, который вам нужен!

— Сударь, кто тот мастер-виртуоз, что сумел придумать и смастерить этот чудесный механизм?

— А музыка?! Не забывают про музыку! Вы, конечно, узнали мелодию танца китайских пагод из «Паладинов» Рамо. Но и это еще не все. Мастер, сотворивший сей шкаф, имеет в запасе еще кое-какие задумки. Этот искусный ремесленник, состоящий на службе у графа д'Артуа и удостоившийся его особого покровительства, также является изобретателем различных способов шифрованного письма. За способ двойной перестановки, успешно продемонстрированный в 1769 году, герцог Шуазель пожаловал автору шесть сотен ливров. Отец четверых детей, сегодня он нуждается; исполнив мой заказ и изготовив шкаф для моих бесценных париков, он снова надеется применить свои способности.

— Каким образом?

— Весьма для нас интересным. Он хочет приступить к созданию кругового стенографического метода шифрования. Речь идет о конторке, высотой и глубиной шесть футов и шириной три фута, куда помещается цилиндр с десятигранными дисками, приводимыми в движение ременной передачей от десяти педалей. При помощи этих дисков он намерен производить шифрование столь же быстро и просто, как и при помощи одной таблицы. Используя диски, установленные на цилиндре, он намерен довести количество ключей чуть ли не до шестидесяти тысяч! Понимаете, к чему я веду?

Николя не понимал, но омрачать лучезарное настроение своего бывшего начальника не хотел.

— Разумеется, сударь.

— Через секретаря кардинала де Рогана, нашего посланника в Вене, мы узнали, что наш шифр разгадан: доносчик признался аббату Жоржелю, что Мария-Терезия уже много месяцев перлюстрирует нашу переписку и разгадывает наши политические комбинации, словно читает решения в открытой книге. Теперь понятно, почему она не скрывает своего отвращения к нашему посланнику, который, впрочем, из-за своих походов так и не уладил ни одного дела! Короче, меня интересует новый метод шифрования, и мне требуется ваше содействие. Изобретателя зовут Бурдые — наведите о нем справки. Не исключено, что мы имеем дело с человеком на жалованье у заграницы, и тогда он сделает нам машину, секрет которой немедленно окажется в руках у наших врагов. Прекрасно зная вашу щепетильность, я прошу вас об этой услуге. Но это еще не самая деликатная просьба, коей я хотел бы вас обременить. Вы знаете и двор, и город, знаете, каково положение и там, и тут. Я говорю с вами искренне...

От такого признания Николя вздрогнул.

— Увы, хотя его величество обладает определенными задатками и имеет собственное мнение, ум и тело его пребывают в глубочайшей апатии. Его способности еще не проснулись. Разумеется, ему не откажешь в здравом смысле, однако решения принимаются им с таким опозданием и такой неловкостью, что они парализуют любое начинание. Любой пустяк может его обескуражить, и он начинает упираться, не вникая ни в возражения, ни предложения. Твердость характера и воля, эти главные добродетели монарха, у него отсутствуют полностью. Каждый, кто находится с ним рядом, легко может в этом убедиться. Разумеется, у него обширные познания в некоторых областях...

— Он глубоко и со знанием дела судит о многих вещах, я сам был тому свидетелем, — произнес Николя.

— Совершенно верно, но при этом в нем живет еще один человек, который не умеет хотеть. Его братец, граф Прованский, как-то в шутку заметил: «Берри напоминает мне намазанные маслом биллиардные шары: стоит их сложить вместе, как они тут же катятся в разные стороны». Ему катастрофически не хватает эгоизма и жесткости. Идеальный принц из назидательной сказки со счастливым концом, но отнюдь не государь, которого ждали французы...

Испуганный речами Сартин, Николя вдруг осознал, что после смерти Людовика XV время ускорило свой бег. Безжалостный вывод, отмеченный печатью присущего Сартину цинизма, не удивил бы Николя, если бы мишенью сарказмов его бывшего начальника был кто-либо иной. Но речь шла о юном монархе! Есть от чего прийти в смятение.

Сартин продолжал вещать так, словно он был один. Теперь он вдоль и поперек мерил шагами комнату.

— Взойдя на престол, — продолжал он, — король признался, что его ничему не научили, но он сам, почитав кое-что из истории, пришел к выводу, что во всех бедах этого государства виноваты женщины, будь то законные жены или любовницы. Дай Бог, чтобы он догадался применить эту максиму к себе! Я люблю королеву, она мне покровительствует. Но я боюсь, как бы и она, и мы все не пали жертвой ее неопытности. На горизонте сгущаются тучи, а я не

нахожу в короле ни единого качества, благодаря которому династия смогла бы выжить среди надвигающихся волнений, а уж тем более восстать из пепла после смуты.

— И какой урок вы из этого извлекаете, сударь? — кротко спросил Николя.

Он находил, что вступление слишком затянулось; похоже, Сартин никак не мог заставить себя сделать решающий шаг.

— Мой дорогой Николя, сегодня на небосклоне горят две звезды. Одна из них — это д'Эгийон, чьи грязные происки уже коснулись вас^[15]. Другая — Шуазель, мой покровитель, которому я во время его опалы втайне оставался верен. Он обладает выдающимися способностями и умом и в свое время долго и успешно возглавлял правительство.

Николя вздохнул. Он вспомнил о своем друге Наганде, индейце из племени мик-мак; тот, подобно многим жителям Новой Франции, после ухода французов почувствовал себя сиротой. Как можно называть успешной политику, в результате которой Франция потеряла Канаду и владения в Индии?

— К тому же, — продолжал Сартин, — его поддерживают парламенты, за которыми всегда следует присматривать, особенно когда они начинают выдвигать требования. Партия философов беспрестанно курит ему фимиам. Против него настроен только король, и то потому, что ему внушили, что Шуазель отравил после смерти короля его отца. Кормилица короля, госпожа де Марсан, собирает сплетни, а его тетки разносят их по кулуарам! Они больше ни на что не способны. Пустые головы и птичьи мозги!

— А Морепа? — спросил Николя.

— Он ничего не значит в этом споре, который вряд ли окончится мирно. Морепа — это манекен, механическая кукла, выскочившая из прошлого. Лукавый и непостоянный, он всегда готов позабавить вас смешной историей. Пустить пыль в глаза! Он быстро загорается, но еще быстрее гаснет, у него те же недостатки, что и у короля. Придется выбирать. С королевой дела обстоят значительно лучше: она ненавидит Эгийона.

С решительным видом опустившись в кресло, Сартин запустил руки в густую шевелюру разложенного на столе парика и принялся лихорадочно перебирать его локоны.

— Многие министры покойного короля по-прежнему на своих местах, но именно они являются препятствиями, кои требуется устранить, — проговорил он, со стуком опуская ладонь на рабочий стол. — И герцога де Ла Врийера в первую очередь. Меня уверяют, что он поручил вам расследование убийства, случившегося у него в доме. Ваша опала оказалась недолгой, вы вновь выскочили наверх.

— Да, сударь.

— Да — что поручил расследование или да — что выскочил?

Знакомый инквизиторский тон напомнил Николя прежнего Сартина.

— Так вот, — небрежно бросил бывший начальник полиции, — если мои сведения верны, а они верны, и вам это известно лучше, чем кому-либо, эту ночь хозяин дома провел в Париже, в поисках амурных приключений, хотя вас, полагаю, сумели убедить, что он ездил в Версаль.

— Я непременно приму это к сведению, — благоразумно согласился Николя.

— Надо не просто принять к сведению, господин Ле Флок, надо действовать, и если вы все еще верите мне, надо дать мне возможность помочь вам.

— Всегда к вашим услугам, сударь.

— Это дело затрагивает наши общие интересы. Все, что поможет свергнуть Ла Врийера, послужит скорейшему возвращению Шуазеля. Так что я полагаюсь на вас, на вашу преданность, и жду, что вы станете держать меня в курсе вашего расследования, причем в мельчайших его подробностях. Речь идет о спасении государства. А если вас вновь начнут обуревать сомнения, вспомните, как недостойно поступил с нами этот порочный тип после смерти короля.

Николя, всегда имевший собственное суждение, про себя подумал, что сам Людовик XV бессовестным образом избрал его инструментом своей последней интриги; так что Ла Врийер лишь следовал примеру своего господина. Но даже зная грубую подоплеку этой тайны, он не мог согласиться на предложение Сартина. Бывший начальник полиции направился к камину и, схватив кочергу, стал размешивать воображаемые угли. Этот жест выдал его волнение, возможно, столь же сильное, как и его собственное. Министр знал о его честности и неспособности к обману, а потому мог догадаться об отвращении, пробудившемся у Николя после его слов, и, возможно, уже сожалел, что произнес их.

Николя разрывался между противоречивыми чувствами. Разумеется, он мог принять все за чистую монету, расценив откровенность Сартина как знак оказанного ему доверия. Но в памяти немедленно всплыли досадные примеры о пристрастии магистрата к власти и его привычке манипулировать людьми. Подобно дремлющим в норе ночным зверям, под придворным лоском и безупречными манерами дворянина скрывались безжалостность и холодный расчет прокурора темных дел. Николя подозревал, что, распоряжаясь людьми как марионетками, Сартин находил в этом мрачное удовольствие, порожденное презрением к человеческому роду, возникшему от постоянного столкновения с преступными и низменными натурами. Не хочет ли он вновь установить свой придирчивый контроль над Николя и, подобно укротившему зверя дрессировщику, кончиком кнута проверяет, подчинил ли он его или еще нет? Но не исключено, что, облекая его доверием, он хотел убедиться, что не все потеряно и в этом печальном мире можно рассчитывать на человеческую благодарность. Однако каким бы ни был ответ Николя, в любом случае он поставит его в крайне неловкое положение. Согласится он или же откажется исполнять распоряжения Сартина, его доводы воспримут как недостойные, и самые благовидные из них станут наименее убедительными. Дав согласие исполнить просьбу своего бывшего начальника, он потеряет уважение к самому себе. Он честно служил полицейским, но никогда не был доносчиком. И он решил оставаться самим собой и положиться на судьбу, не раз помогавшую ему выпутываться из самых запутанных историй.

— Я задал вам вопрос, — нарушил молчание Сартин.

— Без сомнения, сударь, ваше положение таково, что многие вещи вам очевидно виднее.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы снова обо всем узнаете первым. Поэтому, что бы я ни предпринял, вы все равно об этом узнаете, так что сообщать что-либо вам нет никакой нужды. С другой стороны, я не могу себе представить, чтобы нынешний начальник полиции, обязанный вам буквально всем, не поспешил ответить на вопросы, кои вам будет угодно ему задать. Так зачем же мне, скромному подчиненному, вмешиваться в отношения между двумя великими?

Сартин побледнел, лицо его перекошилось. Николя показалось, что до него донеслись несколько произнесенных быстрым шепотом фраз, где говорилось о «выученике Лойолы» и «достойном выпускнике иезуитов из Ванна». Но продолжения не последовало. Обернувшись, Сартин устремил на комиссара исполненный жалости снисходительный взор.

— Чего еще от вас ожидать! После четырнадцати лет работы в полиции на самом высоком уровне вы все такой же, как прежде, предельно честный, щепетильный... и в границах, поставленных самому себе. Однако, надо признать, не без способностей... О, если бы маркиз видел вас, он бы вами гордился. Ум Ранрея и голова бретонца. Упрямый, но, как всегда, немного наивный... С виду...

— Второй раз за два дня.

— Что второй раз?

— Меня называют наивным. Господин де Ноблекур вчера вечером...

— Мой старый друг, как всегда, стократно прав. Но довольно. По крайней мере, обещайте, что предупредите меня, если грязь, что полетит от этого дела, станет грозить забрызгать трон. Вы не можете отказаться исполнить такую просьбу.

— Я прослежу, чтобы этого не случилось, сударь.

— Что ж, бегите, дрянной мальчишка. Полагаю, сейчас вы вместе с вашими верными сообщниками предадитесь своеобразному живодерству, необходимому для подкрепления вашей хваленой интуиции.

— От вас ничего не скроешь, — рассмеялся Николя. — Даже будущее.

То ли в шутку, то ли всерьез, Сартин со вздохом погрозил ему пальцем.

Николя поспешил к реке; лицо его горело. Хотя прощание прошло на шутливой ноте, встреча оставила после себя горький осадок. Радость от свидания с бывшим начальником быстро уступила место тревоге. Как трудна эта жизнь! Словно при свете молнии, он увидел своего отца, маркиза де Ранрея, мерявшего широкими шагами нижний зал фамильного замка. Забывшись под навес над камином, маленький Николя слушал, как маркиз громогласно возмущался веком нынешним, дозволившим править бал посредственностям. Готовый принять любые перемены, он сожалел о героических временах, когда историю творили со шпагой в руках, а наивысшей доблестью почиталось умение достойно умереть. Он клеймил выродившиеся дворянство, превратившееся в «племя паркетных шаркунов», оторвавшееся от своих корней и не способное ни на что, кроме зубоскальства над нарушителями этикета в версальских гостиных. Николя вновь испытал чувство пустоты, часто охватывавшее его после смерти Людовика XV. Каждый действовал так, словно преемник покойного монарха являл собой пустое место. Казалось, даже Сартин порвал священную нить, связующую его с новым монархом. Он сильно изменился, а взор его, равно как и помыслы, устремились к Шуазелю, светилу, которое Николя, более хладнокровный или же менее пристрастный, давно считал сошедшим с орбиты. Он не верил возвращение в большую политику отшельника из Шантелу и в споре не поставил бы на него ни лиара. Все знали, какую неприязнь, чтобы не сказать отвращение, испытывал король к бывшему министру. Так кто же из них более наивен? Конечно, Сартин стремился получить должность министра Королевского дома, один раз уже от него ускользнувшую. Сейчас он надеялся, что с помощью королевы и Шуазеля он ее наконец получит. Боги ослепляют тех, кого хотят погубить. Если он сможет помочь своему бывшему покровителю избежать нового разочарования, он непременно это сделает.

На темных бурлящих волнах осенней реки раскачивались подозрительные отбросы. Увидев попавший в случайный водоворот скелет животного, он вспомнил разговор с Ленуаром. Неужели нельзя остановить чуму, что расползается по всему королевству, поражая животных и людей? Мысль о страшной эпидемии не покидала его до тех пор, пока он, задумавшись, не уперся в старинную решетку Шатле. Вспомнив о том, что ожидает его в подземельях мертвецкой, он тяжело вздохнул, ощутив навалившуюся на него усталость. Двигаясь по коридору, он мимоходом бросил тоскливый взор на каменный пол, где, мокрые и обильно посыпанные солью, лежали только что выловленные из реки трупы; городская стража действовала быстро, и бедняга, которого сегодня вытащили из воды возле набережной Тюильри, уже лежал вместе с собратьями по несчастью. Рядом послышался разговор, он узнал голоса друзей и обрадовался.

— А вот и наш Николя! — воскликнул своим низким голосом доктор Семакгюс.

Он снял камзол, старательно свернул его и положил в сторону. С тех пор, как хирург окончательно покорился нежной диктатуре своей служанки, он стал одеваться с иголки и, словно юноша, заботился о своей внешности. Рядом с ним сидел на табурете Бурдо и с наслаждением курил свою старую трубку. Николя достал из кармана табакерку, чтобы взять понюшку. Взор его упал на крышку, и сердце его сжалось: подарок госпожи Дюбарри украшал

портрет Людовика XV, молодого и улыбающегося. Пожав руку Сансону, он предложил табак и ему. Настал черед чихания и приличествующего сей процедуре обмена любезностями.

— В сырое и холодное время, — назидательно изрек палач, — табак предохраняет от гиперемии и воспаления слизистых оболочек. Госпожа Сансон просила передать вам, Николя, что двери нашего дома для вас открыты, и она почтет за великую честь, если вы придете к нам на обед или на ужин, как вам будет угодно.

И, покраснев, он робким тоном добавил:

— Дети будут счастливы вновь увидеть друга их отца.

— Мои наилучшие пожелания вашей супруге, — ответил Николя. — Я охотно воспользуюсь ее приглашением, как только завершу теперешнее дело.

— Начнем же, господа, — торжественно провозгласил Семакгюс, — мы пришли сюда не для обмена любезностями. Поднимаем занавес и приступаем.

Широким жестом он откинул джутовую тряпку, прикрывавшую тело жертвы. Встав с табурета, Бурдо подошел поближе. Все склонились над дубовым столом, где покоилось тело Маргариты Пендрон, и в неверном свете факелов на стенах заплясали вытянувшиеся тени. Николя рассказал, при каких обстоятельствах обнаружили тело жертвы, и высказал свои соображения относительно времени ее смерти.

— Однако, красивая девица, — заметил Семакгюс. — Какая температура была на кухне в особняке Сен-Флорантен?

— Холодно, как на улице, — ответил Бурдо. — Накануне, в воскресенье, там ничего не готовили, а огонь в печах, плитах и каминах погасили еще в субботу вечером.

Оба хирурга принялись ворочать тело. Семакгюс взглянул на часы, что-то тихо сказал Сансону и задумался.

— Мы полагаем, — начал палач, откашлявшись, — что вряд ли нам удастся точно определить время смерти. Скорее всего, она случилась между десятью и двенадцатью часами вечера.

Николя не сумел скрыть своего изумления.

— Я рад, что ваша наука совпала с моими предположениями. Но все же, нельзя ли сказать точнее? Полагаю, вы понимаете, что от вашего заключения зависит спокойствие невинных людей.

— Юнец дерзает учить нас нашему ремеслу, — проворчал Семакгюс. — А ведь мы сами когда-то приобщили его к хирургии, поставленной на службу правосудию!

Все расхохотались. От смеха Бурдо выпустил несколько клубов дыма, а Николя так расчихался, что долго не мог успокоиться. Он был прав: соприкосновение с насильственной смертью, жуткой своей осезаемостью, порождало непредсказуемые взрывы хохота, отчасти наигранного и вымученного. Пользуясь передышкой, каждый старался унять свои чувства, а порой и страх.

— Увы, — ответил Сансон, — ваш вопрос содержит в себе ответ. Низкая температура в помещении, без сомнения, замедлила некоторые естественные процессы. Это усложняет нашу задачу и не позволяет вынести более определенного вердикта.

— Относительно времени, — уточнил Семакгюс.

Доставая из деревянного, покрытого лаком чемоданчика сверкающие инструменты, он перехватил любопытный взор Николя.

— Любуетесь моим сундучком? Его вы еще не видели. Я привез его из Голландской Индии. Это единственный экземпляр, вырезанный из цельного куска гниlostойкого железного дерева.

— Полагаю, — промолвил Николя, предвосхищая объяснения друга, — он пересек немало морей и океанов, ведь его стенки не боятся ни соли, ни сырости.

— Совершенно верно, я приобрел его, чтобы предохранить инструменты от ржавчины. В остальном, как я уже сказал, если вы хотите знать причину смерти, то она налицо. Вы согласны, дорогой коллега?

При этом обращении Сансон радостно улыбнулся, и они вновь склонились над телом. При каждом вскрытии Николя невольно сравнивал обоих анатомов с двумя воронами, которых в детстве он однажды увидел на тропинке, бегущей по берегу Вилена: птицы трудились над трупом сдохшего животного. Согласно сложившемуся ритуалу, некоторое время хирурги обменивались репликами, не переставая при этом ощупывать рану на шее и производить замеры.

— Николя и вы, Пьер, подойдите поближе, — сказал Семакгюс. — Что мы видим? У основания шеи зияет рана в форме воронки, глубокая и несовместимая с жизнью. Посмотрите, у нее рваные края, а мягкие ткани раздавлены и примяты. Какой вы делаете вывод?

— Можно исключить применение режущего инструмента, — ответил Николя.

— Использованный предмет обладал необычной формой, — добавил Бурдо, — ибо оставленное им отверстие больше всего напоминает грушу!

— Да у вас просто талант анатома!

Придвинувшись к корабельному хирургу, Сансон что-то прошептал ему на ухо.

— Согласен, — произнес тот, — но сомневаюсь, что наши друзья согласятся на такой эксперимент!

— Мы согласимся со всем, что приведет нас к истине, — заявил Николя, — ибо по сравнению с вами мы всего лишь жалкие школяры и подмастерья.

— Табак Бурдо и крупная соль, которая, полагаю, найдется в кармане комиссара, помогут вам перенести испытание.

Семакгюс намекал на один из способов защиты от козней демона, к которому нередко прибегала Фина, кормилица Николя в Геранде. От этих воспоминаний у него посветлело на душе. Совершив необходимые приготовления, он, сжав пальцы в кулак, решительно погрузил руку в рану на шее. Отверстие соответствовало форме мужского кулака. Организаторы эксперимента заинтересованно следили за его действиями. Первым нарушил молчание Бурдо.

— То есть мы хотим сказать, что несчастное создание убили голыми руками?

Сансон покачал головой.

— Мы не станем утверждать столь безапелляционно. Какой бы сильной ни была рука, она не в состоянии размозжить мягкие ткани, разорвать их и вдавить внутрь.

Николя задумался.

— Насколько я понял, убийство совершено предметом в форме руки, достаточно прочным, чтобы пробить мышечные ткани.

— Пробить — не главное, — заметил Семакгюс. — Не будем забывать: рана разможенная. И заметьте, господа, неизвестный предмет вошел в шею справа. Из этого я делаю вывод, что на жертву напали спереди, что не соответствует описанию места преступления, или же сзади, но в таком случае...

Встав позади Сансона, левой рукой он прижал его к себе, а правой попытался воспроизвести удар.

— ...следует признать, что нападавший был вооружен неизвестным нам предметом. В таких условиях даже согнутой рукой нельзя нанести удар подобной силы. Если, конечно, рука, как в нашем случае, не вооружена соответствующим орудием.

— Послушайте, — задумчиво проговорил Бурдо, — а не может ли такая рана появиться в результате нескольких ударов ножом, нанесенных один за другим?

— Разрезы выглядят совершенно иначе.

— Неведомое орудие напоминает мне деревянную затычку, какими у нас затыкают бочки.

— Слова истинного уроженца Турени!

Корабельный хирург отпустил Сансона, и тот принялся приводить в порядок фрак сливового цвета, изрядно пострадавший от крепких объятий приятеля.

— Так пусть наши анатомы, наконец, вынесут свой вердикт! — нетерпеливо воскликнул Николя.

— Молодая женщина скончалась от смертельного удара, нанесенного в основание шеи. Роковой удар разорвал подключичные сосуды, ответвляющиеся от дуги аорты. Произошло внутреннее кровотечение, ставшее причиной немедленной смерти.

— Кою мы и установили, — завершил Николя.

— Обратите внимание: кровотечение именно внутреннее, — произнес Сансон, — и именно оно стало причиной смерти жертвы, задохнувшейся из-за сжатия плевральной полости. У жертвы не было ни малейшего шанса выжить, — подвел итог Семакгюс.

— И это все? — спросил Николя.

— О! Девушка вела веселый образ жизни, причем накануне гибели, и тому есть веские доказательства.

— То есть в тот вечер, когда было совершено преступление?

— Нет, за день или несколько до гибели. На теле имеются следы, свойственные девушкам для утех самого низкого пошиба, обслуживающим клиентов буквально одного за другим.

— Вы хотите сказать, что она предавалась разврату?

— Безудержному. Мы обнаружили эрозию, сопутствующую такого рода занятиям, и остатки вяжущей мази, густого бальзама, позволяющего устранить последствия частого и грубого введения мужского члена.

— Мазь изготавливают из корня растения семейства розоцветных, именуемого «львиной лапкой», — с ученым видом сообщил Сансон. — Она в ходу у девиц, желающих скрыть последствия кое-каких злоупотреблений.

— Наконец, — промолвил Семакгюс, удерживая кончиками пинцета маленький темный комочек и протягивая его обоим сыщикам, — посмотрите, что мы нашли в «форточке»: это губка, которую закладывают в искомую «форточку» с целью предохранения от последствий, что, бесспорно, доказывает, что ваша клиентка готовилась к встрече с любовником!

Собравшиеся умолкли. Наконец тишину нарушил решительный голос Николя:

— Пьер, — произнес он, — как только мы найдем орудие преступления, мы найдем и убийцу.

V

МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

И язык — огонь, прикраса неправды.

Иак. 3,6

Бурдо и Николя отправились в дежурную часть, и пока инспектор набивал трубку, комиссар излагал ему план предстоящей баталии. Николя знал, что никто не сможет заставить его сделать то, с чем не согласен он сам. Заброшенный поручениями и осыпанный заданиями, разрываясь между министрами и собственным начальником, он решил вступить на путь, который, по его убеждению, вел к истине. А так как все дела являлись срочными, следовало определить очередность и, отложив в сторону второстепенное, заняться главным. Для начала он коротко пересказал инспектору свой разговор с Ленуаром. О неожиданном сообщении Сартана он предпочел умолчать — по крайней мере, пока. Тем не менее он высказал сомнение, действительно ли в ночь убийства герцог де Ла Врийер находился в Версале.

— Вы же знаете, дорогой Пьер, какое бы доверие ни питали мы к словам министра, прежде всего мы обязаны отыскать убийцу. Надо во что бы то ни стало найти орудие преступления, или тот предмет, который в него превратили, хотя я не уверен, что нам это удастся. Сточная канава и река всегда под рукой. Мне необходимо допросить членов семьи раненого дворецкого. Возможно, там мне удастся кое-что накопать.

— Вот тут имена и адреса родственников его покойной супруги, — промолвил Бурдо, доставая из кармана листок бумаги. — Их трое: во-первых, его свояченица, монахиня монастыря Сен-Мишель-Нотр-Дам-де-Шарите, что на улице Пост...

— Какого устава? Монастырей сейчас в Париже столько!

— Заведение было открыто Жаном Эвдом для лиц женского полу, пожелавших раскаяться в своих прегрешениях.

— И принять постриг?

— Нет! Жить в качестве пансионерок.

— Как зовут свояченицу?

— Элен Дюшамплан. Став монахиней, она приняла имя Луизы от Благовещения. Затем идет первый шурин, Жиль Дюшамплан, и его жена Николь. Наконец, Эд, его второй шурин, самый молодой, он живет вместе с братом и его женой на улице Кристин.

— Постарайтесь разузнать об этих людях как можно больше, и не оставляйте в покое слуг из особняка Сен-Флорантен; уверен, вскоре кто-нибудь из них о чем-нибудь да проговорится. Встретимся вечером на улице Монмартр, ближе к ужину. Уверен, Катрина и Марион предложат нам достойную трапезу.

— А мы не потревожим господина де Ноблекура?

— Разумеется, нет. К сожалению, сейчас ему на ужин приносят несколько слив и травяной отвар, но он с удовольствием выпьет его в нашем обществе и, воспользовавшись возможностью, выдаст очередную порцию продуманных и отточенных сентенций, которые, как я давно заметил, чудесным образом приходятся к месту.

Прощаясь с Бурдо, Николя взглянул на часы: стрелки показывали полдень. Покидая Шатле, под портиком ему пришлось посторониться и пропустить погребальный конвой, сопровождавший почерневший гроб с телом подсудимого. Он с содроганием вспомнил, что этот кое-как сколоченный ящик, весь в занозах, более сотни лет используется для погребения скончавшихся в Шатле узников. Тюремщики в шутку называли гроб «корочкой от пирога»: одна его стенка приподнималась, и тело соскальзывало в общую могилу. Трупы утопленников подвергались иной процедуре: несколько дней они лежали на каменном полу мертвецкой для опознания, потом их укладывали на носилки и отправляли в монастырь госпитальерок Святой Екатерины, где, согласно монастырскому уставу, монахини обмывали бранные останки, заворачивали их в саван и передавали гробовщикам, хоронившим их на кладбище Невинных.

Шумные торговцы, расставившие вдоль улицы свои лотки, и сновавшие во все стороны прохожие сбивали Николя с мысли, и он решил взять портшез. Ему хотелось как можно скорее попасть на улицу Нев-Сент-Огюстен. Втиснувшись в узкий ящик, обитый обшарпанным бархатом, он погрузился в дремотное состояние, и чтобы не заснуть, время от времени бросал взгляд в окошко. Во время пеших прогулок он изучал лица горожан; из окна фиакра или портшеза можно было спокойно созерцать крыши домов, балконы, решетки, консоли и помпезные либо гротескные фигуры, украшавшие фасады особняков. В первый же день своего пребывания в Париже он понял, насколько опасно, идя по улице, задирать голову и любоваться красотой столичных домов: когда по мостовой с грохотом проносились карета, фиакр, деревенская колымага или ломовые дроги, всем, кто не успел впечататься в стену или шмыгнуть в открытую дверь лавочки, приходилось плохо.

В управлении полиции он заметался по разным службам. Первый же клерк, поджав губы, спросил, какой скот его интересует: на своих ногах или в тушах, ибо торговлю скотом и надзор за его разведением нельзя путать с торговлей мясом. Короче говоря, в здании, где располагалось управление господина Ленуара, чиновнику, ответственному за интересовавший Николя вопрос, не хватило рабочего кабинета, а потому искать его следовало в иных краях. После долгих увиливаний клерк, наконец, отослал его на улицу Сен-Марк, к господину Пуассону. Когда Николя пришел в конюшню начальника полиции, откуда он четырнадцать лет подряд брал лошадей для нужд службы, новый конюх надменным тоном отказал ему, и, только собрав в кулак все свое терпение и старательно забыв о своем титуле маркиза, Николя сдержался и не задал бездельнику заслуженную трепку. С трудом подавляя рвущееся наружу возмущение, он отправился просить бумагу за подписью еще одного клерка, который, прежде чем поставить эту подпись, долго задавал ему праздные вопросы. Вскочив в седло, он немедленно пожалел, что отпустил портшез. Лошадь, которую ему выбрали, обладала гнусным характером; стремясь сбросить его, она то и дело останавливалась и взбрыкивала. Не сумев достичь желаемого, она сменила тактику и начала прижиматься к стенам, едва не раздавив ему ноги.

На улице Сен-Марк его ожидало новое открытие: господин Пуассон занимался вином, овощами и фруктами, а мясом и скотом заведовал господин Имбер, обретавшийся на улице Ришелье. К счастью, указанная улица пролежала рядом, и он быстро добрался до цели. Но, к сожалению, господин Имбер ведал исключительно мясом и той скотиной, которая уже пересекла заставы и считалась собственностью мясников. За интересующими Николя сведениями следовало обратиться к господину Колару дю Тийолю с улицы Судьер, что возле рынка Невинных. Прежде, чем отправиться по указанному адресу, комиссару пришлось изрядно попотеть, оттаскивая свою кобылу от сложенных горкой кочанов капусты.

Дверь очередного мэтра пришлось брать штурмом; увидев на пороге разгневанного посетителя, мэтр сделал вид, что он страшно занят. Тяжелой поступью Николя шагнул в контору, жалея, что не взял с собой хлыст. Перепуганный клерк нырнул под заваленный бумагами стол, а мэтр сообщил Николя, что по интересующему его вопросу следует обращаться к почтенному господину Лонжеру, проживающему на площади Попенкур, ибо тот пользуется уважением и доверием не только своих соседей, но и всех скотоводов виконтства и интендантства Парижского. Николя сухо поблагодарил господина Колара дю Тийоля и приказал ему препроводить норовистую конягу в управление полиции. Не в силах долее терпеть ее выходки, он решил нанять фиакр, ибо путь предстоял неблизкий. Вернувшись на улицу Сент-Оноре, он потратил немало времени, прежде чем ему, наконец, подвернулся свободный экипаж. Кузов экипажа оказался грязным, а в пятнах, украшавших засаленную обивку скамьи, наметанный глаз полицейского распознал затертые пятна крови. Кое-как устроившись, он стал размышлять, кого могла перевозить подозрительная колесница. Впрочем, не исключено, что на ней провезли избитого пьяницу, подобранного в сточной канаве, куда он рухнул после обильного возлияния, завершившегося дракой. Опустив окошко, комиссар с жадностью глотнул свежего воздуха.

Лавируя среди гуляющих зевак, экипаж то замедлял, то убыстрял ход. Посреди улицы Сент-Антуан, под скрипучие звуки рылей весело кружились в хороводе мальчишки и девчонки. Рылейщик, прибывший, судя по платью, из провинции, одной рукой вертел ручку инструмента, а другой наигрывал мелодию на струнах, притопывая в такт ногой в деревянном сабо. Фиакр стоял, и Николя, созерцая сию мирную картину, предался ностальгическим воспоминаниям. Чем запомнились ему годы юности? Мальчишкой вместе со своими ровесниками он бегал на болота в поисках приключений. Затем бесконечная учеба, удручающая своей серьезностью. Страхи, обуревавшие его в коллеже, ибо, несмотря на блестящие способности, товарищи его, рожденные в лучших семьях Бретани, ни в грош не ставили бедного сироту. Двусмысленное

положение в конторе нотариуса в Ренне, где его аристократические связи вызвали одновременно и зависть, и презрение со стороны других учеников конторы. И постоянное одиночество, мрак, который рассеивался лишь с появлением его опекуна, каноника Ле Флока, его отца, маркиза де Ранрея и его сестры Изабеллы. Он плохо помнил лицо Изабеллы, но по-прежнему вспоминал о ней с волнением. И он стал молить Бога, чтобы Тот избавил его сына Луи от одиночества, ставшего уделом его отца.

Проезжая предместье Сент-Антуан, он в очередной раз подивился пестрой многолюдной толпе, мельтешившей вблизи мрачных стен Бастилии. Кого там только не было: и мирный буржуа в окружении домочадцев, и подвыпивший работник с мануфактуры, и зажиточный крестьянин из предместий в доморощенном наряде, и наглая девица для утех, и целая армия нищих и калек, настоящих и мнимых, вытесненных провинциями в столицу королевства. Привлеченные чарующими миражами Парижа, бедняги ежедневно прибывали в столицу, надеясь обрести здесь счастье и положить конец нищете. Работники, отправленные в принудительном порядке на строительство дорог, также пополняли отряды нищих, ибо кормили этих несчастных плохо, а работать заставляли много, и они в отчаянии бежали в города. Николя давно убедился: большинство искателей лучшей доли, попав в Париж, пополняли ряды воров, грабителей и убийц и кончали свои дни либо в темнице, либо на королевских галерах, либо на виселице, где их жалкие тела долго раскачиваются в назидание собратьям; совершивших особо тяжкие преступления ждал эшафот.

Комиссар велел кучеру свернуть в сторону Попенкура. Стоило им покинуть центральные улицы, как лихорадочная суета уступила место провинциальному спокойствию и деревенской тишине. Дорога стала шире, по обе стороны потянулись мастерские и лавки мебельщиков и резчиков по кости, вдалеке показались сады и фермы. Ветерок, насыщенный теплым тяжелым ароматом навоза, быстро разогнал зловонные запахи города. Навстречу фиакру уныло брело стадо грязных коров. Предназначенных для забоя животных гнали к заставе.

Вдоль дороги, возбуждая аппетиты покупателей, были выставлены образцы мебели. Он с горечью вспомнил, как однажды в придорожной мастерской купил небольшой письменный стол. Ноблекур даже поднялся к нему на этаж, чтобы полюбоваться его покупкой, но, увидев приобретение, с трудом сдержал смех. Обескураженный Николя не видел ничего смешного в купленной им вещи, тем более что цена ее казалась ему вполне разумной. Каково же было его изумление, когда спустя несколько недель стол ни с того ни с сего расклеился и развалился на части! Мошенники и махинаторы, имя коим легион, компрометировали работу трудолюбивых мастеров-краснодеревщиков. Имея смутное представление о ремесле, они изготавливали однодневки, которые, выйдя из мастерской, через две-три недели рассыпались на части или под натиском древоточцев превращались в труху.

Усадьба папаши Лонжера — несколько деревенских строений, окруженных стойлами, садами и огородами, — располагалась в обсаженном липами тупичке. Сидевшая на каменной тумбе кумушка, окинув любопытствующим взглядом экипаж, подтвердила, что здесь, действительно, живет господин Лонжер. Расплатившись с кучером, упорно прятавшим лицо под надвинутой на самый нос шляпой, Николя, бросив взгляд на номер фиакра, увидел 34, число, соответствующее его возрасту, а за ним, на белом — согласно предписанию — фоне букву N, то есть заглавную букву имени, данного ему при крещении, и две большие буквы PP. Усмехнувшись, он решил, что счастливое сочетание цифр и буквы позволяет ему не сообщать в транспортную контору о неопрятном состоянии кузова. Он имел слабость верить в приметы, и, хотя давно считал себя истинным парижанином, его кельтская душа часто давала о себе знать.

Обходя злобного желтого пса, который, натянув веревку, лаял и рвался к чужаку, он ступил на двор фермы. Из-под навеса вынырнул сутулый человек преклонного возраста, с грубыми чертами лица и задубевшей от постоянного пребывания на воздухе кожей. Венчик редких седых волос обрамлял лысый, в темных старческих пятнах череп. Одет крестьянин был

в темную куртку с пуговицами из рога, серые суконные штаны до колен, вязанные чулки из небеленой шерсти и прочные башмаки на деревянной подошве, подбитой железными гвоздями. Опираясь обеими руками на суковатую палку, он молча взирал на визитера. Придав лицу равнодушное выражение, Николя спросил:

— Не подскажите ли, сударь, где живет господин Лонжер?

Субъект сплюнул в сторону.

— А какого Лонжера вам нужно — старого или молодого? Ежели старого, так вот он я, перед вами.

И он гневно топнул ногой по утопанной земле двора.

— Похоже, черт его подери, вы снова по тому же делу! Ох, получается, что комиссар остался недоволен. Да это просто бедствие какое-то! Ладно, обещаю: сам буду проверять скотину, хотя, признаюсь честно, это не прибавит уважения к моим седидам...

Он швырнул камень в продолжавшую заливаться собаку:

— Замолчи, Сартин!

И исподлобья взглянул на Николя:

— Без обид. Тот тоже отличный сторожевой пес.

Расхохотавшись, крестьянин хлопнул себя по бедру.

Николя улыбнулся: он уже встречал попугая, носившего имя бывшего начальника парижской полиции. Зная, что истина зачастую скрывается среди беспорядочного потока слов, он решил притвориться, что понимает смысл адресованной ему речи.

— Конечно, в подобных обстоятельствах задача ваша оказалась не из легких, — сочувственно произнес он. — Но скажите, когда вы впервые узнали об этом?

— Да ничего я не узнал. Болтали много, вот полиция и явилась. А без нее мы бы поговорили наедине и, сами понимаете... Что игра идет честная, утверждать не стану, тут есть, кому хочется заграбастать побольше. Ну, мы даем паршивой овце время, а коли она упирается, гоним ее ко всем чертям.

— Давайте внесем ясность, — перебил его Николя. — Если я вас правильно понял, когда вы обнаруживаете в вашей корпорации нарушителя, вы стараетесь сами осуществлять правосудие?

— Точно так! Да вы, черт возьми, все на лету схватываете!

— А за кого вы меня принимаете?

— За полицейского, черт возьми! Вы ведь по поводу пивной дробины?

— Пивной дробины?

— Да, ее самой. В пивоварнях этого добра немерено, они только и мечтают от него избавиться. Пророщенный и дробленный ячмень ставят бродить, потом отсасывают сусло, и остается гуща. Так вот, самые ушлые из нас скупают гущу по бросовой цене и этим дерьмом кормят скот. А если я говорю «дерьмом»...

— То что?

— Что? Не прикидывайтесь сахарным! Скотину раздувает, мясо ее портится, и покупатель остается в дураках. Вес и тот меняется: все на этом проигрывают, кроме мошенников!

Он затопал ногами от возмущения.

— Я, сударь, знаете ли, люблю свою скотину. Выкармливаю ее как собственных детей. Ну, да мы вроде справились. А вы разве не за этим сюда явились? Тогда чего вам надо?

— Успокойтесь, господин Лонжер, мой приезд не имеет никакого отношения к мошенническому использованию солодовой гущи. Начальник парижской полиции господин

Ленуар поручил мне сообщить вашей почтенной корпорации об угрозе эпидемии антракса, свирепствующего в нескольких провинциях.

Николя отчаянно пытался найти зацепку, чтобы завести разговор о Маргарите Пендрон. Он многословно объяснил цель своего визита в Попенкур, рассказал о возможных последствиях эпидемии и напомнил об указе его величества о мерах по предотвращению распространения заразы. Вкрадчивым голосом и многозначительными интонациями он так запугал папашу Лонжера, что тот буквально обвис на своей палке и едва не потерял дар речи.

— Итак, — говорил Николя, — нужно безотлагательно, хотя и не трезвоня во все колокола, ибо, как вы догадываетесь, панику отнесут на ваш счет, сообщить всем, кто занимается разведением и откормом скота, о надвигающейся угрозе и предупредить о необходимости соблюдать надлежащие меры предосторожности.

Он напомнил, что король и его министры неустанно заботятся о благе своего народа, и в этом им помогают начальник полиции Парижа и парламент. Сказал, что распространение эпидемии антракса будет иметь тяжкие последствия для всего королевства. Он размахивал руками, подкрепляя слова жестами, и упорно смотрел в сторону стойла, словно хотел проверить, не прячут ли в нем зараженный скот. Не переставая говорить, он уверенным шагом шел к дому, потом резко менял направление, сворачивал то вправо, то влево и в конце концов окончательно заморочил хозяину голову.

— Соберите, созовите, призовите, объясните, — назидательным тоном изрекал Николя, обрушивая на голову крестьянина поток слов. — Уведомите всех членов вашей корпорации, от Попенкура до Иври, где так много молочных ферм, и от Венсенна до Шайо. Ведь вы же понимаете...

Внезапно сменив тему, он нанес удар:

— А как поживает папаша Пендрон?

Фермер в растерянности остановился, словно Николя сказал нечто совершенно неуместное.

— Папаша Пендрон? Бедняга скончался в прошлом году. Печальная история, сударь, очень печальная. Человек он был хороший, это точно. И не бездельник. Его даже трудно было уговорить раздавить бутылочку! И при этом отличный малый, и честный, и большой искусник в своем деле. Увы, дочь его убила, ну, не напрямую, конечно, а так. Но вы, я думаю, знаете эту историю?

— Без подробностей.

Николя мог себя поздравить: хитрость удалась. Он с первого выстрела попал в цель.

— Не побоюсь сказать, эта вертихвостка сделала несчастными целых две семьи: отец из-за нее умер, а ее несчастный жених скатился на дурную дорожку.

— Расскажите мне об этом поподробнее, если, конечно, у вас найдется немного времени.

— К вашим услугам, сударь. Как вас величать?

— Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле.

— Черт побери, я же сказал, что вы из полиции! Приглашаю вас выпить стаканчик. От долгих разговоров пересыхает в горле, да и слушать с промоченным горлом тоже способнее. Не стану скрывать, с возрастом ноги у меня отекают, и мне трудно долго на них стоять.

Папаша Лонжер направился к длинному одноэтажному строению. Спустившись на несколько ступенек, они очутились в просторной комнате с утопанным земляным полом и выбеленными известкой стенами. Буфет, длинный дубовый стол с двумя скамьями по обеим сторонам, сверкающий медный источник для очистки воды и камин с крюком для котла составляли все ее убранство. Папаша Лонжер хлопнул в ладоши, и тотчас появилась старая хромая служанка. Исполняя приказание хозяина, она спустилась в погреб, куда вела дверь в

углу комнаты, и принесла кувшин вина, который поставила на стол вместе с двумя стаканами из грубого стекла. Они сели за стол.

— Молодое вино с виноградников Сюрена, — сообщил хозяин, разливая вино цвета спелой малины.

Подтолкнув к Николя миску с орехами, он сам взял парочку и, сжав в кулаке, расколол сразу оба. На его темную куртку посыпались кусочки скорлупы.

— Сами понимаете, о таком конфузе как не посудачить, — начал он. — Красивая девушка из почтенной семьи скотоводов отказала достойному претенденту, потомственному садовнику. Скандал был знатный. С чего вдруг она не захотела выйти за садовника? Денежки водились и у Пендронов, и у Витри, и не только в кубышке. Зачем ей было выше себя прыгать? Наверное, очень уж горело у нее в одном месте! Знаю, все твердили, что, мол, жених немного не того, не сумел ее охмурить, чтобы ненужные мысли у нее из головы вылетели. Эх, что ни говори, а пару нам подыскивает судьба. Если бы не она, все бы только на богатых и женились, выгоду свою искали. Да, у нас так: все за-ради скотины, за-ради огорода! А кто девушке нравится — кого ж это интересует? И все равно, этот брак был бы не из худших.

— Так свадьба не состоялась?

— Нет! Папаша Пендрон умер. Тут у нас тоже надо поступать по-честному. А мамаша Пендрон лишила дочь наследства, все продала, купила ренту и отбыла к себе в провинцию, чтобы не раздувать скандала.

— А дочь?

— Исчезла! И ничего о ней не знают. Ну, слухи, как вы понимаете, ходят. Одни говорят, что она в тюрьме, другие клянутся, что видели ее на бульварах, третьи смотрели, как она на ярмарке с медведем плясала. Кто-то сказал, она шатается по улицам, заманивая клиентов, кто-то видел ее на набережной Пеллетье, где речные грабители прячут свою добычу... Ну а что тут правда, что домыслы, соображайте сами.

— А несостоявшийся жених?

— Молодой Витри? Ансельм? Этот всегда любил свой сад и свои овощи, но, когда она его бросила, он умом повредился и тоже сбежал из родительского дома. Говорят, его видели в предместье Сен-Марсель, где он валялся в канаве пьяный. Я слышал, он подцепил дурную болезнь и наделал столько глупостей, что совсем взбесился, и его заперли в Бисетр, то ли с сумасшедшими, то ли с больными. Вот это и впрямь несчастье! В семье Витри предпочитают о нем не вспоминать.

Узнав достаточно, Николя на всякий случай еще раз произнес речь об угрозе эпидемии, выпил пару стаканов молодого вина, сгрыз несколько орехов и распрощался с хозяином. В восторге от гостя, крестьянин заставил его поклясться всеми богами, что он непременно посетит его еще раз. А что касается эпидемии, то он, Лонжер, лично следить станет и все соседи тоже, так что — да благословит Господь их молодого короля! — они сделают все, чтобы оберечь город от беды. Тем же, кто станет артачиться, он, прощения просим, самолично вилы в зад воткнет. И добавил, что он, конечно, не желает никого оговаривать, но, по его мнению, неплохо бы потрясти и мясников, дабы выяснить, требуют ли они у тех, кто продает им скот, заверенные полицией аттестации. А еще хорошо бы проверить, точно ли это алчное отродье забивает скот как положено, то есть в течение двадцати четырех часов после покупки.

Николя со всем согласился и все пообещал. Выйдя на улицу, он пожалел, что отослал фиакр: сегодня он хотел успеть расспросить монахиню, свояченицу Жана Миссери, а затем нанести визит семье Дюшамплан. Пройдя по улице Фобур-Сент-Антуан, он миновал Бастилию, вышел на улицу Сент-Антуан, дошел до улицы Сент-Оноре, свернул налево и прошел по зловонной, хоть нос затыкай, улице Планш Митрэ, по мосту Нотр-Дам перебрался на Сите, затем прошел по Малому мосту, добрался до улицы Эстрапад, обошел аббатство Сен-Женевьев

и вышел на улицу Пост. На этой улице, в нескольких туазах от площади Вьей Эстрапад, стояло здание женского монастыря Сен-Мишель.

Наняв кокетливый, покрытый свежим лаком двухколесный экипаж, он назвал кучеру адрес и, прикрыв глаза, погрузился в размышления. Съездив в Попенкур, он не только исполнил свою миссию и сделал все, чтобы защитить парижский скот от эпидемии, но и пополнил свои знания о жертве. Впрочем, разве его миссия не являлась предлогом, чтобы отправить его по следам Маргариты Пендрон? В сущности, он ездил туда не из-за угрозы антракса: борьба с эпидемиями не входила в его компетенцию. Следовательно, Ленуар знал больше, чем говорил. Интересно, а не было ли, несмотря на видимость раздора, сговора между министром и начальником полиции? А может, герцог захотел его проконтролировать? Впрочем, если верить Сартину... Но говорил ли он правду или, как обычно, держал в рукаве запасную карту, чтобы в нужный момент вытащить ее с ловкостью фокусника? Не горячиться и не отпускать на волю воображение, приказал себе Николя. Опирайтесь только на голые факты, в том порядке, в котором удалось их собрать, затем рассортировать, сравнить и идти новым путем, если таковой откроется. Девушка Пендрон покинула родительский дом, желая избежать брака, решенного семьями. В Париже она долго оставалась неприкаянной, зарабатывая на жизнь развратом, а потом каким-то образом получила место горничной герцогини де Ла Врийер. Из котла, в котором варилась прислуга герцога, где бурлили соперничество и ревность, исходил острый запах ненависти. Надо бы разобраться в запутанных отношениях обитателей особняка Сен-Флорантен, подумал Николя. А еще составить подробную таблицу полученных показаний и попросить судебного пристава допросить семейство Витри, огородников из предместья Фобур-Сент-Антуан: даже самые ничтожные сведения, словно частички мозаики, помогают восстановить целостность картины. Его же путь лежит в Бисетр, где, несмотря на совет Сартин, ему пока не довелось побывать. Упоминая это скорбное место, напоминавшее, если верить слухам, Дантов «Ад», его бывший начальник становился мрачен и серьезен.

Окрик кучера, понукавшего свою лошадь, вывел Николя из состояния задумчивости. Подъем, ведущий к самой высокой точке города — площади Вьей Эстрапад, круто шел в гору. Службы полицейского управления недавно рассматривали проект сооружения водоподъемной машины, дабы подвести воду от Порт-А-л'Англэ к этой площади, где предполагали создать общественный колодец. Стоимость доставляемой в столицу воды постоянно увеличивалась, тяжким бременем ложась на самых бедных. В царствование Людовика XV количество водоподъемных установок в городе преумножилось. Проезжая мимо лавки, кокетливая вывеска которой расхваливала товар мраморщика Кеньяра, готового исполнить плиту для любой могилы и начертать на ней эпитафию, экипаж замедлил ход. При въезде на улицу Пост Николя заметил контору, где можно было нанять мальчишку с фонарем; припозднившиеся парижане охотно пользовались такой услугой. Фонари тщательно пронумеровывали, а мальчишек регистрировали в полицейских конторах и выдавали им письменные разрешения, снабженные печатью. Естественно, эти молодые люди становились осведомителями, и их ежедневные доклады являли собой ниточки той гигантской паутины, концы которых вели в кабинет начальника полиции. Николя увидел несколько кучно стоящих неприглядных построек, посреди которых одиноко высилась колокольня с окошками под нефом. Карета остановилась, и кучер указал ему на дом, где обрелись монахини монастыря Сен-Мишель.

На этот раз Николя приказал вознице дожидаться его. Зная нетерпеливый и изворотливый характер кучерского сословия, он пообещал малому поистине королевские чаевые, ежели тот не покинет свой пост. Подойдя к массивной двери, он взялся за ручку, которая, судя по виду, приводила в движение расположенный где-то в глубине колокольчик. Пошевелив ручку, он с удивлением услышал бронзовый звон совсем рядом, и вскоре окошечко в двери открылось. Он представился и попросил свидания с сестрой Луизой от Благовещения. Окошечко с глухим стуком захлопнулось; пришлось ждать. Наконец дверь открылась, и на пороге появилась

высокая монахиня; она стояла против света, и лица ее он не разглядел. Пригласив его войти, она, выглянув на улицу и окинув ее подозрительным взглядом, старательно захлопнула за ним дверь. В полумраке казалось, что она не шла, а скользила по длинному, выложенному плиткой наощенному коридору; свет проникал в него через единственное торцевое окно с витражом, изображавшим святого Михаила, поражающего змея. Повернув налево, сестра ввела его в приемную; вся обстановка ее состояла из двух стоявших друг напротив друга кресел, обитых тканью, возраст которой не поддавался определению.

— Слушаю вас, господин комиссар. Я сестра Луиза от Благовещения.

Громкий визгливый голос прозвучал у него за спиной. Обернувшись, он обнаружил, что в комнату бесшумно вошла крошечная женщина; она была столь мала, что ему пришлось нагнуться, чтобы рассмотреть ее. Не только низенькая, но и толстенькая, с талией, почти равной росту, она казалась карлицей; похожее существо он однажды видел на ярмарке в Сен-Жермен. Полуприкрытые глаза на одутловатом лице тонули в складках щек; мясистые губы кривились в едва заметной усмешке; скрюченные пальцы перебирали черные шарики четок. Кивком головы она пригласила его сесть.

— Полагаю, вам известно, сестра, — начал Николя, — какие события заставили меня оторвать вас от благочестивых занятий?

— Мирская жизнь, сударь, протекает за стенами этого дома, не нарушая его мир и покой. Вы хотите сказать, что ваш приход связан с одной из наших пансионеров? Эти грешницы нередко поддаются искушению демона.

— Нет, речь пойдет не о ваших пансионерках. Вам известно, что случилось с вашим зятем Жаном Миссери, дворецким герцога де Ла Врийера?

Глаза-щелочки монахини сузились, словно у кошки, притворившейся спящей.

— После смерти моей сестры мы виделись с ним только на ежегодных мессах. Да и прежде...

Она оборвала фразу на полуслове. Николя молчал; он умел ждать.

— Мне никогда не нравился этот союз, — продолжила она. — Но сестра меня не слушала. Увы! Своеволие привело ее к смерти.

Он не мог пропустить подобную реплику.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что Господь не благословил этот союз, и его мертворожденный плод погубил мою сестру.

Она развела руками, четки упали на пол, но она этого не заметила.

Николя поднял четки и протянул владелице.

— Вы думаете, его мучила совесть, он сожалел о ее смерти? — вновь заговорила монахиня. — Ни капельки. Он нисколько не раскаялся. Сначала он притворялся, что опечален ее смертью, и те, кто плохо его знал, верили ему. Однако печаль его была напускная, он всего лишь стремился показать себя с лучшей стороны, об искреннем раскаянии или сожалении даже речи не было. Увы, Господу известно наше бессилие... Тому, кто стал причиной совершения греха, грозит гибель! Мы же, трудясь ради спасения наших ближних, зарабатываем спасение собственное.

«Отчего ее тянет на сентенции? Какие мрачные мысли заставляют ее изрекать фразы, полные горечи и недомолвок?» — недоумевал Николя.

— Сестра, сегодня ночью Жана Миссери ударили кинжалом.

— Значит, он умер, — быстро произнесла она.

Он промолчал: ее ответ можно было истолковать и как вопрос, и как утверждение, но понять, знала ли она о случившемся или же услышала впервые, он не смог.

— На исповеди, в присутствии членов нашей общины, я покаюсь в той радости, что испытала сейчас, — продолжала она. — Да помилует его Господь: «И небеса нечисты в очах Его... и в Ангелах Своих усматривает недостатки»^[16].

И снова Николя бы не сказал, что она знала о случившемся. Или услышала впервые.

— Не кажется ли вам, сестра, что ваши чувства не соответствуют вашему званию, подразумевающему жалость и сострадание?

Маленькие глазки сверкнули холодным блеском, а голос возвысился до визга:

— Жалость, сострадание! А он пожалел мою сестру? Сохранил уважение к ее памяти? Он предпочел вываливаться в грязи, в нем проснулся скот...

Она заломила руки.

— Если он и молит Господа избавить его от дурных страстей, неужели вы поверите, что Господь внемлет его молитвам? Он всегда хочет только наполовину. А хотеть наполовину означает не хотеть вовсе.

— Я понимаю, сестра, ваши чувства, но все же, что вас столь сильно возмущает?

— Преступные пороки, которым зять стал предаваться после смерти моей сестры. В его сердце поселились извращения, порочащие творения Господа. Подчинив все свои чувства животной похоти, он дошел до того, что его безнравственное поведение стало вызывать повсеместное возмущение. Даже стены этого дома содрогнулись от его поступков.

— Но неужели за свойственные человеку заблуждения он заслуживал смерти? Разве он не мог искупить свои грехи?

Она недоверчиво взглянула на него.

— Брат мой, есть множество людей, о коих либо хранят молчание, либо говорят с укоризною. И что бы вы ни говорили и ни делали, вы их не измените: «Вырви глаз свой, отсеки руку себе, отрежь ногу свою, если они соблазняют тебя»^[17].

— Не понимаю, откуда у вас такая ненависть к человеку, бывшему супругом вашей сестры.

— Брак моей сестры был мезальянсом. Сами подумайте. Выйти замуж, в сущности, за слугу.

Коренастое тело женщины задрожало от ярости.

— Разве освященный взаимной привязанностью союз не является благодатью, и его не должно принять со смирением? — спросил Николя.

— Вы не знаете, о чем говорите. Мало того, что он получил недурное приданое, он еще и унаследовал от моей сестры солидное состояние, которое, в случае его кончины, должно вернуться его законным владельцам.

— Законным владельцам?

— Нам, Дюшампланам.

От Николя не ускользнула крошечная пауза, сделанная монахиней, прежде чем ответить.

— Сестра, для проведения расследования мне необходимо уточнить кое-какие подробности.

Она села и, спрятав руки в рукава, принялась перебирать четки; ее улыбающееся благодушное лицо сияло кротостью и невозмутимостью.

— Слова Писания, в коих вы черпаете поддержку, вряд ли помогут пролить свет на факты сугубо материальные. Откуда вам известно, что, овдовев, ваш зять стал вести неподобающий образ жизни?

Она с отвращением повела головой, словно хотела сказать, что об его распутстве все знали еще до смерти сестры, а быть может, и до ее замужества.

— Семья сообщала мне: ведь я самая старшая...

— Сестра, не уходите от ответа. Похоже, вы в курсе его повседневной жизни в особняке Сен-Флорантен.

Она молча смотрела на него; на лице ее ясно читалось презрение и неудовольствие, словно он по пустякам отрывал ее от дела.

— Сударыня, — уточнил Николя, — напоминаю, вы обязаны отвечать на все вопросы магистрата, ведущего официальное расследование. И если ваша искренность не оправдывает моих ожиданий, я имею право арестовать вас. Вы это понимаете?

— Не надо угрожать мне, сударь. Неужели мне, бедной монахине из монастыря Сен-Мишель, надо напоминать вам, что ваша власть кончается там, где начинается власть Церкви?

— Что вы хотите этим сказать?

— Что, будучи монахиней, я нахожусь в юрисдикции аббатства Сен-Женевьев, обладающего правом творить в своем бальяже малое, среднее и высшее правосудие. Только не говорите мне, что эти права упразднены в 1674 году Людовиком Великим: последующие постановления вернули их законному владельцу.

— Вижу, вы весьма сведущи по части судопроизводства! Однако, сестра, крюкотворство не слишком согласуется с вашим служением Господу!

— Господин комиссар, мой покойный отец налагал печати на приговоры в Шатле.

— Прекрасно, но откуда столь угрожающий тон? Насколько мне известно, вас никто ни в чем не обвиняет и не собирается брать под арест. Я ничего не забываю из того, что обязан помнить, и уж тем более указы короля, кои мы все должны исполнять. А вот в ваших рассуждениях есть изъян. Маленькая деталь, но она меняет все: возвращение права вершить правосудие, о котором вы говорили, простирается, насколько я помню текст постановления, на вполне определенную, ограниченную территорию, «участок, обнесенный оградой, двор и внутренний дворик». Но ваш дом находится на улице Пост, за пределами аббатства. Поэтому, согласно закону, вы находитесь в моей юрисдикции.

Побагровев от гнева, она в ярости завопила:

— Я буду жаловаться в церковный суд, монсеньору епископу!

— Я хорошо знаю монсеньора де Бомона. Его высокопреосвященство не станет слушать монахиню, не пожелавшую подчиниться правосудию своего короля.

От такого оскорбления она вся побагровела.

— Я не намерена вам подчиняться.

— Что ж, если вы продолжите упорствовать, я потребую от магистрата увещательное послание, в силу коего вы будете обязаны рассказать вашему настоятелю все, что вам известно об искомом уголовном деле. После трех увещательных посланий, оставшихся безответными, вас ждет отлучение.

— Что вы хотите от меня узнать?

— Кто сообщает вам о том, какой образ жизни ведет Жан Миссери в особняке Сен-Флорантен?

— Мне неприятно нарушать слово, данное могущественной и высокопоставленной особе, а именно герцогине де Ла Врийер...

Голос ее стал вкрадчивым, а интонация издевательской.

— ...кая является благотворительницей сего дома, о чем вам, я полагаю, неизвестно. Без ее милосердной помощи мы вряд ли смогли бы поддерживать наших несчастных пансионеров.

— Значит, это она вам обо всем рассказывала?

— Она доверительно сообщила мне, что Миссери уже несколько месяцев сходит с ума по одной распутнице, уличной девке, поступившей к ней на службу. Она не хотела ее принимать,

но супруг настоял, и ей пришлось согласиться. Она плакала от унижения и принесла свою боль к подножию нашего алтаря, где она молится за спасение души герцога. Я молюсь вместе с ней.

— Значит, герцог тоже...

Сестра Луиза от Благовещения с горестным видом прикрыла глаза.

— Ваши братья не пытались вернуть вдовца на путь истинный? — спросил Николя.

— У старшего нет характера, младший шалопай и сама беззаботность. А жена брата умеет только стенать, вместо того чтобы постараться и подарить мне единокровных племянников.

— И последнее, — промолвил комиссар. — Что вы делали в ночь с воскресенья на понедельник, примерно с десяти часов вечера до семи часов утра?

— Спала у себя в келье до шести утра, то есть до начала утренней молитвы; любая из сестер может это подтвердить.

— Что ж, я покидаю вас, сестра, но прошу как следует поразмыслить, не запомнили ли вы чего-нибудь, что могло бы заинтересовать меня.

Отвесив прощальный поклон, он направился к двери. Собираясь переступить порог, он неожиданно обернулся и, увидев, с каким нетерпением монахиня ждет его ухода, не удержался и метнул последнюю стрелу.

— Забыл вам сказать. Ваш зять не умер, его рана оказалась не опаснее царапины. А вот любовница его убита.

Она стремительно повернулась, напомнив ему детскую игрушку волчок, и исчезла в угловую дверь. Привратница, та самая, что привела его сюда, бросилась к нему навстречу и повела его к воротам.

— Куда это сестра Луиза столь резво улепетнула, напрочь позабыв о приставшем ей достоинстве? — спросил Николя.

Ему показалось, что привратница в ответ усмехнулась, и он продолжил:

— Скажите, сестра, когда в последний раз ваш монастырь посещала герцогиня де Ла Врийер?

— Госпожа де Сен-Флорантен? Странно, что вы меня об этом спрашиваете. Как раз сегодня утром она приезжала побеседовать с сестрой Луизой...

Не удержавшись, монахиня прыснула со смеху.

— Она нос задирает... а нам потом за нее расплачиваться.

— В котором часу у вас в монастыре ложатся спать?

— В восемь.

— И сестра Луиза вместе со всеми?

— О! У нее есть кое-какие привилегии: ее семья столько пожертвовала на содержание общины, что она даже имеет право ужинать в городе.

— По каким дням?

— По воскресным. Говорят, она ужинает у брата.

— А в прошлое воскресенье?

— И в прошлое тоже.

Поблагодарив сестру-привратницу, он вышел на улицу Пост; его кучер уже выказывал признаки нетерпения. Стемнело, и ему ничего не оставалось, как отправиться на встречу с Бурдо. Он пребывал под впечатлением от посещения монастыря. Луиза от Благовещения знала все! И посмеялась над ним. Однако, какая скрытная особа! С виду истая святоша, она ухитрилась ускользнуть от него и завела его туда, куда хотелось ей. Ловко опутав его словами полуправды, она отлично сыграла свою роль и вдобавок выставила его на посмеище.

Ощувив, как поток злобы, полуправды и лжи захлестывает его, он чуть не потерял сознание. Встрепенувшись, он вынужден был признать, что грань между правдой и изощренной ложью, стремящейся походить на правду, оказалась чрезвычайно тонка. Тем не менее сестра Луиза проговорила о заинтересованности Дюшампланов в исчезновении Жана Миссери. Следовательно, между вдовцом и молоденькой Маргаритой Пендрон действительно существовал роман, и не исключено, что терзаемый ненасытным желанием дворецкий предложил ей руку и сердце, которые девушка, обогащенная жизненным опытом и понимавшая, в чем состоит ее интерес, вполне могла принять. А так как этот брак Дюшампланам исключительно невыгоден, то Маргарита стала для них и препятствием, и угрозой.

Но ее исчезновение не решало вопроса. Вдовец может продолжить влюбляться, и тогда состояние, унаследованное им от жены, растает, словно снег на солнце. Таких примеров множество, и в городе, и при дворе. Попав в плен собственных чувств к какой-нибудь алчной юной красотке, мужчина его возраста начинал исполнять все ее прихоти, а девица, получив свое, торопилась сменить объятия богатенького старичка на молоденького щеголя со смазливой физиономией и пылким темпераментом. И состояние старичка таяло на глазах. Поэтому устранять следовало, скорее, вдовца, нежели его любовницу, во всяком случае, ее в последнюю очередь. Собственно, подумал Николя, Дюшампланы — всего лишь подозреваемые, такие же, как и все остальные. Он вспомнил, как изменилась в лице сестра Луиза, услышав о ранении зятя. Что ей к тому времени было известно? Точнее, что ей рассказала во время их утренней беседы герцогиня де Ла Врийер? Накануне, допрашивая сию надменную особу в особняке Сен-Флорантен, Николя лично сообщил герцогине, что дворецкий ранен, и есть подозрения, что он сам обратил против себя оружие, которым предположительно убил свою любовницу. О ранении дворецкого монахиня, скорее всего, знала, и, возможно, у нее были основания не верить в гипотезу о самоубийстве.

Николя высадился на улице Монмартр едва ли не в кромешной тьме. Заслышав стук колес его экипажа, мальчишки-подмастерья из пекарни, расположенной на первом этаже дома, прекратили дразнить кладбищенского звонаря в черном балахоне, украшенном вышитыми серебром крестом, черепом и скрещенными костями. Сжимая в одной руке фонарь, звонарь истоиво звонил в колокольчик, жалобным тоном выкрикивая привычный рефрен:

Пробуждайтесь, люди спящие,
Молите Бога за усопших!

Николя вложил в руку звонаря экую, не дослушал несущихся ему вслед благодарностей, погрозил пальцем мальчишкам и, улыбаясь, отправился в дом. Едва войдя в кухню, он почувствовал, что случилось неладное. Марион сидела на скамье, обхватив голову руками, а Пуатвен с маниакальным старанием начищал оловянный кувшин, отнюдь не требовавший подобных забот. И только вид обряженного в фартук Бурдо, склонившегося вместе с Катриной над печью, где выпекали хлеб, несколько успокоил его. Похоже, гнетущая атмосфера тревоги, повисшая в кухне, не коснулась этих двоих.

— Что происходит? — спросил Николя.

— Ах, господин Николя, — простонала Марион, — возвращаясь из церкви Сент-Эсташ, наш хозяин почувствовал себя дурно. Вы же знаете, он является старостой церковной общины, и сегодня вечером у них состоялось заседание совета. Так вот, он вернулся оттуда весь красный, потный, даже вены на лбу проступили! И упал прямо на пороге!

— Я побежал за доктором, — продолжил Пуатвен, — тем самым, который уже пользовал господина прокурора, когда на него напали. Слава Богу, господин Дьенер был у себя, на улице Монтрей, и прибыл немедленно. Сначала он испугался, что хозяина хватил удар. Мы уложили хозяина, и он вскоре пришел в себя. Доктор развел в воде несколько капель щелочного фтора

и дал ему; потом мы приготовили отвар тамариска и помогли доктору наложить жгут под коленками, чтобы кровь не ударила в голову. Господин де Ноблекур просил не расстраивать вас и не рассказывать о его недомогании. А еще он просил, чтобы вы с господином Бурдо поднялись к нему, как только закончите ужин: ваш визит его порадует.

Несмотря на заявление Пуатвена, Николя сорвался с места, намереваясь немедленно бежать наверх; пристальный взгляд Катрины остановил его.

— Эй, не дергайся, а то он решит, что ему и впрямь блохо. С ним все в порядке. Господу известно, что я влезных кое-что понимаю. Он просто сильно нервничал. Нервы у него здали. Бурдо был тут, он сам расскажет.

Со вздохом Николя напомнил себе, что Катрина, кухарка из Эльзаса и бывшая маркитантка королевской армии, состояла в родстве с ведуньями и владела искусством исцелять многочисленные недуги, в чем он не раз имел возможность убедиться.

— Я дала ему мой живительный бальзам, тот замый, который ты пробовал, — шепнула ему на ухо Катрина.

После целого дня непрерывной беготни Николя отправился переодеться; на лестнице он увидел Мушетту. Каждый раз, когда он поднимался к себе, кошечка вовлекала его в свою любимую игру: просунув голову между лестничных балясин, она призывно мяукала и, выскочив на ступеньку, переворачивалась на спинку и помахивала в воздухе лапами, словно приглашая хозяина почесать ей пузик. Но как только он протягивал к ней руку, она немедленно вскакивала, мчалась наверх и повторяла все сначала.

Освежившись и приведя себя в порядок, Николя спустился в кухню, где перед ним предстала загадочная картина.

Испуская тихие стоны, Бурдо подпрыгивал на месте, пытаясь водрузить на большой кухонный стол пышные булочки, источавшие аппетитнейший аромат. Когда ему удалось это сделать, он принялся дуть на пальцы, а потом быстро-быстро растирать их кончики о широкий фартук, прикрывавший его выступающее брюшко. Катрина хлопотала возле плиты. Ноздри Николя задрожали: запах жареной дичи напомнил ему, что он голоден.

— О... О... — стонал инспектор, — горячее и впрямь не бывает!

— Твои бтички, похоже, готовы, — промолвила Катрина. — Я вынимаю баштет.

— Ради всего святого, не снимай крышку, иначе весь сок уйдет вместе с паром! Надо их отставить и подождать, пока они сами остынут, в собственном соку.

— Иосиф-Мария! — воскликнул Николя. — Сегодня нас ждет настоящий пир! Рампонно для гурманов^[18]! А может, мы попали на кухню Гаргантюа? Или в «хорошенький погребок» в Шиноне?

— Черт, все верно сказано! — восторженно отозвался Бурдо.

Марион приложила палец к губам.

— Господь милосердный, ну зачем вы так шумите! Вы разбудите хозяина.

— К нам в гости из Шинона приехал один из моих кузенов, — начал объяснять инспектор. — А так как наша трапеза не была запланирована заранее, я не хотел застать врасплох Марион и Катрину и стянул у госпожи Бурдо уже подготовленное тесто, принес с собой все необходимое, и Катрина помогла мне слепить булочки.

— Булочки?

— Да, вот они, еще горячие. У меня дома их называют пышками.

Вытащив из-под стола широкую корзину из ивовых прутьев, Бурдо достал из нее глиняный горшочек, закрытый промасленной бумагой, примотанной соломой, и три бутылки вина.

— Пышки, — продолжил он, — похожи на хлеб, только еще лучше. Берем цельную муку, добавляем закваску, соль и воду. Как следует месим, даем расстояться, формируем руками

булочки, и хоп! В печку! Сначала наши пышечки вроде бы не замечают, куда они попали, но вскоре начинают пыхтеть, вздрагивать, приподниматься, надуваться, их поверхность покрывается пузырьками, пышки увеличиваются в объеме, опадают, вновь поднимаются, расплываются и, наконец, покрываются золотистой корочкой. Тут вы их и вытаскиваете, обжигая пальцы! Вот, собственно, и все.

Он схватил одну из булочек, разрезал ее и открыл глиняный горшочек, явив взорам собравшихся слой белого непорочного жира. Сдвинув жир в сторону, он добрался до мясной части паштета и начинил им булочку. Наблюдая за этой операцией, у Николя слюнки текли; когда Бурдо протянул ему булку, он впился в нее зубами и моментально проглотил, испытывая величайшее наслаждение от сочетания нежнейшего паштета и хрустящей корочки. Умягченная соками паштета пышная хлебная плоть легко проскользнула в желудок, и по телу разлилось приятное тепло.

— Качество паштета зависит от свинины, — уточнил Бурдо, скромно опустив глаза. — И тут я постарался. Я взял лопатку, спинку, вырезку и грудинку. Соли, перца, травок и пряностей, разумеется, сыпать щедро, не жалеть. А вот вам и мой секрет: я добавляю ложечку меда и чуточку белого вина! Затем заливаю мясо водой и ставлю на огонь томиться часов этак шесть. Потом, когда все остынет, измельчаю мясо и смешиваю его с жиром.

— Да вы святой человек, дорогой мой Пьер...

Бурдо принялся начинать пышки.

— И готовы раздавать хлеба голодным!

— Действительно, — неожиданно раздался голос, исходивший словно из потустороннего мира. — Вот уж, воистину, наш спаситель!

На пороге стоял Ноблекур в домашнем хлопчатобумажном халате цвета винной гущи; голова его была обмотана ярким головным платком.

Все радостно засмеялись, заговорили вразнобой и немедленно выдвинули на середину кресло, куда новоприбывший величественно уселся. Громко причитая, Марион принялась порицать его неосторожность, однако Катрина, радуясь обороту, который принимал вечер, успокоила старую домоправительницу.

— Я зверски голоден, — заявил Ноблекур. — Спальня постепенно наполнилась соблазнительнейшими запахами, раздражившими мое обоняние. И полагаю, обоняние Сирюса также!

Услышав голос хозяина, песик, устроившийся под креслом, радостно затыкал. Бурдо и Николя тоже сели. Немедленно начинили еще несколько пышечек, и магистрат истребил их с изрядной прожорливостью, а затем потребовал вина.

— Откуда сей нектар? — спросил он, пригубив бокал.

— Он получен из винограда, вызревшего в солнечном уголке, на покрытой кварцевым песочком почве. Там, в винограднике, за забором, лоза произрастает вместе с персиковым деревцем, чьи плоды со светлой розовой мякотью в урочный час переполняются сладким текущим соком и, лопнув, падают на землю...

— Кстати, о фруктах, — подхватил Ноблекур. — Сегодня вечером никаких слив. И настойку шалфея тоже к черту. Я ем и пью. Неужели достойнейший господин Дьенер считает, что я не узнаю, что это он первым заговорил об ударе? Но почему из-за его подозрений я должен жить на совершенно непитательной пище, лишать себя крепких напитков, пряностей и прочих гастрономических радостей? Отныне я намерен жрать, пущусь во все тяжкие, буду дрожать от холода и плавиться от жары!

И он вызывающе посмотрел на собравшихся.

— Берно, берно, — радостно закивала Катрина. — Если броснулся абетит, значит, фсе в порядке!

— Должен признаться, — произнес прокурор, — счастье вновь оказаться в кругу друзей несколько смягчило мое раздражение.

— Расскажите нам, что привело вас в столь скверное расположение духа, — попросил Николя. — Ничто так не помогает умерить досаду и рассеять заботы, как возможность свободно их излить.

— Воистину, мудрые слова. Вы все знаете, что я являюсь старостой прихода Сент-Эсташ и деканом приходского совета. В шесть часов вечера я явился на место, чтобы разобраться с делами прихода. Тут неизвестно откуда выскочил некий Буин и потребовал немедленно его принять. Он так шумел, что мы, в конце концов, приняли его. Раздуваясь от спеси, словно мыльный пузырь, он заявил, что был литаврщиком роты королевских жандармов.

— Да, есть такая рота, — подал голос Николя, — и еще четыре роты жандармской королевской охраны: Шаро, Ноайля, Вильруа и д'Аркура.

— Так вот, назидательным тоном он объяснил нам, что эдиктом от 1756 года король пожаловал литаврщикам своего жандармского полка право после двадцати лет службы иметь стол при дворе. А посему вышеозначенный Буин полагает, что за свои выдающиеся качества он вправе пользоваться почестями, прерогативами, привилегиями, льготами, свободами, содержанием, правами, выгодами, доходами и вознаграждениями. Речь выскочки уснащала наглые слова, возбуждившие гнев всех собравшихся, среди которых я слышу самым спокойным.

— Воистину, сегодня день сутяжника, — вздохнул Николя.

— И негодяев, надувшихся от завышенного самомнения, — добавил Ноблекур, по-прежнему отличавшийся тонким слухом. — Слушайте дальше. Заносчивый субъект потребовал от нас, членов совета прихода Сент-Эсташ, немедленно оказать ему надлежащие почести и наделить его привилегиями, равно как и особым местом в церкви и должностью в совете прихода. То есть вы понимаете, что мы...

Поперхнувшись от гнева, он стал так энергично бить себя кулаками в грудь, что Мушетта решила призвать его к порядку, ударив его своей мягкой лапкой, что у нее означало последнее предупреждение перед тем, как она выпустит когти.

— Успокойся, моя красавица! Я злюсь не на тебя, умница моя. Так вот, как я уже сказал, он потребовал, чтобы ему подносили Святые Дары сразу после хора и дворянства, а уж потом всем остальным. И — мало того! — он заявил, что намерен заседать в наших собраниях и участвовать в процессиях, которые устраивает приход; дабы подкрепить свое наглое требование, он напомнил нам о королевском распоряжении от 1686 года. Короче говоря, мне показалось, что я снова слышу раздраженный голос своего друга, герцога Сен-Симона, когда он терзал нас рассказами о местнических ссорах при дворе великого короля, когда придворные никак не могли договориться, кому, где и на каких табуретках сидеть. Но герцог был орел!

Опустошив несколькими глотками свой стакан, он вперил взор в пропеченную корочку террина, все еще вздыхавшую и с тихим свистом опадавшую.

— Почему сей ничтожный тип решил, что ему все положено? Может, он надеялся оглушить нас своим инструментом? Тогда ему следовало заявиться вместе с литаврами! Он что, не знает, что причастие раздают независимо от ранга, в том порядке, в каком люди сидят в храме? Когда Господь наш наделял людей хлебами, разве Он устраивал очередь согласно списку привилегий? Разве не сказал Он: «И последние станут первыми»? А если послушать этого висельника Буина, то каждый прихожанин должен назвать свое имя и титул, а священник, описывая кривые и загогулины, обязан подобраться к самому знатному и с него начать раздачу облаток. Словом, вручить каждому гостю по росту и размеру его притязаний, дабы не унижить одних и не пробудить ревность других^[19].

— Кто вбил ему в голову такие бредни? — поинтересовался Бурдо.

— Вы меня об этом спрашиваете? Наш достойный казуист, председатель парламента Сожак, не к слову будет помянут. Особенно его ставшее притчей во языцех лицемерие расцветает, когда к нему попадают дела, лишённые всякого смысла. Кстати, я слышал, он слагает миленькие стишки. Полагаю, он решил подурочиться над беднягой Буином, а тот воспринял его слова едва ли не выше слов Евангелия!

— И вы, словно какой-нибудь юнец, попались на удочку! Кровь забурилась, лоб покрылся испариной...

— Вы правы, — величественно произнес Ноблекур и вздохнул, — зато я вновь почувствовал себя молодым. Как вы тонко подметили, вряд ли кому-нибудь это придется не по вкусу...

Слова его встретили очередной взрыв хохота.

— Однако, — продолжил хозяин дома, раскачиваясь в кресле, — неужели на сегодня меню исчерпано? А ведь стелющийся под корочкой дымящийся террин, похоже, боится, что о нем забудут.

— О-о-о, — протянул Бурдо, — это мой шедевр. Как только вы его попробуете, вы со мной согласитесь. Парочка каплунов, томлящихся под корочкой, привезена из моей родной деревни, где мои кузены с любовью их откормили. Вчера вечером госпожа Бурдо опустила их в кипящий тройной бульон из дичи, а сегодня я положил их в глиняную посудину подходящего размера, запечатал лепешкой из теста и поставил в печь на уголья. Этот рецепт имеет особое преимущество, ибо мясо, покрывшись, словно панцирем, хрустящей корочкой, остается сочным.

— А чтопы педным сверушкам не было зкучно, — добавила Катрина, — я приготофила к ним домашнюю лабшу, хорошо здобренную маслом и чуточкой муската.

С изяществом, коего трудно было ожидать от его плотного телосложения, Бурдо извлек дичь и серебряным ножом, поданным ему Пуатвеном, разрезал ее на части. Каждый раз, когда нож погружался в нежное мясо, из него брызгал ароматный фонтанчик сока и жира. Трое сотрапезников набросились на еду; воцарившаяся тишина, прерываемая лишь хрустом разгрызаемых костей, свидетельствовала о том, что блюдо удалось. Тявканье Сируса и просительный мям Мушетты напомнили, что животные требуют свою долю пиршества.

— Видите, насколько я умерен в своих притязаниях, — произнес Ноблекур, довольствовавшийся крылышком. — Поэтому я первый беру слово и от всех нас благодарю Бурдо за полученное удовольствие. Заверьте вашу супругу в нашем искреннем гастрономическом почтении; ее покорный слуга. А теперь, когда с церемониями покончено, ответьте мне, дети мои, как идет расследование?

Бурдо хлопнул себя по лбу.

— Совсем забыл сказать вам, Николя...

— Узнали что-то новенькое? Считайте, прощение получено. Пулярки выступили в вашу защиту.

Но, судя по выражению лица Бурдо, с шутками было покончено.

— Сегодня утром на улице Глатиньи, на углу приорства Сен-Дени де ла Шартр, на ступеньках, ведущих к реке, патруль обнаружил тело убитой девушки.

— Увы, каждый день... — вздохнул Николя.

— Если бы ее просто убили! Я был в морге и видел тело. У нее такая же рана, как и у девицы Пендрон! Загадочная кровотокающая воронка...

VI

СМЯТЕНИЕ СЕРДЦА

Когда она ступает по траве, не шелохнется ни единая былинка

Лафонтен

Бурное веселье, царившее в кухне, сменилось гнетущей тишиной. Николя первым нарушил молчание.

— В городе совершается много преступлений, — задумчиво произнес он. — Всегда возможны совпадения.

— Маловероятно. Я был в мертвецкой, куда, как и положено, доставили тело, и присутствовал при первичном осмотре. Сансон, прибывший после допроса с использованием испанского сапога, любезно согласился помочь мне. Он долго размышлял, потом исчез, но вскоре вернулся, неся четверть фунта гипса. Приготовив смесь, он направился к трупу из особняка Сен-Флорантен...

Марион вскрикнула от ужаса.

— Катрина, — произнес Ноблекур, — мне кажется, Марион пора отдохнуть. Сегодня ей пришлось изрядно поволноваться. В ее возрасте долгие посиделки вредны, они хороши только для такого молодого человека, как я. Отправляйтесь на покой, и да будет сон ваш сладок.

— На поле боя я еще и не такое фидала, — проворчала Катрина, сгорая от желания услышать продолжение рассказа Бурдо; однако она подчинилась.

Проводив Марион, Катрина вернулась.

— Что побудило Сансона вновь обследовать труп Маргариты Пендрон? — спросил Николя. — Что он хотел узнать?

— Он сделал гипсовый слепок раны на шее. Наверде посмертной маски.

— А я думал, эти маски делают из желтого воска.

Лукаво улыбаясь, в разговор вступил Ноблекур.

— Оба правы. Прежде чем покупка должности позволила моей семье столь удачно влиться в ряды дворянства мантии, мои предки занимались изготовлением восковых фигур...

Сотрапезники Ноблекура изумленно вскрикнули.

— Теперь мне понятно ваше пристрастие к картинам разложения, представленным в вашем кабинете редкостей^[20], — произнес Николя.

— Когда в 1559 году наш бедный повелитель Генрих II скончался, не выдержав удара копья Монтгомери, один из моих предков помогал изготовлять его посмертную маску. Он не любил вспоминать об этой работе, ибо на лице, маску с которого стали снимать сразу после смерти, со всей отчетливостью отразились страдания, пережитые несчастным государем перед кончиной. Однако вернемся к тому, с чего начали. Для снятия маски берут толстые полотняные бинты, плотно обматывают ими овал лица, чтобы не отвисала челюсть, и закрепляют на черепе. Затем покрывают лицо гипсовым тестом и ждут, когда оно возьмется и превратится в слепок, а уже со слепка делают восковую маску.

— А куда потом деваются эти маски?

— Ах, господа! Вы забыли, что тела наших королей выставляют на всеобщее обозрение? Последний монарх явился исключением, так как все боялись заразиться оспой. Но на самом деле выставляют не тело, а манекен, облаченный в королевские одежды, со всеми регалиями и восковой маской вместо лица; этому манекену народ и воздает почести, которые положено посмертно воздавать монарху. Маски хранятся в Сен-Дени, где ими можно полюбоваться: там их целая коллекция^[21]. Однако мы отклонились от темы.

— Ваш опыт, сударь, поистине бесценен: всегда найдется, чему поучиться.

Качая головой, Ноблекур стащил с поставленной на стол Катриной тарелки несколько кусочков айвового мармелада, только что вынутого из формочек и положенного на маленькие ромбики из пресного хлеба.

— Он пользуется тем, что его не видит Марион! — пробурчала Катрина.

— Вернемся к нашим трупам, — проговорил Бурдо. — Сделав слепок с раны Маргариты, Сансон примерил его к ране девушки, найденной на улице Глатиньи. Сомнений не осталось. Помните, Николя, эту ужасную воронку? Так вот, слепок полностью вошел в нее, повторив и разорванные края, и сплюснутые мягкие ткани. А сам слепок очертаниями своими напоминает сжатую в кулак руку.

— Вы полагаете, орудие то же самое?

— Да.

— Жертва напоминает Маргариту Пендрон. То есть я хочу сказать, это тот же тип молодой женщины. Разумеется, они не похожи как две капли воды.

— Интересное замечание! А что говорят относительно времени ее смерти? Хотелось бы знать. В деле об убийстве в особняке Сен-Флорантен у нас уже много подозреваемых. А тут еще одно убийство тем же самым предметом, и вдобавок жертвы похожи друг на друга, так что есть основания предполагать, что среди подозреваемых в первом преступлении вполне может находиться автор второго. Когда мы узнаем время смерти, надо будет сопоставить его с показаниями тех, кого мы успели допросить, дабы уточнить, где они пребывали в час, когда было совершено убийство.

— Боюсь, Николя, здесь нам надеяться не на что, — ответил Бурдо. — Тело сильно изуродовано, причем не столько из-за воды, периодически покрывавшей его: над ним основательно поработали собаки, крысы и вороны. Единственное, что смог установить Сансон, — что смерть наступила самое позднее двадцать четыре часа назад. Осмотр тела производился в час пополудни.

— А не могла ли река выбросить тело на ступени, где оно и зацепилось? — поинтересовался Ноблекур.

— Не думаю. Я был на том месте. Грязные следы, а точнее, полосы заставляют думать, что тело притащили на берег с острова, а может, и вовсе из города. Берег острова, что напротив набережной Пеллетье, ночью в основном пустыннен.

— И больше ничего, никаких улик? — спросил Николя. — Следов, отпечатков подошв?

— Следы, конечно, есть, до прихода караула там успела собраться толпа зевак. На всякий случай я обыскал все. Грязь жирная, и волны, расходящиеся от барж и лодок, ничего не смывают.

Он порылся в карманах.

— Вот это я нашел на ступенях, спускавшихся к реке.

Он протянул Николя маленький камешек, засверкавший в пляшущем свете свечи. Комиссар поднес его к глазам.

— Пуговица от фрака из драгоценного камня или...

— Из фальшивого драгоценного камня, — уточнил Бурдо. — Я проверил у ювелира. Цветное стекло. Возможно, она не имеет отношения к нашему делу.

— Ну, это как сказать. Посмотрим.

И Николя положил пуговицу в карман.

— Я провел небольшое расследование и узнал, что между одиннадцатью вечера понедельника и шестью часами сегодняшнего утра тела на берегу не было, — продолжил Бурдо, — следовательно, преступление было совершено в ином месте...

— Откуда вы знаете?

— Не было следов крови, а те, что были, ничтожны. Это дает нам... погодите... Понедельник, от четырнадцати до двадцати трех часов; в эти часы берег был пуст.

— Кто вам это сказал?

— Рантье, проживающий напротив; он каждый вечер ходит туда гулять с собакой. Вне всяких подозрений, я навел справки.

— А кто жертва?

— Трудно сказать. У нее нашли платок, ключ, костяной гребень. Похоже, девушка из народа. В кармане я обнаружил двадцать пять ливров и шесть су.

— Черт побери, для девушки из народа это очень неплохая сумма! На ней были туфли?

— Нет, мы их не нашли. Впрочем, вокруг трупа вертелось столько народу, что их вполне могли украсть.

— Кто нашел тело?

— Старый садовник из приорства Сен-Дени-де-ла-Шарт. Он пришел к реке за водой.

— В саду нет колодца?

— Он недавно обрушился.

— Жертва была красива?

— Если судить по тому, что осталось от лица, то да.

— Девица?

— Жертва была скромна, но кокетлива.

— Пустите по следу всех наших агентов, — приказал Николя. — Поговорите с Сортиносом. Он постарел и сам ходит все реже и реже, однако его собственной сети осведомителей, поистине, нет равных. Мне надо знать все об этой девице, и как можно скорее! В остальном, Пьер, я полагаюсь на вашу прозорливость. А еще я сваливаю на вас всю рутинную работу по проверке алиби наших подозреваемых; работу сию надобно сделать в разумные сроки. А я с утра отправляюсь в Версаль.

— Повидаться с его величеством? — спросил Ноблекур.

— С королем — если сумею, с королевой — если окажется необходимым, и с двумя садовниками. И засвидетельствую свое почтение Морепа.

— То есть всем нынешним власть предержащим. Вот вы уже и «молодой двор»!

Бурдо снисходительно улыбнулся.

— Не смейтесь, — произнес Ноблекур, — это мудрый поступок. Хорошо, что вы напомнили мне о Морепа. Мы были с ним знакомы. В тридцатые годы, когда и я, и мои друзья — шевалье д'Орлеан, законный сын регента и графини д'Аржантан, воинственный д'Аржансон^[22], Кейлюс и Морепа — были молоды, мы вместе, надев рединготы из грубого сукна и круглые шляпы, шли на ярмарку в Сен-Жермен — смотреть представления в балагане...

Ноблекур наполнил свой стакан вином и залпом опорожнил его.

— Особенно нравились нам спектакли, составленные из отрывков пьес, шедших в то время в театрах, — мечтательно продолжал он. — Ах, как пикантно и легко балаганные шуты высмеивали тогдашних драматических актеров! Как искренне веселились на этих спектаклях и исполнители, и зрители! С каким задором, с какой свежестью шуты передразнивали академическую декламацию, корежа и текст, и произношение! Хи-хи-хи!

Молчи! К Тесею приставать ты прекрати!

И гнусеньких причин тут не ищи! О нет,

Давно забыл он про грешки из юных лет.

И Федре нечего к нему цепляться!

Боже, как мы хохотали! Во все горло, расстегнув пуговики на штанах...

Но Николя поспешил вернуться ко второму убийству.

— Еще что-то, Пьер?

— Я решил составить подробную таблицу, чтобы яснее представить себе, где вышеозначенные подозреваемые находились в ночь убийства.

Высвободив из-под передника полы фрака, он вытащил из кармана свиток, составленный из листов, скрепленных облатками для наложения печатей. При виде длиннющего списка Николя встал и, заключив Бурдо в объятия, к великому удивлению присутствующих, облобызал его в обе щеки. От столь редкого и неожиданного проявления чувств начальника инспектор зарделся от удовольствия.

— Вот, я же вам говорил! — воскликнул Николя. — Наш Бурдо незаменим, ибо он не только превосходно готовит паштеты и пулярок, но и не имеет себе равных в поисках преступников! А сейчас он сделал то, что я еще только собирался ему поручить!

— Пятнадцать лет совместной работы сковали их одной цепью... — выразительным голосом произнес Ноблекур.

— В первой колонке, — начал Бурдо, — вы найдете имена жертвы и подозреваемых, включая...

Он понизил голос.

— ...герцогиню и герцога де Ла Врийер.

— Похвально, что вы и про них не забыли, — отметил Николя. — Из надежных источников мне известно, что в воскресенье вечером герцог не был в Версале, как он это утверждает, а провел ночь в Париже.

— У «прекрасной Аглаи»?

— Маловероятно, ведь ее отправили в ссылку.

Бурдо понимающе кивнул.

— Во второй колонке указано, кто и где находился в воскресенье с десяти вечера до полуночи. В третьей колонке — кто и чем занимался в понедельник утром. В четвертой я поместил замечания и высказывания каждого подозреваемого, в пятой — свои собственные соображения, в шестой содержатся замечания относительно места происшествия, в седьмой — высказывания о жертве, а в восьмой и последней — медицинское заключение о состоянии Жана Миссери и его раны.

Николя надолго погрузился в изучение документа.

— Поистине, захватывающее чтение! Какие выводы вы успели сделать?

— Ничто ни с чем не согласуется, ни часы, ни показания свидетелей. Где граница между истинным неведением, правдой и ее сознательным сокрытием? Похоже, все без исключения хотят нас запутать.

— Такой же оценки заслуживают и показания монахини, сестры покойной супруги дворецкого, — добавил Николя. — Я бы никогда не выписал ей свидетельство об исповеди; она говорила правду только для того, чтобы получше соврать. Так вот, она, возможно, даже не ночевала в монастыре и скрывает это; вдобавок сегодня утром она имела беседу с герцогиней де Ла Врийер. Сами посудите, какова особа!

— Она принадлежит к ордену кармелитов? — спросил Ноблекур.

— Нет, она эвдистка, из монастыря Сен-Мишель. А почему вы спрашиваете?

— Однажды великий король сказал своему брату месье, что он не сомневался в том, что кармелитки — мошенницы, интриганки, болтуны и сплетницы, но он никогда бы не подумал, что они способны стать отравительницами. А ведь они и в самом деле чуть не погубили его племянницу своими лекарствами!

Николя рассказал, что ему удалось сделать за день и какие открытия принесла ему поездка в Попенкур.

— Небо избрало вас для распутывания не только самых сложных, но и самых опасных дел, — промолвил Ноблекур. — Это говорит вам одинокий старец, живущий вдалеке от людей...

Бурдо перебил почтенного магистрата.

— А значит, как утверждает Руссо, вы имеете меньше возможностей проникнуться их предрассудками.

Второй раз за вечер инспектор краснел под одобрительными взглядами обоих друзей.

— Так вы читаете и цените Жан-Жака? — воскликнул Ноблекур.

— Скажу честно, я просто влюблен в него. Поверьте, его идеи изменят наш мир. У него есть гражданский пафос: «Великий становится малым, богатый становится бедным, монарх становится подданным. Мы приближаемся к кризису, за которым грядет век революций»^[23].

— Прекрасно, — воскликнул Ноблекур, — однако философ Бурдо не должен забывать: когда человек, способный возбуждать страсти, рассуждает дурно, он всего лишь противоречит законам логики, безумец же, черпающий у него доводы, не тратит время на рассуждения, а совершает поступки. Дети мои, я благодарен вам за этот вечер, но сон одолевает меня.

Он встал и, сопровождаемый Сирюсом и Мушеттой, направился к лестнице. На последней ступеньке он обернулся.

— Помните, в вашем деле вам придется столкнуться с явлениями непривычными, выходящими за рамки обычной жизни. Доброй ночи, господа, доброй ночи...

Как только знакомый силуэт исчез, Бурдо с тревогой в голосе обратился к Николя:

— Вам не кажется, что сегодня он несколько странен? Это падение... его последняя фраза...

— Не волнуйтесь, все в порядке, — с улыбкой ответил Николя. — Просто вы не знаете его так же хорошо, как я. Он обладает удивительной способностью пронизывать внутренним взором мрак и высвечивать таящуюся в нем истину; я не раз полагался на прозорливость Ноблекура и никогда об этом не жалел. Вряд ли он сам может объяснить, отчего у него наступает озарение. В урочное время он произносит несколько назидательных фраз, смысл которых от нас зачастую ускользает, но в которых всегда спрятана истина, открывшаяся ему совершенно неведомым образом. А сегодня он под шумок уговорил бутылочку вашего шинонского, иначе говоря, выпил больше, чем обычно. Отсюда его постоянные улыбки и избыток красноречия.

Они еще немного посидели, выдвигая гипотезы и тут же опровергая самих себя. Версии рушились словно карточные домики. У плиты, на низеньком стульчике с плетеным сиденьем, напоминавшем, скорее, скамеечку для молитв, нежели какой-либо иной предмет мебели, сидела Катрина и что-то штопала. Она давно клевала носом, однако уходить не собиралась. Николя знал, что с недавних пор она снова страдает от ломоты в костях, напомнившей ей о ледяных дождях во время долгих бивуаков в разных уголках Европы. Но слух у нее был по-прежнему острым, и, поглядывая, как кипит бульон из трех сортов мяса и корней, предназначенный для приготовления соуса, она внимательно слушала разговор обоих сыщиков. Наконец Бурдо попрощался; Николя вывел инспектора, обремененного корзиной со снедью, на улицу Монмартр, и, несмотря на сопротивление, вручил ему фонарь. В поздние часы мародеры обычно подкарауливали одиноких прохожих на улицах, где не было фонарей; удержать грабителей на расстоянии могли только караул и яркий свет.

Поднявшись к себе, Николя обнаружил, что Мушетта ретировалась: плутовка имела обыкновение делить свое внимание между ним и Сирюсом, так что сейчас она наверняка устроилась в длинной шерсти спаниеля, где моментально принялась мурлыкать, словно заведенный механический автомат. Сравнение напомнило Николя, что он обещал Сартину

навести справки о Бурдые, изготовителе шкафа для хранения париков и изобретателе новой шифровальной машины. С этой мыслью он разделся и лег спать.

Среда, 5 октября 1774 года

Стремительно менявшийся в лице Сартин стоял возле любимого механического шкафа и манипулировал клавишами из слоновой кости и черного дерева. Вместо веселой музыки Рамо шкаф издавал монотонное хрипение, напоминавшее натужное исполнение *Dies Irae*. Вдруг ящик с сухим стуком открылся, и Сартин, вцепившись в его рукав, в ужасе устался в недра шкафа. Проследив за его взглядом, Николя увидел окровавленное женское тело. Обернувшись, он обнаружил, что министр исчез, а на пол сыплются срезанные цветы. Пока он стоял в растерянности, откуда-то возник человек и стал рубить топором толстый ствол дуба, двигая руками, словно марионетка, какими торгуют на Новом мосту. У дровосека было бесстрастное лицо Бурдо. Внезапно сверкнул клинок и ударил его в грудь, но вместо удара он ощутил мягкое прикосновение. Открыв глаза, он увидел Мушетту: киска разгуливала у него по кровати, время от времени любовно толкая его носом в подбородок.

Пока он приводил себя в порядок, ночной кошмар, смысл которого остался для него непонятен, не отпускал его. Он достал складной дорожный чемодан, проверил ружья, подаренные ему Людовиком XV, почистил сменную одежду, придворный костюм и костюмы для охоты. Лишившись должности, Лаборд утратил право на комнаты во дворце, и теперь Николя, приезжая в Версаль, вынужден был останавливаться в гостинице, что изрядно раздражало его. Необходимость возить с собой оружие и костюмы раздражала его вдвойне, хотя он и старался не подавать виду. Не желая никого будить, ибо в доме спали все, включая Катрину, он отправил на поиски экипажа мальчишку-подмастерье из булочной. Тот быстро справился со своей задачей, и когда Николя сел в карету, ночной сумрак еще не рассеялся. Вскоре закапал дождь; возле заставы Конферанс дождь окончательно разошелся, а через короткое время к нему добавился порывистый ветер.

Обуреваемый мрачными мыслями и нехорошими предчувствиями, Николя размышлял о недуге Ноблекура. Он понимал, сколь многим он обязан старому прокурору и как сильно он к нему привязан. Тревожные мысли о здоровье старшего друга плавно перешли в рассуждения об эфемерности человеческого бытия. Как много людей, сыгравших большую роль в его жизни, уже отошли в мир иной! Его опекун каноник Ле Флок, нежной любви и вниманию которого он обязан своими нравственными убеждениями. Его отец маркиз де Ранрей, образец человека умного и отважного. Комиссар Ларден, преподавший ему основы ремесла и ставший для него не только придирчивым, но и умелым и требовательным начальником. И хотя комиссар совершил немало ошибок, Николя был рад, что отомстил за его смерть ^[24]. Холодное и хмурое лицо Лардена часто всплывало у него в памяти.

Экипаж ехал по Елисейским Полям; в тусклом свете надвигавшейся грозы они выглядели пустынными и зловещими. Своей благожелательностью покойный король укрепил его врожденную преданность тому, чей профиль, отчеканенный на золотом луидоре, он запомнил с детства. Сартин, Бурдо и Семакгюс внесли свою лепту в формирование того Николя, каким он стал сейчас; немалая заслуга в этом принадлежит также Ноблекуру. С трепетом, близким к священному, он понимал, что каждый из тех, кого он сейчас вспомнил, щедро поделились с ним своим опытом, окружили его отеческой заботой и с головы и до ног вооружили против жизненных невзгод. Мысль о том, сколь многим он обязан этим великодушным людям, прогнала его мрачное настроение, и, призвав на помощь Господа и святую Анну, он вновь утвердился перед лицом судьбы, на службе короля.

Когда на подъезде к Версалью экипаж медленно продвигался по лесу Фос Репоз, непогода окончательно разыгралась: стеной хлынул холодный осенний дождь, сопровождаемый шквалистыми порывами ветра; обнажив землю, ветер вколачивал в нее крупные тяжелые капли. Завороженный зрелищем разбушевавшейся природы, Николя не отрывал взор от окна. Неожиданно взгляд его упал на предмет, брошенный на обочине дороги. Из-за струившегося по стеклу дождя очертания его расплывались, и он не сразу разобрал, что это человек. Стукнув в переднюю стенку кузова, он велел кучеру остановиться; тот послушался, экипаж вильнул в сторону, колеса прокрутились по грязи и остановились; раздались окрики и конское ржание. Выскочив под дождь, он увидел лежащую на земле женщину; она была без сознания. Склонившись над бедняжкой, он взял ее на руки и бегом вернулся к карете. Неожиданная ноша оказалась легкой как пушинка; одним движением он закинул ее на сиденье. Закрыв дверцу, он сел и вгляделся в бледное тонкое лицо, обрамленное длинными каштановыми кудрями, разметавшимися по корсажу. От девушки исходил запах вербены, который не сумели перебить ни резкие запахи осени, ни горьковатый аромат мокрой земли и листьев. Достав носовой платок, он вытер ее исцарапанные гравием руки. Встрепенувшись, она застонала и, прижавшись к нему, уткнулась губами в его подбородок. Он вспомнил Мушетту, чьи прикосновения отличались такой же нежностью. Постепенно девушка пришла в себя, лицо ее порозовело. Открыв глаза, оказавшиеся серыми с синими крапинками, она с нескрываемым любопытством посмотрела на него и, поправив на груди кружевную косынку, высвободилась из его объятий.

— Сударь, я в смущении. Что со мной случилось?

Николя разжал объятия и аккуратно усадил ее на скамью.

Теперь, когда он окончательно разглядел ее, он решил, что ей немногим более двадцати.

— Сударыня, увидев, как вы упали, я велел кучеру остановиться, выскочил из кареты и оказал вам помощь.

Она улыбнулась, и он убедился, что у нее ослепительная улыбка.

— Кого я должна благодарить, господин спаситель?

— Николя Ле Флок, комиссар Шатле.

Он мог бы и не называть своей должности, но, как показывал опыт, умолчание быстро влекло за собой неприятности.

— О! — с нескрываемым интересом произнесла она. — Наш дорогой Ранрей!

Николя помрачнел. Любого, кто без предупреждения вторгся на его личную территорию, он воспринимал как непрошеного гостя. Это прозвище он расценивал как своего рода нить, соединявшую его с королевской семьей. Покойный король и его фаворитки, дочери покойного короля и король нынешний называли его так, когда хотели оказать ему уважение. Девушка искоса смотрела на него. Заметила ли она его раздражение? Накрутив на палец локоны, она принялась выжимать из них воду, тотчас закапавшую ей на платье.

— У нас есть общий друг, господин де Лаборд, — объяснила она. — Его жена — моя ближайшая подруга. Он не устает восторгаться вами. Он поет вам хвалы и, похоже, готов переложить их на музыку!..

Чуть-чуть приподнявшись, она изобразила некое подобие реверанса и произнесла:

— Эме д'Арране, к вашим услугам.

Он с облегчением вздохнул. Раздражение исчезло, уступив место блаженной легкости. Девушка устроилась в уголке экипажа. Воцарилась тишина. Он чувствовал исходящую от неожиданной попутчицы беззаботность и нежность и не уставал ею восхищаться. Он ощущал себя помолодевшим.

— А что вы искали при такой грозе?

— Сударь, вы задаете нескромные вопросы. Но я окажусь неблагодарной, если не удовлетворю ваше любопытство...

Она открыла висевшую у нее на поясе сумочку.

— Я собирала каштаны, и меня застала гроза.

— В такую рань?

Она скорчила недовольную гримаску.

— Однако, вы назойливы! Я вышла ранним утром и, отвечая на ваш вопрос, господин комиссар, признаюсь, что сначала я намеревалась искать грибы. Разве вы не знаете, что грибы лучше всего собирать ранним утром, пока роса не сошла?

Рассуждения о дарах осени вели в тупик, и он решил сам завершить разговор. Похоже, его собеседница моложе, нежели он предположил. Но тогда откуда взялись эта уверенность, умение владеть собой, очарование, собранность движений, легкость в общении... Он наслаждался, не думая о том, куда его может завести столь неожиданное знакомство. Давно, с печально памятного концерта в доме Бальбаstra^[25], он не испытывал подобного чувства. На него нахлынули воспоминания о Жюли де Ластерье, пленительные и горькие одновременно.

— Сударь, отчего вы вдруг замолчали? — спросила девушка. — О! Из-за меня вы теперь весь мокрый!

Он настолько растерялся, что когда она вытащила из рукава кружевной платочек и, отжав его, легким, словно ласкательным, движением отерла ему лоб, он с трудом удержался, чтобы не взять ее за руку.

— Мадемуазель, к чему столько забот... Куда я могу вас отвезти? Дождь усилился.

Она снова улыбнулась.

— Понимаю, мое общество утомляет вас, и вдобавок я вас задерживаю. Полно, не краснейте. Я такая от природы — дерзкая, бесцеремонная и насмешливая. Дом моего отца, графа д'Арране, находится в двух шагах отсюда, на авеню де Пари. Но прежде не могу ли я попросить вас подобрать мои туфли? Несчастные, наверное, качаются на волнах, если уже не затонули!

Выскочив под дождь, он подобрал две наполненные водой туфельки, вылил из них воду и принес в карету.

— А, ерунда, — махнула она рукой, увидев испорченные туфли. — Надеюсь, вы будете столь любезны, что высадите меня у самого крыльца, а по лестнице я смогу подняться и в чулках.

И она громко расхохоталась. Николя приказал трогать. Кузов раскачивало от резких порывов ветра. Девушка принялась наводить порядок в своем туалете. Воцарилась тишина. Когда фиакр выехал на широкую улицу, мадемуазель д'Арране крикнула кучеру, куда ему надобно свернуть. Фиакр поехал по аллее, обсаженной старыми липами, и остановился перед элегантным двухэтажным домом из тесаного камня. Тотчас толпа лакеев бросилась открывать дверцу, чтобы помочь девушке спуститься. Похоже, дом был поставлен на широкую ногу. Эме д'Арране обернулась.

— Благодарю вас, сударь. Только вы так просто от меня не отделаетесь. Я бегу переодеваться, а Триборт проводит вас в библиотеку. Я хочу, чтобы отец познакомился с моим спасителем.

— Вы преувеличиваете мои заслуги, — произнес Николя.

— Молчите, сударь, и не смейте мне противоречить, — приложив палец к губам, произнесла она.

Он не стал сопротивляться и, выйдя из кареты, покорно поплелся за лакеем в серой с розовым livрее, откликавшимся на необычное имя Триборт. Лицо лакея было иссечено

шрамами. Заметив любопытствующий взгляд Николая, он улыбнулся, отчего шрамы сложились в жутковатую гримасу.

— Пусть господин не удивляется: я служил вместе с отцом мадемуазель.

Николя поднялся по ступеням; двустворчатая дверь, украшенная бронзой, открывалась в светлый вестибюль, вымощенный черно-белыми мраморными плитами. Следующая дверь вела в библиотеку, где вдоль стен выстроились уходящие под самый потолок книжные шкафы; поверху бежал серый лепной карниз, богато изукрашенный золотом. Сплошное полотно шкафов прерывали камин и два окна. На месте надкаминного зеркала высился парадный портрет офицера в полный рост. С первого взгляда Николая понял, что перед ним моряк, тем более что на заднем плане висела картина, изображавшая морскую баталию. Удобно расставленные кресла, маленькие одноногие столики и игорные столы свидетельствовали, что библиотека служила одновременно и приемной, и гостиной. Внимание его привлекло любопытное сооружение. Посреди комнаты на низенькой подставке вздымались раскрашенные волны гипсового моря, среди которых разыгралась настоящая баталия. Он наклонился, желая лучше рассмотреть макет. Шесть кораблей под английскими флагами шли в атаку на два основательно потрепанных судна, выкинувших белый флаг. Макет был выполнен с завидным искусством: корабли, хрупкие сооружения размером с ладонь, были оснащены парусами; ниточки пакли изображали дым от орудий; крошечные свинцовые шарики-ядра усыпали мостики. Николая разглядел на палубе кусочки тел, а на юте — офицера с подозрительной трубой под мышкой; в поднятой руке офицер держал саблю.

— О-о, сударь, вижу, морское сражение вызвало у вас интерес, — раздался за спиной Николая хрипловатый голос.

Обернувшись, он очутился лицом к лицу с высоким статным человеком с серыми смеющимися глазами и узнал оригинал портрета. Темно-синий, с медными пуговицами, фрак военного покроя украшала лента ордена Святого Людовика. Напудренный парик подчеркивал энергичные черты мужественного загорелого лица, рассеченного несколькими глубокими морщинами. Опираясь на трость, морской офицер подошел к комиссару и, протянув ему руку, как принято у англичан, произнес:

— Благодарю вас за вызволение моей легкомысленной дочурки. Я видел, что поднимается сильный ветер, и просил ее отложить прогулку, но она не послушалась и отправилась бродить по лесу.

Николя поклонился.

— Любой на моем месте поступил бы так же.

— Однако дочь рада, что на этом месте оказались вы... Чрезвычайно вам признателен. Вы ведь друг Лаборда? Его жена воспитывалась в монастыре вместе с моей дочерью. Очаровательная пара. Я хорошо знал вашего отца, встречал его и при дворе, и на поле боя... Вы похожи на него. Отважный был человек. А какой ум!

Грубоватая внешность морского офицера скрывала утонченную натуру, прекрасно знакомую со светскими обычаями: ничто из сказанного им не могло обидеть гостя.

— Я граф д'Арране, адмирал военно-морского флота. Не у дел. Но, надеюсь, ненадолго.

— Могу ли я просить, господин граф, оказать мне любезность и объяснить, что за баталия предстает пред нами на макете? Если, разумеется, моя нескромность...

Его просьба явно обрадовала хозяина дома.

— Садитесь, сударь, прошу вас. Ваш вопрос мне нравится и делает мне честь.

Он сам придвинул гостю кресло-бержер, заскрипевшее под тяжестью тела Николая. Граф слегка хромал — наверняка последствия давнего ранения.

— Этот рельефный план воспроизводит картину сражения возле мыса Финистер. В 1767 году моemu тогдашнему командиру, Франсуа дез Эрбье маркизу д'Этодьеру, поручили

сопровождать караван судов, перевозивший продовольствие на Антильские острова. Какое это было зрелище! Представьте себе: двести шестьдесят торговых судов в сопровождении восьми семидесяти и семидесятичетырехпушечных линейных кораблей... Черт возьми, меня до сих пор дрожь берет! Но едва мы вышли с рейда в Бресте, как английский крейсер под командованием контр-адмирала Хоука попытался преградить нам дорогу.

— Англичане превосходили нас по численности?

— Увы, почти вполнину! Четырнадцать тяжелых кораблей выстроились в линию. Маркиз, превосходный моряк, выстроил в такую же линию и наши корабли, прямо напротив англичан. Мы были полны решимости сопротивляться, чтобы позволить нашему каравану, подгоняемому попутным ветром, удрать, словно заяц.

— И враг позволил ему уйти?

— А как вы думаете? Конечно, он попытался его задержать. Когда Хоук понял, что рискует провалить задание, он отправил «Льва» и «Принцессу Луизу» на охоту за караваном. Маневр был рискованный — надвигался ветер, да и мы не намеревались смотреть, как они, набирая скорость, стараются прошмыгнуть у нас под носом. Начав стрелять цепными ядрами, мы сильно повредили их корабли, и они не смогли догнать наш караван. Черт побери, этот рассказ пробуждает у меня жажду! Пока красавица наводит красоту, воспользуемся ее отсутствием. Господь да призрит в своем лоне мою покойную жену, но скажу честно: надзирать за дочерью — это худшее из бедствий, которое может случиться с человеком моего склада. Ведь это она, плутовка, стоит у руля!

Он направился к книжным полкам, где за парой фальшивых переплетов хранился хрустальный графин и два стаканчика. Наполнив их жидкостью с восхитительным ароматом, он протянул стаканчик Николая.

— Старый ром с острова Бурбон. Надеюсь, он придется вам по вкусу.

— Я обожаю его, сударь. Один из моих друзей, корабельный хирург, пристрастил меня к этому напитку.

— Как его зовут?

— Гийом Семакгюс.

Д'Арране хлопнул себя по ляжке.

— Ах ты, черт! Гийом! Это ему я обязан своей ногой! Он вытащил из меня острый кусок рангоута, пронзивший мне икру и сломавший кость. Я буду счастлив, сударь, вновь его увидеть. Не откажите, станьте моим посланцем!

Они выпили. Алкоголь оказался крепким и насыщенным.

— Вернемся к моему рассказу. Разъярившись, Хоук решил уничтожить нас и бросил на нас всю свою эскадру. Оборона была не менее впечатляющей, чем атака. Они обошли нас с двух сторон. Несколько наших судов после отчаянной восьмичасовой схватки спустили флаги. Когда «Громовержец» больше не мог сражаться, от него оставался один горелый остов, усеянный телами убитых и раненых. Двадцатилетний гардемарин, господин де Сюфрен, плача от ярости, запретил всем даже касаться фала, удерживавшего флаг на корме.

Д'Арране налил себе еще стаканчик, предварительно предложив такой же Николая, но тот отказался.

— Судите сами! Солнце село, но французская эскадра продолжала сопротивление... Оставался «Громовержец», где развеялся адмиральский вымпел, и «Неустршимый», которым командовал Водрей. Лишившийся всех мачт, «Громовержец» напоминал, скорее, плот, чем судно.

— А вы сами, сударь, на каком корабле находились в это время?

— Я был старшим помощником Водрея. Именно тогда он рискнул предпринять отчаянный маневр: подставив борт вражескому огню, мгновенно срезавшему картечью его ванты и штаги,

он ухитрился спустить шлюпку с горсткой храбрецов, которые на расстоянии пистолетного выстрела от англичан привязали «Громовержец» к кораблю Водрея! И «Неустршимый» потянул за собой «Громовержец»! Прибив на корме свои флаги, оба корабля оторвались от англичан, и через шесть дней глава эскадры возвратился в Брест, а конвой добрался до Антильских островов, и там прекратился голод!

— Отец, вы опять за свое! — раздался насмешливый голос. — Ораторствуете, попивая ваш адский напиток, и утомляете нашего гостя бесконечными морскими историями!

Граф мигом стал похож на кающегося грешника, а дочь, бросившись к нему на шею, расцеловала его.

— Он ведь наверняка не сказал вам, — произнесла девушка, оборачиваясь к Николя, — что ниспосланной провидением лодкой командовал он сам. Однако вижу, вы уже познакомились.

Граф подмигнул Николя.

— Вот, смотрите, как девушка, получившая воспитание в монастыре, обращается со своим старым отцом! Знаешь ли ты, Эме, что наш друг знаком с Гийомом Семакгюсом, о котором я тебе все уши прожужжал? Ему я обязан тем, что передвигаюсь на двух ногах! А? Какое совпадение! Ради такого случая прощаю тебе твою прогулку.

— Семакгюс один из самых дорогих моему сердцу друзей, — промолвил Николя.

— И где живет этот старый пират?

— В Вожираре, возле Круа-Нивер.

— Сударь, полагаю, раздумывать нечего: завтра я устраиваю ужин в честь господина де Сартин, государственного секретаря по делам морского флота. Надеюсь, вы не откажетесь присоединиться к нам?

И, решительно тряхнув головой, продолжил:

— Я надеюсь получить должность командующего и уповаю, что завтра желание мое исполнится. Говорят, Сартин представил вас покойному королю. Впрочем, вашего имени вполне хватило бы... и тех подвигов, о коих я наслышан... Уверен, бывший начальник полиции будет рад вас видеть.

— Господин граф, не знаю, могу ли я вот так...

— Нет, нет, никаких отговорок. Это приказ. А еще лучше — просьба.

— К которой присоединяюсь я, — лукавым голосом добавила Эме д'Арране.

Перед ее улыбкой он не смог устоять.

— В таком случае, — ответил Николя, — я повинуюсь.

Когда, распрощавшись, он вновь очутился в своем экипаже, перед его глазами все еще стояло лицо юной красавицы, склонившейся в насмешливом поклоне. Вернувшись на прежнюю дорогу, он обнаружил, что судьба второй раз назначила ему свидание в одном и том же месте: в двух шагах от особняка д'Арране находился дом, где в свое время для него приоткрылась тайна человека со свинцовым чревом.

Ветер усиливался, но сквозь тучи уже пробивалось солнце. Когда, поравнявшись с королевскими конюшнями, экипаж свернул в сторону площади, недавно переименованной в площадь Дофина, Николя стал невольным свидетелем буйства стихий, боровшихся за владычество в небесах. Подобно жерлу невидимого орудия, поток солнечных лучей, прорвавшись сквозь мглу, исторгал залпы света, озаряя окаймлявшие площадь надменные строения. На аспидно-синем небе, служившем продолжением темных дворцовых крыш, вырисовывалась мрачная громада часовни. Темно-красные кирпичи на фасадах, окружавших мраморный дворик, алели при каждой вспышке молнии, а стены министерского крыла

загорались, словно облитые расплавленным золотом. Постепенно пучок лучей небесного светила переместился на стены дворца, и его окна, большие и малые, засверкали тысячами огней. Дворец задрожал, заходил ходуном, словно внутри него пробудилась неведомая прежде жизнь. Высоко в небе черные тучи гнались за маленькими фиолетовыми и розовыми облачками; те облачка, которым удавалось ускользнуть от своих преследователей, скрывались за соседним лесом, в то время как другие, кувыркаясь, присоединялись к темной массе, притянутые к ней, словно магнитом, и мгновенно растворялись в ее черноте. Мелькнувшая в просвете радуга стремительно и бесследно растворилась во мгле. Вмиг все померкло, и безмолвная прелюдия небесной тишины взорвалась вспышками брызнувших во все стороны молний, следом за которыми глухо зарокотал гром и хлынул дождь, скрыв горделивый замок за струящимся водяным занавесом. Великолепие окрестных пейзажей исчезло под низвергавшейся сверху бесцветной трепещущей массой, грозившей смыть все на своем пути. Николя ощутил, как грудь его наполняется резкими запахами земли и каменной соли. Обезумев от льющейся на нее воды, лошадь взяла в галоп.

В гостинице «Бель Имаж» Николя останавливался не в первый раз, и его всегда встречали там радушно. Тесноватые, но чистые комнаты поддерживались в хорошем состоянии, а в кроватях водилось гораздо меньше клопов, чем в других гостиницах. Первым делом Николя стал искать посланца, готового известить Семакгюса о приглашении графа д'Арране. Вырвав листок из черной записной книжечки, он написал другу, каким образом ему довелось познакомиться с графом, и запечатал листок облаткой для наложения печатей. Он довольно быстро нашел виноторговца, который, уладив свои дела, возвращался в Париж и по дороге намеревался заехать в Вожирар, где у него имелись клиенты. За небольшую сумму торговец охотно согласился доставить записку. Утренняя порция рома согрела Николя, и он предложил посланцу разделить с ним завтрак, состоявший из яичницы с салом; в конце завтрака виноторговец поклялся ему в вечной преданности. Затем Николя отправился к себе в комнату, дабы привести в порядок привезенный с собою гардероб. Времени у него было достаточно, ибо на сегодняшнюю охоту он опоздал. Конечно, если поторопиться, можно присоединиться к королевскому кортежу, но такой поступок шел вразрез с этикетом, а потому явно получил бы дурную оценку. О времени прибытия на охоту следовало осведомляться заранее, равно как и о том, на какую дичь предстоит охотиться, ибо от этого зависел выбор охотничьего костюма. Зная, сколько опасностей таится в дебрях придворной жизни, Николя решил не рисковать. Если, к примеру, покойный король при охоте на пернатую дичь допускал в костюме вольности, то при охоте на лань, оленя или же кабана о вольностях в костюме и речи быть не могло. Во всем, что касалось одежды охотников, новый монарх был еще более придирчив, чем его дед. Неукоснительным требованием оставался синий охотничий фрак с золотым галуном и особым шитьем, указывавшим, на какого зверя будет охота. Какие же, в сущности, это пустяки! — думал Николя. Но эти, на первый взгляд незначительные, детали красноречиво свидетельствовали о том, что владелец нужного фрака не только является обладателем знатного имени, но и удостоен чести ездить в королевских каретах, что для мужчины равнозначно представлению ко двору, коего добиваются женщины. Обладавший сей привилегией Николя не мог сдержать прилив гордости, ибо Людовик XV лично удостоил его этой почести и пожаловал ее пожизненно, признав тем самым законность его рождения и право на титул, полученный им достаточно поздно. Он вновь вспомнил тот судьбоносный день, когда обрел отца, приобрел то, что другим приходится приобретать в течение нескольких веков, и удостоился права служить своему королю. Пятна на замке одного из ружей огорчили его. Ничто не должно омрачать блеск королевского подарка. Мысль его перелетала от одного предмета к другому. Когда же, наконец, придворная суeta перестанет волновать его? Его друг, Пиньо де Безнь, ныне епископ миссии в Кохинхине, такой же, как и Николя, любитель духовной музыки, рассказал ему о религии буддийских жрецов, приверженцы которой ради достижения высшей степени безмятежности и душевного спокойствия отказывались от соблазнов и отрекались от

привязанностей. Тогда он возмутился, посчитав подобное отрешение сном наяву, своеобразным нравственным самоубийством, ибо, как ему показалось, для тех, кто исповедовал такую религию, окружавший их мир утрачивал ценность и смысл. В ответ Пиньо кротко заметил, что не только святые мужи, но и рядовые христиане, желая приобщиться к таинствам Господним, отрешаются от мирской суеты, ибо Христос призывал очиститься от налипшей скверны... «Вот я уже и философствую», — подумал он, и перед взором его промелькнуло смеющееся личико Эме д'Арране. В конце концов он решил отправиться на церемонию снятия сапог. Там он услышит последние новости, узнает, на кого охотятся завтра и расспросит про странные существа, виденные в садах Трианона. Впрочем, как ни старайся все предусмотреть, при дворе любой план меняется в угоду капризному случаю.

Намереваясь отправиться во дворец пешком, Николя облачился в костюм, подобавший концу траура. Выйдя на улицу и увидев на дороге огромные лужи, он понял, что его одежда может не выдержать грязи. Все же он не стал брать портшез, ибо не любил это средство передвижения: использование своих ближних в качестве ездовой силы казалось ему оскорбительным как для их достоинства, так и для собственного; вдобавок от раскачивания кузова у него начиналась тошнота.

Легко преодолев все преграды наравне с герцогами и пэрами, он добрался до подножия посольской лестницы. Войдя в зал, где проходила церемония снятия сапог, он расспросил королевских гвардейцев и узнал, что король уже пустился в обратный путь. В ожидании он решил прогуляться по дворцу и спустился на первый этаж, где под каменными сводами просторных галерей теснились неумолкавшие посетители, изгнанные дождем из садов и парков. Толпившиеся группками праздные придворные лорнировали проходивших мимо миловидных горожанок и субреток, прибывших в Версаль полюбоваться его красотами. Николя вспомнил, как изумились иностранные гости, обнаружив в Версале постоянную ярмарку. Мелочные торговцы давно уже обжили дворец, расставив в коридорах прилавки и лотки. Сегодня их ларьки, подобно бородавкам, торчали не только в вестибюлях, но и на лестничных площадках. Придворные привыкли к ним и перестали их замечать.

Еще будучи дофиной, королева — к великому неудовольствию мадам Виттуар и мадам Аделаиды — часто задерживалась перед этими лавочками. Однажды королевские тетюшки совместными усилиями сумели добиться изгнания из вестибюля мраморной лестницы некоего парфюмера с его товаром, но тогда их поддержали принцы крови и маршалы Франции, имевшие право подъезжать на каретах к самому началу лестницы.

Неожиданно Николя почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, он увидел небольшого роста субъекта с выступающим брюшком и в смешном белом паричке. Почувствовав, что его заметили, субъект тотчас опустил на нос очки с закопченными стеклами и, сделав пируэт, метнулся в толпу. Решив выяснить причину столь странного поведения, Николя рванул за ним, но кто-то удержал его за руку. Пока он оборачивался, субъект исчез из виду и стал недостижим. Недовольный, Николя уже намеревался выбрать наглеца, как увидел нежное лицо Сатин; женщина с любовью и кротостью смотрела на него.

— Как, Антуанетта, это ты? В Версале! Ты меня... Впрочем, неважно.

— Понимаешь, — произнесла она, — мне предоставилась возможность чуть-чуть расширить свою торговлю...

Она тяжело дышала, словно запыхавшись от быстрого бега.

— Я сговорила с вдовой Мари Мерсье, что вместе с сестрой держит парфюмерную лавку на улице Сатори в Версале.

— Каким образом ты с ними познакомилась? — испытующим тоном спросил он и тут же пожалел об этом.

— Они часто ездят в Париж за новыми партиями товара. Им понравились вещи, что продаются у меня в лавке. Мы разговорились и решили, что вместе нам работать лучше. После

каждого сезона камер-фрау и фрейлины королевы распродают платья и кружева, которые они успели отнести. Мы получили исключительное право покупать у них эти платья, а потом продавать их по нашему усмотрению.

— И это всех устраивает, — произнес он.

Она опустила голову, словно нашкодивший ребенок.

— А кто остается в магазине на улице Бак?

— Я провожу в Версале всего два дня в неделю. Я наняла помощницу, которая в остальное время занимается уборкой и ходит за покупками.

Он никак не мог избавиться от всепоглощающего чувства смущения. С одной стороны, он был доволен, видя, что Сатин увлеклась новым делом, но, с другой стороны, ее присутствие в Версале раздражало его. Напрасно он пытался избавиться от этого чувства: их жизни вновь пересеклись, и это мешало ему как никогда. По мере того как лицо Сатин обретало все более виноватое выражение, его недовольство множилось. Они заговорили о Луи и о его жизни в коллеже. Оба с нетерпением ждали первых писем сына. Но даже этот разговор не сблизил их. Между ними постепенно вырастала глухая стена. Он упрекал себя за это, однако ничего не предпринимал, чтобы стену эту преодолеть. Они расстались как чужие люди. Сделав пару шагов в сторону, он внезапно понял, кто был сбежавший субъект в белом паричке. Лорд Эшбьюри^[26]! Но что делал в Версале агент английской секретной службы, и почему при виде комиссара он столь живо ретировался?

VII ЭТИ КРАЯ

Торжествуя, к нам вернулся Морепя,
Значит, снова импотент у нас в чести.
Сам король, его в объятья заключив,
Говорит: «Раз мы похожи так,
Значит, будем вместе мы идти».

Аноним, 1774

Быстро углубившись в галерею, Николя не увидел, каким долгим отчаянным взглядом проводила его Антуанетта. Недовольный охватившим его чувством неловкости, причины коего он искать не собирался, он пытался отвлечься, наблюдая за причудливыми нравами двора. Встречая жен, мужья приветствовали их с отрешенным видом, как если бы встретили незнакомку. В самом деле, подумал он, нынче множество мужчин озабочены только пополнением списка своих любовных побед, а женщины с гордостью сообщают всем имена своих любовников. Живя под одной крышей, супруги встречаются крайне редко, не ездят в одном экипаже, не оказываются вместе в гостях и лишь случайно сталкиваются при дворе. Мужчина стремится заполучить, женщина — отнять или захватить; только эти побуждения заставляют идти на приступ и сдавать крепости. Он и она любили друг друга, не получая удовольствия, отдавались без боя, расставались без сожаления, считали долг слабостью, порядочность — предрассудком, а чувствительность — пошлостью. Наблюдая версальские нравы, Николя пришел к выводу, что процедура соблазнения имела свои правила, а безнравственность — свои принципы.

Настало время идти на церемонию снятия сапог. У входа в зал, где, оживленно переговариваясь, уже толпились дворяне, несли караул королевские гвардейцы, сновали лакеи и занимали свои места те, в чьи обязанности входило присутствовать на церемонии, ему в нос ударил резкий сладковатый запах мускуса и пудры, и чья-то сухая рука вцепилась ему в плечо. По ароматам он узнал маршала де Ришелье. Тринадцать лет назад, когда Сартин впервые привел Николя в этот зал и представил его Людовику XV, герцог также находился здесь.

— Наш дорогой Ранрей, вернувшийся с того света! — воскликнул бодрый старец. — Рад вас видеть. Как себя чувствует Ноблекур?

Вопрос не требовал ответа, но Николя совершил бы ошибку, если бы пропустил его мимо ушей.

— Для его возраста весьма неплохо, сударь.

— Благодарю вас, — проскрипел маршал, состроив устрашающую гримасу, — я младше его, да еще насколько! Что за дела привели вас в эти края?

— Охота. Не соблаговолит ли первый дворянин королевской опочивальни ответить на вопрос: на кого его величество намерен охотиться завтра?

Почтительная форма вопроса привела герцога в восторг, и он горделиво вскинул голову, явив во всей красе свое набеленное и нарумяненное лицо.

— Да будет вам известно, господин маркиз, что сегодня травили огромного кабана... поистине дьявольское создание, устроившее лежку в большом парке. Черт побери, когда этот зверь ринулся к садам, наши люди, увидев его налитые кровью глаза, бросились врассыпную! Король, который как-никак Бурбон, приказал затравить зверя. Четкие следы на земле помогли выследить его. Сейчас, полагаю, мясу кабана уже воздают должное.

— А завтра?

— Завтра, дабы развлечь его величество, мы будем охотиться на мелкую дичь и пернатых в долине Гренель.

Несмотря на каблуки, Ришелье поднялся на цыпочки и, повиснув на руке Николя, продолжил шептать ему на ухо. Голос его был столь высок, что комиссар мог с уверенностью сказать, что слова герцога не слышал разве что усопший.

— Сейчас я вам расскажу последнюю злую шутку, что гуляет в этих краях. Вчера князь — архиепископ Сальмский в сопровождении друзей шел через зал «Бычий глаз». Хлыщи, что согревались в этом зале, решили посмеяться над князем и сделали это столь громко, что тот услышал, как они произнесли: «Вот идет Эзоп и его двор!» Вам же известен физический недостаток нашего архиепископа! Однако он остался невозмутим, и на лице его не дрогнуло ни единой морщинки, отчего насмешники обнаглели еще больше. Тогда он повернулся к ним и сказал: «Господа, параллель эта весьма лестна для меня, ибо Эзоп умел заставить разговаривать животных».

— Увы, — вздохнул Николя, — есть края, где насмешка и уважение соприкасаются столь тесно, что для завоевания второго требуется подвергнуться первой!

— Ого, да вы настроены критически, — заметил маршал. — Сердечные неудачи? Поверьте мне, в этом мире недостаточно знать, что для достижения успеха необходимо подвергнуться насмешкам. Надобно тщательно изучить тот круг, куда мы благодаря нашим титулам удостоились войти, ведь выставять своего ближнего на посмеище больше всех любят именно наши собратья по сословию. Насмешки позволяют себе те, кто в фаворе, а значит, изучать надо именно их, и это изучение требует изрядной утонченности и внимания, гораздо большего, чем мы можем себе вообразить.

Николя удивился тону, каким маршал произнес эти слова. Ветер давно сменил направление, но он упорно навязывал свое присутствие двору, где от него отворачивались все, включая молодую королевскую чету. Сей славный осколок прошлого был пажом при великом короле, знал госпожу де Ментенон и маленькую герцогиню Бургундскую... Он мог листать время словно книгу. Неожиданно для себя Николя почувствовал сострадание к старцу, стремившемуся с присущим ему пылом увековечить незабываемый порядок.

— Скажите мне, скажите же, — вновь начал маршал, — ваш приезд имеет отношение к той драме, о которой все только и говорят?

Николя изумился, но промолчал.

— Убита ангорская кошка госпожи де Морепе! Отовсюду слышны стоны, все требуют голову убийцы. Нет, пожалуй, вы здесь по другому делу.

Николя вздохнул с облегчением: он ошибся. Никогда нельзя недооценивать герцога де Ришелье.

— Да, точно, вы здесь в связи с досадной историей, касающейся герцога де Ла Врийера. Не скажете ли вы мне...

Николя продолжал хранить молчание.

— О! Вы напрасно молчите. Я вижу вас насквозь. Вы не отвечаете, но ваши плотно сжатые губы гораздо красноречивее слов. Может, вы хотя бы...

Выкрики привратников и глухой стук алебард о пол, возвестившие о возвращении королевского кортежа с охоты, спасли Николя от беспримерной настойчивости Ришелье. Все склонились в почтительном поклоне, повсюду виднелись только спины. Король, все еще возбужденный, обвел взглядом собравшихся; с его одежды капала вода. Высокого роста, в охотничьих сапогах он казался еще выше. Из-за привычки сутулиться он так и не научился пользоваться преимуществом, дарованным ему ростом, и не обладал необходимым для суверена величественным видом. Он щурился, словно украдкой смотрел на каждого, и всем казалось, что он не узнавал никого. Шаг его был неровен: он то пытался идти вперед, то отступал, пошатываясь и не зная, куда деть руки. Взгляд Николя задержался на королевском профиле: хотя тот и не отличался четкими очертаниями, как профиль покойного монарха, тем не менее сходство явно прослеживалось. Тучная шея вросла глубоко в плечи. Неуловимый взгляд голубых глаз не обладал томной поволокой, присущей глазам его предшественника. На губах блуждала невыразительная — чтобы не сказать младенческая — улыбка. Король прошел мимо Николя, потом вернулся, подошел поближе, наклонился и внимательно в него взгляделся.

— Ранрей, когда я пойду к себе в кабинет, проследуйте за мной.

Эти слова прозвучали словно гром среди ясного неба. Все взоры тотчас устремились на счастливчика, коему король оказал столь великую милость. Все знали, что король близорук и с трудом различает лица своих придворных. Маршал Ришелье решил, что настал подходящий момент заявить о себе.

— Сир, позвольте первому дворянину...

Сделав вид, что не слышит обращенные к нему слова, король повернулся к Ришелье спиной. Королевская чета при каждом удобном случае выказывала герцогу свое нерасположение, надеясь таким образом побудить его отказаться от своей должности и более не надоедать им своим присутствием, напоминаям королеве о ненавистной госпоже Дюбарри. Однако их усилия ни к чему не приводили, ибо герцог упорствовал, делая вид, что не замечает ни красноречивых признаков своей опалы, ни несообразного его рангу обращения.

Перед тем как облачить короля в чистую одежду, слуги стали вытирать его полотенцами. Пока они суетились вокруг него, король, вспомнив, что ему всего двадцать лет, расшалился как подросток и, смеясь, принялся уворачиваться от протянутой ему рубашки, опуская в нужный момент голову. Привыкшие к такой игре лакеи снисходительно подыгрывали его величеству. Заливаясь счастливым смехом, король грузно топал ногами. Прибытие нового лица положило конец шуткам. Николя узнал господина де Морепе. Министр церемонно приветствовал Людовика XVI, заговорщически улыбнулся Ришелье и испытующим взглядом уставился на Николя.

Министр был невысок, худ, с тощими ногами и благородной осанкой; на бледном лице с высоким лбом светились большие голубые глаза, на губах играла загадочная улыбка, позволявшая держать маленький аккуратный рот закрытым. Уверенный в себе, Морепе, несмотря на преклонный возраст, выглядел бодрым и привлекательным; манеры его были непринужденны, а вид добродушный и снисходительный. Притянув к себе Николя, Ришелье снова вцепился ему в рукав и, вытягиваясь во весь свой маленький рост, зашептал ему на ухо:

— Полагаю, вы знаете, что молва об импотенции короля не лжет? У него есть все недостатки, присущие евнухам: как и они, он любит мучить женщин, не давая им удовлетворения...

И он прыснул в кулак.

— Зато он не возражает, когда его ставят к плинтусу. А еще лучше — к краю кровати!

Николя вертелся, словно рыба на сковороде, боясь, что кто-нибудь услышит скрипучий голос маршала. К счастью, в это время король рассказывал об охоте на кабана-одиночку, которого он лично прикончил одним ударом кинжала. Одобрительный шепот встретил гордое заявление монарха, а министр, воспользовавшись паузой, подошел к королю и принялся что-то тихо нашептывать ему на ухо. Комиссар невозмутимо созерцал эту забавную упряжку, объединившую прошлое и будущее. До него доходили слухи, что на государственном корабле господин де Морепя являлся, скорее, пассажиром, нежели лоцманом, и в нем прекрасно уживались впередсмотрящий и кормчий. Но, увы, как судачили злые языки, если первый был проницателен и просвещен, то второй переменчив и нерешителен. Король ценил Морепя за то, что в нем, как в зеркале, монарх видел собственное отражение со всеми своими недостатками.

С непринужденностью, выработанной за полвека придворной карьеры, министр начал говорить и более уже не останавливался. Речь его лилась плавно, и конца ей не предвиделось. О нем говорили, что он совершенно не умеет слушать и сначала скажет, а потом подумает. Устремив невидящий взор на толпившихся вокруг него людей, Николя пытался понять, какую роль играл в этом спектакле он, магистрат и следователь по особо важным делам? Разумеется, он прекрасно видел все недостатки и дурные обычаи придворного общества, умел отличать истину от фальши, знал, что дворец кишит ловушками, и умело их избегал. Путешественник, привыкший к грозам и штормам, постоянно бушующим в этом краю, он чувствовал себя здесь чужаком. Зритель, взиравший на собственную игру в чужом спектакле, он знал наизусть все слова и жесты, которых от него ожидали, и играл свою роль внимательно, с ювелирной точностью и исключительным хладнокровием. В обществе, где ценились тонкие отличия и заранее расписанные достоинства и привилегии, он ухитрялся держаться на плаву только потому, что с детства привык внимать музыкальным гаммам светского общества, разученным, если признаться честно, еще в гостиных отцовского замка Ранрей. Умело обходя препятствия и никогда не сказав ни единого слова, о котором впоследствии он мог бы пожалеть, он стал придворным в силу принадлежности к высшему сословию, слугой короля в силу занимаемой им должности и преданным поданным в силу душевного склада. Без отвращения и удовольствия подчиняясь обычаям света и его законодателям, он чувствовал, что отделен от них невидимой стеной, и ни разу не задался вопросом, кому пришло в голову эту стену возвести.

Он даже не знал, являлась ли эта стена щитом, под прикрытием которого идут в атаку, или, напротив, крепостью, где надобно затвориться и обороняться. Свободный в выборе доспехов и оружия, он был уверен, что сумеет себя защитить и ни одно слово, каким бы губительным воздействием в этот насмешливый век оно ни обладало, не сумеет пробить его броню. Значение для него имело только слово короля, любое его слово, пусть даже случайно или по несчастью сорвавшееся с его уст. Таившееся в глубине души ощущение свободы и независимости наполняло Николя неизъяснимым счастьем и гордостью. Судьба вывела его на сцену, но, исполняя его детскую мечту, оставила ему возможность в любой момент выйти из игры, какими бы жесткими правилами она ни обладала. Он сумел найти свое место в строгих рамках системы, где малейший неверный шаг приводил к утрате заработанной репутации, пятнал доброе имя и разрушал карьеру. От полных ловушек и засад дебрей, служивших пастбищем любителям узурпировать чужие заслуги, комиссар Николя Ле Флок отгородил себя холодной вежливостью, безучастностью и приобретенным опытом.

Полностью отдавшись в руки лакеев, король блаженным взором смотрел на неумолкавшего Морепа. Глядя на министра, Николя сравнивал его с Ноблекурром. Ровесники, во времена регентства оба ходили на балы, устраиваемые в Париже. Но один с тех пор, похоже, так ничему и не научился, в то время как другой вошел в «небольшой круг выдающихся и избранных людей, которые, будучи наделены превосходными и исключительными природными способностями, еще развили их и усовершенствовали с помощью воспитания, науки и искусства, достигнув вершины мудрости»^[27]. Внезапно пришедшая на ум цитата из Монтеня напомнила ему о часах, которые он, будучи подростком, проводил в библиотеке замка Ранрей. Его первое впечатление о преемнике д'Эгийона соответствовало общему мнению: гладко выбритый, превосходно причесанный и стройный как юноша, Морепа вел себя так, словно размышления были ему противопоказаны.

Стук алебард королевского караула, извещавший о конце церемонии, вернул Николя к действительности, и он поспешил следом за королем: со времени своего первого визита в Версаль он уже много раз проделывал этот путь. Добравшись до своих апартаментов, король обернулся и сделал Николя знак идти за ним и дальше, в его личные покои. В конце маленькой галереи, расположенной над оленьим двориком, виднелся завиток темной винтовой лестницы. Поднявшись, король распахнул широкую дверь, и они вошли в просторную мансарду, где с первых же шагов в нос Николя ударил сильный запах металлических опилок, кожи и пеньки. Из мансарды шел проход в маленький бельведер, откуда можно было любоваться крышами дворца и видами садов и парков. Николя сразу бросились в глаза макеты кораблей, навигационные инструменты и часы — как целые, так и разобранные на части; повсюду, вперемешку с замками и различными механизмами, лежали книги и географические карты, свидетельствовавшие о любознательности хозяина здешних мест. В этом уголке, принадлежавшем лично ему, король отдыхал.

— Вы едете завтра с нами на охоту? — спросил Людовик XVI.

— Я взял с собой в Версаль известные вам ружья.

— Нам это нравится, и нам приятно, что ружья, принадлежавшие нашему деду, теперь в руках одного из самых верных его слуг. Как продвигается расследование в доме герцога де Ла Врийера?

Значит, королю все известно. Впрочем, а как же иначе?

— Картина постепенно вырисовывается.

— Вы хорошо знаете свое дело и добьетесь успеха.

Внезапно комиссару показалось, что король застеснялся, смутился, словно ребенок, которого уличили в совершенной им ошибке. Жестом он пригласил Николя сесть, но тот, поклонившись, остался стоять. Он чувствовал, что королю надо помочь высказаться.

— Вашему величеству известна моя преданность. Что я могу для вас сделать, чтобы доказать ее?

Казалось, его собеседник собирается прыгнуть в воду.

— Сударь, мне надобно помочь выпутаться из одной скверной истории... Время от времени я иду в бельведер и, высунувшись в окно, отстреливаю кошек, ночами кишящих на дворцовых крышах. Они нарушают наш покой...

«Странное времяпрепровождение!» — подумал Николя, немедленно вспомнив о своей любимце Мушетте.

— Увы, — продолжал король, — среди прочих тварей я застрелил и ангорскую кошку госпожи де Морепа! Что вы мне посоветуете?

— Сир, мне кажется, в данном случае лучше сказать правду. Ваш дед выставил из дома пажа, который мучил свою кошку. Однако...

— Что однако? — заинтересовался король.

— Если ваше величество позволит мне выступить от его имени, я готов стать вашим посланцем и отправиться к госпоже де Морепа: я выйду из траншеи и приму на себя первый залп. Не сомневаюсь, она согласится выслушать доводы разума и поймет, что это всего лишь несчастный случай. Король стрелял по голубям, а кошка случайно пробежала мимо...

— Да, все так и было, именно так, — подтвердил Людовик XVI.

Он подтолкнул часовую стрелку, часы издали мелодичный звон, и на лице короля отразилась неподдельная радость. С нескрываемым удовольствием он потер руки и, сменив тему, заговорил плавно и многословно.

— Слышали ли вы, Ранрей, о спорах, ведущихся относительно Северного морского пути? Я с удовольствием читаю труды, присланные мне учеными мужами. Один из моих корреспондентов из швейцарских кантонов называет меня «утешением человечества».

И король смущенно хихикнул.

— Особенно он одобряет мои принципы правосудия, справедливости и гуманности. Кстати, кто из римских императоров носил такое прозвище?

— Тит, сир.

— Совершенно верно. Мне очень хочется отправить отрывки из писем моего швейцарского корреспондента господину де Лагарпу^[28], который в «Меркурии» обрушился с критикой на деяния моих предшественников.

Король покраснелся, ему явно стало жарко.

— Вы только представьте себе, он ничего не уважает! Этот философ не только нападает на королевское правление, но еще и критикует религию! Если народ станет слушать писак и читать их нечестивые памфлеты, как он сможет сохранить свою исконную веру в Господа и верность королевской власти?

Успокоившись, он постучал пальцами по маленькой книжечке в красном сафьяновом переплете.

— Мой швейцарец уверяет меня, что господин де Бугенвиль, с которым он состоит в переписке, хочет совершить экспедицию к Северному полюсу и в этом сочинении приводит основания для своего замысла.

Вновь сгорбившись и застеснявшись, король подошел к окну, а оттуда направился к потухшему кузнечному горну и принялся раздувать мехи.

— Вы, кажется, намеревались повидать королеву?

— Не сейчас, сир. Я, действительно, имел таковое намерение, но мое присутствие в Версале...

Он не закончил фразу.

— Надо как можно скорее уладить дело в Трианоне, оно слишком затянулось. Никто не смеет нарушать покой моей жены. Пресеките нежелательные слухи.

Тон, которым были произнесены эти слова, показался Николя отнюдь не королевским. Король продолжил расхаживать по комнате, останавливая, но не задерживая свой взор ни на одном из предметов.

— У меня давно нет новостей от нашего мик-мака^[29], — продолжил он, меняя тему. — Он объезжает племена, и я надеюсь... Зато один из офицеров нашего морского флота привез мне известие о вашем друге Пиньо.

Николя так и подскочил. Откуда король мог знать, что он знаком с миссионером? Наверняка его просветил Сартин.

— Его посвящение в сан, — продолжил Людовик XVI, — долго откладывалось по причине отсутствия епископа в Пондишери. Надеюсь, вам приятно узнать, что наконец оно состоялось

— в прошлом феврале в порту Сан-Томе, что неподалеку от Мадраса. Господи, какими же долгими и замысловатыми путями идут к нам новости!

— Увы, путь от замысла до его претворения долог!

Король расхохотался и вновь стал похож на беззаботного мальчишку.

— Вот ответ, который я позволю себе повторить. Я-то всего лишь хотел сказать, что известия часто доходят до нас окольными путями.

— Надеюсь, ваше величество простит меня, — также рассмеявшись, ответил Николя.

— Нисколько, я вам признателен за это словесное упражнение. Я знаю, мой дед ценил вас также и за дар придумывать каламбуры. Ваш друг, пытаясь взять под свою руку обосновавшихся в Мадрасе францисканцев, намеревался посетить Кохинхину, и мы ему пожелали успехов в соревновании с блаженными братьями-миноритами, желающими сохранить тот край только для себя! Надеюсь, у вашего друга сильный характер?

— Сильнее не бывает, и вдобавок тонкий ум, постоянно совершенствующий свои знания.

— Сударь, — после некоторого колебания произнес король, — я ценю ваши суждения и ваше знание людей. Обещайте мне всегда говорить нам правду. Я хочу видеть вокруг себя честных людей. Мне нужна помощь...

Чувствительный и искренний от природы, Николя был растроган этим призывом, высказанным просто и ясно. Он бросился к ногам короля, но тот поднял его и, красный от волнения, обнял за плечи и проводил до маленькой лестницы. Смущенный, Николя попытался, как предписывал этикет, спуститься по ступеням, пятясь задом, однако безуспешно. Как во сне, он сбежал по лестнице и, проплутав по лабиринту коридоров, вышел в сад. Какой бы волнующей ни была простота короля, он не мог с ней согласиться. В глазах Николя она возвышала частное лицо, однако вряд ли подходила для монарха, являвшегося олицетворением государства. Но любовь к королевской власти налагала обязанность уважать любые формы этой власти. Безоговорочное подчинение представителю Господа на земле, тому, кто вскоре должен быть помазан в Реймсе, равно как и смирение перед ним и послушание ему, не содержали в себе ни раболепия, ни подобиострастия.

Он направился к Трианону, намереваясь вернуться на то самое место, где несколько месяцев назад покойный король, опираясь на его руку, сел в карету, чтобы в последний раз отправиться к себе во дворец. Осенний парк преисполнился меланхолии; ухоженные куртины источали всепроникающий запах самшита. Добравшись до широкого крыльца Малого Трианона, Николя остановился, размышляя, куда идти дальше. В узенькой аллее, ведущей ко входу в часовню, какой-то человек старательно подметал сухие листья. Николя спросил, где можно найти его начальника. Человек указал на отапливаемую оранжерею напротив часовни. Следуя вдоль фасада дворца, Николя подошел к строению, где Людовик XV пытался выращивать экзотические растения. Едва он вошел внутрь, как его с головы до ног окутал влажный горячий воздух, исходивший от пышных зеленых зарослей, произраставших в этом закрытом помещении. Повертев головой, он увидел двоих в длинных темных сюртуках, склонившихся над рабочим столом. Подойдя поближе, в одном из них он узнал Клода Ришара, главного садовника, с которым ему не раз доводилось встречаться. Вторым, похоже, был его сын. Их наряд заинтриговал его: он привык видеть Ришара в красно-бело-голубой королевской ливрее. Но с тех пор как молодая королева облюбовала себе Малый Трианон, ему пришлось сменить прежнюю ливрею на красную, расшитую серебром. Внезапно он сообразил, что эти двое на свой манер носили траур по покойному повелителю. Садовник поднял голову: он явно был недоволен, что его побеспокоили; его сын, поглощенный высаживанием какого-то черенка, не обратил внимания на прибывшего. Уставившись на Николя светлыми водянистыми глазами, составлявшими контраст с загорелым от постоянного пребывания на воздухе лицом, Клод Ришар проговорил:

— Сударь, мне кажется, я вас знаю. Я часто видел вас вместе с королем, нашим покойным повелителем...

Скупые слова, свидетельствовавшие о преданности садовника усопшему монарху, взволновали Николя.

— Он называл вас «наш дорогой Ранрей», — улыбаясь, продолжил Ришар.

— У вас прекрасная память. Простите, что приходится отвлекать вас от работы. Вы, вероятно, высаживаете очередное теплолюбивое растение, дабы приучить его к нашему климату?

— Я отделял корневые отпрыски.

И он указал на куст. Николя вопросительно взглянул на садовника.

— Корневыми отпрысками называются побеги, развивающиеся на главных и боковых корнях дерева; эти побеги осторожно отделяют и рассаживают.

— А что это за куст?

— Сорт акации, именуемый робиния; цветы ее образуют крупные белые гроздья с сильным ароматом; у нее плоды в виде стручка. Ваш визит делает мне честь, господин маркиз, однако чем я обязан?

Николя помахал рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— К вам пришел не маркиз, а комиссар Шатле; мне необходима ваша помощь. Его величество рассказал начальнику полиции о странном явлении, свидетельницей которого стала королева. Речь идет о посетителях, которых вы встретили в саду, а потом доложили о них королеве. Не могли бы вы еще раз рассказать об этой встрече, и как можно подробнее?

Опираясь на длинную трость, Ришар заковылял к деревянной скамье, увлекая за собой гостя; добравшись до цели, он, с трудом сгибая ногу, сел.

— С наступлением осени боли снова мучают меня, особенно когда мало двигаешься, — начал он. — Итак, 10 августа сего года мы с сыном шли по саду, направляясь в сторону аллеи для прогулок, как вдруг увидели двух женщин и застыли от изумления. Женщины тоже нас заметили и окликнули.

— Что вас так удивило?

— Их вид, господин маркиз, их вид! Конечно, сами мы за модой не следим, не до того нам, но, черт возьми, когда мы встречаем королеву и ее придворных дам, мы же глаза в карман не прячем. Но таких нарядов мы никогда не видели. Бесформенные платья, ни корсажа, ни талии, с надутыми, словно бурдюки, рукавами, на головах квадратные шапочки, прикрытые сверху кисеей... Очки... И акцент, акцент...

— Они говорили с вами?

— Да, они произносили слова так, как произносят их здешние посетители-англичане; после заключения мира их, знаете ли, тут стало ужасно много.

— Умеете ли вы рисовать, господин Ришар?

— В моем деле без рисования никак.

— Не могли бы вы нарисовать мне эти странные костюмы?

— Разумеется.

Садовник вытащил из кармана свернутый листок бумаги, угольный карандашик и принялся рисовать. Николя в растерянности смотрел, как на бумаге появляется поразительно правдоподобное изображение двух странных фигур, платье которых не напоминало ни один известный ему фасон одежды. Во время своего недавнего пребывания в Лондоне он тоже ни разу не встречал столь странно одетых людей.

— Что они у вас спросили?

— Где находится дворец и как к нему пройти.

— Это все?

— Все. Потом они исчезли.

— Исчезли? Вы, наверное, хотели сказать: ушли, удалились...

— А вот и нет! Я сказал как есть: исчезли. Вы же знаете, в сад могут зайти все, даже простолюдины, и я нередко опасаюсь за сохранность цветов и покой королевы. Мне, разумеется, захотелось узнать, куда подевались странные посетительницы. И за поворотом аллеи... Мой сын может подтвердить. Не так ли, Антуан?

Молодой человек утвердительно кивнул.

— Отец говорит чистую правду, господин маркиз. Они только что были, и раз! — больше нет.

— Один из моих помощников, — продолжал Ришар-старший, — как раз шел мне навстречу. Он не мог с ними не столкнуться, но... он не видел никого.

— Погода стояла теплая?

Николя вспомнил, как Семакгюс рассказывал ему о миражах, возникающих при высокой температуре в песках пустыни. Впрочем, миражи не разговаривают и не спрашивают дорогу.

— Это случилось около четырех часов пополудни. Солнце еще светило ярко.

Николя опять задумался.

— Вы видели их еще раз?

— Нет, больше никогда.

— Если вновь появится кто-нибудь непонятный, прошу вас, незамедлительно вызовите меня. Благодарю вас за разъяснения; рисунок я забираю с собой^[30].

Николя пребывал в растерянности. Он знал достойного Ришара как человека спокойного и исполненного здравого смысла. Его свидетельству можно было верить, даже если оно и уводило в тупик. В глубине души Николя связывал это дело с присутствием в Версале лорда Эшбьюри. Почему? Он и сам не знал. Уже несколько лет между двумя народами царил мир, но мир вооруженный, облаченный в доспехи сомнений и взаимного недоверия. Англичане подозревали Францию в желании взять реванш, и эта навязчивая идея усугублялась с каждым новым мятежом, вспыхивавшим в американских колониях. Впрочем, приходилось признавать, что основания для подозрений, без сомнения, были, ибо Наганда объезжал индейские территории не только для того, чтобы отыскать новые места для охоты на бобра или карибу.

Вопросы множились: если эти женщины питали недобрые намерения относительно королевы, к чему тогда привлекать к себе внимание странными одеждами и чужеземным выговором? Наконец, что означало их внезапное исчезновение, тотчас навеявшее ему дурные воспоминания? В душе опять возникли пережитый некогда страх перед неизведанным и назойливое раздражение от невозможности найти этим явлениям рациональное объяснение.

Было далеко за полдень, когда Николя, расхаживая по Зеркальной галерее, решал вопрос, кому стоит нанести визит в первую очередь: королеве или госпоже де Морепа. Неожиданно какой-то субъект с жизнерадостным лицом громко воскликнул:

— Пойдите, господин Ле Флок! Отчего у вас такой мрачный вид? Куда вы направляетесь? И, заключив Николя в объятия, субъект крепко прижал его к груди.

Комиссар узнал Виль д'Аврэ, первого служителя королевской опочивальни. Он имел удовольствие встречать его, когда тот заступал на место Лаборда.

— Проводите меня, — произнес Виль д'Аврэ, беря Николя под руку, — и поведайте свои невзгоды. Я несу письмо господину де Морепа.

— Охотно. Ваше любезное предложение положило конец моим колебаниям. Я никак не мог решить, куда направить свои стопы: к королеве или к министру, а вы решили за меня!

— Вот и прекрасно. Я сам потом намереваюсь зайти к королеве. Его величество приготовил ей сюрприз и попросил меня проследить. Так что когда завершите ваши дела у Морепа, мы пойдем вместе. Вот видите, надо не раздумывать, а просто поговорить с нужным человеком.

— Сударь, я ваш слуга.

— А я ваш. После вашего визита король, похоже, успокоился. Он со вчерашнего вечера в ужасном настроении. Эта история с кошкой...

Николя покачал головой.

— Она не дает мне покоя. Я должен убедить госпожу де Морепа, что речь шла об охоте на голубей.

— На голубей? Тогда ваше волнение мне понятно. Непросто заставить почтенную даму проглотить эту версию. Вы с ней знакомы?

— Она в Версале недавно, а я с некоторых пор бываю во дворце все реже и реже...

— Неважно, сейчас вы здесь, и в прекрасной форме! Главное, не пугайтесь при виде ее отталкивающей внешности. Душа у нее благородная и щедрая. Конечно, у нее громкий голос, и она не умолкая бубнит о бедствиях своей семьи — не беспокойтесь, исключительно финансовых, — о пороках времени и о своей горестной участи, вынуждающей ее жить в Версале. Говорит она забытым языком времен регентства, в коем успела поднатореть, и любит прикидываться кумушкой из простолюдинов; притворство стало ее второй натурой.

— Я опасаюсь худшего, — улыбнулся Николя.

— Природа наделила ее умом, позволяющим ей руководить теми, кто такового не имеет. Если вы явитесь к ней, охваченный таким же трепетом, как сейчас, вы ей понравитесь. Просителей она оценивает в зависимости от их искренности.

Так как искренность в намерения Николя не входила, он задумался: не окажется ли его идея с голубями неуместной? Апартаменты, выделенные министру, располагались неподалеку от апартаментов его величества. Их провели в гостиную, посреди которой в кресле-бержер сидела громогласная дама с уродливой, чтобы не сказать отталкивающей, внешностью. Вокруг толпились несколько женщин; на их лицах читалось исключительное почтение. Морепа и Ришелье беседовали в стороне у камина, однако Николя показалось, что дама обращалась именно к министру.

— Вы считаете, что я постоянно цепляюсь к вам, ворчу, брюзжу, и потому бежите от меня как черт от ладана? Но разве может быть иначе? Письмом с печатью меня упекли в дыру под названием Поншартрен^[31], где я неустанно роптала почти сорок лет! Так с чего бы мне вдруг замолчать в Версале? И ведь все это время было употреблено только на то, чтобы рассчитаться с долгами, с собственными долгами, с долгами Поншартрена, корчащего из себя царя Соломона, с долгами Ла Врийера, да поразит его Господь! А еще долги архиепископа Буржа, строящего замки для своего дурака братца, маркиза де Фелипо, который, как всегда, в долгах...

— Сейчас начнет перечислять всех членов семьи, — шепнул Виль д'Аврэ на ухо Николя.

— Это я к тому, что, заплатив миллионы, мне пришлось ужаться. Но даже в столь тяжелых обстоятельствах у меня в доме было сто тринадцать слуг...

— Дорогая... — робко начал Морепа.

— Не смейте затыкать мне рот. Господь свидетель, оплачивать услуги ста тринадцати бездельников и каждый день кормить сто десять ртов не так-то просто! И пусть только найдется мерзавец, который пожелает бросить в меня камень!

— Смейтесь, смейтесь, у вас нет ни сердца, ни печени, ни легких, ни селезенки, раз вы затащили меня в эту версальскую дыру, где убивают моих кошек! Господи, ну отчего мне

угораздило вспылать страстью к такому злодею как вы! А вы готовы помыкать мною везде и в любое время!

Она бросила испытующий взгляд на вновь прибывших.

— Вот он, наш герой дня! — провозгласил Ришелье, указывая на Николя. — Я рассказывал о ваших похождениях Морепа: он изъявил желание поближе познакомиться с вами.

В Ришелье Николя всегда раздражало самодовольство; оно звучало во всех речах герцога, сколь бы благожелательными они ни были. Он поклонился министру.

— Сударь, — произнес Морепа, — то, что рассказал нам маршал, побуждает нас познакомиться с вами поближе. Мое пребывание вдали от двора не позволило мне... Скажите, вам часто случается конфисковывать памфлеты, песенки или какие-нибудь другие подстрекательские листки?

— Довольно часто.

— Отлично, отлично! При случае вспомните обо мне. Мне достаточно одного экземпляра. Много лет я имею слабость собирать коллекцию такого рода писулек. Королевский генеалог Клерамбо уже предоставил мне копию своего песенника. Если вы поможете обогатить мою коллекцию, мое собрание станет подлинной летописью нашего века.

— Я прослежу, чтобы вам отсылали экземпляры, господин граф.

— Нет, вы только посмотрите, он даже моих посетителей берет в оборот! — воскликнула герцогиня. — Подойдите ко мне, молодой человек.

Такое обращение порадовало Николя: он все реже и реже слышал его.

— Итак, сударь, что привело вас к нам?

— Сударыня, его величество...

— Довольно, сударь. Ни слова больше.

Она все поняла? Или ей все рассказали? Как бы то ни было, она встала, оперлась на руку Николя и, повелительным жестом отстраняя с пути дам, решительным шагом направилась в смежный с гостиной будуар. Там она с тяжелым вздохом опустилась на козетку и, сурово глядя на Николя, велела ему говорить.

— Сударыня, я не собираюсь вводить вас в заблуждение. Король настолько удручен гибелью вашей ангорской кошки, что не осмеливается сам заговорить с вами об этом несчастье. Он страстно желает, чтобы вы узнали истину, а я, к великому своему стыду, посоветовал ему придумать историю о том, как он стрелял в голубей и нечаянно попал в вашу кошку.

Последовала долгая тишина.

— Сударь, скажите королю, что я безутешна, потеряв свою давнюю спутницу, которая жила у меня на коленях. Но пусть, кому надо, слышит: я предпочту дважды потерять свою кошку, нежели узнать, что король врет. Но я его прощаю, и я по-прежнему его преданная служанка. Король хороший мальчик, и вы тоже. Ступайте к господину де Морепа.

Она протянула ему руку для поцелуя. Стоило Николя вновь появиться в гостиной, как все любопытные взоры устремились на него. Второй раз за день «дорогой Ранрей» оказался в центре событий.

— Вот видите: никакого шума и крика, так что из меня выйдет неплохой пророк, — произнес Виль д'Аврэ, как только они остались одни. — Вы околдовали нашу даму.

— Я сведущ в экзорцизме, — с кислой усмешкой произнес Николя. — Послушавшись вашего совета, я удачно завершил дело. Могу я просить вас передать его величеству, что дело улажено... и без всяких голубей. А госпожа де Морепа является его верной и почтительной служанкой.

Первый служитель королевской опочивальни поклонился.

— Спасибо, мне нравится быть вестником, несущим хорошие новости. Надеюсь, ваша миссия у ее величества не столь деликатна.

Они подошли к прихожей, где размещалась гвардия, охранявшая королеву.

— Не стесняйтесь, — говорил Виль д'Аврэ, ускоряя шаг, — и пользуйтесь моим к вам расположением. Раньше, приезжая в Версаль, вы останавливались у вашего друга Лаборда. Будьте уверены, теперь для вас тоже найдется кушетка. Король поделил помещения на антресолях, прежде занимаемых графиней Дюбарри; часть он отдал Морепа, а те, что расположены у него над головой, предоставил в мое распоряжение. Когда наш нынешний монарх был ребенком, я уже состоял при его особе, так что он очень ко мне расположен.

— Я благодарен вам за ваше предложение.

Николя не знал, адресовано ли сие предложение ему как лицу, имеющему влияние, с целью снискать его дружбу или же речь шла об искреннем к нему расположении, и он решил на досуге подумать об этом.

— Как вы уже видели, — продолжил Виль д'Аврэ, — все собираются у госпожи де Морепа. Это настоящий двор, у нее всегда можно поговорить о политике. Все значимые персоны, и прежде всего министры, охотно посещают эти собрания, ибо место сие весьма приятное и вдобавок удобное для принятия судьбоносных для королевства решений.

Поднявшись по мраморной лестнице на второй этаж, они прошли в зал, где размещались гвардейцы, охранявшие королеву. Маленький чистенький старичок, одетый во все черное, сидел на банкетке и ждал, опираясь на трость и положив на набалдашник подбородок. Рядом с ним двое лакеев держали какие-то штуки, прикрытые малиновым бархатом. Николя узнал Вокансона из Королевской академии наук, известного изобретателя и изготовителя великолепных механических игрушек. В свое время Сартин, всегда отличавшийся стремлением знать все и вся и вдобавок подстегиваемый любопытством маркизы де Помпадур, под каким-то пустяковым предлогом отправил Николя к Вокансону, чтобы тот попытался вывести секрет волшебных кукол. Несколько вовремя розданных слугам луидоров позволили Николя немного разобраться в вопросе.

Виль д'Аврэ сказал, что король уже имел беседу с ученым механиком, и тот готов показать свои шедевры королеве. В переднюю большого куверта, где должен был состояться показ, специально принесли большой стол, на котором с величайшими предосторожностями слуги разместили чудесные механизмы. Большое кресло ожидало королеву.

Ждать пришлось недолго. Вскоре после торжественного объявления распорядителя в переднюю в окружении придворных дам вошла королева. Ее изящные движения и скользящая походка восхитили Николя; горделивая посадка головы усиливала впечатление легкости фигуры. Казалось, она шла, не касаясь паркета. Про себя Николя сравнил ее с лебедем. После их первой встречи, случившейся четыре года назад, он видел ее только издалека. Но если тогда это был ребенок, сейчас перед ним предстала почти женщина. Невысокого роста, с роскошной кожей, она словно парила над всеми, устремляя выразительный взгляд голубых глаз на каждого присутствующего. Тяжеловатые веки и высокий выпуклый лоб казались заимствованными с портрета ее отца, императора Франца. Пленительная улыбка искупала надменный изгиб рта. На ней было платье с рукавами из белой тафты, отделанное легчайшим в крапинку газом, а на голове чепец английского фасону. Отвечая на поклоны своих гостей, она грациозно склонила голову. Виль д'Аврэ представил Вокансона. В эту минуту какая-то женщина с прямой осанкой и суровым видом шепнула что-то королеве на ухо, и та устремила взор на Николя.

— Вы заинтриговали госпожу де Ноайль^[32], господин кавалер из Компьена^[33], — обратилась к нему Мария-Антуанетта. — Она не знает, что мы с вами старые друзья. Добро пожаловать, господин маркиз.

— Сударыня, — продолжил первый служитель королевской опочивальни, — его величество полагает, что вам будет не только полезно, но и приятно ознакомиться с двумя знаменитыми на всю Европу автоматами господина де Вокансона.

— Король предугадал мое желание. Вряд ли кто-нибудь мог сильнее хотеть встретиться с отцом этих одушевленных созданий, о которых в Вене мне часто рассказывала матушка.

— Сударыня, слишком много чести для старика, — поклонился Вокансон. — Позвольте мне представить вам свои детища.

Он стукнул по полу тростью, и лакеи принялись распаковывать первый механизм.

— Ваше величество, сейчас перед вами предстанет механический человек, коего я назвал «флейтист». Эта деревянная статуя, скопированная с «Фавна» Куазво, умеет играть на флейте. Она с неподражаемой точностью исполняет двенадцать различных мелодий. Ее пальцы передвигаются по телу флейты, а губы способны изменять входящий в инструмент поток воздуха, увеличивая или уменьшая его скорость, дабы получился тот или иной тон. Губы перемещают похожий на язык клапан, а тот — пружины, позволяющие воспроизводить движения, присущие человеку.

Приблизившись к автомату, он нажал на кнопку, расположенную на основании статуи, и та внезапно ожила: поводя глазами то в одну, то в другую сторону, она поднесла к губам флейту, и гибкие пальцы споро забегали по дырочкам. Когда большой палец занял место на клапане, кукла подняла голову и, отвесив легкий поклон, заиграла. Казалось, она тоже наслаждалась музыкой, издаваемой ее инструментом.

Собравшиеся заворуженно слушали игру ожившего механизма, рожденного гением изобретателя. Кукла чудесным образом походила на живого человека. Когда мелодия закончилась, флейтист вернулся на исходную позицию. Воцарилась тишина. Упираясь локтем в ручку кресла, королева в задумчивости положила на руку подбородок; на лице ее отразилось неподдельное смятение. Наконец королева встrepенулась и захлопала в ладоши, а за ней и все придворные дамы, исключая госпожу де Ноайль, кою сие зрелище со всей очевидностью уязвило, ибо она, ни к кому не обращаясь, что-то без устали бормотала себе под нос.

— Сударь, — произнесла королева, и в ее взволнованном голосе зазвучал немецкий акцент, — благодарю вас за чудное представление и за деликатность, побудившую вас выбрать для вашего флейтиста мелодию Глюка, капельмейстера императрицы в Вене.

Николя узнал арию из оперы «Ифигения в Авлиде», поставленной музыкантом в апреле в Париже; королева оказывала Глюку покровительство. Опытный царедворец, Вокансон поклонился и вновь ударил тростью об пол. Лакеи накрыли флейтиста и стали разворачивать вторую механическую игрушку, значительно меньшую по размерам. Когда все увидели перед собой утку, неподвижно сидящую в фарфоровом тазу, по залу пробежал удивленный шепот. Птица казалась более настоящей, чем подлинная утка; в таз немедленно налили воды.

— Да будет угодно вашему величеству взглянуть на второй образец, — произнес Вокансон. — Эта утка, пока еще неподвижная, по моей команде встанет на лапы и начнет делать все то, что делают утки на птичьем дворе.

Изобретатель запустил механизм, и водоплавающая птица принялась хлопать крыльями, вертеть головой и, испуганно крикая, забарахталась в воде, словно присутствие благородного общества испугало ее. Кукла в точности копировала все движения, производимые утками в природе. Вокансон вытащил из кармана мешочек с зернами и подошел к королеве.

— Не угодно ли вашему величеству покормить птицу?

С радостью ребенка, получившего новую игрушку, королева вскочила и, отмахнувшись от госпожи де Ноайль, пытавшейся воспрепятствовать необычному развлечению, подбежала к утке.

— Как мне это сделать, сударь?

— Сейчас я высыплю зерна на ладонь вашего величества, и ваше величество поднесет ладонь к клюву утки. Уверяю вас, это совершенно не опасно.

Подойдя поближе, королева протянула руку, и утка, вытянув шею, с жадностью склевала предложенные ей зерна. Утиный клюв щекотал ладонь королевы, и та, рассмеявшись счастливым детским смехом, вернулась на место. Подождав немного, Вокансон взял утку и посадил ее на серебряный поднос. Птица замерла и через соответствующее природное отверстие выдала только что съеденную пищу уже в переваренном виде. Госпожа де Ноайль чуть не упала в обморок, в то время как остальные разразились хохотом.

— Сударь, — произнесла королева, принимая серьезный вид, — я не забуду этого представления и непременно расскажу о нем королю. Последнее действие вашего механизма, свидетельствующее о вашем гении, несказанно удивило меня. В чем секрет столь скорого и совершенного пищеварения?

— Да простит меня ваше величество, но этот секрет я не раскрываю никому!

— Хорошо, можете не говорить. Тогда, сударь, мы станем считать вас чуточку волшебником.

Она протянула ему руку, он благоговейно поцеловал ее и удалился. Виль д'Аврэ и Николя последовали за ним, но королева сделала им знак остановиться.

— Я хочу поговорить с маркизом де Ранреем. Оставьте нас.

Не намереваясь соглашаться с этим решением, госпожа де Ноайль с оскорбленным видом выступила вперед, но Мария-Антуанетта властным кивком остановила ее.

— Королева желает, королева требует.

Укрошенная дуэнья удалилась. Николя приблизился.

— Полагаю, сударь, вам есть что мне сказать.

Николя объяснил, что по просьбе господина Ленуара он провел расследование в Трианоне и после разговора с садовником проникся уверенностью, что подобные случаи больше не повторятся. Разумеется, неплохо бы ограничить доступ в сады для престолярства. Конечно, он разместит агентов, дабы те наблюдали за парком и сообщали как о любом подозрительном пришельце, так и обо всем, что может потревожить покой королевы.

— Благодарю вас за бдительность, — произнесла Мария-Антуанетта, — но я не намерена преграждать доступ в сады Версаля. Народ имеет право видеть вблизи своих монархов, а я не желаю жить взаперти и веселиться за решеткой, словно зверь в зверинце. Делайте, что считаете нужным, и время от времени отчитывайтесь мне. Я не хочу, чтобы король забивал себе голову такими пустяками.

Она улыбнулась.

— Говорят, вы знаете все. Скажите, каким образом утка господина де Вокансона переваривает зерно, которое ей дают? Это превосходит мое понимание, и я не успокоюсь, пока не раскрою сей секрет.

— Королева может принять исповедь, — с улыбкой произнес Николя, — но разгласить ее содержание она не может.

— Ваши условия весьма суровы, сударь... Но придется согласиться.

— Однажды маркиза де Помпадур спросила у господина де Сартана об этой самой утке, и тот поручил мне раздобыть ответ на вопрос: как можно искусственно воспроизвести естественные функции организма, а именно заглатывание, растворение и выделение? Вот что мне удалось узнать. Зерна, получаемые автоматом, падают в размещенную под брюхом птицы коробочку, которую опустошают через каждые три-четыре сеанса. Опорожнение желудка также готовят заранее. Из окрашенных зеленой краской хлебных крошек делается жидкая каша, помещается в туловище утки и в нужное время выталкивается специальным насосом и выдается за естественный продукт пищеварения. Весь секрет заключен в искусной

механике, особом соединении колесиков и пружин. Словом, великолепно отлаженный часовой механизм.

— Мы сохраним эту тайну... Хотя я понимаю, что короля интересует именно механика. Вы давно при дворе, сударь?

— Мои служебные обязанности большую часть времени удерживают меня в Париже. Тем не менее, сударыня, я бываю здесь с 1762 года, ибо, помимо расследований особо важных дел, в свое время я обеспечивал безопасность короля и королевской семьи.

— И исполняли поручения некой маркизы и некой графини?

Удар попал в цель. Лукавить было бесполезно.

— Сударыня, я подчинялся приказам покойного короля.

— Успокойтесь, я знаю, он высоко ценил вашу преданность. Знаете ли вы, что герцог де Ла Врийер меня не любит?

Скорее, наоборот, это она не могла простить ему, что он поддерживал госпожу Дюбарри. Николя понял, что королева Франции не забыла оскорблений, нанесенных дофине.

— Я не являюсь его доверенным лицом.

— Могу ли я рассчитывать на вас, сударь?

— Я ваш слуга и слуга короля. Ваше величество может в этом убедиться.

Взгляд ее вновь обрел присущую ему безмятежность, и она протянула ему руку для поцелуя. Ах, разве можно было ей хоть в чем-нибудь отказать? В коридоре Николя искал Виль д'Аврэ, но не нашел; без сомнения, тот поспешил к королю сообщить радостную весть о подписании мира с госпожой де Морепе. Радуюсь, что его возвращение ко двору не прошло незамеченным и оказанные ему милости укрепили его позиции подле герцога де Ла Врийера и начальника полиции, он, тем не менее, никак не мог избавиться от ощущения беспокойства. Королевская милость чревата завистниками и недругами, причем самые опасные всегда прячутся в тени, и ему это было известно как никому другому. Придворные заверяли его в своей преданности, требуя взамен поддержки и услуг. Но разве мог он исполнить все, что от него ожидали? Что ж, значит, по-прежнему на первом месте будет стоять король, служба которому для него превыше всего. А там посмотрим, как сложатся обстоятельства.

В задумчивости он вернулся к себе в гостиницу. Ветер, дувший не переставая, высушил оставленные утренней грозой лужи. Порывистый ветер крутил в бешеной пляске кучки сухих листьев. За шумным табльдотом, разочаровав соседей упорным молчанием, он съел курицу на вертеле и бланманже, запил все изрядной порцией сидра и отправился спать. Он лег рано, и мечты его устремились к мадемуазель д'Арране.

Четверг, 6 октября 1774 года.

В указанное время Николя подошел к цветнику; сюда, на площадку между дворцом и парком, прибывали королевские кареты, отвозившие придворных к месту охоты. За много лет он привык к неизменной церемонии сбора охотников и сейчас со снисходительным любопытством разглядывал неловких и застенчивых новичков, недавно удостоенных вожделенного права ехать на охоту в королевской карете, той особенной милости, о которой мечтал каждый представленный ко двору мужчина. Вручив десять луидоров первому доезжающему, дабы тот подобрал ему коня для охоты, и еще десять луидоров кучеру, он сел в карету и продремал до самого Гренеля, где убедился, что ему отвели место неподалеку от короля. Людовик XVI, улыбаясь, помахал ему рукой, свидетельствуя, что издалека он видит лучше, чем вблизи. Вокруг короля сновали пажи из главной конюшни, сменившие голубые ливреи с шелковым малиновым галуном на куртки из синего тика и кожаные гетры.

Выстроившись за спиной государя, они подавали ему ружье, и тот, сделав выстрел, тотчас брал другое, в то время как первое, передаваемое из рук в руки, прибывало к аркебузиру, дабы тот перезарядил его. Первый паж отдавал распоряжение подобрать дичь и вел ей точный счет, записывая цифры на маленьких табличках. Подобно всем своим предкам, король был заядлым охотником и за одну охоту мог добыть несколько сотен трофеев, как пернатых, так и четвероногих.

Неожиданно слева от себя Николя услышал выстрел, прозвучавший значительно громче обычного. Тотчас раздались крики, и он увидел, как возницы, устремившись к месту происшествия, вернулись, неся окровавленное тело. Когда после охоты он сел в карету, сосед его объяснил, что случилось. Один из новичков, юный дворянин из Берри, впервые участвовавший в королевской охоте, привез с собой старинное фамильное ружье, а так как им долго не пользовались, порох взорвался, разорвал ствол, и юноше оторвало кисть руки.

— Теперь ему придется узнавать адрес ювелира у «Серебряной руки».

— Серебряной руки?

— Да, у Сен-Флорантена, или, точнее, у герцога де Ла Врийера, с которым несколько лет назад случилось то же несчастье. Покойный король подарил ему искусственную руку.

Николя умолк и забился в угол кареты. Так, значит, дыра в форме руки, зияющая в горле двух жертв, могла быть... Это предположение показалось ему настолько чудовищным, что он до крови закусил губу.

VIII ПЛАВАНИЕ

Что такое морское сражение? Это когда корабли стреляют друг в друга из пушек и расходятся в разные стороны, а море остается соленым, как и прежде.

Морепа

Холодея от ужаса, Николя вернулся во дворец. Как он мог забыть об искусственной руке министра Королевского дома? Ведь он столько лет знает о его увечье, а тут... В результате постоянного общения у него выработалась привычка не обращать внимания на протез герцога, злосчастная привычка усыпила бдительность, и ни разум, ни память не пришли ему на помощь. Он постоянно задавался вопросом о природе привязанности покойного короля к своему министру, маленькому бесцветному человечку, неисправимому распутнику, истово ненавидимому всеми родственниками монарха... Дочери короля, мадам Аделаида и мадам Виктуар, постоянно стремились унижить его и никогда не упускали возможности сделать это прилюдно. О своей нелюбви к герцогу только что напомнила королева, дав понять, что не забыла, как тот в конце предыдущего царствования встал на сторону ее противников. Николя, ценивший преданность герцога Людовику XV, также не забывал, что во многих случаях министр оказывал своему комиссару весьма существенную поддержку.

Отправив в ссылку любовницу герцога, «прекрасную Аглаю», король, тем не менее, оставил его самого, сохранив за ним его должность. Почему? Потому, что в силу этой должности он знал слишком много государственных тайн? Потому, что удаление его сопряжено с таким риском, что мысль об этом никому даже не приходила в голову? А может, благодаря родству с первым министром он получил временную индульгенцию?

Сартин долго служил Ла Врийеру верой и правдой, но и он стал постепенно отдаляться от него, сознавая, что это знакомство никак не будет способствовать успеху его карьеры, и одновременно снимая с себя обязанность поддерживать министра, когда для того настанет пора горьких разочарований.

Николя не участвовал в этих маневрах, предпочитая следить за ними издалека. Но сейчас он оказался перед фактом, возможно, даже перед уликой, важность и роль которой ему предстояло оценить. Он не мог избавиться от мысли, что речь идет о совпадении, и потому

необходимо соблюдать величайшую осторожность. Неужели он столкнулся с мошенническим использованием предмета, с которым герцог де Ла Врийер должен был непременно расставаться — например, во время сна? А вдруг кто-то изготовил такую же искусственную руку, чтобы скомпрометировать министра? Из-за противоречивых показаний свидетелей они не смогли установить алиби хозяина дома. Солгала даже герцогиня, утверждавшая, что в ночь убийства Ла Врийер находился в Версале.

Ни для кого не тайна, что личная жизнь министра отнюдь не отличалась благочестием. Но тогда почему все стараются скрыть его похождения? Неужели потому, что именно в эту ночь случилось то, что никак нельзя сделать достоянием гласности? Перед Николя снова встал вопрос, не дающий ему покоя с той самой минуты, когда герцог де Ла Врийер поручил ему расследование: неужели, зная о его опале, кто-то мог подумать, что он позволит себе стать игрушкой в чужих руках и, делая вид, что ведет расследование, согласится принять продиктованный ему результат? Какой промах он совершил, что о нем создалось столь посредственное мнение? От лихорадочной работы мысли в висках застучала кровь. Бессмысленно перебирать версии, надо действовать, ускорить шаг. Только действия смогут пролить свет на это дело, где каждый вновь обнаруженный факт не приближает, а, наоборот, удаляет от истины, скрытой под плотной завесой хитрости и лжи.

В первую очередь надо определить, носит ли по-прежнему герцог де Ла Врийер серебряную руку, подаренную ему покойным королем. Как это сделать? С невинным видом спросить самого министра и посмотреть, как он ответит на вопрос! Николя сознавал, что в новой версии герцог становится главным подозреваемым в совершении убийства в собственном доме. Когда же он скрепя сердце признал, что вторая жертва имеет на шее точно такую же рану, как и первая, смятение его, поистине, не поддавалось измерению. В обоих случаях убийца орудовал одним и тем же предметом. Следовательно, совершенно необходимо выяснить, где в момент совершения обоих убийств находился герцог де Ла Врийер. Николя принялся строить всевозможные предположения, но быстро спохватился. Пора прекращать бесплодные метания. Надо действовать.

Министр Королевского дома, без сомнения, уже прибыл в Версаль, где он по-прежнему исполнял множество обязанностей. Человек привычки, он обедал около часа пополудни, и Николя посчитал сей момент подходящим для получения аудиенции. Так как охотничье платье свидетельствовало о привилегированном положении при дворе, переодеваться он не стал... Предлог нашелся немедленно: подвести итог нынешнему этапу расследования преступления в особняке Сен-Флорантен.

В министерском крыле лакей встретил его как давнего знакомого и, осторожно постучав в дверь, ввел в рабочий кабинет герцога. Как он и предполагал, герцог обедал, сидя перед окном за маленьким одноногим столиком. В камине бушевало поистине адское пламя.

— Что, что случилось? — воскликнул он, поднимая голову и окидывая взглядом Николя. — Во дворец ворвались дикие звери?...Когда вы успели прибыть в Версаль?

Николя понял, что герцог намекает на его охотничий костюм.

— Вчера, сударь. По указанию господина Лемуара.

— И только сегодня достаиваете меня визитом!

— Его величество пожелал меня видеть, затем господин де Морепе, а потом королева. К тому же по распоряжению его величества сегодня утром я принимал участие в ружейной охоте.

— Ох-ох-ох, вот так и развращают наших людей...

Прищурившись, герцог с плохо скрываемым беспокойством смотрел на Николя.

— Я вас слушаю, — произнес он.

— Сударь, — начал Николя, — мне хотелось бы отчитаться о проделанном расследовании. Ваши слуги в большинстве своем лгут, а когда не лгут, искажают правду. Попытка самоубийства вашего дворецкого свелась к жалкой царапине. К тому же он ничего не помнит.

— Как? Как? — заволновался герцог. — И этого, по-вашему, достаточно, чтобы убрать его из числа подозреваемых?

— Я этого не говорил. Я лишь сообщаю, что улики против него весьма спорные. Ни одного убедительного факта, ни одного доказательства...

— Да ну же, ну, это может быть только он! Вам нужно поспешить с выводами, сударь.

— Правосудие следует по пути истины, оно осмотрительно и осторожно по определению. Герцог резко выпрямился на стуле.

— Надеюсь, вы не намерены учить меня, господин комиссар!

— Боже меня упаси! — ответил Николя. — Я нисколько не намеревался учить вас. Многие думают так же, как и вы, и торопят меня вынести решение.

Министр ел вафли, макая их в чашку с шоколадом. В небольшом кувшине виднелись остатки напитка. Столик был шаткий, а фарфор неустойчивый. Правая рука в перчатке лежала горизонтально на столе, зато левая сновала во все стороны. «Он очень взволнован, — подумал Николя, — и если так будет продолжаться, вся посуда окажется на полу. Шансов у нее мало...»

— Как? Как? — протягивал герцог. — Кто такие эти многие? Почему дело, которое следует держать в секрете, становится предметом публичного обсуждения? Неужели после стольких секретных расследований вы так и не научились держать язык за зубами? С кем вы о нем говорили? С Сartiном, конечно же! Но он теперь ничто, вы это понимаете? Ничто, ничто!

Маленький человечек побледнел от ярости. В ответ Николя самым сладким тоном, на какой он только был способен, произнес:

— Вы ошибаетесь, сударь. Возможно, господин де Сартин и знает об этом деле, ведь он всегда в курсе всех, даже самых ничтожных событий, и утверждать обратное было бы иллюзией. Есть еще герцог де Ришелье: разгуливая по галерее, он разносит новости от одной группы придворных к другой. Он, разумеется, принялся меня расспрашивать, однако я сделал вид, что ничего не знаю. Король же полагает, что я, действительно, должен как можно скорее завершить дело.

Лицо министра покрылось фиолетовыми пятнами.

— Ришелье! Этот старикашка по-прежнему всякой бочке затычка! Почему бы ему, наконец, не удалиться на покой? Ведь он провел при дворе без малого шесть десятков лет! Черт бы побрал эту скотину! Ну а король...

Он попытался приподнять руку в перчатке, но та тяжело упала обратно на стол. Стол зашатался, чашка на блюде задребезжала, словно от страха, а кувшинчик опрокинулся, залив замшевую перчатку темной жидкостью. В ярости герцог вскочил и содрал перчатку, и Николя увидел то, что хотел увидеть: искусственная кисть была выполнена не из серебра, а из дерева.

Дальнейшая суэта позволила Николя обдумать следующий ход. Пока слуга вытирал пролившийся шоколад и уносил запачканный столик, Ла Врийер, устремившись к рабочему столу, вытащил из ящика свежую перчатку и стал ее натягивать. Теперь, притворившись, что продолжаешь отчет, следовало узнать самое важное.

— Полагаю необходимым отметить еще один странный факт....

— Так поторопитесь же, поторопитесь.

— После вскрытия в морге был сделан гипсовый слепок орудия убийства, с помощью которого преступник расправился с обеими жертвами.

— Какие обе жертвы? Насколько мне известно, мой дворецкий жив и, как вы только что сказали, отделался легкой царапиной. Вы заговариваетесь и множите жертвы по собственному желанию!

— Увы, нет! Во вторник утром в тупике Глатиньи обнаружили труп девушки, убитой тем же самым предметом. Сомнений нет: в обоих случаях было применено одно и то же орудие.

Похоже, герцог понял, куда он клонит, и вновь вернулся к взвешенному и холодному тону.

— Так вы нашли его, чтобы сделать слепок?

— Мы сделали слепок с раны. Как делают слепок с печати.

— И что в нем странного?

— Его странность оправдывает вопрос, который мне хотелось бы вам задать и который, надеюсь, вы мне простите. Так вот, по форме и объему слепок равен человеческому кулаку. Но рука человека не может нанести такую рану, какая обнаружена на теле жертв. Я вижу, вы носите деревянную кисть руки. Где находится серебряная рука, подаренная вам покойным королем, нашим усопшим повелителем?

Ла Врийер не моргая смотрел в глаза Николя, словно пытался разгадать подоплеку заданного ему вопроса.

— Господин Ле Флок, я ношу то, что меня устраивает, — небрежно бросил он. — Руку, подаренную мне нашим покойным повелителем, я надеваю по торжественным случаям.

— Но, сударь, ваша рука всегда в перчатке... Надеюсь, вы позволите мне рассмотреть бесценный оригинал вблизи. Сам факт, что вы иногда снимаете эту руку, порождает определенные подозрения... Представьте себе, что ее у вас взяли на время или, еще хуже...

Герцог, похоже, полностью лишился сил.

— Конечно, конечно... Я никогда не утверждал, что она по-прежнему в моем распоряжении. Честно говоря... честно говоря, я, кажется, потерял ее... наверное, забыл где-то.

— Но вы же наверняка помните, где это произошло?

— Да, да, разумеется. У госпожи де Кюзак, в Нормандии.

Он явно сомневался.

— Неужели сей драгоценный сразу по нескольким причинам предмет могли у вас украсть?

Министр, казалось, смущался все больше и больше,

— Что я могу сказать? Все возможно.

— Последняя подробность, сударь. Кто из ремесленников столь мастерски выточил серебряную руку? Было бы полезно уточнить кое-какие сведения о происхождении этого изделия.

— Господин де Вильдей. В 1765 году он был механиком и жил на площади Руаяль. С тех пор, я думаю, он уже умер. Ле Флок, королю известно об этом деле?

— Да, сударь. Как я уже вам докладывал, его величество бегло упомянул о нем в моем присутствии.

Взяв перо, министр обмакнул его в чернила и принялся писать. Николя понял, что аудиенция окончена.

Придворная карета, доставившая его в гостиницу «Бель Имаж», не осталась незамеченной и сильно способствовала поднятию его престижа в сем заведении. Заперевшись у себя в комнате, он принялся с маниакальным старанием начищать ружья, одновременно размышляя о том, что ему довелось услышать. Ему было необходимо осмыслить впечатление от встречи с герцогом де Ла Врийером. Во-первых, герцог даже не пытался изобразить искренность, а

значит, ему есть что скрывать, а во-вторых, судьба искусственной руки герцога осталась неизвестной.

Он готов согласиться с заявлением, что каждый день носить деревянную руку значительно удобнее, готов поверить, что драгоценный оригинал исчез. Но почему владелец упорно утверждает, что не помнит, где и как это произошло? Действительно ли рука исчезла в Кане, где проживала высланная из Парижа любовница герцога госпожа де Кюзак, именуемая «прекрасной Аглаей»? Ответы герцога не приблизили расследование к истине, а если Николя начнет поиски серебряной руки на свой страх и риск, министр имеет право их прекратить.

Гнев герцога, узнавшего, что трагедия, случившаяся в его парижском доме, стала достоянием гласности, равно как и его язвительность по отношению к Сартину, также дают пищу для размышлений. Должен ли он после этой беседы исполнить просьбу своего бывшего начальника и держать его в курсе всего, что касается министра Королевского дома? Нет, роль осведомителя ему решительно не нравилась. Но как можно отказать Сартину, которому он обязан всем и чьи действия всегда направлены на защиту интересов трона? Неожиданно он задал себе вопрос: если бы кувшинчик с шоколадом не опрокинулся, смог бы он обнаружить исчезновение серебряной руки герцога де Ла Врийера? Приняв решение не исполнять просьбу Сартина, он в глубине души признавал, что поступил как заправский казуист, и если бы рядом был Бурдо, он бы в очередной раз назвал его выучеником Лойолы...

Желая смирить взбудораженный ум, Николя сел писать письмо сыну. Он с волнением думал о том, как началась для мальчика его жизнь в коллеже. Как ответит на перемены сформировавшийся характер, в котором он с восторгом узнавал черты своего отца, маркиза де Ранрея? Как бы стремительно ни изменилось его положение, мальчик, похоже, справился с переменами, проявив искренность и достойное похвалы чувство меры. И все же, стоило ему вспомнить, в каких условиях протекало детство его сына, как в нем пробуждалось беспокойство. С одной стороны, он видел перед собой ребенка, избалованного женщинами из галантного заведения, а с другой — блестящего и учтивого ученика, вызвавшего восхищение его друзей во время встречи в доме Ноблекура. Следовало воздать должное Сатин: в условиях, мало подходящих для воспитания мальчика, ей удалось избежать худшего. Теперь Луи гордился славным именем, носить которое он удостоился чести, и его гордость не была отравлена ни каплей надменности. Но сумеет ли он осознать двойственность своего положения в свете? Его отправили по тернистому пути истины, откуда легко свернуть на кривую дорожку. Николя боялся, что мальчик будет страдать, и в то же время надеялся, что страдание закалит его юную душу, подобно тому, как вода придает гибкость и прочность раскаленной стали. И он написал сыну нежное письмо, наполнив его здравомыслящими советами, какими двадцать лет назад снабдил его маркиз де Ранрей; теперь он адресовал эти советы своему сыну. Внимательно перечитав письмо, он переписал его начисто, запечатал и, отложив, принялся за туалет, дабы подготовиться к ужину у графа д'Арране.

Он аккуратно побрился — так, как учил его отец. В свое время маркиз, к великому возмущению каноника Ле Флока, считавшего любую заботу о теле делом дьявольским, преподавал Николя основы ухода за собой, включавшие искусство самостоятельного безопасного бритья, выбора камней для заточки бритвенных лезвий и способы подготовки кожи к бритью. Несмотря на окончание периода траура, он решил надеть скромный элегантный фрак цвета «сажи из лондонского камина», новомодное творение его портного, мэтра Вашона, дополнив его извлеченными из чемодана манжетами из кружева малин, галстуком и ослепительной белизны рубашкой. Его белье являлось предметом особых забот Катрины и Марион: старая служанка обучила свою подопечную пользоваться угольным утюгом, чему бывшая маркитантка, естественно, не могла научиться в военных лагерях. Причесав волосы, он приладил парик, напудрил его, маленькой агатовой рукой убрал выбившиеся из-под парика пряди и, взглянув в старое пятнистое зеркало на туалетном столике, остался доволен своим отражением. Поразмыслив, он прицепил старинную шпагу, два года назад доставленную на

улицу Монмартр комиссионером из Бретани и врученную ему без единого объяснения. Развернув бумагу, Николя сразу узнал парадную шпагу маркиза де Ранрея и предположил, что эта посылка — знак внимания его сводной сестры Изабеллы. Еще раньше, вскоре после смерти отца, она прислала ему перстень с фамильным гербом, который в урочное время он передаст Луи. Ностальгические воспоминания вновь завладели им: закрыв глаза, он увидел дикий океанский берег, а над его головой с громким криком заметались морские птицы...

Так как он отослал придворную карету, он велел найти ему фиакр, чтобы ехать в особняк д'Арране. Близился час вечерней росы; на улице стемнело. Природа присмирела, ветер стих. Трактирщик, решивший, что имеет дело с высокопоставленной персоной, путешествующей инкогнито, услужливо суетился вокруг Николя, преумножая пустые знаки внимания. Со времен Петра Великого северные государи, являя притворное смирение, приобрели привычку путешествовать как частные лица. Молчаливость Николя и его серьезный вид заставляли строить о нем самые разные догадки.

Фиакр остановился. Едва Николя вошел в дом, как навстречу ему, заговорщически подмигивая, заспешил грозный лакей-морьяк.

— Сударь мой, адмирал сейчас в библиотеке, и этот отчаянный живорез тоже там. Наконец-то они снова свиделись! Надобно признать, тогда этот парень здорово зашил мне глотку, которую чертова картечь пробила навывлет! Легкость рук у него необычайная, хотя, признаюсь, мне пришлось изрядно погрызть кусок кожи, пропитанной ромом. Ох, ну и ловок же этот резака, и как это расчудесно — снова с ним встретиться!

— Вы мне нравитесь, Триборт, — ответил Николя, вкладывая в руку лакея двойной луидор. — Доктор Семакгюс мой друг.

Он был рад открыть для себя неведомые ему прежде черты характера корабельного хирурга. Лакей распахнул дверь в библиотеку, и оттуда поплыл запах горящих свечей, смешанный с экзотическим ароматом настойки с далеких островов. Перед открытым окном стояли Семакгюс и граф д'Арране; их разговор то и дело прерывался взрывами хохота. Николя поразил величественный вид адмирала, облачившегося по такому случаю в мундир, состоявший из ярко-красных панталон, такого же цвета камзола, разукрашенного галуном и расшитого золотом, и синего фрака военного покроя. Из-под правого эполета спускалась лента ордена Святого Людовика, эффектно выделявшаяся на синем сукне и выгодно подчеркивавшая мужественный облик хозяина дома. В ярком свете блестели эполеты, переливалось золотое шитье. Семакгюс, в черном фраке и напудренном парике, составлял достойную и изысканную пару своему бывшему командиру и боевому товарищу.

— О! А вот и Ранрей, — воскликнул, оборачиваясь, адмирал. — Надеюсь, вас не надо другу представлять.

Беседа была в полном разгаре, когда возле крыльца с шумом остановились несколько экипажей. Поставив бокал и поддерживая рукой раненую ногу, хозяин устремился навстречу новоприбывшим. Сартин и Лаборд явились в сером, подтвердив тем самым правильность выбранного комиссаром темного фрака. Д'Арране представил Семакгюса министру, и тот, весело улыбаясь, вспомнил, как четырнадцать лет назад он имел счастье оправдать корабельного хирурга, попавшего в Бастилию по подозрению в убийстве^[34]. Самодовольная уверенность, с которой Сартин приписал себе чужие успехи, возмутила Николя. Вскоре он понял, что его раздражение не имеет никакого отношения к недостаткам Сартина: он, наконец, сообразил, что речь идет о мужском ужине и мадемуазель д'Арране не примет в нем участия. Противоречивость собственных желаний удивила его.

Принесли напитки, и компания постепенно развеселилась. Лаборд увлек Николя в сад и принялся изливать душу. Несмотря на строгий надзор врачей и соблюдение всех предписаний, здоровье его юной жены не улучшалось. Она постоянно пребывала в нервном возбуждении, с

ней часто случались конвульсии, и ничто не могло рассеять ее меланхолии; она оставалась безучастной ко всему. После смерти короля Николя ни разу не видел Лаборда веселым, как прежде, но он даже не подозревал, насколько глубока его печаль. Он понял, каких усилий стоило его другу несколько дней назад, в доме Ноблекура, являть хорошее настроение, дабы не омрачить вечер, устроенный в честь Луи, и заверил Лаборда в своей преданности. Он также выразил желание в подходящий момент быть представленным госпоже де Лаборд. Триборт объявил, что кушать подано, и все прошли к столу.

Николя был уверен, что к скромному, но элегантному убранству и сервировке приложила руку Эме.словно широкая дорога, посреди стола выстроилась сверкающая серебряная посуда с гербами, перемежаясь с украшенными цветами белыми кораллами. Сартину отвели председательское место во главе стола, слева от него сидел хозяин дома, справа Лаборд. Триборт наблюдал, как пятеро лакеев, занявших места за стульями гостей, прислуживают им и разливают напитки. Первым заходом подали мидий в соусе из масла, желтка и уксуса, тюрбо а-ля Сент-Менеу в сухарях и гигантскую форель в желе в сопровождении жареных розовых креветок и искусно нарезанных овощей. Шампанское и белое вино из Бургундии охлаждались в сосудах из позолоченного серебра.

— Адмирал, — произнес Сартин, — вы оказали мне честь, приказав подать на стол глубинных тварей, кои встречаются крайне редко. Я не видел форель таких размеров со времен ужинов в малых покоях короля, куда эту рыбу везли из Швейцарии на курьерских, поспешая и загоня лошадей. Сколько она весит? Двенадцать, пятнадцать фунтов?

— Гораздо больше! — произнес довольный д'Арране. — Она весит все двадцать фунтов и еще вчера утром плавала в Женевском озере. Я люблю свежую рыбу, хотя некоторые предпочитают усыпить ее за несколько дней до приготовления, чтобы подчеркнуть ее вкус. Но я с этим не согласен.

— Когда готовишь ската, ему совершенно необходимо дать отлежаться, — произнес Семакгюс, — иначе он совершенно несъедобен. Однако надобно быть осторожным и хранить рыбу в меру. Стоит ей чуть-чуть перележать, как она начинает выделять аммиачный газ и становится вонючей.

— А ловят ли рыбу на кораблях во время долгих плаваний?

— Во время дальних переходов это занятие является не только отличным развлечением, но и существенной добавкой к столу. Я вспоминаю, как на траверсе Таранто Семакгюс, одного за другим, поймал на удочку пятнадцать тунцов! В тот день экипаж был уверен, что ему подали свежее мясо. Это было на фрегате «Кассиопея».

— А когда нет свежей рыбы, то в рационе только солонина — говядина и свинина?

— Совершенно верно, — ответил граф. — К тому же нередко залежалая и подпорченная. Знаете, есть предложение провести некоторые изменения в снабжении продовольствием наших кораблей.

— А вы никогда не грузите ни живой скот, ни живую птицу?

— Черт побери, еще как грузим! И перед отплытием, и на каждой остановке. Но эти запасы быстро подходят к концу, а первый же бой превращает скотный трюм в скотобойню. Достаточно одному ядру проделать отверстие в борту судна, и прощай птичий двор.

— Полностью с вами согласен, — задумчиво произнес Сартин. — Снабжать провиантом морские корабли — дело не из легких. Я приехал в этот дом в надежде получить дельные советы. Ведь я никогда не выходил в море.

— И я тоже, — добавил Лаборд.

— Я пересек Ла-Манш на пассажирском судне, — вставил Николя.

— Господин граф, — продолжил Сартин, — вы — старый моряк, то есть я хочу сказать, что у вас большой опыт, не такой, как у офицеров в пышных мундирах, что вечно толкутся в прихожих... ну, вы меня понимаете. Что вы мне можете посоветовать?

— Упаси меня Господь что-либо советовать министру, назначенному моим повелителем! Однако я мог бы высказать кое-какие соображения. Во-первых, необходимо вдохнуть новую жизнь в морской флот. Несмотря на добрую волю господина де Шуазеля, этот век оказался немилостив к боевым кораблям, столь необходимым для величия Франции.

— Коварные люди внушили покойному королю неправильное представление о флоте, — живо отозвался Сартин. — Разумеется, не вы, адмирал, а другие. И, к сожалению, все подавалось под предлогом сокращения расходов, ради экономии средств. Людовик XV горько жаловался на сокращение флота, но его министры не давали ему никакой надежды на улучшение ситуации. В сущности, мы вынуждены были следовать политике, начатой во времена регентства и продолженной кардиналом Флери.

— И какова же эта политика? — спросил Лаборд.

Разговор на время прекратился, чтобы дать возможность разместить на столе вторую перемену блюд, куда входили свиные ножки с трюфелями, пирог с зайчатинной и салат с молодой крольчатинной. Мадера, совершившая путешествие в Индию, была опробована и немедленно получила всеобщее одобрение.

— Отвечаю на ваш вопрос, — продолжил Сартин. — Наша политика заключалась в том, чтобы не вызывать зависти у великих морских держав, и в частности у Англии, для чего началось сознательное принижение собственного флота — дабы у англичан не зародились подозрения.

— Но, сударь, — пылко воскликнул д'Арране, — не может же наш флот вечно пребывать в состоянии слабости и упадка! Это противоречит чести и интересам королевства!

— Увы! Как я вам уже сказал, неспособность людей, финансовый кризис, перманентная проблема долга и вечная оппозиция парламента способствовали срыву планов оздоровления государства. Господин де Морепа, более двадцати лет отвечавший за морской флот, несколько не преуспел в своем деле. Он хотел, чтобы на три английских корабля приходилось хотя бы одно наше судно. Сумею ли выполнить эту задачу я? Поверьте, я намерен упорно следовать по этому пути, тем более что события в английских колониях в Америке побуждают нас держать руку на эфесе шпаги. Ответил ли я на ваш вопрос, адмирал?

— Разумеется! Второе мое предложение гораздо более дерзкое. Мне кажется, нам следовало бы подумать о тактике наших морских сражений. Сейчас я объясню: мы, французы, сражаемся в линию и первым делом стараемся сбить мачты у противника, дабы потом завладеть его судном. Такая тактика не подразумевает свободы мысли, порождает рутину и убивает в зародыше любую попытку использовать стечение обстоятельств. Нам же противостоит английская метода, на основании которой английские канониры стремятся прежде всего расстрелять ядрами корпус судна. Видели бы вы, какие повреждения причиняют они... от прицельной стрельбы в нижнюю палубу текут реки крови, щепки, летящие от обшивки, кинжалами впиваются в людей... А что говорить, когда вражеский корабль, идущий по ветру вместе с вами, расстреливает вашу корму из пушек, а потом рассекает вас по всей длине! Людские потери, воистину, огромны, а найти замену опытным морякам невероятно сложно.

— И как, по-вашему, исправить положение? — спросил Сартин.

— О, сколько я об этом думал! Морская карьера требует не только мужества, выносливости и знаний, но и умения мыслить и принимать решения в самых различных обстоятельствах. Мне кажется, не стоит привязываться к какой-либо одной тактике, пусть та или иная метода применяется в зависимости от обстоятельств, а то даже и несколько сразу, непосредственно сменяя друг друга. Для этого необходимо набирать закаленных, привыкших к бою офицеров и матросов. Я знаю, англичане очень опытные моряки. Когда новобранцы

привыкают к морю, их начинают учить стрелять по команде при качке — и килевой, и бортовой. Мы же учим наших моряков плохо и мало, ибо всегда и на всем экономим. А когда приходит время встретить грозного врага лицом к лицу, наша скупость обходится нам необычайно дорого!

— Моя мысль идет в том же направлении, — вмешался Семакгюс. — Когда наступает час сражения, опытная и слаженная команда значит гораздо больше, чем калибр пушек!

— Кстати, о пушках, — продолжил д'Арране. — Смею надеяться, сударь, что ваши подчиненные довели до вашего сведения сообщение об изобретении английским инженером нового типа пушки, именуемого каронадой. Это короткоствольное орудие уже принято на вооружение в английском королевском флоте.

— Я слышал об этом, — отозвался Сартин, — но, честно говоря, не понял, в чем ее преимущество.

— Она значительно короче обычных пушек, у нее нет колес, и она крепится на скользящем лафете, состоящем из двух досок. Помимо этого она интересна нам тем, что наведение на цель по высоте осуществляется вращением ворота. Заряженная бомбой или картечью, каронада производит ужасающие разрушения...

С таинственным видом Сартин огляделся по сторонам: слуги убирали посуду, и никто посторонний не мог услышать его слов.

— Друзья мои, у меня есть план создания службы, в обязанности которой будет входить сбор сведений об английском флоте и о том, какие сюрпризы готовят нам господа из тамошнего адмиралтейства. Сей план еще не разработан в подробностях... Но, как вы понимаете, речь идет о благе государства, ибо осведомленность всегда идет на пользу. Придется искать людей, способных осуществить мой грандиозный замысел.

И он бросил долгий выразительный взгляд на Николая. Вернувшись, лакеи заняли свои места. Граф перевел беседу в иное русло.

— Фрегат — это король морских сражений, ибо он легок и прост в маневрах, — заявил он. — Семидесятичетырехпушечный фрегат может вести шквальный огонь и одновременно маневрировать. А если взять более крупный корабль, с большим водоизмещением, то в бою он превращается в неуправляемое чудовище, и потери его столь же велики, сколь велика сама эта громада. Подумайте только: такое судно берет на борт почти девятьсот человек! Но не надо складывать все яйца в одну корзину... И последнее, сударь: мне кажется, нам, на наших судах, необходимо иметь пехоту. В море у матросов нет оружия, и только в случае нужды им раздают ружья, пики и вымбовки. Так вот, мне кажется уместным усилить экипаж пехотинцами, которых можно было бы использовать для ведения огня во время ближнего боя или абордажа.

— Меткий выстрел, сразивший командующего, может решить исход сражения, — произнес Семакгюс. — И тому есть примеры.

Третья перемена блюд состояла из пирожков с салом, круглого итальянского сыра, рябчика с пюре, утки по-испански, завитка говяжьей грудинки в бенгальском соусе карри, гратена из испанских артишоков и жареного сельдерея.

Обеими руками министр поправил парик: этот жест означал у него величайшее удовлетворение.

— Время вопросов еще не пришло, — произнес он, — однако ваши соображения для меня чрезвычайно полезны. Я намерен познакомиться с положением на местах. Начну с познавательной поездки в Бретань, дабы посмотреть, как управляют нашими портами и арсеналами. Я хочу вырыть новые сухие доки и увеличить количество строящихся линейных кораблей. Не могли бы вы, адмирал, помочь мне подготовить эту поездку и сопровождать меня в ней? Мне очень важно мнение и глаз человека, имеющего опыт дальних плаваний и

командования морскими батальями. Позднее, когда план действий обретет четкие очертания, мы призовем на помощь еще одного достойного офицера, шевалье де Флерье, занятого в настоящее время разработкой морского хронометра, дабы в точности определять долготу местонахождения судна. Флерье, без сомнения, придется по душе королю: его очень интересуют всякого рода изобретения.

— Сударь, я весь в распоряжении министра, — в восторге ответил д'Арране, приподнимаясь с места.

— Вот и прекрасно! Приходите, как только сможете, ко мне в департамент. Мои служащие получают распоряжение оборудовать вам рабочее место как можно ближе ко мне. Будем трудиться вместе. Николя, расскажите, что нового происходит в столице, мне не хватает этих сплетен. Они отвлекут нас от серьезных материй и развлекут как нельзя лучше.

— Как всегда, — начал Николя, — все, что происходит в театре и в опере, тотчас обрастает слухами. Молва считает, что в Вене император проникся столь великой страстью к кавалеру Глюку, что не позволяет музыканту покинуть его двор, и, желая прочнее привязать его к себе, назначил ему пенсию в две тысячи экю. Из почтения к своей сестре и нашей королеве, а также чтобы не лишать музыканта тех выгод, которые он имеет во Франции, император дозволил ему ежегодно приезжать к нам, чтобы поставить одну из своих опер.

— Ее величеству вряд ли понравится такое обращение брата со своим любимым музыкантом.

— Вчера «флейтист» господина де Вокансона исполнил мелодию Глюка, и королева горячо поблагодарила изобретателя за его выбор.

— Следует отметить, — произнес Лаборд, — что появление при дворе Ранрея стало настоящим событием. Весь Версаль только и говорит, что о выпавших на его долю милостях. Личная аудиенция у короля, беседа с глазу на глаз с госпожой де Морепа, с первым министром и, венчая дело, беседа с королевой вне инквизиторского взора госпожи де Ноайль. А еще говорят, что он успешно исполнил роль посредника, сумев добиться мирного исхода душераздирающей драмы...

— Для молодожена, покинувшего свет, вы превосходно информированы, — заметил Николя. — Вы подвергаете насилию мою скромность. Давайте лучше поговорим о наших актрисах. Все с удовольствием обсуждают ссору между мадемуазель Арну и мадемуазель Року, грозящую перерасти в настоящую войну. Сьер Беланже, рисовальщик из мастерских Меню Плезир^[35] и любовник мадемуазель Арну, защищая свою возлюбленную, выступил против маркиза де Ла Вилетта, кавалера мадемуазель Року. Произошел оживленный обмен репликами, и маркиз в присутствии множества свидетелей пообещал раздавить повесу, осмелившегося дерзить ему. Опасаясь злопамятства маркиза, Беланже решил опередить его и подал жалобу в уголовный суд. Вмешались посредники, нашли какой-то смехотворный предлог, чтобы забрать дело из суда, и в конце концов договорились, что оба соперника выйдут на поединок, скрестят шпаги и их тотчас разведут. Шутовское примирение дало повод сочинить сказочку на манер персидской, автор которой заклеил трусость маркиза.

— Какая может быть дуэль, когда о чести даже речи нет? — воскликнул граф д'Арране. — Обнажать шпагу по столь ничтожному поводу — истинное безумие!

— Бывший начальник полиции напоминает вам, господа, — со смехом произнес Сартин, — что дуэли запрещены, а король во всеуслышание заявил, что не станет прощать нарушителей его указа о запрете дуэлей.

На столе появились маленькие пирожные и сладости, а затем хозяин встал и увлек гостей в библиотеку. Сартин отвел Николя в сторону.

— Морской флот — это не полиция, — начал он тоном человека, разговаривающего с самим собой. — Я один, под постоянным наблюдением и без поддержки. С возрастом эгоизм Морепа возрастает, и боюсь, что единственной целью его министерства является

предотвращение потрясений и воздержание от решительных мер, способных нарушить его спокойствие. Он хочет сохранить свое место и тихо дотянуть до кончины! Но скажите мне, насколько продвинулось ваше расследование?

Вопрос был задан в лоб и бил прямо в цель.

— В части, касающейся орудия преступления, оно завершено, — ответил Николя. — Речь, бесспорно, идет об искусственной руке, подобной той, которую покойный король когда-то подарил господину де Сен-Флорантену после несчастного случая на охоте. Остается только...

— Серебряная рука... Однако! — задумчиво пробормотал Сартин.

— Вынужденный давать объяснения, герцог де Ла Врийер отвечал расплывчато и обтекаемо. Я установил, что он носит выполненную из дерева копию той руки и утверждает, что не знает, где находится оригинал. Он не помнит точно, потерял он ее или же ее украли. Ему кажется, что пропажа произошла в Нормандии, куда он ездил навестить госпожу де Кюзак.

— Вот оно как! Еще и «прекрасная Аглая»... Что ж, поздравляю, это, действительно, новость. И вы думаете, что...

— Я не думаю, сударь, а всего лишь констатирую, что теперь герцог числится среди подозреваемых, тем более что он так и не сказал, где он провел ту ночь, когда было совершено убийство.

И он рассказал министру о второй жертве.

— Король расспрашивал вас об этом деле?

Сартин улыбался, однако его тонкие губы были плотно сжаты.

— Да, он проявил к нему интерес.

— Извольте сообщать мне обо всем, что узнаете нового.

Он уже намеревался присоединиться к остальному обществу, как Николя удержал его.

— Есть еще новости?

— Да, сударь. Неожиданная встреча, о которой мне бы хотелось вам рассказать. Вчера в нижней галерее дворца я встретил субъекта в очках с закопченными стеклами. Увидев, что я направляюсь к нему, субъект сбежал.

— Вы его узнали?

— Это лорд Эшбьюри, мой лондонский визави. Речь идет об известной вам миссии...

Сартин задумался.

— Глава английской разведки в Париже! Однако странно. Странно и тревожно. Мне это решительно не нравится. Предупредите Ленуара. Пусть выяснит, что за иностранцы въехали в последнее время в Париж. Надо узнать, под каким именем он проник к нам. Николя, мы всегда работали вместе, и в будущем... Не забудьте собрать сведения о Бурдые. Морской флот ждет его шифровальную систему.

Сартин ни разу не упомянул Шуазеля, и Николя обрадовался, что его бывший начальник, наконец, перестал надеяться на возвращение к власти бывшего первого министра. У него не было иллюзий относительно искренности Сартина, чью способность маневрировать и уводить собеседника в сторону он не раз сумел оценить. Сартин никогда не раскрывал истинных причин своих поступков; работая под его началом, Николя имел возможность в этом убедиться. Сартин припасал свои секреты на черный день и, как подобает хорошему политику, всегда держал в запасе несколько козырей. Некоторые стороны его деятельности по-прежнему оставались неизвестными даже его ближайшему окружению. Все, что касалось его участия в масонской ложе, окутывала глубочайшая тайна. Николя не исключал, что, будучи масоном, Сартин негласно поддерживал партию философов. Но сделался ли он масоном, повинувшись духу времени или же с целью воспользоваться влиянием этой тайной организации, а затем получить возможность контролировать ее деятельность?

После пережитых расследований и испытаний Николя питал к Сартину искреннюю признательность, а его уверенность в том, что этот француз, прибывший из Барселоны и не принадлежавший к родовитому дворянству, — сам комиссар происходил из более знатного рода, — всегда заботится об общественном благе, поддерживала в нем уважение к бывшему начальнику полиции. Думая о благе общества, Сартин всегда был предан королю. Королевский горностаи, обрамлявший его мантию магистрата, символизировал делегированные ему монархом власть и право отправлять правосудие.

Сам Николя не ощущал пристрастия ни к одной из политических партий. Религиозные разногласия, молниями вспыхивавшие на небосклоне близившегося к концу века, затрагивали его только как источник общественных беспорядков; в душе он не поддерживал ни святош, ни янсенистов, ни парламенты, равно как и тайный их сговор. Постоянная злобная оппозиция парламентов, временно поверженная волевым усилием Мопу и поддержанная покойным королем, заставляла его страшиться за будущее, которое по причине молодости и неопытности Людовика XVI пребывало в тумане неизвестности. Исполняя свои обязанности, он, насколько позволяли неизбежные при его должности компромиссы, пытался оставаться честным.

Около полуночи граф д'Арране проводил министра до кареты. Выстроившись полукругом, лакеи с факелами освещали отъезд гостя. Семакгюс предложил Николя воспользоваться его каретой и довезти его до гостиницы «Бель Имаж». Лаборд отправлялся в Париж, где его ожидала молодая жена. Выходя из дома, Николя показалось, что наверху, на лестничной площадке, промелькнуло хорошенькое личико Эме. Адмирал пребывал в восторге от предложения Сартина. Возможность наконец прервать зятянувшийся период бездействия наполняла его радостью, ибо он, подобно многим офицерам его возраста и выслуги лет, опасался, что ему уже никогда не придется вернуться на службу. Все договорились увидеться вновь, а Николя было велено заезжать как к себе домой.

Экипаж Семакгюса медленно двинулся по аллее, ведущей на парижский тракт. Проезжая под портиком, он вдруг резко остановился.

Пятница, 7 октября 1774 года

Звучавшие вдалеке голоса болью отдавались у него в голове. Постепенно звуки их становились громче и отчетливее. Что-то с силой давило на левый висок. Где он находится? Что ему снится? Он никак не мог разлепить отяжелевшие веки... Его охватило непреодолимое желание покинуть этот мир, неумолимый водоворот медленно затягивал его в бездонную пропасть, и он погружался все глубже и глубже, чтобы не вернуться никогда...

— Черт побери, похоже, он снова теряет сознание. Передайте мне уксус, мадемуазель.

— К счастью, у него прочная голова, — произнес д'Арране. — К тому же пуля лишь задела его. И, разумеется, огромная удача, что вы оказались рядом, дорогой Семакгюс.

— Благодарить надо моего кучера; он моментально сообразил, как поступить. Если бы не он, мы бы сейчас горевали над покойником!

— Убивать моих гостей в Версале, возле дверей моего собственного дома! Может, убийцы покушались на жизнь министра?

— Не знаю, — бросил Семакгюс. — Все возможно. Впрочем, комиссара уже не раз пытались убить. Поистине, он этот год не может назвать счастливым. О! Кажется, он приходит в себя.

Николя открыл глаза. Он лежал на кровати в богато убранной комнате, и на него с неприкрытой тревогой взирал Семакгюс; рядом с ним стоял граф д'Арране. На одеяле сидела Эме и держала его за руку. Он попытался приподняться, но голову пронзила острая боль. Когда

в Геранде он играл с мальчишками в мяч, ему частенько перепали синяки и шишки; сейчас, похоже, ему досталось больше.

— Не двигайтесь, — произнес Семакгюс. — Пуля задела висок. Рана не глубокая, но вы потеряли много крови. Голова выдержала. Впрочем, она выдерживала удары и похуже. Сейчас я вас перевяжу. Мадемуазель согласилась наципать корпии из вашей рубашки.

Заметив, что он обнажен до пояса, Николя смутился.

— Вы остаетесь ночевать здесь, — произнес д'Арране, — это приказ. И кому только пришло в голову убивать моих гостей! Я чувствую себя ответственным за случившееся с вами несчастье...

Николя попытался протестовать.

— Ни слова больше. Я велю выставить караул на подступах к дому. Каждый лакей отдежурит положенное время, Триборт проследит за этим. Семакгюс, вы также ночуете у меня. И никаких возражений.

— Почему они промахнулись?

— О Боже! — со смехом воскликнул хирург. — Я начинаю опасаться, что вместе с кровью у него вытек разум. И это вместо того, чтобы порадоваться! Мой кучер, с изумлением увидев взявшегося неизвестно откуда незнакомца, не раздумывая, хлестнул его кнутом по физиономии. Кончик кнута окрасился кровью. Так что отныне опасайтесь человека со шрамом на лице. Субъект не сумел толком прицелиться, и пуля пролетела мимо, слегка задев вас.

— А вы его поймали?

— Черт бы побрал это неблагодарное создание, — возмущенно воскликнул Семакгюс, указывая на свой серый камзол, забрызганный кровью. — Вы упали мне на руки, быть может, при последнем издыхании. И вы полагаете, я мог бросить вас в таком состоянии?

— Простите меня, Гийом. Моя голова все еще очень плохо соображает.

Неужели это покушение связано с вновь открывшимися обстоятельствами дела об убийстве в особняке Сен-Флорантен? Памятуя, как пользуют раны на военных кораблях, Семакгюс заставил Николя сделать большой глоток рома, а потом этим же ромом прижег ему висок и наложил повязку. Сняв нагар со свечи, он посоветовал своему пациенту как можно скорее заснуть, тогда к завтрашнему дню все пройдет. Затем те, кто еще держался на ногах, отправились размещать на ночлег доктора. Некоторое время за дверью ворчливо рокотал голос хозяина дома, раздававшего указания слугам. Бросив прощальный взгляд на раненого, Эме удалилась к себе. Особняк д'Арране погрузился в сон, а слуги, которых граф снабдил фонарями, отправились караулить в парк.

Внезапно Николя проснулся. Паркет скрипел, не оставляя сомнений: кто-то проник к нему в комнату. Сердце сильно забилося. С величайшей осторожностью в замке повернулся ключ. Николя замер, затих, контролируя не только каждое свое движение, но и каждый вздох. От волнения он даже забыл о боли в виске. Кто-то подошел к его кровати, и он с удивлением понял, что не чувствует страха. Он обонял аромат вербены и горячего тела. Теплый пальчик прижался к его губам, нежная ручка скользнула на грудь. Он скорее догадался, нежели разглядел, как, сброшенная второпях, соскользнула на пол одежда. Охваченный смятением, он ждал. Внезапно на него хлынул поток волос. Протянув руки, он обнял обнаженное тело, и оно податливо прижалось к нему. Рот его отыскал губы, раскрывшиеся ему навстречу. Шелковая нежность плеча потрясла его. Он медленно повернулся. Долгие поцелуи, заменившие беседу, почти не оставляли времени вздохнуть. Все более нежные, более частые, более пылкие, они подогревали охватившее их чувство до тех пор, пока последний поцелуй, продлившийся, как ему показалось, вечность, не подсказал Николя, что настала пора отдать должное любви...

Рядом с ним возмущался чей-то суровый голос. Он открыл глаза.

— Ах ты, Господи! — восклицал Семакгюс. — Вы, похоже, сражались с ветряными мельницами! Вся постель смята. Наверное, у вас была лихорадка... В борьбе с ней вы даже штаны потеряли.

Смутившись, Николя натянул на себя простыню. Снимая повязку и осматривая рану, Семакгюс поводил носом и многозначительно поглядывал на Николя; в глазах его прыгали насмешливые искры.

— Прекрасно, началось образование корки, значит, рана скоро затянется. Останется шрам, свидетельство очередного подвига. Следы на вашем теле напоминают о многочисленных расследованиях... самого разного рода. И изрядно усиливают вашу природную привлекательность.

Николя задался вопросом, что произошло сегодня ночью. Быть может, ему все приснилось? Однако подробности, всплывавшие у него в памяти... К тому же он насквозь пропитался легким ароматом чужих духов, а его тело прекрасно помнило прикосновения другого тела. Судя по насмешливому тону, пронизательный Семакгюс тоже понял, что ночь он провел не в одиночестве. Да он и сам готов посмеяться над собой. Неужели кому-то пришло в голову устроить на него покушение единственно для того, чтобы поставить его в беспомощное положение? Как было тогда, с Сатин... Он почувствовал, что вполне в состоянии добраться до Парижа. Корабельный хирург не возражал.

Натянув адмиральскую рубашку, ибо его собственную расщипали на корпию, Николя облачился в свой запятнанный кровью фрак и спустился попрощаться с хозяином дома, сердечно его приветствуя, граф д'Арране снова напомнил, что он может располагать его домом как своим собственным. Эме не показывалась; впрочем, час был ранний. Отъезд прошел без приключений, путь открывался безопасный и свободный. Чтобы избежать повторного нападения, слуги всю ночь несли караул вокруг дома. Триборт радостно приветствовал гостей, и Семакгюс заключил, что в этом доме у них появился друг, на которого в случае необходимости можно положиться.

Поглощенный наблюдением за хирургом, дабы мгновенно пресечь даже малейшие намеки на события прошедшей ночи, Николя не ответил на приветствие слуги. Время от времени он спрашивал себя, не приснилось ли ему ночное приключение? Однако воспоминания и следы посещения мадемуазель д'Арране пребывали настолько ощутимыми, что в сон не верилось никак. Понимая, что возможные последствия случившегося нельзя обдумывать на горячую голову, он решил пока забыть об этом. Его обуревало слишком много противоречивых чувств, и вдобавок щепетильность упорно нашептывала ему, что он предал доверие графа д'Арране и нарушил законы гостеприимства.

Друзья молча доехали до гостиницы «Бель Имаж». Николя переоделся и расплатился по счету. По пути в Париж он притворился, что спит, и Семакгюс не стал нарушать его покой. Когда экипаж проехал заставу Конферанс, он встряхнулся, словно конь перед препятствием, и попросил отвезти себя в Шатле. Терять времени больше нельзя, необходимо дать новый толчок расследованию. День начинался, и он надеялся, что Бурдо уже на месте.

Действительно, инспектор с серьезным видом встретил его у дверей дежурной части; он сообщил, что ранним утром, на берегу острова Лебедей, обнаружена третья жертва убийцы «с рукой».

IX ПОДСТУПЫ

В пылу сраженья горячность правосудью не подмога.

Петрарка

Семакгюс пожелал принять участие в осмотре места происшествия и предоставил свой экипаж в распоряжение обоих сыщиков. Не упуская ни единой мелочи, Николя поведал друзьям обо всем, что произошло в Версале, и о новых фактах, вскрывшихся в процессе расследования. Его открытие, касающееся искусственной руки герцога де Ла Врийера, поразило обоих. Инспектор предположил, что речь идет о главной улике, сказал, что такая улика, скорее всего, заведет следствие в тупик, а потом задал вопрос, который уже не раз задавал себе комиссар: почему дело поручили именно ему, Николя, верному соратнику Сартина?

Семакгюс предположил, что министр либо намеревался жестко контролировать расследование, а потому поручил его тому, кого хорошо знал, либо он, действительно, считал случай крайне запутанным и был уверен, что никто, кроме Николя, не сумеет распутать все нити. На это Николя ответил, что в таком случае вышеозначенный министр должен был бы быть с ним предельно откровенен, чего, однако, не случилось. Последовало долгое молчание: друзья предавались собственным размышлениям. Экипаж проехал через мост и теперь ехал по набережной; миновав кварталы Бо Гренель и Гро Кайу, путь его лежал в предместья, выросшие в нижнем течении реки.

Николя вырвался из плена мечтаний.

— Откуда вы узнали о третьем трупе? — спросил он.

— Я велел всем комиссарам, инспекторам и караульным сообщать в дежурную часть обо всех женских трупах, — ответил Бурдо.

— Вам уже известны какие-нибудь подробности?

Мозг пронзила кошунственная мысль: необходимо проверить алиби причисленного к подозреваемым герцога де Ла Врийера.

Бурдо замаялся.

— Честно говоря, они ужасны. Труп нашли... да вы наверняка знаете, что это за место. Для пропитания парижан в город пригоняют сотню тысяч быков, после забоя остаются четыреста тысяч копыт, не считая рогов и кишок. Все эти останки собирают в кучу, забрасывают на телеги и везут на остров, где отходы от бычьих туш сваливают в котлы, под которыми никогда не гаснет огонь. От выварки получают масло для ламп, кинкетов и ночников, масло для жарки, которое хозяева приобретают для людских, а также смазку для колес различных механизмов. И это адское место называется островом Лебедей!

— Ну и название для столь неароматного уголка! — воскликнул Семакгюс. — Судя по миазмам, которые все сильнее бьют нам в нос, мы к нему приближаемся. Да, тут воняет почище, чем в клоаке!

Экипаж свернул вправо, к маленькому горбатому мостику, перекинутому через канал, отделявший остров от берега. Среди чахлах кустиков, перемежаемых кривыми тополями, стояли несколько сколоченных на скорую руку строений, тонувших в клубах дыма. Впереди они разглядели лошадей, носилки, пустую телегу и группку людей, похоже, ожидавших именно их.

Николя узнал Рабуина, без сомнения, посланного Бурдо охранять место преступления, и караульного пристава Барольо, к помощи которого ему не раз приходилось прибегать во время расследований. Краснолицый толстяк, то и дело утиравший струившийся со лба пот, о чем-то оживленно рассказывал толпившимся вокруг него людям. Пристав направился навстречу к новопривывшим.

— Очень неприятное дело, господин комиссар, — заявил он вместо приветствия.

Он повел их в маленький дворик, где стояла тяжело груженная телега, запряженная серой клячей. Груз был прикрыт старыми тряпками, однако распространявшаяся из-под них затхлая

вонь не оставляла сомнений относительно его природы. Позади телеги высился частокол, скрывавший гигантский котел, откуда валил густой черный дым.

— Здесь перерабатывают рога, копыта и остатки требухи, — объяснил подошедший Рабуин.

С помощью пристава он сдернул с телеги тряпье. Вонь стала еще сильнее. Бурдо вытащил трубку и живо раскурил ее. Достав табакерку, Николя схватил понюшку и вскоре с наслаждением начал чихать.

Сваленные вперемежку копыта, рога и прочие несъедобные останки покрывал плотный черный слой осенних мух, отчего разглядеть что-либо в подробностях возможности не представлялось. И все же, приглядевшись, они различили бледное, пожелтевшее лицо, смотревшее на них мертвыми глазами. На этом юном, почти детском личике застыло выражение ужаса и изумления. Скорее всего, тело сбросили на ужасную кучу откуда-то сверху. Николя приказал снять труп с телеги. Призванные на помощь рабочие, вооружившись деревянными лопатами, аккуратно поддели его и опустили на носилки. Размахивая сорванной с куста веткой, чтобы отогнать назойливо жужжащий перед лицом рой мух, Семакгюс склонился над телом.

— Молодая девушка или женщина, приблизительно... гм... восемнадцати-двадцати лет... Отметинки от оспопрививания. Глаза голубые, насколько можно сейчас судить. Зияющая рана на шее. Практически без одежды. Рубашка... Дезабилье в полоску.

— Время смерти?

— Трудно сказать. Надеюсь, вскрытие поможет определить.

— Кто ее нашел? — спросил Бурдо.

— Рабочие, что приходят утром опустошать телеги, — поторопился ответить толстяк.

Он указал на высокую дверцу.

— За ней расположен наклонный желоб. Кишки сами соскальзывают в котел. Обычно тот, кто этим занимается, не смотрит, что он сбрасывает.

— Тело могло остаться незамеченным?

— Конечно. Они сами говорят, что выполняют свою работу не глядя, лишь бы по сторонам ничего не сыпалось.

— Тогда отчего они вдруг обратили внимание на то, что сбрасывают?

Толстяк разжал руку и протянул Николя маленький круглый предмет.

— Лучи восходящего солнца осветили эту штуку, и она заблестела. Вдобавок им показалось, что сегодня телега легче, чем обычно.

— Бонбоньерка, — произнес Николя, вертя в руках сияющую коробочку.

Позолоченная, украшенная искусно выполненной гирляндой из зеленых камней, она имела эмалевую крышку с изображением четырех амурчиков, выпускавших птичку из клетки. Вокруг рисунка вилась надпись «Амур гравер» и четверостишие:

В детстве амур не помышлял ни о чем,

Лишь о свободе птичек.

А мы, повзрослев, мыслим только о том,

Что нашей душе стало ближе.

Николя попросил у Семакгюса очки: корабельный хирург все чаще вынужден был прибегать к помощи сего прибора, и это его ужасно раздражало его. Получив очки, Николя сложил их пополам, дабы стекла оказались друг над другом, и воспользовался ими как увеличительным стеклом. Внимательно оглядывая бонбоньерку, он в конце концов отыскал клеймо в виде головы легавой собаки. Удовлетворенно вздохнув, он открыл коробочку.

— Друзья мои, — объявил он, — это коробочка для пилюль...

Пристально рассмотрев ее содержимое, он вскрикнул от неожиданности.

— Шпанская мушка! Какое отношение может иметь афродизиак к этой девушке?

— Возможно, она была девушкой для утех, — произнес Семакгюс. — Эти жучки помогают наименее отважным мужчинам и способствуют возбуждению матки у самых холодных женщин.

Николя знал, что в области афродизиаков познания Семакгюса отличались исключительной глубиной, но он до сих пор не мог понять, являлись ли причиной тому медицинские штудии или опыт бывшего либертена. Еще он подумал, что в ходе расследования этот афродизиак появился уже второй раз. Тотчас мысль повлекла его дальше.

— Рабуин, — спросил он, — как ты считаешь, каким образом этот предмет мог попасть на глаза работникам? Впрочем, мы обязаны отблагодарить их за честность.

— Скорее всего, он выскользнул из кармана ее платья... Там есть кармашек...

Николя размышлял, пытаясь соединить воедино разрозненные сведения. Ему не хватало одной детали.

— Мне необходимо знать, какой путь проделала телега и за какое время, если, конечно, это возможно. Так что приведите мне возницу.

Толстяк с выпученными глазами выступил вперед.

— Вам следует знать, господин комиссар, что телеги подъезжают сюда беспрерывно, одна за другой, в течение всего дня. Последняя прибывает около трех часов ночи, ее возница возвращается сюда к семи утра, чтобы забрать ее. Но сегодня он не пришел...

— Интересная подробность, которая сама по себе ограничивает возможное время совершения преступления. Если Семакгюс сумеет внести кое-какие уточнения, мы подберемся совсем близко к истине, — проговорил Бурдо.

— Совершенно справедливо, Пьер, — поддержал его Николя. — Итак, выстраиваем план кампании. Тело надо отвезти в мертвецкую, где господин Семакгюс произведет тщательный его осмотр. Если, разумеется, вы, Гийом, не возражаете.

Хирург кивнул в знак согласия.

— Пьер и Рабуин, вам два задания. Найдите мне возницу этой колымаги. Я хочу допросить его. А бонбоньерку или коробочку для пилюль — называйте как хотите — мне хотелось бы показать эксперту, способному определить ее происхождение. Это ценный предмет, и я не сомневаюсь, что можно отыскать его изготовителя. Исходя из того, что он скажет...

Он взглянул на часы.

— Встречаемся в Шатле ровно в шесть. Бурдо, что у вас еще по второй жертве?

Мысли вихрем проносились в голове Николя.

— У нас, к сожалению, имеется всего лишь экипаж доктора, — произнес он, отвечая самому себе.

— Нет, — сказал Бурдо, — я на всякий случай нанял еще один, он следовал за нами. Что же касается второй жертвы, то удача мне улыбнулась. Мои осведомители быстро обнаружили, что ниточка ведет в мир любителей галантных походов. В этом мире все всех знают, и стоит кому-нибудь исчезнуть хотя бы ненадолго или изменить привычки, как начинается переполох, словно на птичьем дворе.

Выбыв трубку и спрятав ее в карман, инспектор извлек на свет очки и, расправив бумагу, принялся читать:

— Девица Жюли Жанна Маро, уроженка Шампани, из деревни Сюзонкур, девятнадцати лет от роду. Сирота; отец и мать жительствоваали в той же деревне, владели виноградником; прибыла в Париж год назад, хотела наняться в услужение. Встретила даму Ларю, акушерку с улицы Бур-Лабе, промышляющую сводничеством. Ларю продала ее одному малому, из числа своих знакомцев, с которым у нее давние отношения, и тот, несмотря на крики и протесты

девицы, лишил ее девственности, и мамаша Ларю принялась беззастенчиво торговать ее прелестями. Быстро поняв, что она не имеет от своих трудов никакого дохода, девица ушла от нее и устроилась у мамы Илари, в тупике Сен-Фиакр. Сводне она понравилась, та стала заботиться о ней, и вскоре девица стала украшением ее сераля. Ее прозвали Этуаль и известили всех, что возшла новая звезда. Вакханалии пришлось девице по вкусу, и она стала принимать участие в вечерах и ужинах, где царил самый неприкрытый разврат.

— Мои поздравления! Однако поиски надо продолжить. Кто был ее покровитель? А может, их было несколько? Кроме денежных поклонников, у нее наверняка был какой-нибудь смазливый вертопрах для собственного удовольствия. Какие места она посещала? Словом, ищите, вы прекрасно знаете, как браться за такое дело, и выполните все лучше меня.

Труп водрузили на повозку караула, набросали поверх тряпья, и кортеж двинулся в сторону города. Опустив окошко, Николя высунулся из кареты и окинул взглядом отходившую вбок улицу.

— Не забудьте про скотобойню возле Инвалидов, это совсем рядом с нашим благословенным островом. Проверьте, не останавливалась ли там эта колымага.

Он рассуждал громко, но Семакгюс лишь слушал его, не считая нужным отвечать.

— Нам крайне необходимо определить, когда и где тело бросили на кучу кишок, — то ли для того, чтобы его нашли, то ли для того, чтобы оно бесследно исчезло в котле на острове Лебедей.

— А как же бонбоньерка? — спросил Семакгюс. — На дорогих безделушках часто пишут имя дарителя или одариваемого.

— В этом-то и загвоздка! Не верю, что такое сокровище забыли, тем более, девушка была полураздетая. Уверен, коробочку специально засунули в одежду, чтобы привлечь внимание к трупу.

— Вот вы и ответили на свой вопрос. Кто-то хотел, чтобы тело было найдено.

— Без сомнения. Продолжим. Убийца кладет тело на кучу кишок и засовывает в одежду бонбоньерку, в надежде, что жертву обнаружат.

— Согласен, но на коробочке нет ни одного имени!

— Вы правы, совершенно правы!

И он дружески хлопнул по плечу озадаченного Семакгюса.

— Разве самая большая хитрость состоит не в том, чтобы суметь притвориться, что ты попал в ловушку, которую тебе расставили?

— Я вас не понимаю.

— Не кажется ли вам, что мы имеем дело с изощренным умом? Эта бонбоньерка призывает нас делать ставку на нашу сообразительность.

Семакгюс беспокоился: похоже, Николя лихорадило. Неужели бред, который он несет, является последствием вчерашнего ранения?

— Я окончательно перестал понимать вас.

— Все правильно, все верно. Подумайте. Если бы эта бонбоньерка, явно дающая нам нить для поиска, вывела бы нас к своему владельцу или к тому, кто получил ее в подарок, мы бы непременно занесли обладателя сей коробочки в разряд подозреваемых. А, значит, тот, кто специально подбросил нам эту улику, добился бы своей цели, из чего следует, что мы не можем рассматривать эту вещь как прямую улику.

— Вместо того, чтобы...

— На коробочке нет имен, и задача наша усложняется; тем не менее, решив ее, мы сможем определить подлинное значение найденных нами улик. Напоминаю вам, что после установления орудия убийства главным подозреваемым стал герцог де Ла Врийер. Тем более

что оружие исчезло, а герцог не смог дать убедительный ответ, где и когда оно могло пропасть. Мы по-прежнему не знаем, где находился герцог в ночь первого убийства; это означает, что он не имеет алиби. Надо постараться установить его местопребывание еще и на то время, когда произошли еще два убийства, и полагаю, сумеем это сделать, особенно если Бурдо определит хотя бы примерно час гибели второй жертвы.

— Насколько я вас понял, вы опасаетесь, что у герцога ни в одном из трех случаев не будет алиби?

— Да, я этого боюсь, ведь если наши предположения верны, значит, мы имеем дело с опытным игроком.

Воцарилось длительное молчание. Видя, в каком лихорадочном состоянии пребывает Николя, Семакгюс не на шутку разволновался. Однако он знал, что сейчас любые попытки успокоить его будут напрасны. Словно охотничья собака, сыщик взял след и теперь с него не сойдет.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил он для очистки совести.

Николя не ответил. Он лихорадочно пытался поймать мелькнувшую у него мысль, однако никак не мог ее ухватить. Он точно знал, что это очень важная мысль. В подвале мертвецкой он все еще продолжал искать ее. Время торопило, поэтому он не стал призывать Сансона. Результат требовался уже сейчас, чтобы с новыми силами мчаться дальше по следу. Семакгюсу пришлось позаимствовать инструменты у хирурга из квартала Шатле, согласившегося одолжить их только после официального распоряжения комиссара. Николя отметил, что еще несколько дней назад ему бы, без сомнения, отказали, ибо молва успела разнести, что его отстранили от дел, что он утратил доверие начальства и едва ли не угодил в ссылку. Слух о том, что он снова в фаворе, распространился со скоростью огня по пороховой дорожке, и все вернулось на круги своя.

Николя внимательно разглядывал платье, только что снятое хирургом с трупа. Его что-то беспокоило, и он, не в состоянии вспомнить, упрекал себя за собственную забывчивость. Из-за забывчивости безвозвратно исчезали полезные мысли, что при его работе вполне можно было приравнять к ошибкам. Нащупав в глубине кармана черную записную книжечку, он вытащил ее и принялся судорожно листать. Как он раньше об этом не вспомнил? Когда Ленуар осыпал его поручениями, в какой-то момент у него закралось подозрение, что это сделано специально для того, чтобы он не сумел довести до конца расследование, с головой погрузившись в трясину повседневных обязанностей. В частности, ему было поручено отыскать двух юных девушек, бежавших из Брюсселя. Он открыл страничку с записью примет беглянок: «Первая... следы от оспопрививания... глаза голубые, брови черные». А дальше то, о чем ему услужливо, хотя и бессознательно, подсказывала собственная память: «шелковое дезабилье в голубую и серую полоску...» Бросив взгляд на испачканное сукровицей и кровью рубище, он убедился, что оно полностью подходило под его описание.

— Гийом, — воскликнул он, — вы нашли на лице отметины от оспопрививания?

— Нашел, — ответил Семакгюс. — Я вам об этом сказал еще на острове. Голубые глаза, черные брови, отметины от оспопрививания. В остальном...

Водой из глиняного кувшина хирург вымыл запачканные по локоть руки.

— Бедняжка не была куртизанкой и лишь недавно стала женщиной... Я хочу сказать, что она недавно потеряла девственность, и без сомнения, ее неоднократно насиловали, как спереди, так и сзади. Несчастное создание!

— Вы в этом уверены?

— Готов поклясться даже в присутствии прокурора.

— Время смерти?

— Неясно. Принимая во внимание множество обстоятельств, как-то: ночную температуру и тепло, выделяемое сваленной в кучу гниющей требухой, — я полагаю, что смерть наступила где-нибудь около двух часов ночи. Скорее всего, между часом и двумя ночи.

— Мы знаем, что телега прибыла на остров Лебедей около трех... Надо узнать, где она была около двух часов и немного раньше.

Он все еще размышлял, когда Семакгюс, с ликующей улыбкой во все широкое лицо, прервал его занятие.

— Это еще не все, Николя. Есть одна деталь, значение которой я предоставляю определить тебе; уверен, она тебя крайне заинтересует. Перед смертью жертва погружалась в мыльный раствор, а потом высохла естественным путем, иначе говоря, дождавшись, когда вода испарится с кожи. Чтобы в этом убедиться, достаточно намочить кожу; вы даже почувствуете запах духов.

— Выражайтесь яснее, Гийом... вы говорите с человеком, чья голова вчера несколько пострадала, а ночью...

Смолкнув под насмешливым взглядом Семакгюса, он почувствовал, что краснеет.

— Проще говоря, девица принимала ванну, — уточнил Семакгюс. — И пользовалась духами!

— Остерегаясь делать далеко идущие выводы, отмечу, что в этом деле вода всегда оказывается рядом. Особняк Сен-Флорантен расположен в нескольких туазах от Сены. Улица Глатины, берег острова Сите, и, наконец, остров Лебедей. Мы по-прежнему находимся вблизи реки!

— Поэтому вдвойне интересно знать, в каком месте сей скорбный груз положили на телегу.

— Вы хотите еще что-то сказать?

— Последнее. Я подобрал кусочек выдрванного с мясом ногтя. Во время борьбы нападавший, без сомнения, вцепился и одежду своей жертвы. Отдаю вам эту улику. Разумеется, маловероятно, что найдут владельца, но как знать? Вдруг случится чудо, и эта штука вам пригодится...

Николя завернул улику в листок из записной книжки и опустил в карман.

— Вы ничего не сказали об оружии преступления, но я полагаю, что это...

— Искусственная рука, совершенно верно. По крайней мере, слепок, сделанный в прошлый раз, полностью совпадает с нынешней раной. Что вы теперь намереваетесь делать?

— Я уже несколько раз откладывал встречу с семейством жены дворецкого, поэтому я сначала поеду к ним, а затем отправлюсь в Бисетр, чтобы узнать побольше об ухажере-неудачнике первой жертвы, а именно Маргариты Пендрон.

В задумчивости они дошли до дежурной части, где их встретил папаша Мари, привратник в Шатле; увидев, что Николя снова на коне, он искренне обрадовался, ибо наблюдал за его карьерой с первых дней его службы в полиции. Привратник вручил ему маленькую записочку, где на печати гордо красовался герб Сартин с тремя сардинками. Послание отличалось лаконичностью: «Человек по имени Бурдые, о котором я вам говорил, живет вместе с семьей в меблированных комнатах на улице Галан».

Николя, всегда хранивший в чулане запасную одежду и чистое белье, переоделся и поручил папаше Мари отнести к чистильщику его новый серый фрак.

— Папаша Мари, — прибавил он, — у меня мало людей. Не могли бы вы сослужить мне службу, с которой, я уверен, вы превосходно справитесь?

— Какие могут быть вопросы, да ради вас я готов в окно выпрыгнуть! Главное, чтобы с моими хворями на подоконник взобраться!

— Ну, прыгать я вас просить не буду, — рассмеявшись, ответил Николя. — Кстати, надо принести вам баночку бобрового жира с камфарой, которым растирается господин де Ноблекур. Скажите, вам не скучно сидеть в вашей клетушке?

— Еще как, господин Николя! Только трубка да мое подкрепляющее средство — вот и все развлечения. Если бы не они, я бы совсем заскучал.

— Вот и отлично. Что, если я попрошу вас поискать в списках приезжих некоего англичанина средних лет, среднего роста и чуточку полноватого. Он носит складные очки с закопченными стеклами и хорошо говорит по-французски. Мне также понадобится список иностранцев, проживающих в гостиницах Парижа и Версаля.

— Останавливаться в гостиницах было бы неосторожно с его стороны, ибо гостиницы все на виду, — заметил Семакгюс.

— Вы правы, поселиться у кого-нибудь в доме значительно разумнее; впрочем, он может остановиться у английского посла. Лорд Эшбьюри довольно сублильного сложения, так что места ему хватит. Итак, папаша Мари, такая работа вам подходит?

— Я немедленно отправляюсь за списками.

Николя протянул ему несколько луидоров.

— Здесь слишком много, — запротестовал расцветший привратник.

— Это для оплаты чистильщика. Остаток пойдет на табак и на подкрепительное.

И он быстрым шагом вышел из привратничкой.

— Вы умеете договариваться с людьми, — заметил Семакгюс. — Всегда находится кто-нибудь, кто готов исполнить ваше поручение.

— И как видите, я никого не принуждаю. Привратник отличный малый, и вдобавок бретонец. *Evit ur baoningenn, kant modigenn!* «За малое страдание многократное воздаяние», как говорят у нас в Бретани. Я отправляюсь на улицу Кристин навестить Дюшампланов. Вы со мной? Увы, у меня больше нет времени для размышлений! Обед придется пропустить. Ужинать будем вместе, в свое удовольствие...

При мысли об отсутствии обеда Семакгюс скривился.

— Неужели вы осмелитесь покинуть своего пациента? — пошутил Николя. — Вы только подумайте, ведь я могу потерять сознание...

— Вы отрезали мне пути отступления. Придется поститься в вашу честь. А вечером прошу всех ко мне.

Экипаж хирурга ждал их под портиком. Неожиданно Николя подумал, что неплохо было бы поблагодарить кучера, чье присутствие духа, без сомнения, спасло ему жизнь. Красный от волнения, кучер сообщил, что в их отсутствие он купил у одного из торговцев, что раскинули свои лотки на рынке возле Гран Шатле, корзину маленьких, еще горячих пирожков и две бутылки красного вина; он решил, что господа слишком поглощены делами, а потому потуже затянул пояса и не станут терять времени на обед. Кучер получил двойную благодарность, а кошелек Николя стал легче еще на несколько экю.

Утолив пробудившийся при виде аппетитных пирожков голод, они проехали по мосту через Сену и отправились на улицу Кристин, расположенную между улицами Грандз-Огюстен и Дофин. На этой тихой улочке стояли добротные дома зажиточных горожан. Строгий фасад дома Дюшампланов, без лишних украшений, если не считать маскарона, являвшего собой щекастую рожу тритона, никак не выделялся на общем фоне. Семь этажей и чердачные помещения, отметил Николя. Судя по некоторым деталям, на трех верхних этажах были устроены меблированные комнаты, сдававшиеся жильцам. Они вошли в ворота. Сторож, сидевший на старой плетеной скамеечке и луцивший фасоль, сообщил им, что господин

Дюшамплан-старший проживает на втором и третьем этажах, а господин Дюшамплан-младший на антресолях, но сейчас младший Дюшамплан отсутствует, его нет уже несколько дней, а так как причины его отсутствия неизвестны, брат его весьма тревожится... С левой стороны они увидели парадную лестницу, служившую, судя по всему, исключительно хозяевам; слуги и работники, входившие в дом, пользовались более скромным входом, предназначенным также для поставщиков, водоносов и торговцев хворостом...

Николя напомнил Семакюсу, что большую роль в расследовании всегда играет случай и вскоре они в этом непременно убедятся. С речистым сторожем надобно поговорить, только позже. Они потянули за веревочку звонка; им открыл слуга средних лет. Николя попросил его проводить их к хозяину дома; слуга исчез, а через несколько минут хозяин сам вышел им навстречу.

С первого взгляда внешность Дюшамплана-старшего показалась Николя достаточно заурядной: ни высокий, ни низкий, ни толстый, ни худой, в черном платье старомодного покроя, лицо бледное, с выцветшими глазами, которые, если бы не мешки под ними, как две капли воды напоминали глаза его сестры-монахини.

— Николя Ле Флок, комиссар Шатле. Доктор Гийом Семакюс.

Сделав первый шаг, он умолк; теперь дело за свидетелем.

— Прошу вас, господа, входите.

Он провел их в богато обставленную гостиную. Из-за наполовину зашторенных окон в комнате царил полумрак. Хозяин пригласил их занять места в больших креслах с высокими спинками, по моде прошлого века.

— Я вас слушаю, сударь, — произнес Николя.

— Господин комиссар, вам не удалось застать меня врасплох. Я знаю о трагедии, произошедшей в доме министра, и о ранении моего зятя Миссери.

Ответ хозяина дома не давал повода для продолжения беседы.

— Могу я узнать, кто сообщил вам об этих событиях?

— Моя сестра Элен, монахиня из монастыря Сен-Мишель. Вы ее знаете, ибо вы с ней встречались.

Последние слова были произнесены с горькой иронией.

— Следовательно, вам рассказали, сколь серьезные обвинения нависли над вашим зятем? — спросил Николя.

— Я не могу поверить, что он способен на такой кошмарный поступок. Согласен, он вспыльчив, не слишком честен, мнителен, у него тяжелый характер, но убить он не может. Он, конечно, распутник, но не убийца.

Николя по достоинству оценил ловкость, с которой хозяин дома, порицая зятя, избегал обвинять его. Тем не менее портрет был нарисован не самый приятный.

— Вы продолжаете поддерживать отношения?

— Крайне редко.

— Уточните.

— Во время мессы в годовщину смерти сестры.

— Возможно, у вас есть общие интересы? Полагаю, вам известно, что в поисках истины мне пришлось ознакомиться с делами вашей семьи. Миссери досталось состояние вашей сестры. Поправьте меня, если я ошибаюсь. И в случае его смерти это состояние возвращается в семью.

— В зависимости от того, женится он еще раз или нет. Это важно, сударь.

— Полагаю, вы намекаете на риск, возникший из-за его связи с одной из горничных из особняка Сен-Флорантен, в которую он влюбился без памяти?

— Совершенно верно. Только давайте внесем ясность: если вы намекаете, что зять мой убит, потому что его связь затрагивала наши интересы, вы идете по ложному пути, ибо сами сказали моей сестре, что его рана — пустячная царапина.

Дюшамплан говорил сдержанно, хорошо поставленным голосом и устремив взгляд в пустоту; он ни разу не посмотрел в глаза комиссару.

— Совершенно верно, сударь, — произнес Николя. — Но пока я слышал всего лишь об интересах, связывающих вас с зятем. Мы говорили о состоянии вашей сестры. А вы сами-то чем занимаетесь?

— Я управляю собственными деньгами: получаю доходы от ренты ратуши и доходы от участия в компаниях, где являюсь администратором.

— Каких компаниях?

— Вы намерены превысить свои полномочия? Меня знает и оказывает мне покровительство сам монсеньор принц Конде.

— Вы являетесь одним из слуг его дома? — насмешливо поинтересовался Николя.

— Мы с принцем, — надменно произнес Дюшамплан, — сообща участвуем в предприятии, целью которого является снабжение города водой.

— Мне известно лишь одно такое предприятие, но его возглавляют братья Перье, которых поддерживает герцог Орлеанский.

Собеседник, казалось, изумился такой осведомленности Николя.

— Вы плохо разбираетесь в этом вопросе, есть и другие компании.

— Так вы участвуете и в других компаниях?

— Например, в компании по эксплуатации фиакров.

— И это все?

— Еще я являюсь администратором королевской лечебницы Бисетр.

— Хорошо, — произнес Николя, — полагаю, с этого рода вопросами мы покончили. Где вы были ночью с воскресенья на понедельник?

— Дома, вместе с женой и сестрой.

— Вы никуда не выходили?

— Никуда. Мы легли спать около одиннадцати.

Николя отметил, что собеседник его не назвал точного времени. В сущности, его ответ даже не противоречил заявлению его сестры, сообщившей, что они легли в десять. Она всего лишь «умолчала», что, покинув монастырь, провела ночь дома в семье.

— Когда вы говорите «мы», вы подразумеваете также вашего брата Эда?

— Мой брат молод, у него свои развлечения, мы в них не вмешиваемся. Его комнаты на антресолях, и у него свой вход.

— А на следующий день он вернулся?

— Не знаю. Он приходит, уходит, иногда его не бывает несколько дней, потом он возвращается... Он словно блуждающий огонек, я отношусь к нему как к непоседе...

Рот его сложился в гримасу, призванную обозначать улыбку.

— Мне бы хотелось побеседовать с вашей женой, — произнес Николя.

— Она отправилась с визитом.

Ответ прозвучал слишком быстро. Видимо, хозяин решил, что для первой встречи они узнали достаточно. Николя встал, но Семакгюс задержал его.

— С вашего разрешения, господин комиссар. Господин Дюшамплан упомянул компанию по использованию фиакров. О какой компании идет речь?

— О предприятии по эксплуатации фиакров.
— В Париже правом эксплуатировать фиакры монопольно распоряжается только одна компания. Речь идет о ней?

Дюшамплан с сочувствием взглянул на Николя.

— Я не сделаю открытие, если скажу, что монополия в этой области давно канула в Лету. В столице более тысячи фиакров и семь сотен наемных карет, так что сами понимаете, акционерные общества множатся. Для создания такого общества требуется зарегистрироваться и получить соответствующие номера на фиакры.

— Я знаю. Буду вам признателен, если вы известите меня, когда вернется ваш брат.
— Непременно сообщу, хотя, знаете ли, его отлучки иногда бывают долгими.

Во дворе сторож по-прежнему лузил фасоль. Николя угостил его понюшкой табаку, и тот принял ее с радостью. Последовало долгое и мощное чихание.

— Вы окучиваете клиента, — шепнул Семакгюс на ухо Николя, но тот вместо ответа только подмигнул хирургу.

— В котором часу госпожа Дюшамплан вышла из дома? — спросил Николя у сторожа, когда тот кончил чихать.

— Вышла? Ах, бедняжка! Хотел бы я посмотреть, как это у нее получится! Она такая бледная, вечно кашляет... Вы шутите, добрый господин. Вот уже несколько дней как она не выходит из комнаты.

— С какого дня?

— Да вроде с понедельника, — ответил привратник и чихнул еще раз.

— А сестра господина Дюшамплана?

— О, эта... Для монахини она слишком гордая, ей бы чуток смирения добавить. Никогда с тобой не поздоровается, не попрощается. В последний раз я видел ее в воскресенье, она как раз приходила ужинать.

— В котором часу она ушла?

— Около десяти часов. Мне пришлось искать ей карету. Ну и побегал же я по холоду, и это в моем-то возрасте!

— Мы благодарим вас.

— К вашим услугам. Отличный табачок! Ни пыли тебе, ни оскребков. Ежели что, можете на меня рассчитывать. Спрашивайте папашу Такмине.

Выйдя на улицу, Николя, чей взор был устремлен в направлении улицы Грандз-Огюстен, внезапно вскрикнул и, к великому изумлению Семакгюса, бросился бежать за стремительно двигавшейся каретой, вскоре исчезнувшей за углом. Раздосадованный и запыхавшийся, комиссар вернулся и долго не мог отдышаться, дабы объяснить другу, чем вызван его странный, на первый взгляд, поступок. Сняв треуголку, он вытер потный лоб, наполовину скрытый повязкой. Увидев на повязке расплывшееся кровавое пятно, Семакгюс возмутился:

— О чем вы думали, когда припустились бежать, словно огонь по пороховой дорожке? И это в вашем-то состоянии! Ваша рана открылась, надо поменять повязку, а для этого придется искать аптекаря.

Николя рассмеялся.

— Увы, мне уже не двадцать лет! Возможно, мне почудилось. Нет, уверен, я видел, как в эту карету сел тот самый субъект, что позавчера разгуливал в нижней галерее версальского дворца, а завидев меня, пустился наутек. Я рассказывал вам о лорде Эшбьюри. Так вот, я только что видел, как он выходил из дома... Мне кажется, это был именно он, а он — один их

тех, кто руководит британской шпионской сетью. Черт, мне почудилось или я действительно его видел?

Взяв Николая за руку, Семакгюс вытащил часы, дабы измерить пульс, а затем приложил ладонь к его лбу.

— Вам не почудилось. Теперь, когда вы отдышались, пульс нормальный, а лоб холодный. Николай взял хирурга под руку.

— Идемте, посмотрим на дом, я хочу убедиться, что мне это не привиделось. Ох, какой же я глупец! Надо было прыгнуть в наш экипаж...

— Не стоит жалеть, кучеру все равно пришлось бы разворачиваться!

По улице Кристин они дошли до большой красивой постройки, именовавшейся, судя по надписи на фронтоне, Русской гостиницей. В вестибюле их встретила женщина, одетая, как обычно одеваются зажиточные горожанки.

— Добро пожаловать, господа. Полагаю, вы решили остановиться в нашем прославленном заведении на полном пансионе. «Парижский альманах» всегда извещает о нас иностранцев и посетителей нашего города...

Она говорила так быстро, что Николай никак не мог прервать ее.

— У нас останавливаются исключительно люди благородные, только те, кто имеет собственный экипаж. У нас прекрасные, великолепно обставленные апартаменты, спальни, гардеробные, гостиные, мебель обита дамастом и прочими, не менее изысканными тканями. На каждом этаже пристанища задумчивости, все очень чистые. Если необходимо, мы готовы предоставить в ваше распоряжение место в каретном сарае и конюшне. У нас нет кухни, но мы всегда готовы заказать вам любое блюдо у лучших поставщиков, а также порекомендовать вам лучшие трактиры города. Я к вашим услугам.

Ее изящному реверансу позавидовала бы любая герцогиня.

— Сударыня, — произнес Николай, — мы пришли к вам совсем по иной причине. Мы всего лишь хотели расспросить вас о вашем постояльце, который не более пяти минут назад вышел из вашего дома, сел в карету и уехал.

Приветливое лицо хозяйки мгновенно помрачнело, приняв суровое и даже вызывающее выражение.

— О ком вы говорите? Насколько мне известно, из дома никто не выходил.

— Сударыня, — проговорил Николай, — мне бы не хотелось напоминать вам, в чем состоит ваш долг. Я комиссар полиции Шатле и знаю, что содержатели гостиниц и меблированных комнат обязаны в установленные правилами сроки сообщать о проживающих у них иностранцах. Если иностранец остановился в гостинице, значит, не позже чем через двадцать четыре часа начальник полиции должен знать, как его зовут, откуда он прибыл, какова цель его приезда, в каком номере он проживает, с кем состоит в переписке и кто к нему приходит. Как вы понимаете, делается это в интересах его величества, подданными коего оные содержатели являются. Я понятно объясняю? Вам ясно, что, отказываясь отвечать, вы совершаете большую ошибку? Если вы будете упорствовать и далее, боюсь, вам придется пройти с нами в не слишком приятное место, где вас сначала допросят, а потом проверят правильность ваших ответов.

Похоже, речь его действительно имела успех, ибо дама разразилась рыданиями и больше не пыталась делать вид, что не понимает, о чем идет речь. Решительный вид Николай подтверждал его намерение исполнить угрозу.

— Увы, увy, господин комиссар, неужели вы хотите разорить несчастную вдову, обремененную детьми? Я из последних сил выбиваюсь, обустроивая этот дом! Признаюсь: я виновата, но я пренебрегла своими обязанностями только по доброте сердечной. Этот иностранец — думаю, он англичанин — запретил мне сообщать о себе. Он прибыл во Францию,

чтобы найти своего ребенка, которого родила от него некая французская дама, успевшая с тех пор выйти замуж. Судите сами, какой деликатности требуют подобные поиски!

— Сударыня, боюсь, что в этом случае речь вовсе не идет о волшебной сказке, в которую вы по простоте душевной поверили. Каким именем он назвался?

— Он сказал, что его зовут Фрэнсис Сефтон и он торгует скаковыми лошадьми. А потом он с угрожающим видом велел мне никому про него не говорить.

— Отлично придумано, скачки все больше входят в моду. Когда он прибыл?

— Двадцатого сентября.

— У него был с собой багаж?

— Два чемодана. Служанка говорила, что у него в комнатах много разного платья, париков и даже женских нарядов. Он, наверное, хотел увезти их к себе на остров, чтобы потом выгодно продать.

— К нему кто-нибудь приходил?

— Никто.

— У него есть экипаж?

— За ним постоянно приезжает фиакр.

— Он ведет размеренный образ жизни?

— Конечно, нет! Он часто возвращается под утро, иногда вовсе не ложится. Однако платит он аккуратно, каждую неделю. Правда, сегодня утром он собрался впопыхах, а перед этим его два дня не было дома. Неделя еще не кончилась, но он любезно заплатил за нее вперед, а потом еще раз просил никому о нем не говорить, ибо супруг его бывшей возлюбленной прознал, что он в Париже.

— Превосходно, сударыня. Если он вновь появится, немедленно сообщите вашему квартальному комиссару, чтобы он сообщил об этом в Шатле, комиссару Ле Флоку. И помните, если вы не станете следовать моим инструкциям, вы рискуете потерять свою гостиницу: ее закроют, а вас привлекут к судебной ответственности. Теперь покажите нам комнату господина Сефтона.

Она повела их на второй этаж, в богато убранные апартаменты, состоявшие из спальни, туалетной комнаты и маленькой гостиной. Кровать стояла нетронутой. На маленьком столике Николя заметил бутылку портвейна и два стакана. Поведя носом, он подошел к камину: там жгли бумаги, причем немало. В куче пепла он заметил кусочек обгоревшего листа, где виднелись избежавшие уничтожения печатные буквы: «elles pres». Газета, государственная бумага или листовка торговца. Надо попытаться определить. Указав на стаканы, Николя обратился к хозяйке:

— Он кого-нибудь принимал?

— Я никого не видела.

Николя понюхал стаканы.

— Я бы сказал... сегодня ночью... Нет, его здесь не было... Значит, сегодня утром. Вы уверяете, что проводите за конторкой все двадцать четыре часа?

— Разумеется, нет, но... Честно говоря, я больше ничего не знаю. Конечно, все возможно.

Она снова разрыдалась. Николя пожал плечами, поражаясь подобному легкомыслию. Семакгюс указал на край одного из стаканов: на нем виднелись следы помады.

— Разве угадаешь! — вздохнул комиссар. — В наши дни мужчины зачастую используют еще больше грима, чем женщины. Наносят и румяна, и белила, и помаду. Но запомним этот факт.

Причитая и охая, хозяйка проводила незваных гостей до самого экипажа. Едва они сели в карету, как Николя немедленно стал выстраивать гипотезы, вытекавшие из посещения улицы Кристин.

— Две недели назад лорд Эшбьюри под выдуманным предлогом прибыл в Париж. Глупость хозяйки пансиона и отсутствие проницательности у наших людей — боюсь, что с уходом Сартана в нашей работе сбои происходят все чаще, — позволили ему избежать полицейского надзора, который осуществляется над всеми иностранцами. Он спокойно разгуливает под вымышленным именем, что-то ищет под вымышленным предлогом и с неведомой нам целью ездит в Версаль. Там он случайно сталкивается со мной практически нос к носу и спасается бегством. Он выслеживает меня и, полагая, отдает приказ убить. Но покушение возле дома графа д'Арране проваливается. Предчувствуя, что я стану его искать, он мчится в Париж, завершает свои дела, принимает своего агента и удирает из гостиницы. Париж велик! Интересно, где теперь он прячется?

— Не кажется ли вам, что он направился прямо в Кале? — задал вопрос Семакгюс.

— Нет, не кажется. Его миссия еще не окончена. Каким-то образом я встал у него на пути. Но куда ведет этот путь? Повторяю еще раз: совпадений не бывает, не бывает совпадений...

Николя стукнул кулаком по плюшевой обивке скамьи, и вверх поднялось облачко пыли.

— Никто не заставит меня поверить, что лорд Эшбьюри, или, как он именует себя здесь, Фрэнсис Сефтон, совершенно случайно остановился в гостинице в четырех шагах от дома Дюшампланов! Не знаю, почему он это сделал, но узнаю непременно!

— Согласен, надо понять, что привело его во Францию и — подчеркнем — заставило скрываться под вымышленным именем, — произнес Семакгюс. — Остаются также Дюшампланы, чье поведение, на мой взгляд, содержит некую загадку.

— Я не хотел сразу перегибать палку, а потому не стал подниматься, чтобы поговорить с супругой. Пусть они по-прежнему чувствуют себя в безопасности. Если они успокоятся, мы от этого только выиграем. Что же касается младшего брата, уверен, он появится еще не скоро. Однако я не могу поверить, что причиной убийства в особняке Сен-Флорантен является выгода. Эти люди достаточно богаты. Тогда что?

— Прежде всего, успокойтесь, иначе у вас начнется лихорадка.

— Боюсь, как бы не пришлось начинать все сначала. Ленуар поручил мне столько разных дел, что за ними я потерял нить основного расследования. Нужно еще раз допросить Миссери. Где нашли тело Маргариты Пендрон? Необходимо вновь побеседовать с герцогиней де Ла Врийер. Говорят, она дружна с госпожой де Морепя, к которой я неожиданно попал в фавор. Возможно, супруга министра поможет мне в этом... Наконец, надо отыскать воздыхателя Маргариты Пендрон. Этот Ад, о котором мне рассказала молоденькая горничная герцогини, являет собой сплошную загадку. Сама девушка родом из Нормандии...

— И, конечно, сохранила выговор своей родной провинции? — спросил Семакгюс и с лукавым видом посмотрел на Николя.

— Черт возьми, еще как сохранила!

— Тогда ваш воздыхатель найден. Ваш Ад — это всего лишь Эд, имя младшего Дюшамплана. Миссери, если, конечно, не станет врать, это подтвердит, и таким образом мы сможем объяснить множество вещей.

— Спасибо, дорогой Гийом. За сегодняшний день ваши размышления уже дважды помогли мне. А ваш кучер спас мне жизнь. Ваши подсказки открывают перед нами богатые перспективы, но, к сожалению, всех вопросов они все равно не решают. Есть факты, относящиеся к области желаемых видимостей, и не более того...

Семакгюс велел кучеру ехать в аптекарскую лавку господина Никеза, что на улице Жоайери.

X БИСЕТР

Не знал, что Бисетр построили для того, чтобы производить на свет болезни и порождать преступления.

Мирабо

Николя узнал господина Никеза: этот аптекарь накладывал ему повязку после покушения, совершенного на него во время расследования дела об исчезновении комиссара Лардена. Семакгюс и аптекарь осмотрели повреждение и, посоветовавшись, единодушно отвергли спиртовые настойки, тинктуры и бальзамы: рана была неглубокой и не требовала сильнодействующих средств, нередко превращавших царапину в язву, ибо, останавливая кровотечение, они вызывали ожог и омертвление здоровых тканей. Оба единодушно решили применить обычный гипсовый пластырь и стянуть им края раны. Промыв жжеными квасцами поврежденные ткани, они наложили повязку из смеси хлебного мякиша, молока и оливкового масла; повязку следовало менять три раза в день. Слушая их, Николя чувствовал себя дичью, в присутствии которой повара обсуждали способы ее приготовления.

Когда они высадились из кареты под портиком Гран Шатле, на улице уже стемнело. Бурдо и Рабуин ждали их в дежурной части. Инспектор с волнением спросил, как чувствует себя Николя. Он все еще упрекал себя за то, что не был рядом с другом в столь опасной стычке.

— Бурдо нравится, когда к вам подсылают убийц, — заметил Семакгюс. — Тогда у него появляется повод в очередной раз спасти вас.

В ответ раздался дружный хохот.

— Итак, — начал Николя, — что вы мне скажете? Какие новости?

— Сначала о бонбоньерке. Мы отправились на улицу Сен-Мери, в особняк Жоак, где торгуют табакерками и разными драгоценными безделушками на любой вкус, одна другой лучше. Никогда не видел столько коробочек — золотых, серебряных, с эмалью, из папье-маше, панциря черепахи, слоновой кости, ирландской кожи, кожи ската и еще бог знает чего!

— И, насколько я вижу, сие великолепие ослепило вас!

— Напротив, я возмущен бессовестным изобилием бессмысленных предметов роскоши, стоимость которых равна стоимости хлеба для многих голодных ртов.

— О, — насмешливо произнес Семакгюс, — это говорит Руссо!

— Смейтесь, смейтесь, настанет день, когда... Но пока еще не время. Итак, мы предъявили коробочку. Приказчик из лавки заявил, что он ни в чем не уверен, однако ему кажется, что это работа настоящего мастера. Другой приказчик, тот, который служит дольше всех, предположил, что изделие создано Робером Жозефом Огюстом, известным мастером, проживающим на улице Моннэ. Мы отыскивали мастера и расспросили его. Он, действительно, золотых дел мастер, литейщик и гравер, поставщик главных дворов Европы. Он признал свое изделие и опознал клеймо: голову легавой собаки.

— А покупатель?

— Сейчас дойдем и до него, — произнес Бурдо, забавляясь нетерпением Николя. — Ибо тут есть над чем задуматься. Заказчиком числится граф де Сен-Флорантен, герцог де Ла Врийер, нынешний министр Королевского дома.

— Давайте все по порядку. Действительно ли речь идет именно о нем? Он лично явился за покупкой?

— Вот еще! Разумеется, он прислал вместо себя человека. Однако Огюсту, у которого на клиентов глаз наметан, показалось, что посланец герцога — не простой слуга; сей господин приобрел у него кольцо с рубином.

— Что в наше время далеко не всегда характеризует дворянина, — с улыбкой заметил Николя. — Он описал вам этого посланца?

— Средний рост, надменный вид, глаза навывкате, изысканная одежда. Напудренный парик.

— С таким портретом мы далеко не продвинемся! Но все равно, отличная работа!

— А вот и кое-что любопытненькое, — добавил Рабуин, поводя худыми плечами. — Оказывается, колымага, отвозившая рога и копыта, обслуживает только левый берег. Она отъезжает от моста Турнель. Мы отыскиали возницу. Как вы думаете, где мы его нашли? В караульне у заставы Порт-о-Тюиль. Он такого нам порассказал...

— Еще один любитель запутать следствие!

— Сегодня ночью, около часу или половины второго, он потихоньку начал путь к мосту, что возле форта Турнель. По дороге какой-то тип попросил у него огоньку, чтобы раскурить трубку; наш возница не поленился исполнить его просьбу, и тип возжелал отблагодарить его, предложив пропустить стаканчик в кабачке с курительными комнатами. Чем закончилась попойка, возница не помнит. Очнулся он на берегу, без одежды и без денег, ибо, насколько он помнит, у него в кармане лежали несколько лиаров. Вокруг него толпились хихикающие мальчишки и разъяренные кумушки. Как обычно в таких случаях, его отвели на караульный пост. Сам он считает, что злоупотребил настойками. Больше он ничего сказать не смог.

— Короче говоря, — подвел итог Бурдо, — он не знает, что с ним приключилось. Остается предположить, что неизвестный, напоив возницу, раздел его и натянул его одежду на себя, чтобы обмануть ночную стражу с острова Лебедей. Дальше вы спросите, на какие скотобойни обычно заезжал наш возница. Так вот, в ту ночь от набережной Сен-Бернар до самого Гро Кайу никто так и не забрал отбросы, что вызвало великое удивление на всех тамошних скотобойнях.

— Но как, черт его побери, мог сторож с острова Лебедей, где кипит котел с требухой, не заметить подмены? — возмущенно произнес Семакгюс.

— Когда сторож отворяет ворота, он, можно сказать, еще спит. Да и ночь темная, а месяц еще тонкий.

Николя заглянул в календарь «Королевского альманаха» за 1774 год, как всегда, лежавший у него на столе.

— Совершенно верно, 5 октября у нас новолуние, именины аббатисы Сент-Ор. Господа, я доволен. Подведем итог. Избавившись от возницы, неизвестный сбросил тело на телегу, и это случилось между часом и половиной второго, в крайнем случае, в два часа ночи. Принимая во внимание предварительные расчеты, сделанные доктором Семакгюсом, мы вправе предположить, что преступление совершено неподалеку от набережной Турнель.

— Если, конечно, отбросить мысль, что тело подвезли туда специально, чтобы запутать поиски, — заметил Бурдо.

Семакгюс задумался.

— Я пытаюсь понять, зачем понадобилась столь сложная мизансцена. Если тело хотели просто уничтожить, сбросив в кипящий котел, достаточно было забросать его требухой, и никто бы не обратил на него внимания.

— Но этого преступник как раз и не хотел, — возразил Николя. — Если бы телега следовала по обычному маршруту, то тело несчастной жертвы, утонув в отбросах, не привлекло бы к себе внимания, а значит, не было бы обнаружено. Разумеется, существовал риск, и немалый, однако все обошлось, и тело найдено. Добавим также, что постановщик мизансцены знал маршрут, по которому ездит телега, собирая отходы со скотобоен. Все это наводит на мысль, что решение загадки находится где-то подле Моста, в квартале Турнель.

— Вода и, как следствие, река, постоянно присутствуют в этом деле, — продолжил Семакгюс. — Напомню вам, друзья, что тело изнасилованной жертвы изначально было покрыто мыльной водой, которая потом высохла. По-моему, здесь есть о чем задуматься.

Появился папаша Мари с элегантным серым фраком в руках: от пятен не осталось и следа. Николя проверил, не получились ли на месте пятен залысины, из-за которых шедевру мэтра Вашона придется доживать век в куче старья. Но искусство чистильщика оказалось на высоте. Грязь грозила одежде горожан ежедневно, и, сообразуясь с потребностями, чистильщики совершенствовали свое искусство.

Привратник глядел мрачно.

— Я ничего не нашел про вашего незнакомца, господин Николя. А ведь я проверил все списки. Значит, он проник незаконным образом.

— Все в порядке, — успокоил его Николя. — Незнакомца зовут Фрэнсис Сефтон, и он въехал в Париж примерно двадцатого сентября. Он выдает себя за торговца скаковыми лошадьми. Для полноты картины сообщу вам, что любовник девицы Пендрон — это, скорее всего, младший Дюшамплан, ибо его зовут Эд.

— Ах ты, черт! — воскликнул Бурдо. — Как вы его распознали?

— С помощью доктора Семакгюса, напомнившего мне про нормандский выговор.

Доктор пригласил всю компанию поужинать в трактире на улице Монторгей, выбранном как за его отличную кухню, так и за близкое расположение к дому Ноблекура. Семакгюс не хотел лишний раз подвергать испытанию выносливость комиссара, уже проверенную тяжелым днем и ночью. Вначале все четверо говорили только о деле, собравшем их вместе, но когда принесли корзинку с устрицами, Николя не преминул вознести хвалу своим любимым морским моллюскам, свежим, белым и жирным. Остальные сотрапезники не разделяли его пристрастия к сырым устрицам, и Семакгюс, желая прекратить спор, ко всеобщему удовольствию сообщил, что сырые устрицы чрезвычайно полезны для здоровья. Следом за устрицами настала очередь итальянского паштета с макаронами. Вершиной пиршества явилось блюдо с бараньими языками, приготовленными в пергаменте; оно настолько пришлось всем по вкусу, что немедленно призвали хозяина, и после того, как тот согласился пропустить стаканчик вместе с гостями, его легко уговорили раскрыть, шаг за шагом, тайну приготовления этого восхитительного блюда. Надобно, начал он, разрезать каждый язык посередине и обжарить в наилучшем растительном масле, с добавлением петрушки, нашинкованного лука-шалота, луковички, мелко нарезанных шампиньонов, соли, перца и муската, дабы мясо пропиталось их вкусом, и отправить остывать. Затем на листочек пергаamenta положить парочку кусочков шпика, половинку языка и ложку зелени с грибами, и завернуть на манер папильотки. Поместить завернутые кусочки на решетку и подержать над углями, пока внутри пергаamenta не зашкворчит, а потом выложить на блюдо и полить мясным соком. Восторженные возгласы стали достойным завершением рассказа трактирщика. На десерт подали поздние персики, освежившие и рты, и головы. Семакгюс проводил комиссара на улицу Монмартр, где, ожидая его, дремала возле плиты Катрина. Николя не стал будить бывшую маркитантку и незаметно проскользнул к себе. Но бдительность Мушетты обмануть не удалось: киска ужасно не любила, когда он задерживался, и при виде его возмущенно зафыркала. Однако она была не злопамятна, и едва он лег, как она с мурчанием устроилась у него на груди, уткнувшись своим маленьким холодным носом ему в щеку. И он немедленно заснул.

Суббота, 8 октября 1774 года

Ночью Николя ничего не снилось, и он проснулся бодрым и полным сил. Засыпая его вопросами, Катрина уверенно сменила ему повязку: прежде, на поле боя ей приходилось перевязывать гораздо более страшные раны. Час был ранний, и господин де Ноблекур еще не проснулся, поэтому Николя написал ему записку, где сообщил, что с ним все в порядке, и коротко изложил, какой неожиданный поворот приняло расследование. Для визита в Бисетр он решил облачиться в черную мантию магистрата, надеваемую им в исключительных случаях; в ее длинных и широких рукавах можно было спрятать два заряженных пистолета. Парик он надевать не стал, ибо он сдавливал повязку, и рана могла вновь открыться; для полноты картины он вооружился жезлом из слоновой кости, символом своей власти.

Мысль о том, что в Париже скрывается лорд Эшбьюри, побудила его принять меры предосторожности, и, несмотря на громоздкую мантию, он решил покинуть дом Ноблекура непривычным путем. Отыскав с помощью Пуатвена садовую лестницу, он перебрался через забор и, воспользовавшись чужими воротами, вышел на улицу Жур, напротив женского монастыря Святой Агнессы.

Он дошел до улицы Кокийер, где, поймав фиакр, арендовал его на весь день. Выехав из Парижа и проезжая через пробуждавшееся предместье Сен-Марсо, он в очередной раз поразился оживлению, с утра царившему в многочисленных тавернах, где клиентам с рожами висельников продавали поддельную водку и пойло из виноградных или яблочных выжимок; среди пьяниц часто мелькали дети.

Бисетр находился примерно на расстоянии одного лье от центра города. Прильнув к окну, Николя смотрел, как на горизонте постепенно вырастал холм, увенчанный, поистине, гигантским строением. Со стороны дороги, ведущей в Фонтенбло, лечебница из светлого камня казалась настоящим дворцом, у подножия которого простирались поля, виноградники и мельницы, а чуть поодаль поблескивала лента Сены. Николя решил, что столь удачное местоположение выбрано для пользы содержащихся в доме скорби больных, получивших возможность дышать чистым воздухом, не шедшим ни в какое сравнение с миазмами, наполнявшими городские лечебницы. Но когда он приблизился и в нос ему ударил затхлый запах протухшего мяса, напомнивший ароматы, исходившие от большой живодерни на Монфоконе и кипящего котла с гнилыми отбросами на острове Лебедей, мнение его решительно изменилось.

На подъезде к центральному входу его обогнала элегантная двухместная карета; выбравшийся из нее человек во всем черном приветливо помахал ему рукой. Николя узнал доктора Жевиглана, пользовавшего Жана Миссери в особняке Сен-Флорантен. Отвечая на приветствие, комиссар, приподняв треуголку, произнес:

— Я не надеялся увидеть вас столь скоро и, поверьте, очень рад нашей встрече, ибо до сих пор пребываю под вашим обаянием. Вы приехали повидать кого-то из больных?

— Поверите ли, — проговорил доктор, смущенно улыбаясь, — я приехал приобрести несколько трупов.

Частое посещение морга закалило Николя, так что он сохранил спокойствие.

— Полагаю, с целью изучения анатомии?

Черные глаза Жевиглана еще больше потемнели, словно утонули в море тоски.

— Увы, не стану вводить вас в заблуждение: я уже несколько лет изучаю тела скончавшихся от венерических заболеваний, а точнее, занимаюсь вскрытием, чтобы лучше оценить риск, связанный с приемом прописанных им лекарств, от которых они в основном и умирают. Средства, применяемые для исцеления, оказывают гораздо более плачевное воздействие, нежели смертоносная болезнь.

— А какие методы лечения сейчас используют?

— Втирание ртутной мази в сочетании с серными ваннами и длительным голоданием. Больных, по четыре сразу, на несколько часов погружают в одну ванну, ибо не хватает ни ванн, ни свободного доступа к воде. Единственный колодец необычайно глубок, каналов мало, и вдобавок там всегда толпятся ломовые извозчики со своими лошадьми. А вы здесь впервые?

— Мои обязанности прежде не приводили меня в эти стены. Знаю только, что Бисетр является одновременно и тюрьмой, и лечебницей.

— Тюрьмой для самых омерзительных отбросов общества, лечебницей для больных самыми отвратительными болезнями и могилой для безнадежных безумцев. Могу я предложить вам свои услуги и сопроводить вас, если, конечно, вас не призывают срочные дела?..

— Я здесь в связи с расследованием известного вам дела. Я ищу бывшего жениха жертвы: у него венерическая болезнь. Но здесь ли он еще? Я этого не знаю. Впрочем, я с удовольствием последую за вами.

— Предоставьте поиск мне, ибо тут я знаю всех. Лечебницей руководит мать настоятельница, у нее под началом находятся сестры-прислужницы и целая армия помощников. Надо сказать, число пациентов здесь постоянно колеблется, в зависимости от времени года. Зимой оно достигает четырех тысяч пятисот человек.

С тяжелым сердцем Николя последовал за своим чичероне, равнодушным тоном объяснявшим ему суть жутких сцен, открывшихся их взорам. Там, куда они вошли, содержали больных, зараженных венерическими болезнями. Кровати стояли плотными рядами, и, казалось, им не было конца. Николя видел, как на одной кровати часто лежали до пяти-шести больных, утопавших в собственных испражнениях. Дышать было нечем, и его едва не стошнило. На полу кишели уродливые существа; при виде посетителей они разматывали грязные тряпки, являя свои язвы и раны, и жалобно тянули к ним руки.

— Многие предпочитают лежать на жестком полу, нежели в грязных кроватях, где имеется риск подцепить еще какую-нибудь заразу, — пояснил Жевиглан.

— Неужели их силой помещают в этот ад? — в ужасе от увиденного, спросил Николя.

— Некоторых полиция подбирает в дурных местах. Некоторые приходят сами. Некоторые, заметив первые симптомы болезни, заказывают себе место, но когда, наконец, подходит их очередь, болезнь чаще всего уже в той стадии, когда излечить ее невозможно.

— А есть ли исцеленные?

— Конечно, но их не так много. Ибо вы, вероятно, не знаете, что согласно правилам этой лечебницы выздоровление должно наступить в определенные сроки, а болезнь, увы, не подчиняется правилам. В результате пациент, измученный бесполезным лечением, уходит, так и не исцелившись, ну а последствия, сами понимаете, каковы!

Шаги гулко отдавались в длинных галереях. Окна выходили на центральный двор, где посредине виднелся большой колодец. Они поднялись по лестнице, затем спустились и, наконец, дошли до отделения, где содержались душевнобольные и заключенные из простонародья. Решетчатые ворота, преграждавшие доступ к душевнобольным, открылись только после того, как Жевиглан назвал свое имя.

— Здесь начинается последний круг ада, — произнес доктор. — Все, что вы только что видели, не идет ни в какое сравнение с тем, что вам предстоит увидеть. Здесь не столько лечебница, сколько своеобразная ярмарка сумасшедших. Самое худшее заключается в том, что вместе с умалишенными здесь содержат обычных узников, которым приходится терпеть жестокие нападки и брань безумцев. Поэтому, оказавшись в этом доме скорби, узники зачастую медленно сходят с ума.

— А что же лекари, обязанные надзирать за своими пациентами?

— Вы шутите! Здесь нет штатных докторов. Но это не самое страшное. Гораздо хуже, что отделение для душевнобольных превратили в зверинец для светских щеголей. Время от

времени, сунув сторожам несколько лиаров, сюда являются прекрасно одетые люди, желающие насладиться созерцанием картин распада личности. Понимая, что к ним относятся как к диковинным животным, здешние пациенты, даже те, кто считаются тихими, приходят в неопишемую ярость. Прежде спокойные, умалишенные начинают беситься. Чтобы вы поверили моим словам, вам надо самому увидеть, как посетители дразнят сумасшедших, словно перед ними дикие звери в клетках, как они насмеваются над ними, отчего у безумцев начинаются подлинные припадки бешенства.

— Господи, и я, комиссар Шатле, ничего не знал об этих ужасах! — холодея от страха, воскликнул Николя.

Появление посетителей вызвало настоящее столпотворение, вопли и непристойные жесты.

— Это меня не удивляет, — произнес доктор. — Для многих парижан, особенно для тех, кто относится к высшим и наиболее просвещенным слоям общества, жестокости, творящиеся за городскими воротами, кажутся столь же невероятными, как жестокости дикарей, населяющих Новый Свет.

— А как же Церковь? — спросил Николя.

— Церковь полагает, что больных принимают сюда из милосердия, а узники должны искупать свои проступки. Поймите меня правильно: каждый следует логике собственной мысли. Выступая против совместного заключения преступников и душевнобольных, философы сострадают прежде всего узникам, чьи условия содержания они хотят улучшить, и напроочь забывают, сколь жутко и достойно жалости положение несчастных безумцев, вынужденных терпеть не только тюремный кошмар, но и ужасающее лечение. Все твердят о необходимости спрятать умалишенных от общества, дабы они не причиняли вред другим, в то время как их надобно понимать и лечить.

Затем они прошли в здание, где, по словам Жевиглана, содержались дети моложе двенадцати лет.

— Полагаю, вы хотите этим сказать, — произнес Николя, — что здесь имеется еще и дом призрения, куда приводят сирот, дабы воспитывать их за счет общественного милосердия?

— Отнюдь, эти дети — заключенные, и у них есть родители.

— Я не могу понять, как в таком возрасте дети могут стать жертвами законов, коих они не знают, а если бы и знали, то все вряд ли смогли бы понять. Если они совершили проступки, их надо отправлять к родителям, дабы те примерно их наказали.

— Да будет вам известно, здешние дети не нарушали законов королевства, они повинны всего лишь в мелких домашних проступках. Сюда их отправляют родители.

— Но ведь такое ужасное обращение не способствует их исправлению!

— Вы совершенно правы. Они покидают это заведение окончательно испорченными, в сто раз хуже, нежели были прежде, чем вошли сюда. Даже сидя в отдельных камерах, они ухитряются переговариваться, развращать друг друга и толкать в объятия порока. Отсылая сюда детей, ослепленные гневом родители сами направляют их на дурную стезю, подвергая наиболее изуверскому и жестокому из всех возможных наказаний.

Но самое ужасное им еще предстояло увидеть. Доктор вывел Николя на замощенный плитами больничный двор. С содроганием комиссар смотрел на зарешеченные окна, за которыми виднелись бледные и уродливые лица: несчастные визжали и исторгали из уст наиотвратительнейшую брань. Жевиглан топнул ногой по плитам.

— Можете ли вы представить себе, сударь, что прямо под нами, на глубине двадцати футов, тоже находятся камеры? Как вы, наверное, догадываетесь, они мало чем отличаются от могил. Видите тут и там узкие трещины? Они исполняют роль окошек, пропускающих слабые отблески солнечного света, — но не в камеры, где царит абсолютная мгла, а в проход между

ними. Однако, ежели со мной случится несчастье и я окажусь в этих стенах, я предпочту могильное одиночество под землей, нежели общую тюремную камеру.

— Но почему?

— Над заключенными могут надругаться самым отвратительным образом; приличия не позволяют мне назвать пороки, выставляемые там напоказ, особенно когда являются посетители. Мне не раз говорили, что многие узники, потеряв стыд, растлевают и оскверняют себе подобных.

— Но кто же эти несчастные, попавшие в здешний ад?

— Вы еще спрашиваете? — с горькой иронией воскликнул Жевиглан. — Да обычные люди, чья вина состоит в том, что они, устроив потасовку или напившись до свинского состояния, попали в лапы полиции, коя и заграбастала их за нарушение общественного порядка... что еще могут вменить мелким дебоширам? Ни один из них не уличен в тяжком преступлении, а потому никто и не предстал перед судом; в сущности, они сидят тут за сопротивление полиции.

Улыбнувшись, он добавил:

— Не принимайте мои слова на свой счет. Мне понятно ваше возмущение, и я ценю ваше великодушие.

— В начале своей службы, — проговорил Николя, — мне довелось читать доклад, направленный тогдашнему начальнику полиции Сартину. Из этого доклада следовало, что число узников Бисетра пополняется в основном за счет арестов, производимых превотством, военным советом, судьей по уголовным делам и местными блюстителями правосудия, особенно теми, кто выслеживает браконьеров. Будьте уверены, я непременно извещу Ленуара о положении здешних арестантов.

— До сих пор никто даже не пытался что-либо предпринять для прекращения творящихся здесь безобразий.

Они стояли молча, а брань и улюлюканье, летевшие из окон, становились все громче: их присутствие подогревало страсти заключенных.

— Мне кажется, подобному приему мы во многом обязаны вашей мантии, — заметил Жевиглан. — Они распознали в вас судейского... Но я злоупотребил вашим временем. Сейчас я отведу вас к матери настоятельнице, а она направит вас к тюремщикам, заведующим списками.

Изящная лестница привела их на второй этаж центрального здания, где к ним, звонко стуча башмаками по плитам, тотчас метнулась сестра-прислужница. Попросив ее доложить о нем настоятельнице, Николя попрощался с Жевигланом. Комиссара ввели в тесную келью, где стояли сосновый стол и две скамеечки. Навстречу ему поднялась небольшого роста женщина; лицо ее скрывало черное прозрачное покрывало, но тем не менее он почувствовал на себе ее пристальный взор. Пряча руки в широкие черные рукава, она заговорила резко и пронзительно:

— Полицейские комиссары часто посещают сию обитель, но редко просят встречи со мной. А может, вы явились для нового расследования? Хотите вновь сунуть к нам свой нос, как тогда, в 1770 году? Неужели милосердия, коим держится сие заведение, недостаточно, дабы оправдать его существование? С нами вновь ищут ссоры?

— Успокойтесь, преподобная мать, — ответил Николя, — я прибыл в Бисетр не с инспекцией. Я расследую уголовное преступление, и мне необходимо отыскать некое лицо, как мне думается, в настоящее время пребывающее в вашем заведении.

— Душевнобольной или же больной дурной болезнью? — сухо спросила она.

— Насколько нам известно, примерно месяцев шесть-восемь назад он подцепил нехорошую болезнь и теперь должен находиться у вас. Его зовут Ансельм Витри, садовник из Попенкура, лет ему где-то между двадцатью и тридцатью.

— Он прибыл сюда сам, добровольно, или его привели люди прево? Это важно.

— Точно сказать не могу, но, скорее всего, его к вам привели.

Она хлопнула в ладоши, и на пороге тотчас появилась сестра, та самая, что встретила Николя в коридоре; настоятельница отдала ей необходимые распоряжения.

— Вам знакомо семейство Дюшамплан, преподобная мать? — спросил Николя.

При звуках этого имени напряжение, в котором до сих пор пребывала настоятельница, спало.

— Разумеется! Господин Дюшамплан-старший является администратором Бисетра, и мы всегда можем рассчитывать на его благорасположение. А с его сестрой, Луизой от Благовещения из монастыря Сен-Мишель, мы даже иногда переписываемся. Время от времени она присылает к нам на лечение несчастных созданий, а иногда, взывая к нашему состраданию, просит поместить уже выздоровевших пациентов.

— Полагаю, вы знаете и младшего брата?

— Ах, это очень милый молодой человек! — улыбнулась она. — Он часто навещает наших больных, разговаривает с ними и угощает их сладостями.

— Не кажется ли вам странным такое занятие для молодого человека его возраста?

— У милосердия нет возраста, — резко сменив тон, ответила монахиня.

Вернулась сестра-прислужница.

— Пусть господин комиссар изволит пройти со мной в канцелярию.

— Я вас не задерживаю, сударь, — произнесла мать настоятельница.

Он поклонился и вышел.

Смущенный писарь, в конце концов, отыскал след Ансельма Витри, а окончательную ясность внесли строчки, приписанные на полях напротив его имени. Захваченный во время облавы в одном из веселых домов в обществе девицы, зараженной дурной болезнью, он был направлен в Бисетр. Там выяснилось, что он избежал заражения. И так как никто не знал, что с ним делать, его после недолгого пребывания в тюрьме освободили.

— Я хорошо его помню, господин комиссар, — заверил его писарь. — Он рассказывал свою историю каждому, кто готов был его слушать. По его словам, его обманула невеста, и он в отчаянии бросил свой любимый сад и ушел из родительского дома. И все же бедняге повезло.

— И в чем же заключалось его везение, друг мой?

— Он сумел заинтересовать своим рассказом господина, который часто нас навещает. Господин искал кучера, а несчастный малый умел обращаться с лошадьми, и они сговорились.

— Не могли бы вы мне назвать имя неожиданного спасителя?

Секретарь снова углубился в список.

— Это господин Дюшамплан.

Вознаградив писаря за труды, Николя покинул Бисетр. Но он еще долго не мог отделаться от прилипшего к нему отвратительного запаха. Итак, как он и предполагал, в деле об убийстве Маргариты Пендрон наметился новый подозреваемый. Но это открытие не только не упрощало расследование, а, напротив, вводило его в весьма опасные дебри. Теперь связь между бывшим женихом жертвы и семейством дворцового можно считать доказанной. Следовательно, необходимо допросить Эда Дюшамплана и разыскать молодого Витри. Николя приказал кучеру ехать в Шатле.

Завидев Николя, папаша Мари шепотом сообщил, что в дежурной части его ожидает какой-то странный тип. Стоило Николя открыть дверь, как к нему навстречу шагнул человек в бобровой шапке; его болезненное лицо было хорошо знакомо комиссару: во время прошлого расследования он пользовался помощью сего чахлого субъекта.

— Господин Ретиф, я вас приветствую, — снимая судейскую мантию, произнес Николя. — Сыч заманил в ловушку очередную жертву и теперь хочет разделить честь поимки с полицией?

— Не смейтесь, господин Ле Флок. Рок преследует меня со времен нашей последней встречи. Крыша моих апартаментов в доме Прель рухнула, и теперь я живу на улице Фуар. Меня преследуют кредиторы, жаждущие содрать с меня долги, сделанные сбежавшей от меня бывшей женой, и обанкротить моего издателя. Я страдаю от последствий дурно пролеченной гонореи. Но вы же знаете, я посещаю бордели исключительно ради дела. Уже несколько лет меня занимает вопрос разумного устройства мест разврата в Париже; иначе говоря, я намерен упорядочить бесконтрольный разврат.

Понимая, что если не остановить Ретифа, то ему придется выслушать нуднейшую и ни к чему не ведущую речь, Николя довольно резко прервал гостя.

— Короче говоря, вы хотите снискать известность как приверженец порядка и нравственности, кои воцарятся на наших улицах после ваших реформ. Что ж, мы ценим ваши намерения, и весьма высоко. У вас есть что-нибудь мне сообщить?

Опустив голову, Ретиф де ла Бретон рассматривал сбитые носы своих башмаков; подобная поза удивила Николя, привыкшего к вечному бахвальству этого субъекта. Наконец писатель заговорил.

— Вы же знаете, ночами я люблю бродить в одиночестве по улицам нашей бескрайней столицы. Во время этих прогулок я пытаюсь творить добро, и иногда мне удается помочь какому-нибудь заплутавшему в темноте созданию. Неделю назад, на углу улицы Паве и улицы Савуа, я увидел человека, увивавшегося за девицей лет двадцати. Можете себе представить, какие речи он с ней вел. Однако девица глядела на него отнюдь не испуганно, а, скорее, с любопытством. Подойдя поближе, я, по своему обыкновению, представился и немедленно заметил сему господину, что, на мой взгляд, он совершает бесчестный поступок, имея низость предлагать девушке... К ней же я обратился с речью, в коей напомнил о приставшей ей честности и стыдливости и стал умолять ее не поддаваться на уговоры развратника. В результате господин отправился на поиски иной жертвы для осуществления своих мерзостных замыслов, а девица, нелюбезно отослав меня в весьма далекие края, убежала, продолжая поливать меня отборнейшей бранью... Каково же было мое удивление, когда в ночь с воскресенья на понедельник, в тупике Глатиньи, куда я отправился полюбоваться предрассветной рекой, на ступенях, ведущих к воде, я увидел мертвое тело этой самой девицы.

— Почему вы сразу не позвали стражу?

— Ей уже нельзя было помочь, а там, где она лежала, ее бы все равно утром обнаружили. Но... вы же знаете о моих маленьких страстишках... я не смог устоять... они были такие миленькие...

Из кармана темного суконного редингота он вытащил пару дорогих бальных туфель без задника, похожих на те, что были на Маргарите Пендрон.

— Вынужден констатировать, что вы скрыли улику от королевской полиции, — промолвил Николя. — Вы сознаете тяжесть своей вины? Конечно, важность доставленной вами улики отчасти смягчает мое недовольство, ибо я...

— Смею надеяться, господин комиссар, — слащавым лицемерным тоном ответил Ретиф, — что польза от моей находки, а также от того, что я собираюсь вам рассказать, сможет умирить ваше законное возмущение.

— Я вас слушаю.

— Я не только узнал девушку, но и могу описать вам мужчину, который приставал к ней.

— Во всем, что касается девушки, вам нет оправдания, — бесстрастно произнес Николя. — Вам придется проследовать за мной в мертвецкую, дабы опознать тело, а также взглянуть на еще один труп.

— А ножки ее вы мне покажете?

Николя устало пожал плечами.

— Довольно, сударь! Продолжайте ваш рассказ, я вас слушаю.

— Распутник с улицы Паве, — начал Ретиф, потирая руки, — мне известен. Я не раз видел, как он подкатывался со своими гадкими предложениями к девицам.

— Вы знаете его имя?

— Нет. Даже внешность не могу описать, потому что обычно он носит плащ с высоко поднятым воротником и надвигает шляпу глубоко на лоб. Но я дважды сумел проследить за ним. Он пользуется фиакром и, поверите ли, правит сам.

— Может, вы запомнили хотя бы номер фиакра?

— Да, запомнил, — гордо ответил Ретиф. — 34-NPP.

Николя содрогнулся. Неужели по невероятному стечению обстоятельств фиакр, нанятый им для поездки в Попенкур, номер которого он запомнил, потому что цифра соответствовала его возрасту, принадлежал одному из субъектов, причастных к загадочным убийствам? Он был прав: совпадение всегда удача для сыщика.

— Как вы считаете, он ищет девиц для себя?

— Нет, ни за что! От него издавна веет тайным развратником, а такие обычно предпочитают предаваться пороку отнюдь не в одиночестве. Думаю, что «мамаши» из веселых домов осведомлены гораздо лучше меня. Разузнайте у них.

Тут кто-то постучал, дверь дежурной части открылась, и показались довольные лица Сансона и Семакгюса. Узнав палача, Ретиф побледнел и упал на стул: ноги отказались повиноваться ему. Николя увел друзей в галерею, предварительно попросив папашу Мари угостить посетителя своим подкрепляющим средством.

— Друзья мои, я вижу, настроение у вас бодрое. И, полагаю, вам не терпится сообщить мне очередные новости.

— Совершенно верно, — ответил Сансон. — Мы с доктором продолжили исследовать трупы двух последних жертв. Так вот, вскрытие позволило нам сделать выводы, которые, без сомнения, поразят вас.

— Обнаруженные у одной жертвы, — начал Семакгюс, — они поразили нас, но когда мы обнаружили их и у второй...

— Господа, довольно ходить вокруг да около, мне не терпится услышать о вашей находке.

— В желудках обеих жертв мы обнаружили остатки их последней трапезы.

— Ну, дальше, дальше! — торопил Николя.

— Если бы не господин Семакгюс, объехавший весь свет и обладающий изрядными познаниями в ботанике, я бы сам не предал этому значения. Именно он обратил мое внимание на непереваренные волокна, принадлежащие, по его словам, весьма редкому растению.

— Короче говоря, — произнес Семакгюс, — они обе до отвала наелись ананасами. Однако в наших широтах эти представители семейства бромелиевых не достигают зрелости даже в оранжереях, а потому плохо перевариваются желудком. Отсюда следует, что обе жертвы перед смертью находились в одном и том же месте, но где — это я предоставляю определить некоему прозорливому комиссару Шатле.

Николя молчал довольно долго.

— Что бы я без вас делал? Семакгюс, где в Париже выращивают ананасы в оранжереях?

— В королевском саду, это точно. В нескольких владениях принцев крови, а за городскими стенами у нескольких частных лиц.

Показался Бурдо в сопровождении Рабуина, и Николя вспомнил, что его ждет Ретиф. За писателем послали, и они все вместе, длинной чередой, спустились в чрево старинной

феодалной крепости. Ретиф без труда опознал девицу из тупика Глатиньи. Для большей надежности Николя велел примерить труп туфельки, дабы все убедились в их поразительном сходстве с туфельками, найденными на кухне особняка Сен-Флорантен. Ретиф с исступлением следил за манипуляциями вокруг столь им любимых женских ног. Вторую жертву он не опознал. Его торжественно проводили к выходу из Шатле, и он, выйдя на улицу, немедленно растворился в толпе. Вернувшись в дежурную часть, Николя пересказал друзьям новости, доставленные ему сычом.

— Чтобы сократить поиски, мне кажется, надо исключить дома принцев крови и королевский сад, — начал он. — Туда мы всегда успеем вернуться. Принимая во внимание, что трупы найдены в Париже, поиски следует вести в городе или в ближних предместьях.

— Что вы сейчас намерены предпринять? — спросил Бурдо. — И каковы ваши дальнейшие распоряжения?

— Следуя доброму совету Ретифа, я направляюсь в «Коронованный дельфин», дабы собрать слухи о веселых парижских вечеринках и их устроителях. Уверен, у Президентши найдется, что мне рассказать. Вас же, Пьер, я попрошу разузнать как можно больше об изобретателе и ремесленнике Бурдые, что живет на углу улицы Канетт. Его намерены привлечь к секретной работе, и Сартин хочет знать, насколько можно ему доверять.

Взглянув на часы, он обнаружил, что уже половина второго.

— Встречаемся здесь в семь часов.

Направляясь к поджидавшему его фиакру, Николя обратил внимание, что прежнего мальчишку на побегушках сменил новый, словно выращенный из того же семечка, что и его предшественник, состоявший нынче на службе у господина министра морского флота. По дороге он с удовлетворением отметил, что улицу Руаяль, наконец, принялись приводить в порядок: камни и траншеи, ставшие причиной печальных событий 1770 года, полностью исчезли. При виде «Коронованного дельфина» на него вновь нахлынули воспоминания о его первых шагах в Париже. Маленькая негрятяночка, превратившаяся в высокую статную молодую женщину, по-прежнему исполняла обязанности привратницы; вот и сейчас она распахнула дверь и, увидев Николя, радостно бросилась ему на шею.

— О, как хозяйка обрадуется, увидев господина!

Ее восторги удивили его, ибо его отношения с Президентшей, новой содержательницей веселого дома, никогда не были особенно дружескими. Впрочем, он был благодарен ей за то, что в Лондоне она не сумела удержать язык за зубами, иначе он бы так никогда и не узнал о своем отцовстве.

Когда он вошел в гостиную, ему показалось, что время вернулось на четырнадцать лет назад. Закутавшись в шелковую шаль с цветочным узором, в обитом гобеленом кресле дремала Полетта, прежняя хозяйка дома. Складок на ее лице и шее стало больше, но их по-прежнему покрывал толстый слой белил и румян. Распахнувшийся пеньюар приоткрывал чудовищно раздувшиеся ноги, окруженные волнами розовых ленточек. Массивная фигура владелицы заведения напоминала цветочный прилавок на рынке, из-под которого торчали распухшие ступни, всунутые в потертые кожаные баретки без задников. Он кашлянул, чтобы привлечь на себя внимание. Фигура зашевелилась, и внезапно, как прежде, на него испытующе уставились маленькие глазки, а расплывшееся лицо озарила двусмысленная улыбка. Приподняв парик, Полетта почесала лысую, словно шар из слоновой кости, голову. Он вспомнил, что прежде она очень заботилась об остатках своей шевелюры и каждый вечер втирала в голову мазь из бычьего костного мозга и флердоранжевой воды. Прошли годы... Она угадала его мысли.

— Ну, что косишься... да, это моя бедная голова, — произнесла она со своей обычной фамильярностью. — Уже тогда на ней три волосинки было, а теперь и вовсе ничего не

осталось, и чтобы вымыть, вполне хватает губки. Никаких паразитов, никаких расчесов. Все чисто и гладко. Черт побери, да не стой ты, разинув рот! Что ты на меня так пялишься? Ну да, я снова заняла свое место да и еще кое-какие занять намерена.

— Но... где же Президентша?

— Ах, не напоминай мне о ней! Едва оказавшись у руля, она вообразила себя красавицей писаной, решила, будто она кума королю!

Полетта перекрестилась.

— Вместо того чтобы делать то, что я ее просила, она начала корчить из себя хозяйку, интриговать, выпивать, развлекаться и заниматься пустяками. И то, что я собирала столько лет тяжелым трудом, разлетелось в мгновение ока.

— И тогда?

— Ты меня знаешь. Я не злопамятна, за лишний грош гноить не буду, но молоко стало выкипать, и на горизонте замаячил судебный исполнитель. Вот и пришлось мне покинуть свою нору и своих бедняков и прибыть сюда спасать домишко. А то бы он давно ко дну пошел. Ох, можешь себе представить, сколько пришлось гнуть спину, чтобы все восстановить. Президентша пустила все на самотек, и каждый этим пользовался, в ущерб репутации дома. Ну а когда госпожа Катастрофа, наконец, убралась восвояси, я, позабыв о своих хворобах, вновь взяла на себя управление делами. Ах, как жаль, что Сатин...

Она вздохнула.

— Однако, вид у вас вполне бодрый, — с улыбкой заметил Николя. — Может, чуточку полноты и прибавилось, но румянец по-прежнему ослепительный.

— Вольно ж тебе надо мной смеяться! А ведь это все из-за тебя. Зачем ты бросил Сатин? Я оказалась слишком послушной лошадкой. Господи, и с чего это я вдруг упала в объятия твоего мэтра патлена, господина де Ноблекура, которого я и знать не знала, ни от ивы, ни от Адама...

— Ни от Евы, ни от Адама, — поправил Николя.

— Не путай меня! Ну и ловко же он меня обворожил, этот твой адвокат! Госпожа Полетта и так, госпожа Полетта и сяк. Мне бы идти своей дорожкой, верить только тому, что сама знаю, и не слушать никаких подсказок. А Полетта на старости лет решила в прятки поиграть. И оно вот что вышло! Подловили старушку на ее доброте, на любви к малютке, на желании старому дружку угодить, тебе то есть. А в результате? Она снова вляпалась в дела и окончательно потеряла покой.

Полетта громко захныкала, но Николя отметил, что из глаз ее не выкатилось ни слезинки.

— Успокойтесь, — произнес он, — вы принесли счастье Сатин и моему сыну, этот поступок многого стоит в глазах Господа.

— Он еще за Сатин говорить станет! — заметила она, зло поджимая губы. — Ты сделал ее несчастной. Вчера я была у нее на улице Бак. Ты хотел, чтобы она торчала в лавке, словно белые кружева помогут смыть ее прошлое... Послушай, оставь ее в покое, пусть поступает так, как считает нужным. Похоже, ты забыл, что твой сын появился на свет среди аристократок парижского дна, и как бы ты ни хотел, он станет пастись там, где он ползал в младенчестве! Так что иди, господин маркиз, своим путем...

Николя кусал губы, понимая, что должен сдержаться и промолчать. Перебранка не приведет ни к чему хорошему, тем более что в желчных словах старой сводни много правды. Надо обойтись без угроз и оскорблений, иначе Полетта упрется и не скажет ничего.

— Это личное дело, — произнес он, — и мы обсудим его на холодную голову. А сейчас моей дражайшей подруге Полетте хорошо бы вспомнить, что ее дом пользуется особым расположением полиции, и ежели она желает и дальше сим расположением пользоваться...

Она принужденно улыбнулась.

— Ага, так вот о чем мы запели... Надо полагать, ты хочешь кое-что вызнать у старухи Полетты?

— Прекрасная Полетта, вы всегда понимаете людей, готовых с вами договориться. Было время, когда вы устраивали вечеринки в частных домах и ставили там спектакли, где изображали страсть едва ли ни с большим пылом, чем на деле. А как с этим обстоят дела сегодня?

— Все по-прежнему, — с угрюмым видом ответила она. — Хотя времена, конечно, изменились, и теперь любители сами договариваются между собой.

— Что вы хотите этим сказать?

Крошечные глазки заморгали, словно в них ударил яркий свет.

— Несколько раз ко мне приходил молодой человек и уговаривал найти ему молоденьких особ для его серала и «помощничков», хорошо сложенных жеребцов, тех, которые способны... Словом, Полетта не станет греть руки на такого рода делишках.

— Как он выглядел?

— Обычный хлыщ, довольно юный.

— Если он явится еще раз, сообщите мне.

— Я не играю в эти игры, мой мальчик. У меня своя мораль. Я и так слишком много тебе рассказала. Увы, дела идут все хуже и хуже, девицы прибывают отовсюду, и всем хочется чего-нибудь новенького. Время семейных домов прошло! Настало время крышевателей и сводников.

— Полетта верна своим принципам, — с улыбкой произнес Николя. — Дом содержится лучше некуда, никаких игр, постоянные девушки и наилучшие отношения с полицией. Прощайте.

— Смейся, смейся над своей бедной подружкой, — проскрипела Полетта. — От тебя одни неприятности.

Она заворочалась, и кресло заскрипело под ее грузным телом.

— Вы впервые не предложили мне своего ликера, — уходя, бросил Николя.

Ответом ему стала смачная брань и звон разбившегося о стенку фарфора.

Когда Бурдо и Рабуин в семь часов прибыли в Гран Шатле, Николя уже ждал их. Пытаясь установить, кто мог получить рассадку ананасов и высадить их у себя, инспектор и его помощник отправились посоветоваться с ученым ботаником из Королевского сада. В результате они составили список из пятнадцати домов, и завтра они намеревались проверить все, один за другим. Затем они отправились на улицу Канетт, в мастерскую изобретателя, изготовившего для Сартин механический шкаф для париков. Мастер пребывал на грани отчаяния. После долгих уверток он признался, что испытывает постоянное давление со стороны некоего англичанина, сулящего ему золотые горы, ежели он переберется в Англию и поставит свое искусство на службу тамошним ткацким мануфактурам. Англичанин уговаривал его усовершенствовать ткацкий станок, дабы способствовать процветанию фабрик Индийской компании. Приметы этого англичанина соответствовали приметам лорда Эшбьюри, или, говоря иначе, Фрэнсиса Сефтона.

— Изобретатель находится под угрозой и наши интересы тоже, — задумчиво произнес Николя. — В конце концов, он не выдержит и поддастся на уговоры пришельца из-за Ла-Манша. Берите фиакры, телеги и везите его сюда вместе с семьей. Я отправлюсь к Сартину, и тот решит, что делать дальше.

Бурдо сел и принялся набивать трубку.

— Дело уже сделано, — усмехаясь, ответил он. — Семья Бурдые ждет вас внизу.

ПРОИСКИ

Привилегии, коими обладает наше сословие, заставляют закрыть рот всех, кому нравится искать поводы для хулы.

Шекспир

Караван из трех повозок, возглавляемый Николя, медленно двигался в сторону улицы Нев-Сент-Огюстен. В фиакре, двигавшемся в середине, сидел, прижимая к себе жену и четверых детей, перепуганный изобретатель. Подъехав к дому Сартина, комиссар узнал, что министр еще не вернулся из Версаля, но предупредил, что вернется непременно, ибо королевская семья отбывала охотиться в Фонтенбло. Николя уже решил отправиться к Ленуару, чей дом располагался в непосредственной близости от особняка Сартин, как подъехала карета, и из нее вышел министр собственной персоной. Он тотчас повел Николя к себе в кабинет, где легким движением привел в действие свой механический шкаф для париков, явив роскошный белокурый образчик «львиной гривы» с пятью тупеями.

— Он из Вены, от поставщика князя Кауница, такого же заядлого собирателя, как и я! — произнес Сартин, любовно лаская шелковистые кудри парика. — Его прислал мне аббат Жоржель, секретарь принца Людвига. Но объясните, что за табор устроили вы у меня на дворе? *Quid novi* в вашем расследовании? Как обычно, груда трупов, которые ваши всегдашние приспешники кромсают до последнего? Или я ошибаюсь?

— Разве вы когда-нибудь ошибаетесь, сударь? *Primo*, ваш органнй мастер кажется мне честным человеком, хотя, удрученный нуждой, он едва не соблазнился посулами англичан, ибо его семья, действительно, влачит тяжкое существование.

Министр выпустил из рук парик, распластавшийся на столе, словно морское животное, протянувшее во все стороны свои щупальца.

— Только не говорите мне, что английская разведка уже пронюхала про него!

— Увы, англичане не дремлют. Это дело рук лорда Эшбьюри, иначе говоря, Фрэнсиса Сефтона. Во избежание ненужных случайностей я, а точнее, Бурдо, опередил события и увез из дома и мастера, и его семью. Я пообещал Бурдые позаботиться о нем и разместить его в одной из государственных резиденций, где он сможет спокойно работать.

— Отлично. Так, значит, вопли и стенания, встретившие меня во дворе, доносятся из карет и повозок, в которых вы привезли семью мастера? Сегодня их разместят на ночь у меня в доме, а завтра я распоряжусь, чтобы их отвезли в надежное место. А как ваше расследование?

— Главным подозреваемым по-прежнему остается герцог де Ла Врийер, однако я не уверен, что именно он является убийцей. Что-то от меня ускользает, но я чувствую, как шаг за шагом приближаюсь к истине. Конечно, у нас имеются три трупа, но я не отчаиваюсь...

На бесстрастном лице министра появилась ехидная улыбка.

— ...и надеюсь достичь гораздо более внушительных цифр, — усмехнулся он. — Желаю массу удовольствия моему преемнику... Как у вас с ним?

— Последняя аудиенция прошла вполне доброжелательно, никакой язвительности.

Успокоив семью Бурдые относительно их будущего и выслушав в ответ благодарности и благословления, Николя отправился на улицу Монмартр, где Катрина сменила ему повязку и поставила перед ним суп. Он съел суп, макая в него гренки и запивая вином. Затем, встав на скамеечку, он подтянул висевший в камине окорок, отрезал несколько широких ломтей и съел их тут же, на месте. В завершение своей простой трапезы он истребил несколько орехов и свежих яблок. Когда же, утомившись за день, он уже засыпал, перед взором его проплыли три лица: сына, Сатин и Эме д'Арране.

Воскресенье, 9 октября 1774 года

Николя разбудили залиvistые трели флейты, доносившиеся из глубины дома. Если господин де Ноблекур музицировал, значит, он чувствовал себя прекрасно и пребывал в великолепном расположении духа. Завершив туалет и проглотив завтрак, Николя отправился к старому магистрату. Взору его открылась картина, достойная кисти художника-бытописца: в золотистом ореоле утреннего света бывший прокурор, отбивая ногой такт, с упоением наигрывал веселую мелодию сельского танца. Усевшись рядышком, Сирюс и Мушетта внимательно смотрели на него. Николя замер, попав под обаяние зрелища, исполненного безмятежной и светлой радости, и заявил о себе, когда музыка прекратилась.

— Как я рад, что вы, наконец, выздоровели, — произнес он.

Ноблекур направился к любимому креслу.

— О-хо-хо! И это несмотря на то, что меня со всех сторон обложили заботами... А вы, как я понимаю, собрали очередной урожай синяков и шишек?

— Пустяки, — ответил Николя, — я привык. Впервые в меня стреляли еще в незапамятные времена. Когда мне было десять лет, один из гостей моего отца чуть не убил меня, приняв за козюлю. Пули только ласкают меня.

— Прекратите насмешничать, ваши друзья места себе не находят, когда вас уносит неизвестно куда. Лучше расскажите мне о ваших последних похождениях. Сыщицкие истории веселят меня и позволяют отдохнуть от привязчивых трелей. Вы даже представить себе не можете, насколько сложно модулировать каждую трель, когда они следуют одна за другой!

Николя рассказал о своей поездке в Версаль и о мрачной находке, обнаруженной после его приезда. Его старый друг страшно разволновался, а потом задумчиво спросил:

— Вы хорошо поразмыслили над выводами, кои вы, полагаю, сделали из покушения на вас? Для начала скажу, что оно похоже на те, жертвой которых вы стали в начале этого года; но, как мы помним, виновники его были высланы. Поэтому можно предположить, что ваш враг, а точнее, ваш убийца, намеревался помешать вам завершить ваше нынешнее расследование. Кому вы стали поперек дороги и чьи интересы затронули? Если говорить о таинственном англичанине, то он, следуя заповедям благоразумия и осторожности, должен не высовываться, а напротив, скрываться, как это обычно делают его собратья по ремеслу...

— И тем не менее...

— Согласен, я предвижу ваше возражение: в большой галерее он разгуливал переодетым, и вы узнали его совершенно случайно, несмотря на его маскарад. Но если он ополчился на вас, значит, вы невольно подошли слишком близко к тому месту, где ваши интересы полностью расходятся. Вы ведете расследование нескольких убийств, и оное расследование затягивает в круг подозреваемых все большее число людей, в том числе королевского министра. А это означает, — теперь внимательно следите за моей мыслью! — что искомый англичанин вполне может быть связан с убийцами. Ваша проницательность грозит срывом порученной ему миссии, которая, как кажется мне, несчастному калеке, увечному на голову и на тело, имеет отношение к одному из сильных мира сего. Судите сами, Сен-Флорантен не мог призвать вас расследовать убийство, совершенное им самим! Я сказал «убийство»? Я ошибся: убийства. А затем приказать убрать вас! Не вижу в этом никакого смысла. За чередой необъяснимых событий кроется нечто иное.

И старый магистрат надолго погрузился в размышления. Николя даже показалось, что он задремал.

— Вас постоянно окружают миражи, дорогой Николя. Все четырнадцать лет, посвященных расследованиям «особых дел», вы ведете бесконечную борьбу с тенями и их двойниками. Выгода, месть, честолюбие, сладострастие и ненависть, подобно призракам, уводят вас в дебри

преступности, где у мертвецов, что поджидают вас на пути, два лица, как у известного вам античного божества.

— Боже, — вздохнул Николя, — вы мне напоминаете некоего индейца мик-мака, бывшего в барабан и взывавшего к духам! С той разницей, что вы играете на флейте. Да вы настоящая Пифия с улицы Монмартр!

— Смейтесь, смейтесь! В моем возрасте я имею право позволить себе некоторые причуды. И если мне нравится изъясняться намеками...

— Никто никогда не станет оспаривать ваше право.

— Ладно, посмотрим. А сейчас пророчица голодна. Пусть мне принесут суп и сухарики, ибо Пифия приходит во время еды.

— О, — воскликнул Николя, — я непременно передам ваши слова королю, он любит каламбуры, а ваша острота вполне достойна маркиза де Бьевр^[36].

Когда в комнату вошла Катрина, оба друга хохотали от души. Неожиданно их внимание привлек уличный певец, горланивший песенку, в которой, судя по долетавшим до них в раскрытое окно словам, говорилось о герцоге де Ла Врийере; особенно часто повторялся рефрен:

Министр бесталанный и подданный дрянной,
Давно пора тебе поддаться под зад коленом,
Чего ты еще ждешь? Долой тебя, долой!
Давно пора тебя вышвырнуть в окно!

— Дурная рифма при ядовитом содержании, — заметил Ноблекур. — Этого господина не любят, хотя в качестве министра он не так уж и плох. Вы пойдете со мной в церковь Сент-Эташ послушать большую мессу?

— С удовольствием, если музыка и еда рассеяли раздражение старосты церковной общины против тех, кто намерен узурпировать привилегию первым получать освященный хлеб. И если вы не боитесь присутствия рядом с вами человека, ставшего мишенью для злоумышленников!

— Значит, у меня есть шанс умереть в приличном обществе, господин маркиз...

Чтобы преодолеть несколько туазов, отделявших их жилище от церкви, Николя решил пройти через тупик, дабы воспользоваться входом бокового придела, однако воинственно настроенный Ноблекур пожелал непременно войти через парадный вход. Едва он появился на пороге, как несколько прихожан устремились к чаше со святой водой, дабы подать ее своему старосте; те же, кто остался на своих местах, почтительно его приветствовали. С уважением сняв шляпу перед установленной недавно мраморной доской с эпитафией генералу Шеверу, Ноблекур под лестный шепот направился к месту церковного старосты. Николя устроился на стуле возле колонны, позади бывшего прокурора. Табличка, прикрепленная к колонне, извещала прихожан о тарифах на погребение в приходе Сент-Эташ. Запрашиваемые суммы были достаточно велики, и, поразмыслив, Николя решил, что высокая стоимость услуг, без сомнения, объясняется тем, что в квартале проживали в основном состоятельные люди. Здешний кюре подсчитал все: рытье могилы, подставка под гроб, украшения и убранство главного алтаря, вознаграждение малого и большого хора, услуги исповедника, белые перчатки, гроб, приобретенный непременно в приходской мастерской, а не у столяра. Неравенство в обхождении с покойниками навело на невеселые мысли.

Началась служба; воспарив душою, Николя слушал литургическое пение, покорявшее его своей возвышенностью и простотой. С его места был хорошо виден высокий неф и расположенное за хорами надгробие Кольбера из черного мрамора. Совершающий богослужение священник поднялся на кафедру, дабы прочесть проповедь, где в этот раз

говорилось о необходимости подавать милостыню: «Кто из нас не знает, что изначально блага земные принадлежали всем людям вместе? Кто не ведает, что в природе не существовало ни собственности, ни потребности эту собственность разделить? Что, рождаясь на свет, мы получали в дар от природы весь мир?»^[37] Николя вспомнил Бурдо: его помощник, без сомнения, одобрил бы подобное начало. Он до сих пор не мог понять, являлись ли участвовавшие язвительные выпады проявлением характера инспектора и следствием перипетий его жизни или же развитие критической мысли Бурдо соответствовало возраставшей с каждым годом воле общества сбросить груз существующих традиций, а следом и саму нынешнюю власть, которой лично он служил не раздумывая.

В тот момент, когда он решил прекратить эти ни к чему не ведущие размышления, раздался глухой громкий стук, а следом жуткий треск. С визгливым скрипом распахнулась главная дверь, и в церковь ворвался разъяренный бык. Присоединив свой рев к мелодии Божественной литургии, он принялся крушить все, что попадалось ему на пути. Стулья и сидевшие на них прихожане полетели в разные стороны; каждый старался соорудить хоть какое-нибудь ограждение, способное защитить от ударов рогов разъяренного животного. Добрых полчаса Николя прилагал усилия для организации помощи. Как оказалось, бык сбежал из сарая мясника, где его не сумели оглушить до конца. Призванные на помощь лавочники из корпорации мясников, в конце концов, скрутили быка. Раненых увезли, и служба продолжилась^[38]. Но Николя было не суждено дослушать ее до конца. В проходе между стульями неожиданно возник человек в черной одежде и высоких сапогах и принялся кого-то рьяно искать. Его поиски пришлось не по вкусу многим прихожанам, и швейцар уже поднял свою алебарду, как Николя узнал в черном человеке Рабуина. Он встал и, направившись к выходу, сделал агенту знак следовать за ним.

— Что заставило вас ворваться в церковь в самый разгар службы?

— Обстоятельства. Бурдо отправил меня за вами на улицу Монмартр, и там Пуатвен сказал мне, где вас искать. Возле сада Воксхолл нашли брошенный фиакр, а в кузове труп молодого человека, судя по всему, шурина Жака Миссери.

— Дюшамплана-старшего?

— Нет, младшего, Эда. Фиакр вместе с трупом доставлен в Шатле, где инспектор ждет вас для осмотра. Я приехал за вами. Экипаж готов.

Николя предупредил Ноблекура и, сославшись на стечение обстоятельств, извинился, что не сможет проводить магистрата домой.

Перед входом в Шатле шумела толпа. Оживленно размахивая руками, люди пытались прорвать кордон из французских гвардейцев и караульных, плотным кольцом окруживших фиакр. Мальчишка на побегушках делал неловкие попытки успокоить лошадь, но та, обезумев от шума и людского кишения, продолжала громко ржать и бить копытом. Выскочив из кареты, Николя последовал за Рабуином. Дверцы у доставленного фиакра были закрыты, а окна, местами расколотые, замазаны чем-то темным, так что снаружи нельзя было ничего увидеть.

— Странно, — произнес Николя.

— Откройте, и вам станет понятнее, — с бесстрастным лицом промолвил Рабуин.

Он подчинился приказанию агента. Ему не раз приходилось сталкиваться с проявлениями человеческой жестокости, однако столь тяжкого зрелища он не видел уже давно. Изнутри кузов был залит свернувшейся кровью, а на скамье, раскинув руки, покоилось тело с разможенной головой; лицо у обезображенных останков полностью отсутствовало. Неопределенного цвета грязь пятнала пол, и в этой грязи, возле сапог валялся кавалерийский пистолет большого калибра. Проследив взгляд начальника, Рабуин покачал головой.

— На первый взгляд, похоже на самоубийство.

Николя медленно закрыл дверцу. С обезумевшими глазами, лошадь продолжала глухо ржать и взбрыкивать — теперь задними ногами; по телу ее то и дело пробегала дрожь, отчего шкура вздымалась волнами. Подойдя к ней, он пошептал ей на ухо, затем бесстрашно принялся массировать ей десны. Сначала лошадь трясла головой, потом смирилась, ее движения стали медленными, и она, наконец, успокоилась.

— Да-а, умеете вы обращаться с лошадьми, — восхищенно протянул Рабуин.

Николя размышлял.

— Необходимо срочно убрать толпу, ничем хорошим это сборище не кончится. И расчистить тюремный двор, чтобы завезти туда фиакр с трупом. Лошадь выпрячь, труп отправить в морг и там привести его в порядок.

— Сегодня воскресенье, — напомнил вынырнувший откуда-то Бурдо. — Из служителей никого нет, а привлечь сторожей в принудительном порядке нам вряд ли удастся. Похоже, придется заняться самим...

— Что ж, значит, сами справимся, и не такое приходилось делать. Пошлите папашу Мари в подвал для допросов за кожаными передниками, которые используют подручные Сансона. Не забудьте забрать пистолет и обследовать кузов. Вскрытие произведем завтра, так что как можно скорее предупредите Сансона: он живет на улице Анфер. Отправьте к нему кого-нибудь из караула.

Когда тело на носилках отнесли в мертвецкую, он принялся исследовать кузов фиакра. Впоследствии сие занятие пополнило число наихудших воспоминаний Николя, успевшего к тому времени накопить немало подобного рода случаев. Он осматривал экипаж столь долго, что Бурдо, хорошо знавший своего начальника, понял, что тот обнаружил нечто важное. Но, как часто случалось, комиссар предпочитал молчать о своих находках до тех пор, пока ему не удавалось осмыслить их в совокупности с другими уликами. Инспектор отметил, с каким вниманием Николя разглядывал колеса, дверцы с обеих сторон и даже упряжь. Вытащив из кармана перочинный ножик, комиссар соскоблил с осей приставшую к ним землю, аккуратно завернул грязные комочки в бумагу и опустил в карман. Затем оба сыщика отправились в подвалы Шатле; добравшись до помещения, где производили вскрытия, они, надев кожаные фартуки, тщательно обмыли окровавленное тело. Приблизив факел, Бурдо обыскал карманы одежды трупа и нашел письмо; в нем кому-то назначали свидание в Версале: «Присоединяйтесь к нам; вы знаете, где мы». Николя отметил, что дата отправления письма совпала с днем его прибытия ко двору, но текст не говорил ему ничего.

— Значит, на основании этой бумажки Рабуин утверждает, что речь идет о Дюшамплане-младшем?

— Это имя адресата. Письмо, вероятнее всего, вручали лично, ибо на нем нет почтового штемпеля.

Они продолжили лить воду на одетое тело; вода стекала со стола пурпурными струями, наполняя помещение отвратительным кислым запахом. Развороченное лицо не позволяло опознать труп. Николя долго рассматривал кисти рук мертвеца, потом, сняв с него башмаки и чулки, принялся разглядывать ступни. Для подтверждения выводов придется дожидаться заключения Сансона, а тот приступит к работе только завтра. Когда друзья, наконец, вышли во двор, Николя взглянул на фиакр и едва не вскрикнул от удивления: на фиакре четко значился номер 34-NPP. Неужели это тот самый экипаж, который возил его в Попенкур, где он передал предписания Лемуара старшине скотовладельцев, а потом плавно перевел беседу на неудачного воздыхателя Маргариты Пендрон? Закрыв глаза, он попытался вспомнить лицо кучера, но ему не удалось. В памяти осталась только скамья, запачканная, возможно, кровью.

— Бурдо, — обратился он к помощнику, — что вы скажете, если мы с вами сейчас отправимся на бульвар Сен-Мартен, а затем на улицу Кристин, к Дюшампланам?

— Скажу, что мои сиротки сегодня снова не увидят своего папу, а госпожа Бурдо...

— ... проклянет комиссара Ле Флока и Шатле и будет права!

На бульваре Сен-Мартен инспектор показал Николя место, где патруль обнаружил фиакр. Низко склонившись к земле, Николя принялся обшаривать указанный ему клочок земли, затем вошел за ограду сада и, подобрав комочки земли, аккуратно завернул их в бумажку и положил в карман. Он был настолько поглощен своим занятием, что помощник не решился спросить, что означали сии действия, смысл которых ускользал от него. Затем оба сели в экипаж и покатали на другой конец Парижа. Прикрыв глаза, Николя размышлял, насвистывая арию из оперы и отбивая ногой такт. Когда экипаж въехал на мост Руаяль, он повернулся к Бурдо.

— Все, никаких проволочек. Эта история и так слишком затянулась.

Инспектор даже не пытался понять, на какую историю намекал его начальник.

— Идем прямо к цели. А цель — комнаты на антресолях на улице Кристин. Я хочу немедленно ознакомиться с их содержимым. Если и там мы не найдем ничего, что приведет нас к истине, значит, сам дьявол решил помешать нам. У вас есть отмычки?

Бурдо похлопал себя по карману, издавшему металлический звон.

— Отлично, — произнес Николя. — Значит, мы откроем дверь жилища младшего брата без лишних процедур и не спрашивая разрешения.

— У вас появились веские соображения?

— Еще сколько! Не обижайтесь, Пьер, что я умалчиваю о своих версиях. Я пока сам толком ни в чем не уверен. Стоит только всесторонне осмыслить одну, как другие уже можно выбрасывать в сточную канаву. Все версии надобно держать вместе, тогда ум, не отвлекаясь на каждую в отдельности, сконцентрируется на самых важных фактах и позволит сделать правильные выводы.

— Уверен, сегодня утром вы беседовали с господином де Ноблекуром, — улыбнулся Бурдо. — Вы выражаетесь столь же туманно, как и он.

— От вас ничего не скроешь. Как любит повторять наш дорогой Ноблекур, самое очевидное чаще всего лежит на поверхности.

— Раз вы так заговорили, — со смехом заявил Бурдо, — значит, я делаю вывод, что разгадка близка.

— Еще ближе, чем вы думаете. Даже если вы полагаете, что она находится на расстоянии вытянутой руки.

Улица Кристин, равно как и двор, и дом Дюшампланов, были безлюдны. С верхних этажей доносились голоса ссорившихся жильцов; привратник куда-то делся. Сыщики поспешно поднялись на антресоли; Бурдо быстро вскрыл замок, они открыли дверь и ступили в тесную темную прихожую. Едва они осторожно закрыли за собой дверь, как где-то в глубине раздался треск, а следом торопливые шаги. В полной темноте они бросились вперед, наткнулись на дверь, распахнули ее и очутились в гардеробной; вернувшись назад, они нащупали другую дверь, и та вывела их в смердящее отхожее место. Третья дверь привела их в гостиную; там царил беспорядок, на столе стояли неубранные остатки трапезы и пустые бутылки; бутылки валялись также и на полу. В глубине комнаты, куда падал свет из двух выходящих во двор окон, они заметили еще одну дверь. Бурдо дернул за ручку, но дверь не поддалась. Разозлившись, он попытался высадить ее плечом, но дверь по-прежнему не уступала. Николя указал инспектору на небольшой комод, предложив использовать его вместо тарана. Подтащив комод к двери, они обрушили его на упрямую преграду. От удара дверь разлетелась на кусочки; тотчас прогремел выстрел, и на пол гостиной посыпались осколки мрамора и маркетри. Слетевший с головы Бурдо парик мгновенно оказался утыкан щепками и стал напоминать подушечку для булавок.

— Кажется, я обязан вам жизнью, — с трудом переводя дыхание, вымолвил побледневший инспектор.

— Я всего лишь возвращаю долги, ведь я все еще ваш должник, — с поклоном изрек Николя.

— Но откуда вы знали?

— Интуиция. Мне казалось, что тот, кто скрылся за дверью, должен быть вооружен.

Войдя в маленькую комнату, они увидели закрепленное на стене ружье, курок которого с помощью прочной волосяной веревки, пропущенной через шкив, соединили со створкой двери. Стоило открыть дверь, как раздавался выстрел.

— Где он? — спохватившись, спросил, озираясь, Николя. — В этой комнате нет другого выхода, окна закрыты, он не мог исчезнуть. Осмотрите камин, быть может, это камин а-ля Ришелье^[39].

Достав из кармана складной нож, Бурдо открыл его и принялся исследовать контур очага, но ничего не обнаружил. Тайник оказался под кроватью: люк вел в узкий коридор, завершавшийся небольшой лестницей, упиравшейся в еще одну дверь. За дверью находилась каменная винтовая лестница.

— Похоже на потайной ход Сартин в Шатле, — промолвил Бурдо.

Лестница привела их в погреб с маленькой решетчатой дверью, выходившей в крошечный фруктовый садик; птичка успела благополучно улететь. Сыщики вернулись на антресоли. Внимательно осматривая помещение, Николя почувствовал, как под ногой у него что-то хрустнуло. Наклонившись, он подобрал очки с закопченными стеклами; одно из стекол он раздавил.

— Не стоит искать дальше, — произнес он. — После того как мы потревожили его в Русской гостинице, лорд Эшбьюри, без сомнения, скрывался здесь.

Он стукнул себя кулаком по голове.

— И вы еще смеетесь над Ноблекуром! Разве не очевидно, что самое надежное убежище следовало искать в нескольких шагах от гостиницы? И он нашел его, а мы ничего не заподозрили! Он переиграл нас, переиграл полностью!

И лихорадочно продолжил:

— Кого он принимал? Очевидно, своего сообщника, Эда Дюшамплана, тот, без сомнения, являлся одним из его агентов! Возможно, у нас его труп. Но почему он убил его? Избавился от него, а потом вернулся сюда? Стоит мне только подумать, что он уже далеко, как я готов кусать себе локти!

— Интересно, кто приносил ему еду? — поинтересовался Бурдо.

— Это настоящий виртуоз перевоплощения. Теперь мы знаем, что здесь есть выход, и он пользовался им без всяких помех.

Николя осмотрел гардеробную при входе; там висели плащи и шляпы, стояли башмаки. Взяв одну пару, он протянул ее Бурдо.

— Отложите их в сторону, они могут нам пригодиться.

Не понимая, на что намекает его начальник, Бурдо тем не менее согласно кивнул. Считая шаги, комиссар расхаживал по гардеробной: судя по всему, он пытался что-то измерить.

— Идите сюда, — позвал он Бурдо. — Смотрите, из чего бы ни была сделана несущая стена, разделяющая гардеробную и гостиную, она не может быть такой толщины.

Раздвинув висящую одежду, они увидели украшенную лепниной деревянную перегородку. Одно из лепных украшений выдавалось вперед, из чего комиссар сделал вывод, что, скорее всего, оно и приводит в движение потайной механизм. Начав осторожно вращать лепной выступ, он увидел, как часть перегородки отъехала в сторону, открыв доступ к еще одной

кладовой, забитой женской одеждой; там висели платья, дезабилье, казакины, карако, юбки, шали, кружевные чепцы, корсажи, плащи и целая коллекция париков, при виде которых Сартин наверняка побелел бы от зависти. Парики висели на гвоздях: женские и мужские, с одним и двумя хвостами, с кошельками, с тупеями, с хвостиками, завязанными лентами, парики аллонжевые, а-ля Катоган, а-ля аббат, завитые а-ля «крыло голубя»...

— Напоминает наш чулан со старьем для переодевания, — задумчиво промолвил Бурдо.

В тайнике стояли также женские туфли. Николя сравнил их с отложенными в сторону башмаками: размер совпал. Бурдо расхохотался.

— Черт побери, вы и это предвидели!

— Не совсем, — ответил Николя.

Он и вправду не знал, зачем ему эти башмаки.

В углу валялась скомканная окровавленная мужская рубашка. Николя снова задался вопросом, отчего он до сих пор не сумел отыскать нить, связующую воедино накопившиеся с начала расследования улики: они по-прежнему являют собой полный хаос. Пока он боролся с невеселыми размышлениями, в комнату кто-то вошел. Обернувшись, они увидели перепуганные лица Дюшамплана-старшего и сопровождавшей его супруги, женщины без возраста, бледной, с покрасневшими глазами; она была одета в серое платье, а голову ее прикрывала серая мантилья.

— Могу я спросить, господин комиссар, на каком основании вы вторглись в жилище моего брата? Мы услышали шум выстрела и страшно перепугались.

Стоя в дверях гардеробной, Николя преграждал вход в нее.

— Видели ли вы брата после моего посещения?

— Нет. А что здесь произошло?

Пытаясь разглядеть, что скрывается внутри гардеробной, Дюшамплан-старший попытался отстранить Николя. Бурдо живо погасил свечи.

— Здесь жил посторонний человек, — сурово произнес Николя. — Вы об этом знали?

— Разумеется, нет.

Николя сделал знак Бурдо, тот отошел в сторону и вновь зажег свечи.

— Итак, сей склад ни о чем вам не говорит? Содержимое этой гардеробной, поистине, достойное лавки старьевщика, не пробуждает в вас желание дать объяснения, коих мы от вас ждем?

Скорее обреченно, нежели удивленно, Дюшамплан окинул взором кладовую. Его жена, приблизившись, дрожала и цеплялась за руку мужа.

— Надо им все сказать, — простенала она. — Вы не можете молчать. Вы только хуже сделаете.

— Что сказать? — грозным голосом поинтересовался Николя. — Может, вы скажете, откуда здесь эти дамские тряпки?

— Обноски из гардероба моей жены.

— О, мои комплименты, сударыня, — произнес Николя. — Вы рискуете носить парики а-ля Катоган и избавляетесь от почти новых платьев? Прекрасно понимаю, почему вы выбросили их на свалку! И эти туфли тоже, не так ли?

— Разумеется, сударь.

— В таком случае, сейчас мы кое-что проверим. Сударыня, прошу вас примерить их.

Он протянул госпоже Дюшамплан бальные туфельки без задников, украшенные белыми кружевами.

— Послушайте, господин комиссар, что вы этим хотите сказать?

— Советую вам, сударыня, примерить туфли.

Не зная, куда девать руки, она в нерешительности смотрела на мужа и в конце концов залилась слезами.

— Сударь, — произнесла она, — я не хочу обманывать правосудие. Это не мои туфли, равно как и платье.

— Благодарю вас, сударыня, именно это я и хотел от вас услышать. Хотя с первого взгляда ясно, что они не подходят вам по размеру. Но тогда чьи же они? Кто из ваших родных — младший брат или шурин? — переодевались в женское платье?

— Такое иногда случалось с Эдом, — смущенно проговорил Дюшамплан. — Разумеется, это было крайне легкомысленно с его стороны, но он играл, забавлялся, устраивал себе что-то вроде карнавала или бала-маскарада...

— И часто он переодевался? — поинтересовался Николя.

— Несколько раз в неделю, — с раздражением в голосе ответила жена.

— Увы, — добавил Дюшамплан, — боюсь, как бы мой младший брат не ступил на стезю порока. Он приобрел привычку переодеваться для участия в вечерах, во время которых они столь бурно развлекались... нет, я даже понятия не имею, что они там делали... Но состояние, в котором он возвращался, меня пугало.

— Ваша старшая сестра об этом знала?

— Не так давно она застала Эда в женском платье. Он выдумал какую-то путаную историю, стал уверять, что помогал герцогу де Ла Врийеру укрощать строптивых красавиц, которых поставлял ему наш зять Миссери, служащий у министра дворецким...

— Значит, сестра ваша знала...

На протяжении некоторого времени он обдумывал новый поворот событий. Сестра Луиза от Благовещения сообщает новость герцогине де Ла Врийер, герцогиня устраивает сцену министру... Но как события разворачивались дальше, он пока не мог себе представить.

— Следовало бы заключить в тюрьму вас обоих до окончания расследования, — заявил Николя. — Но я готов поверить вам на слово. Я запрещаю вам покидать дом. Не забывайте, что и днем и ночью за вами будут наблюдать мои люди. А теперь уходите.

Как только супруги удалились, он подобрал окровавленную рубашку и что-то отметил в своей черной записной книжечке.

— Не лучше ли отправить эту парочку в Шатле? — проворчал Бурдо.

— За ними, скорее всего, следят, и не только мы, поэтому я не хочу их спугнуть. Во всяком случае, как мы убедились, обследовав этот дом, не я один предосторожности ради предпочитаю уходить через черный ход!

Поведав Бурдо, каким образом ему нередко приходится покидать дом на улице Монмартр, он спросил:

— Полагаю, посольство Англии находится под наблюдением?

— Постоянно, начиная с заключения мира. Но, возможно, это вошло в привычку и бдительность ослабла.

— Лорд Эшбьюри мог укрыться в посольстве, надо удвоить бдительность. А что у нас с выращиванием ананасов?

— Рабуин шерстит список в Шатле и наводняет город и предместья нашими агентами. Возможно, он уже нашел то, что вы ищете.

— Боюсь, что и в это воскресенье я вам покою не дам. Ваша жена проклянет меня.

— За четверть века она привыкла!

Закрыв дверь тайного хода и заперев ее изнутри, чтобы снаружи никто не смог ею воспользоваться, они наложили печати на входную дверь и отправились в Шатле. Там их уже ждал Рабуин; агент лихорадочно расхаживал из угла в угол.

— Судя по вашему возбужденному виду, поиски увенчались успехом, — сказал Николя, положив на стол окровавленную рубашку.

— Сейчас вы сами убедитесь, — ответил Рабуин, разворачивая бумагу. — Из всех домов, список которых мы составили, мое внимание привлек только один, и вот почему.

— Расскажите нам.

— Во-первых, лицо, проживающее там, числится среди наших клиентов. Имя его не сходит со страниц ежедневных отчетов Марена, тех, что прежде отправляли господину де Сартину, а теперь отсылают господину Ленуару; в этих отчетах содержатся сведения, полученные от инспекторов и осведомителей. Наш клиент упоминается в разделе скандальных галантных походов, и, судя по тому, что о нем пишут, он быстро приближается к той незримой черте, за которой порок протягивает руку преступлению.

— Он нас дразнит! — проговорил Бурдо, поднимая голову; он сидел за столом, устроив на нем локти и опустив на руки голову.

— Итак, чтобы и дальше не тянуть кота за хвост, скажем, что человек, о котором идет речь, давно и хорошо известен в мире порока. Почему?

— Да, почему? В самом деле, Рабуин, ближе к делу! Время поджигает, а ты испытываешь наше терпение, — проговорил с нетерпением Николя.

— Так вот, он является магистром общества либертенов, именуемого «Орденом блаженства». Члены ордена дают клятву делать друг друга счастливыми. Это общество гермафродитов практикует чередование и смешение полов...

— И где они собираются?

— Иногда в особняке Магистра, на Монпарнасе, где, действительно, имеется оранжерея с экзотическими растениями. Иногда в карьерах в Вожираре или же в иных местах, которые нам еще предстоит отыскать.

— Однако, все это более чем странно! А что еще вам известно?

— Во-вторых, в обществе влияние этого любителя юной плоти возрастает с каждым днем, ибо он — это маркиз де Шамбона, женившийся на мадемуазель де Леспинасс-Ланжак, внебрачной дочери герцога де Ла Врийера и «прекрасной Аглаи».

— Черт побери, — выругался Бурдо, — кто бы мог подумать!

— Он заключил этот союз с единственной целью: поправить свои расстроенные дела, — продолжал Рабуин, — но ожидания его не оправдались, и он, откопав кое-какие интересные сведения, стал шантажировать министра. Он намекнул, что ему известно, что в свое время супруг «прекрасной Аглаи», граф Сабатини, был незаконно сослан на острова по приказу министра.

— Не будем терять времени, — проговорил Николя. — Немедленно возьмите особняк маркиза де Шамбона под неусыпное наблюдение. То, что сейчас рассказал нам Рабуин, прекрасно согласуется с сообщениями Ретифа, с полупризнаниями Поветты и результатами нашего обыска на улице Кристин. Бурдо, берите рубашку и без промедления отправляйтесь в особняк Сен-Флорантен. Найдите мне лакея министра и любой ценой выясните у него, принадлежит ли эта рубашка его хозяину. А еще мне нужно как можно скорее получить подробный доклад обо всех перемещениях герцога за последнюю неделю, дабы проверить, может у него быть алиби или нет.

— Нет ничего проще, господин Николя, — отозвался Рабуин. — Не так давно я установил приятельские отношения с кучером министра: в часы простоя он никогда не упускает

возможности пропустить стаканчик. Угостив его напитком покрепче, — потом я вам составлю отчет о расходах, — я сумел вытянуть из него необходимые сведения.

— Рабуин, ты получишь не только вознаграждение, но и премиальные!

— Деспотизм плодит на премии за аморальность, — назидательным тоном произнес Бурдо.

— Однако, господин инспектор, — таким же тоном ответил Николя, — многие люди, коих считают беспринципными, относятся к своей работе в высшей степени добросовестно. Мы слушаем тебя, Рабуин.

— Получается, что его светлость герцог де Ла Врийер вот уже несколько месяцев ночует вне дома.

— Это не ново. Сначала была «прекрасная Аглая», потом ее сменили порочные красавицы, коим несть числа.

— Вполне возможно, — продолжил Рабуин, — ибо по ночам он приказывает везти себя в разные места, потом отпускает карету и исчезает. Слуги заинтригованы, они даже пытались проследить за ним, но безрезультатно. Получается, что на то время, когда были совершены все три убийства, означенный министр не имеет алиби.

— Черт побери, — с тревогой в голосе вскричал Бурдо, — все эти преступления связаны друг с другом! И кто знает, какие еще кошмарные убийства могут произойти, пока мы, наконец, не обратим наше внимание на особняк Сен-Флорантен?

— Вот видите, вы прекрасно понимаете важность полученного вами задания, — заключил Николя. — Так что, дорогой Пьер, во что бы то ни стало надо выяснить, принадлежит ли эта рубашка министру.

Ощущая настоятельную потребность поставить точку в расследовании, Николя остался один в дежурной части и достал свою маленькую черную записную книжку. По мере чтения записей он на отдельном листе делал пометы, надеясь, что, собрав все мысли воедино, он сумеет отыскать разумный и не противоречащий логике путь, ведущий к истине. Исписав лист до конца, он внезапно осознал, что сложившаяся у него в голове картина преступления сознательно внушена ему извне и имеет мало общего с действительностью. Кто-то невидимый властной рукой направлял ход вещей, и он безотчетно подчинился этой власти. Чем больше он перечитывал свои заметки, тем больше отдавал себе отчет, что показания свидетелей относительно смерти Маргариты Пендрон, случившейся в особняке Сен-Флорантен, искажали истину, обманули его проницательность и сбили его с толку. Чтобы докопаться до истины, следовало начать все сначала. Но времени на уговоры свидетелей больше не было, и хотя он всегда был против назначаемых правосудием допросов с пристрастием, которые проводили Сансон и его подручные, он решил, что угрозы применить пытку, без сомнения, хватит, чтобы даже самые упрямые перестали лгать. Зная, что во время допроса с пристрастием многие огульно признавали себя преступниками, он не мог не опасаться, как бы его угрозы не привели к такому же результату. Он стал думать, как наилучшим и наиболее убедительным способом пригрозить свидетелям, дабы те, наконец, сказали правду. Бессмысленно еще раз допрашивать всех. Впрочем, разве можно доставить на допрос с пристрастием герцогиню де Ла Врийер? Надо как следует обдумать, кого можно и кого следует хорошенько припугнуть. Если он имеет дело с постройкой из лжи, искажающей события и порядок их следования, значит, стоит сдвинуть один кирпич, и все здание рухнет. Поразмыслив, он решил, что, согласно вновь избранной стратегии, надобно припугнуть старшую горничную герцогини Эжени Гуэ. Не лишено интереса пригрозить допросом с пристрастием и привратнику Жаку Блену, влюбленному в Маргариту. Немедленно вспомнилась реплика Бурдо: почему рагу из трех кроликов, и почему соус без добавления крови? Наконец, беседа с малышкой Жанеттой Леба позволит узнать больше о жизни Маргариты Пендрон. Николя надеялся, что повторный допрос

ускорит ход событий, и ниточка, вытянутая из канвы преступления, мало-помалу поможет распустить и самое изделие.

Сознавая, что в ближайшие часы он никаких шагов предпринять не может, он решил дать себе передышку: благоразумие подсказывало дожждаться результатов исполнения заданий его помощниками. День подходил к концу, и он ощутил голод. Покинув стены старинной тюремной крепости, он мгновенно окунулся в уличную суету, и вскоре запах, исходивший из котелка с отварными каплунами, начал искушать его. Купив у уличного торговца плошку бульона, где плавали кусочки мяса, он с наслаждением проглотил нехитрое кушанье. Крупинки соли хрустели на зубах. Он закрыл глаза, и в ту же минуту перед ним предстало ослепительно сверкавшее на солнце соляное болото Геранда; таким он запомнил его с детства. Мальчишкой он часто прибежал туда; смочив палец, он собирал на него соляные кристаллы, слизывал и собирал снова... На другой берег он отправился пешком: движение всегда помогало ему освободить ум от накопившихся противоречивых мыслей. Целительная ходьба способствовала умственному опустошению, и он мог заново выстраивать версию, не опасаясь ненужных соображений, сбивающих его с пути истинного.

Он шел долго и незаметно вышел к обсерватории. Он знал, что где-то здесь находится вход в каменоломни. Час был поздний, а посему сторож не выразил желания вести нового посетителя под землю; чтобы пробудить его усердие, комиссару пришлось назвать себя и посулить существенное вознаграждение. Спустившись вниз, Николя увидел перед собой настоящий город; вслед за проводником он двинулся по мрачному лабиринту улиц. Сторож постоянно призывал его к осторожности и просил никуда не отлучаться, ибо риск заблудиться был велик. Закрытые пространства угнетали Николя, и вскоре он начал опасаться, как бы их факелы не погасли и они не остались в полной темноте. С каждым шагом он с изумлением обнаруживал, что по количеству улиц, перекрестков и причудливых площадей подземный город нисколько не уступает надземному. Потолки в подземных галереях то устремлялись вверх, то, напротив, опускались так низко, что приходилось нагибаться. Когда то тут, то там стали появляться сталактиты, разговорчивый сторож сказал, что над головами у них река; однако Николя, всегда неплохо ориентировавшийся в пространстве, в этом усомнился.

Он не раз слышал об опасности, грозившей городу от создавшихся под ним пустот: уже несколько веков город опирался на них и выставлял напоказ извлеченный из них камень. Сейчас он собственными глазами видел подломившиеся под тяжестью потолка колонны, готовые вот-вот обрушиться^[40], и двойные этажи, где на потолок нижнего этажа опирались стойки этажа верхнего.

Вступив в беседу с проводником, он узнал, что в этих местах, особенно во время зимних холодов, находили пристанище беднейшие семьи. Многие из тех, кто обосновался под землей, выходили на поверхность только ночью, ибо раздобывали пропитание далеко не честным путем. Беглецы, дезертиры и прочий сброд устроили в здешних закоулках настоящий двор чудес. Понизив голос, сторож сообщил, что, по слухам, в каменоломнях собираются таинственные общества, совершающие загадочные и нехорошие обряды. Николя попытался выудить у него подробности, но безуспешно.

Выбравшись наверх, он в полной мере оценил опасность, которую таили расположенные под городскими улицами пустые полости; использование подземных галерей с сомнительными целями также не могло не встревожить его. В обоих случаях речь шла о безопасности Парижа, поэтому следовало распорядиться, чтобы королевские инженеры вычислили возможный срок использования каменоломен и составили точный их план, дабы выявить места оседания грунта и установить контроль над беспокойными обитателями подземного города. Разговор со сторожем подтвердил слухи, принесенные Рабуином, и бесповоротно убедил его, что в запутанном переплетении туннелей каменоломни можно скрыться так, что никто и никогда не найдет тебя. И, разумеется, имеются люди, использующие подземные лабиринты для неблаговидных целей.

Господин де Ноблекур сидел в своем любимом кресле и читал Монлюка. Едва Николя вошел в комнату, как Мушетта ринулась к нему и, вскарабкавшись, заняла свое любимое место у него на плечах.

— Я вернулся из ада, — ничего не объясняя, произнес Николя.

— Господин де Сартин прав, — улыбнулся Ноблекур, — вы притягиваете неприятности. Вся улица Монмартр только и обсуждает, что появление дьявола, ворвавшегося на утреннюю мессу в облике упитанного тельца, очумевшего и разъяренного. А ваш подвиг, полагаю, заслуживает того, чтобы его записали на мраморе золотыми буквами, отлив слова в чеканную краткую формулу, которую мы потом попросим Луи перевести на латынь. Что-нибудь вроде: «Здесь Николя Ле Флок победил Минотавра, добавив сие деяние ко многим совершенным им подвигам!»

— Смейтесь, смейтесь, я видел, как вы, словно мальчишка, перепрыгнули через скамейку! Я же, после того, как помог убрать нарушителя спокойствия, добровольно спустился в лабиринт, где пережил весь ужас насильственного заточения!

И он рассказал о своем спуске в каменоломни обсерватории.

— Эти места всегда пользовались дурной славой, — проговорил Ноблекур, — там часто устраивают разного рода зловещие сборища. В свое время регент, герцог Орлеанский, пытался вызывать там демона. Уже тогда это не укладывалось у меня в голове! Как можно в наш век продолжать верить в подобный вздор? Мы продолжаем побивать друг друга словом и пером из-за содержания какой-то буллы и какой-то исповедальной записки, а парламент под восторженные крики буйнопомешанных, исходящих пеной на могиле диакона-мракобеса, отказывается подчиняться верховной власти. Неужели это и есть торжество разума и философии? Нет, равновесие еще не найдено. Возьмите, к примеру, регента, химика, инженера, недурного музыканта и государственного деятеля, отличавшегося изрядным свободомыслием: почему он предавался пороку? Нынче каждый пытается заглянуть за грань познания, стремясь исследовать сомнительные и опасные уголки сада зла. Помяните мое слово, еще до конца нашего века мы увидим плоды этих исследований!

Он заговорил так громко, что пробудившийся Сирюс завыл от страха.

— Вы разбудили Цербера!

На этом тревожный разговор завершился, и вечер продолжился. После легкого ужина друзья завели бесконечный спор о трелях и музыкальных инструментах, коим следует отдавать предпочтение при воспроизведении оных трелей; тем временем на кухне, судя по долетавшим оттуда восхитительным ароматам, Катрина и Марион колдовали над айвовым мармеладом.

XII ОБЪЯСНЕНИЯ

Окажите мне содействие и держитесь неподалеку, ибо я намерен напасть на них.

Монлюк

Понедельник, 10 октября 1774 года

Николя тошнило, однако он не спускал взгляда с рук Сансона. Он не понимал, что вызывает у него большее отвращение — кровавое крошево лица, касавшееся одежды палача, или же ощущение того, что он, наконец, добрался до цели своих поисков. Усталость и нетерпение зажали его с двух сторон, и он не мог понять, кто из них одержит победу.

— Мужчина приблизительно двадцати пяти лет, — объявил Сансон. — Хорошо сложен. Лицо изуродовано выстрелом из оружия малого калибра. На мой взгляд, пистолет, найденный

вами подле трупа, никак не может быть орудием убийства, ибо из него нельзя разнести лицо в клочья.

— При осмотре кузова фиакра, произнес Николая, — обнаружались интересные вещи: угол разлета картечи необычайно широк, свинец разбил даже стекла. Отсюда я делаю вывод...

— Что о самоубийстве речи не идет.

— В таком случае, какое, по-вашему, могли использовать оружие?

— Я бы назвал охотничье ружье. Хотя оно меня и не устраивает. Чтобы пульки разлетелись веером, надо стрелять на расстоянии.

— Следовательно, раскрыть тайну нет никакой возможности.

— Ну почему же! Полагаю, похожий результат может получиться при использовании мушкетона, оружия с расширением в дульной части ствола.

Не обращая внимания на устремленный на него любопытный взор прекратившего свою работу Сансона, Николай принялся размышлять вслух:

— Вот что странно. Когда передо мной предстала эта кровавая картина, меня обуяло двойственное чувство. Я не мог избавиться от ощущения, что вижу перед собой сцену, созданную настолько умелым постановщиком, что при поверхностном осмотре наличие второго участника заподозрить практически невозможно. Мне показалось, что все детали настолько хорошо подогнаны, что вывод мог быть только один: в карете лежит труп человека, совершившего самоубийство, а возле трупа валяется оружие самоубийцы. Однако... однако, кое-какие мелочи сразу привлекли мое внимание: с одной стороны, это разлетевшиеся по кузову пули, а с другой — сам труп. Друг мой...

Это слово растрогало Сансона, и его приятное лицо озарилось радостью.

— Не могли бы вы осмотреть руки и ноги этого трупа и поделиться со мной результатами ваших наблюдений?

Тщательно исследовав конечности, Сансон поднял голову и с сомнением произнес:

— Не знаю, что вы ищете, только я уверен, что, несмотря на богатую одежду, перед нами тело молодого человека из народа. Скорее всего, это поденщик, нежели буржуа. Я бы даже сказал, крестьянин. Руки мозолистые, ногти грязные, в земле, есть царапины от колючек. Ступни широкие, имеют характерные особенности, а именно твердую кожу на пятках; такая кожа обычно образуется от привычки ходить босиком. Ни за руками, ни за ногами он не ухаживал. Вы удовлетворены?

— Вы подтвердили мои сомнения. Нас хотели заставить поверить, что перед нами совсем иной человек! Теперь хотелось бы узнать, зачем нам решили преподнести такую сказку! Заметьте, помимо письма, услужливо сообщившего нам имя трупа, мы ничего не обнаружили в карманах фрака, ни одной безделушки, которые обычно носят с собой. Ничего, ни крошки!

— Ни маленькой черной книжечки? — с улыбкой спросил Сансон.

— Ничего, чисто. Из этого следует, что мы имеем дело с попыткой ввести правосудие в заблуждение. Однако мне кажется совершенно очевидным, причем очевидным даже при всей нелепости подобного предположения, что те, кто эту попытку совершил, хотели, чтобы мы о ней догадались.

Тут в голове у него промелькнула мысль, но он не захотел формулировать ее впопыхах. Возможно, он еще не все увидел, а значит, есть шанс, что появятся недостающие детали, и тогда он сможет доказать свою гипотезу. Быть может... Нет, пока не время. Из несчастных останков вряд ли можно извлечь еще что-нибудь интересное. Все говорило о том, что перед ними лежит труп не Дюшамплана-младшего, а Витри, молодого садовника, нанятого в Бисетре для исполнения обязанностей кучера и посыльного в каких-то темных делах. Витри случайно оказался на козлах фиакра, нанятого Николая для поездки в Попенкур: номер фиакра подтверждал его догадки.

Николя поблагодарил Сансона, и они вместе принялись обдумывать ход допроса, к которому Николя решил подвергнуть некоторых слуг из особняка Сен-Флорантен. Палачу предстояло запугать допрашиваемых одним только видом орудий пыток. Комиссар рассчитывал, что ужас, вызванный подобной выставкой у незнакомых с полицейскими обычаями свидетелей, заставит их отказаться от лживых показаний. Согласно избранному методу, Сансону предстояло парализовать волю свидетелей к сопротивлению, но ни в коем случае не доходить до дела, ибо показания, полученные под пыткой, редко бывали правдивыми.

Со свертком под мышкой вошел Бурдо. Увидев Сансона, он дружески его приветствовал.

— Итак, Пьер, что нового?

— Я посулил всей прислуге в доме министра геенну огненную и в конце концов получил доступ в прачечную, где, порывшись в белье, добыл то, что мы хотели!

Он достал из свертка две рубашки: одну окровавленную, а другую свежевystиранную и отглаженную; обе рубашки были совершенно одинаковые.

— Отлично, так я и думал, — произнес Николя. — Надеюсь, прачка оказалась недурна собой.

Трое друзей рассмеялись, а затем Николя изложил Бурдо результаты вскрытия.

— Ничего не понимаю, — выслушав своего начальника, промолвил инспектор.

— Ничего удивительного, — отозвался Николя. — Но давайте порассуждаем. Предположим, мы ошиблись, и труп, действительно, принадлежит Эду Дюшамплану. В таком случае, — как я уже говорил, весьма маловероятном, — зачем было его убивать? А если перед нами тело кучера фиакра Ансельма Витри, садовника из Попенкура и бывшего жениха Маргариты Пендрон, и если мы примем во внимание оплошности, без сомнения, допущенные специально, значит, с помощью окровавленной рубашки нас хотят убедить в том, что герцог де Ла Врийер вновь замешан в преступлении. А раз его причастность к последнему преступлению доказана, значит, и в остальных случаях он становится главным подозреваемым.

— Как могли предвидеть, что мы станем обыскивать дом на улице Кристин? — поинтересовался Бурдо.

— Проще простого! За кого бы мы ни приняли труп, найденный возле парка Воксхолл, за Дюшамплана или за кого-нибудь иного, письмо, найденное на трупе, непременно привело бы нас на улицу Кристин. Единственно, чего они не могли предусмотреть, так это скорость, с которой мы туда устремились; они полагали, что когда мы прибудем, лорд Эшбьюри уже покинет дом.

— А если за всеми этими событиями все же стоит наш министр? Разве он не найдет способ преподнести нам на тарелочке причины, на основании которых ему нельзя предъявить искомое обвинение? Он вполне мог состоять в сговоре с Эдом Дюшампланом, ибо они посещали одни и те же злачные места, а его дворецкий выступал в роли посредника. В таком случае, все совпадает с рассказом Дюшамплана-старшего.

— Перестанем рассуждать, — промолвил Николя, — и начнем придерживаться фактов. У нас есть труп, который убийца хотел выдать за труп самоубийцы. В жилище предполагаемой жертвы мы нашли окровавленную рубашку. Кого эта улика обвиняет? Герцога де Ла Врийера.

Николя зашагал по комнате.

— Скорее всего, это еще не конец, — продолжил он. — Эпилог еще не готов. Запал не поднесли к фитилю. Если представить себе, что эта рубашка связана с трупом из Воксхолла, убийственная постановка начинает выглядеть еще ужаснее и вновь указывает на герцога как на предполагаемого виновника преступления.

— И что вы теперь намерены делать?

— Я дал указания нашему другу Сансону.

— Я все подготовлю так, как вы сказали, с возможно большей наглядностью.

— И вы, Николя, тоже ступили на эту дорожку! — скривившись, неодобрительно произнес Бурдо.

— Приходится. Однако это не более чем игра. Театр теней.

— Полагаю, вы понимаете, что в таком случае признание является всего лишь средством избежать боли.

— Мне не нужны признания, мне нужны сведения, все еще скрытые от правосудия. Я вынужден прибегнуть к этому способу, презрев существующие правила, ибо те, кого я намерен вызвать, не являются обвиняемыми. Надо всего лишь захватить их врасплох и путем устрашения и угроз заставить выдать свои секреты, которых, по моему твердому убеждению, у них по-прежнему немало!

— Следовательно, их придется арестовать, — заметил Бурдо.

— Вы, не вдаваясь в объяснения, пригласите их проследовать за вами в Шатле для беседы с комиссаром Ле Флоком.

Николя вырвал листок из записной книжки, набросал на нем несколько строк и протянул листок Бурдо. Покачив головой, инспектор молча вышел. Словно Вулкан в кузнице, Сансон стоял у очага и ворошил угли. Николя поднялся в дежурную часть и с карандашом в руках принялся перечитывать свои заметки.

Через час появился Бурдо; щеки его пылали.

— Похоже, вы чем-то изрядно раздосадованы, — произнес Николя.

— Мне пришлось сражаться с драконом в юбке, коего приличия велят мне называть герцогиней де Ла Врийер. Она билась, словно разъяренная львица, желая воспрепятствовать произведению указанных вами задержаний. И, как все женщины, в конце концов прибегла к последнему средству: разыграла приступ недомогания. Я этим воспользовался и удрал, оставив ее в обществе хлопочущих горничных.

— Отлично, — потер руки Николя. — Она быстро придет в себя. Теперь нам придется сыграть сразу несколько спектаклей. Велите проводить этих людей в коридор, а сами возвращайтесь и неплотно прикройте за собой дверь. Мы с вами начнем произносить речь, которая, надеюсь, убедит их не сопротивляться более и рассказать всю правду.

Исполнив распоряжения Николя, Бурдо вернулся в дежурную часть.

— Каковы ваши намерения, господин комиссар? — громко спросил он.

— Приготовьтесь отвести свидетелей в подвал для допроса с пристрастием. Я сказал свидетелей, хотя следовало бы сказать подозреваемых. Полагаю, палач и его помощники на месте?

— Они ждут дальнейших приказаний.

— Начнем с предварительного допроса.

— Чрезвычайного?

— Нет. Обычного. Надеюсь, этого хватит.

— Вы правы. Пять или шесть оловянных чайников. Когда обвиняемого укладывают на доску и вливают ему пять-шесть чайников воды в глотку, у него обычно развязывается язык.

Они расхохотались.

— Что еще?

— Испанский сапог, разумеется. Надобно проследить, чтобы ноги как следует зажали между досок и забили клинья на уровне коленного и голеностопного суставов. Деревянные клинья женщинам и железные мужчинам. Да, и пусть забивают клинья колотушками. Надеюсь,

мы полностью используем дозволенное число клиньев, а именно двенадцать. Собственно, вот и все. Прикажите отвести их в подвал, я скоро туда приду.

Двигаясь следом за Бурдо по мрачной галерее, Николя увидел группу людей, окруженных тюремными стражниками. Свидетели сидели на каменной скамье, расположенной напротив комнаты для пыток. Из-за двери этой комнаты доносились жуткие скрежещающие звуки, периодически прерываемые пронзительными воплями: все в соответствии с инструкциями Николя. Комиссар решил начать с Эжени Гуэ, старшей горничной госпожи де Ла Врийер, надеясь, что грозная обстановка быстро заставит ее говорить правду. Но когда она вошла, он понял, что надежды его не оправдались: горничная держалась надменно, не проявляя никаких эмоций. Приглядевшись, он пришел к выводу, что если в их первую встречу на щеках девицы играл живой румянец, а кожа сверкала белизной, то сейчас лицо ее словно пожухло, а на щеках выступили красные пятна. Тем не менее она вызывающе смотрела на него. В зале с готическими сводами распоряжался человек в зеленом; подручные суеились, исполняя его распоряжения. Бурдо, с пером в руке, стоял за конторкой, готовый вести протокол допроса.

— Вас привели сюда, — монотонным голосом начал Николя, — в качестве свидетеля и подозреваемого по делу об убийстве, совершенном в особняке Сен-Флорантен 2 октября 1774 года. Орудия правосудия, которые вы здесь видите, должны побудить вас ответить на мои вопросы с полной откровенностью, и я, как магистрат, надеюсь, что вы поступите именно так и не заставите нас применить к вам предписываемые процедуры, влекущие за собой крайне неприятные последствия.

Похоже, его речь не впечатлила молодую женщину, хотя, сама того не замечая, она сжала левую руку в кулак; эту деталь, подмеченную еще при первом допросе, Николя занес в черную записную книжечку.

— Мэтр Сансон, попросите ваших помощников занять свои места.

Подручные палача перестали сновать с места на место, и под высокими сводами воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием углей в жаровне.

— Начнем, — произнес Николя. — Вы были любовницей Жана Миссери, по крайней мере до тех пор, пока у него не вспыхнула страсть к жертве?

Горничная молчала, уставившись в пол.

— Должен ли я расценивать ваше молчание как признание?

Она подняла голову.

— Я предпочитаю сказать правду. Да, Жан был моим любовником. Он обещал на мне жениться.

— Действительно, герцогиня де Ла Врийер рассказала об этом одной из своих подруг, а та сообщила мне, — не моргнув глазом, солгал Николя, вызвав восхищение Бурдо.

Горничная в отчаянии откинула голову и замотала ей, словно загнанное в ловушку животное.

— Следовательно, вы подтверждаете этот факт. Нам также известно, что сей домашний донжуан испытывал затруднения при удовлетворении своей новой юной подруги и далеко не всегда был в состоянии...

— Для меня он был хорош всегда! — в ярости воскликнула женщина.

— Я вам верю, с вами у него всегда все было хорошо. Но представьте себе, что кто-то угощает несчастного успокоительным отваром, точнее, отваром, способным отправить почивать его копые. Не был ли сей отвар, используемый госпожой де Ла Врийер в качестве снотворного, коим она дама нередко злоупотребляет, подарком от брошенной и ревливой возлюбленной, пожелавшей успокоить и погасить пыл, теперь предназначенный для другой?

Она молчала.

— Что ж, почему бы и нет; представим себе, что бедняга стал его употреблять, а потом, чтобы справиться с новым недугом, принялся использовать другие вспомогательные средства, более эффективные. Что делать? Удвоить дозу отвара, чтобы, наконец, дворецкий перестал устраивать новую любовницу вовсе. Предлагаю вам самой все рассказать, иначе я немедленно передам вас в руки палача, и тот, обещаю вам, любым способом вырвет у вас правду. Я обвиняю вас в том, что вы знали, что в тот вечер Маргарита Пендрон находилась в кухне. К кому на свидание она шла?

Вместо ответа горничная снова принялась раскачивать головой в разные стороны. Неожиданно послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и на пороге, в перекошенном галстуке и с багровым от ярости лицом появился Ленуар.

— Сударь, я приказываю вам прекратить этот незаконный допрос, противоречащий всем правилам ведения судопроизводства, нарушать которые, пока моя должность что-нибудь значит, я не позволю никому. Немедленно освободите эту несчастную женщину, равно как и всех прочих свидетелей, ожидающих за дверью. Они доставлены сюда в нарушение закона!

Николя сделал знак Бурдо, и тот, подхватив под руку Гуэ, увлек ее вместе с Сансоном и его подручными в коридор. Начальник полиции сурово смотрел на Николя.

— Итак, господин комиссар, значит, вы решили провести незаконный допрос, не только не поставив в известность и не получив согласия судьи по уголовным делам, но даже — я едва осмеливаюсь произнести эти слова — даже не поставив в известность меня! Господин Тестар дю Ли говорил мне, что натерпелся от ваших своевольных и дерзких выходов! Как прикажете расценивать ваше поведение, нарушающее все принципы и оскорбляющее величие законов? Молчите?

Николя чувствовал, как в нем нарастает раздражение, требовавшее немедленного выхода. Столь скорое появление Ленуара доказывало, что завистников у него гораздо больше, чем друзей, и они обладают значительным влиянием. Или же — хотя в это он не мог поверить — герцогиня де Ла Врийер пустила в ход свои связи. Или герцог... Впрочем, разницы никакой.

— Сударь, — ответил он, — я нахожусь здесь по приказу министра, который совершенно недвусмысленно поручил мне настоящее расследование. В ту минуту, когда вы столь бурно вторглись в этот зал и прервали допрос, я как раз начал выслушивать показания, необходимые для понимания дела, участники которого, равно как и подозреваемые, вам абсолютно неизвестны. А дело требуется раскрыть как можно скорее!

— Однако ваша наглость превосходит все границы! Что вы такое говорите? Может, вы еще станете утверждать, что это я виноват, что не знаю, в какой стадии находится расследование?

— Виноваты те, кто препятствует королевскому правосудию и его служителям. Сколько, по-вашему, у меня было времени для разбора дела, где имеется уже три трупа, два из которых принадлежат молодым девушкам, а один девочке, почти ребенку? Для расследования, где переплелись интересы государства, тайных обществ, погрязших в пороках сильных мира сего и могущественной иностранной державы? Не выходя из кабинета, не зная толком, о чем идет речь, вы даете инструкции подчиненному, который, в отличие от вас, досконально знает все подробности дела и понимает, в чем состоит сложность обнаружения преступника. Если ему поручено это дело, значит, надо положиться на него, а не препятствовать ему из-за побочных соображений, возникающих в силу постоянно меняющихся обстоятельств, и не стараться сделать все, чтобы провалить расследование.

— Сударь!

Но Николя уже не мог остановиться.

— Во время своих поисков я сам едва не стал жертвой покушения, и спастись мне удалось только чудом, — продолжал он. — Как, по-вашему, я могу оценивать ваше появление здесь? И как вы, не зная, каким образом разворачиваются события, можете обвинять меня в том, что я

нарушаю закон, коему я служу вот уже четырнадцать лет под руководством покойного короля и вашего предшественника Сартина?

— Я прошу вас снизить тон и оставить в покое мертвых и отсутствующих, — сухо произнес Ленуар. — Вы мелете вздор! Разве я мог себе представить, что при нашем снисходительном короле и моем руководстве парижской полицией кто-то, не уведомив органы правосудия, дерзнул уполномочить себя использовать средства, о которых каждому известно, что с их помощью получают признания, не доказывающие ровным счетом ничего?

— А вы сначала спросите, прежде чем обвинять, сначала выслушайте! Если я и привел в движение громоздкий аппарат устрашения, то именно для того, чтобы не пришлось им воспользоваться. Я хотел, чтобы, увидев эти страшные орудия, свидетели отказались от ложных показаний и прекратили лгать. Мой метод заключался в том, чтобы извлечь из глубин напуганного сознания прошлое и будущее, нечаянно сорвавшийся с уст намек, едва слышное признание, слово, которое опасались произнести ранее. Собственно, изложив вам свой подход, сударь, позвольте мне сказать, что ваш демарш несколько меня не удивляет, ибо он исходит от человека, который, несмотря на мою преданную службу общему делу, с самого начала отнесся ко мне с исключительной неприязнью и надменностью.

Он чувствовал, что в последних словах он, пожалуй, несколько преувеличил, однако нарыв необходимо было вскрыть, иначе между ними никогда не установится необходимое доверие, и он перестанет уважать самого себя.

— Вы забываетесь, сударь, — произнес Ленуар, и его широкое лицо из багрового сделалось пурпурным.

— Я говорю как есть. Если хотите, можете отстранить меня от расследования. Если угодно, можете потребовать моего увольнения из полиции. Если желаете скрыть правду и оставить дело нераскрытым, продолжайте препятствовать работе ваших следователей. Мне, в сущности, все равно, ибо под сомнение поставлена моя преданность делу. Когда я увижу его величество, надеявшегося, что я разгадаю эту загадку, и он спросит меня, как идет расследование, я скажу ему без обиняков, что, согласно приказу начальника его полиции, он больше не может рассчитывать на своего следователя по особо важным поручениям. Занавес опущен, господин Ле Флок. Маркиз де Ранрей отправляется охотиться на оленей в Фонтенбло. Я вас приветствую. Ваш слуга.

Николя рванулся к двери, но Ленуар преградил ему путь.

— Сударь, почему вы раньше не поговорили со мной начистоту?

Разгневанный и исполненный решимости, Николя не ответил.

— Я упрекаю себя за то, что явился вам в образе начальника, который вас недооценивает, — продолжал Ленуар. — Дела, которые вам пришлось расследовать за годы вашей службы, носили столь запутанный характер, что во мне безотчетно нарастало чувство недоверия. Боясь ошибиться, я невольно оскорбил вас и раскаиваюсь в этом. Но и вы тоже поймите мой гнев, когда я, не имея толком никаких сведений о ходе расследования, неожиданно узнаю о применении допроса с пристрастием. Недобросовестные осведомители ввели меня в заблуждение, и я об этом сожалею. Вы честный человек, иначе как вы могли со мной так разговаривать? С таким достоинством... Скажите, а вам случалось говорить в столь резком тоне с моим предшественником?

— Если честно, — ответил Николя, чей гнев мгновенно утих, — то однажды я сообщил господину де Сартину о своей отставке. Это случилось в самом начале моей работы в полиции, когда Сартин посчитал возможным сделать из меня игрушку в одной сложной и запутанной интриге. Тогда ему пришлось выслушать немало резких слов.

— И как же он на них ответил?

— У начальников полиции, вчерашних и сегодняшних, много общего: он, как и вы, раскаялся, на что я ответил ему так же, как отвечаю вам: я тронут вашими словами и готов служить вам по-прежнему. Однако, сударь, время не ждет. Садитесь возле жаровни: в подземельях Шатле можно продрогнуть до костей. Сейчас я посвящу вас в подробности расследования.

Николя говорил долго. Сидя во мраке, освещаемом только пляшущими язычками синеватого пламени, Ленуар слушал, то и дело вскидывая голову от изумления. Прежде чем встать, он задал несколько вопросов, а потом задумчиво сказал:

— Сударь, боюсь, я окончательно испортил продуманную вами мизансцену. Дважды поймать птичку в одну и ту же ловушку вам не удастся. Это дело может иметь такие необратимые последствия, кои мы даже вообразить себе не можем. Знаете ли вы, что господин де Шамбона, давно уже находящийся в сфере моего особого внимания, имеет весьма и весьма высокопоставленных друзей? Герцоги де Виллар и де Буйон, граф де Ноайль и прочие знатные особы действуют к вящей его выгоде... Будьте осторожны, у этого человека под рукой всегда есть наемные убийцы, готовые по его приказу заставить замолчать излишне говорливых. Если ваши предположения обоснованы и вы стали мишенью наших английских недругов...

Помолчав, он продолжил:

— Сударь, я счастлив, что сегодняшнее недоразумение рассеяло недоверие, возникшее между нами совершенно неоправданно, ибо я, так же как и вы, служу королю. Мы должны быть признательны этому порыву, позволившему развеять ложные впечатления, создавшиеся у нас обоих. Отныне вы пользуетесь безграничным и полным доверием начальника полиции, и этот начальник просит вас относиться к нему так же, как вы относились к господину де Сартину.

Улыбнувшись, Николя поклонился.

— Надеюсь, вы не станете укорять меня, если я скажу, что свое место подле вас я по-прежнему и не мыслил. Положение, занятое мною, действительно особенное, оно явилось результатом долгих лет личного общения с покойным королем, унаследованного мною титула и тех неординарных дел, в расследовании которых мне довелось участвовать. По правде говоря, я хотел бы вновь стать орудием королевской службы, которую вы возглавили, ибо первейшим своим долгом почитаю служение королю.

— Что вы намерены теперь делать?

— Продолжать слежку и, в зависимости от результатов, отыскать виновных.

— Верите ли вы, что герцог де Ла Врийер причастен к этой цепочке преступлений?

— Я ничему не верю, сударь, но понимаю вашу естественную тревогу по поводу министра. Я не стану ничего предпринимать для выдвижения обвинения против лица, стоящего так близко к трону; если же возникнет таковая необходимость, я доложу вам об этом по всей форме, а решение, без сомнения, примет сам король. Благоразумие подсказывает, что в этом случае судебное разбирательство не должно быть публичным, а нам придется принимать меры, дабы не позволить запятнать честь государства.

— Господин комиссар, должен сказать вам, что я полностью удовлетворен вашей работой. Вы упомянули его величество...

— Осведомленный об обстоятельствах дела, король надеется на скорое и успешное его завершение. Равно как и нынешний министр морского флота: присутствие английского шпиона, покушение на меня, хотя в принципе не исключено, что целью нападавшего был сам министр, все это...

— Довольно, довольно. Вы все правильно сделали, не будем больше к этому возвращаться. До скорой встречи, дорогой комиссар.

Ленуар удалился; лицо его вновь приняло приветливое выражение. Николя глубоко вздохнул. У него словно гора свалилась с плеч. Его гнев, прорвавшийся с невиданной доселе

силой, высветил мрачные стороны субординации, соблюдение которой шло на пользу делу только при обоюдном доверии. В противном случае субординация превращалась в очередную придворную условность. Отныне он надеялся, что хотя бы с одной стороны он может рассчитывать на защиту. Тем не менее последствия неожиданного вторжения генерал-лейтенанта не сулили ничего хорошего. Теперь самые изворотливые свидетели — а горничная Гуэ явно принадлежала к таковым — замкнутся, словно устрица в раковине. Он позвал Бурдо. На лице помощника читалась насмешка, но в глазах притаилась тревога.

— Мимо меня прошествовал господин Ленуар; пурпурный цвет его лица не смог скрыть его благостного выражения. Какая муха вас укусила, превратив вас в чудовище, рыкающее и изрыгающее хулы?

— Не преувеличивайте, — усмехнулся Николя, — мы просто обменялись парой слов, а я немного повысил голос.

— Разумеется... до звуков труб Страшного суда!

— Я ни разу не перешагнул черту, отделяющую подчиненного известного ранга от вышестоящего начальника, являющегося таким же магистратом, как и я.

— Вы уверены?

— Мои слова были поняты правильно, и у меня есть все основания полагать, что теперь задача наша упростится. Проявления искренности становятся хорошим тоном... Впрочем, вы сами все понимаете, Пьер. В таких случаях всегда есть риск столкнуться с неравным по весу противником: глиняный горшок против медного котла. В жизни каждому случается оказаться в таком положении, когда неуверенность становится признаком субординации. И если в эту решающую минуту уверенность покинет вас, вы уже никогда не сумеете ее обрести и не сможете никого ни в чем убедить. Мы пребывали на распутье. Сейчас тучи рассеялись, однако они успели разогнать участников нашей постановки и подмочить наш допрос.

— Горничная Гуэ поторопилась убраться восвояси, а привратник бросился провожать ее, — промолвил Бурдо. — Чтобы не разъярить еще больше господина Ленуара, я не стал им препятствовать. Только малышка Жанетта не отважилась сдвинуться с места; она до сих пор дрожит и рыдает в коридоре.

— Давайте ее сюда. Как знать, может, именно она нам и поможет.

В комнату вошла заплаканная девушка; от долгих слез личико ее сморщилось. Девушка дрожала и растерянно озиралась по сторонам. Николя ласково взял ее за руку и усадил на скамеечку.

— Итак, Жанетта, ты решила не следовать примеру других? Ты храбрая девушка, и будь уверена, мы ничего против тебя не имеем. Мы просто хотели, чтобы ты уточнила нам кое-какие подробности.

Она все еще всхлипывала, отчего по телу ее то и дело пробегала дрожь. Кудрявые волосы, намокшие от пота, прилипли ко лбу, и память мгновенно перенесла Николя в лес Фосс Репоз, где он впервые увидел Эме д'Арране: по лицу девушки сбегали крупные капли проливного дождя. Быстро справившись со своими чувствами, он вытащил носовой платок и вытер служанке нос, словно перед ним сидел маленький ребенок.

Этот неожиданный и очень естественный поступок разрядил обстановку, и девушка даже попыталась улыбнуться.

— Ну вот, ты и улыбнулась. Послушай, я вот о чем хочу тебя спросить. Ты ничего не знаешь, ты спала, никого не видела и ничего не слышала. Согласен, я тебе верю. Но вспомни, ведь ты дружила с Маргаритой, и она тебе что-то говорила, а ты хотела рассказать мне об этом, но тебе неожиданно стало плохо, не так ли?

Опустив голову, она уставилась в пол.

— В тот вечер твоя подруга отправилась на свидание. Разумеется, с возлюбленным. Она наверняка рассказывала тебе о нем. Она же доверяла тебе!

С невидящим взором девушка принялась раскачиваться справа налево. Николя хлопнул в ладоши. Она резко остановилась, встрепенулась, и лицо ее приняло осмысленное выражение.

— Успокойся. Скажи мне только: Маргарита говорила тебе, что идет на свидание?

Прежде чем ответить, она долго смотрела на него.

— Конечно, говорила, а еще говорила, что ей не хочется идти, но не пойти она не может.

— Вот видишь! А она шла на свидание к своему юному любовнику? К тому, кого ты называешь Ад?

— Да нет же! К старому, к дворецкому!

Она отвечала вполне уверенно.

— А ты точно помнишь? Ты слышала, что он назначил ей свидание?

— Нет, разумеется. Я видела записку. Она должна была встретиться с ним вечером в кухне.

— Значит, ты читала эту записку?

— Нет, я еще не умею читать. Я видела письмо.

— Понятно. Тогда скажи, как выглядели буквы?

— Как палочки, я пока только такие различаю. Слова были написаны на клочке старой бумаги, в которую заворачивают свечи.

— А Маргарита сохранила эту бумажку?

— Нет, она не захотела. Она разорвала ее на мелкие кусочки и выбросила их в окно.

— Спасибо тебе за помощь. Может, ты хочешь еще что-нибудь сообщить?

— Нет, сударь.

— Тогда можешь возвращаться. Хочешь, тебя отвезут в фиакре?

— Нет, мне будет неловко. Я лучше пойду пешком по улице Сент-Оноре.

— Как угодно. Только никому не говори о нашей беседе, ведь речь идет о твоей безопасности. Не забывай об этом.

Идя к двери, она беспрестанно оборачивалась, словно опасаясь, что ее могут вернуть.

— Похоже, нам все же удалось продвинуться.

— Вы отлично поохотились, — произнес Бурдо. — Первая горничная и начальник полиции. Однако не знал, что вы намерены требовать величать вас маркизом.

Николя улыбнулся.

— Это всего лишь *ad usum Delphini*, мой ораторский прием. Полагаю, господин Ленуар питает определенный пиетет к титулам. Возвращаясь к нашему делу, подведем итоги. Без сомнения, тело, найденное в фиакре, не принадлежит Эду Дюшамплану. Сей господин самоубийства не совершал. Есть основания утверждать, что в фиакре убит садовник Витри, бывший жених девицы Пендрон.

— Эти сведения не продвигают нас по пути решения загадки.

— Круг поисков сужается. Что нам удалось узнать о ночном времяпрепровождении герцога де Ла Врийера, и куда могут завести его эскапады? Каковы результаты наблюдения за особняком маркиза де Шамбона? Ответив на эти вопросы, мы ухватим нужную нам нить. И где сейчас вторая девушка из Брюсселя?

Бурдо озадаченно воззрился на Николя.

— Ох, боюсь, я забыл рассказать вам об этой истории, — продолжил Николя, заметив выражение лица инспектора. — Одежда и внешний вид трупа, обнаруженного среди trebuхи

на острове Лебедей, напомнили мне о поручении господина Ленуара, попросившего меня разыскать бежавших в Париж двух девушек, жительниц Брюсселя. Жертва — одна из этих девушек, и, подозреваю, сестру ее ждет та же участь. Но если она попадет в те же самые руки, у нас есть шанс ее спасти. Но это вопрос времени. В нашей беседе Ленуар подтвердил, что у маркиза де Шамбона могущественные покровители, а потому устроить обыск у него в доме нам не удастся. Все же я полагаю, что он предпринял кое-какие предосторожности, и его Капуанские вечера^[41]отныне проходят в местах уединенных и защищенных.

— Полностью с вами согласен. Но получается, сейчас мы зависим от агентов и осведомителей, на коих опирается наша полиция.

— Надо ждать, когда что-нибудь, наконец, проявится. И тогда, верный Иолай^[42], мы пустимся в погоню за гидрой.

— Многоголовой гидрой.

— Вот именно. А я тем временем пойду прямо к министру, дабы самому во всем разобраться.

— Не слишком ли это опасно?

— Я ничем не рискую. Ему, разумеется, известно о моих подозрениях. Мои расспросы в Версале о его серебряной руке не оставили на этот счет никаких сомнений. Он также знает, что мы пока ни в чем не уверены. Если он виновен, мои прямые вопросы вынудят его к крайним действиям; а если он невиновен, он должен помочь нам доказать, что он к этим убийствам не причастен.

Вдыхая полной грудью, Николя вышел из Шатле. С плеч свалился груз, тяготивший его с самой смерти Людовика XV: наконец-то он избавился от ощущения неловкости и печали, пробуждавших в нем чувство вины за ошибку, которую он не совершал. Резко ответить Ленуару его побудило горькое чувство, порожденное оскорбившим его до глубины души пренебрежительным отношением к его преданности и его доверию. Но, похоже, генерал-лейтенант понял его страдания и потому сдержанно воспринял его слова, степень невоздержанности которых Николя прекрасно сознавал. Реабилитировав в собственных глазах человека, всегда крайне неохотно оказывавшего ему скупые знаки уважения, он очень надеялся, что не ошибся: связанный узами верности и преданности со своим прошлым начальником, он мечтал, чтобы отношения с новым начальником у него установились такие же, как и с прежним.

Ноги сами привели его на берег реки, и он решил не противиться бессознательному чувству. С просветленным умом, он цепким взором смотрел вдаль, наслаждаясь картиной большого города, где ключом била жизнь. На набережной Межиссери он заметил вербовщиков, окруживших нескольких молодых зевак, готовых поддаться на их уговоры, и вспомнил о Наганде. Девицы, обслуживавшие солдат в кордегардии, игра, выпивка и пирушки служили теми приманками, на которые клевали деревенские простаки. Индейца мик-мака вербовщики тоже едва не охмурили, его спасла только бдительность полиции. Где-то сейчас его далекий индейский друг? Наверняка он усердно исполняет миссию, которую он сам на себя возложил, иначе говоря, он по-прежнему служит королю своей неблагодарной родины. Поодаль старуха развела огонь под жаровней, и скоро оттуда потянуло дымом. Учувя запах горелого, он догадался, что вместо хорошего масла или топленого свиного сала она жарит оладьи на каретной смазке, которую наверняка таскает у кучеров, смазывающих этой мазью оси колес. Кривоногий поденщик, коренастый и черноволосый, с аппетитом уплетал раскаленное, только что снятое со сковородки и не успевшее прожариться лакомство. Перед колоннадой Лувра старьевщики вывесили свой товар; развешанные на веревках костюмы раскачивались на ветру, словно иссохшие трупы висельников. Время от времени полиция разгоняла здешнее общество, состоявшее большей частью из безденежной человеческой мелюзги; тут торговали одеждой,

снятой с чахоточных больных, то есть вместо того, чтобы, согласно предписанию, сжечь лохмотья мертвецов, их продавали живым, заражая их страшной болезнью.

Подойдя к парадному входу в особняк Сен-Флорантен, Николя назвал себя. На широкой лестнице он встретил герцогиню де Ла Врийер и приветствовал ее, но та в ответ бросила на него взгляд, исполненный ужаса. Судя по покрасневшим глазам, она долго плакала, а потом собралась выйти: на ней был просторный серый плащ на черной подкладке, а на голове высокий серый чепец. Медленно поднимаясь по ступенькам, Николя неожиданно услышал за спиной шепот. Обернувшись, он увидел, что герцогиня остановилась и жалобно смотрит на него своими заплаканными глазами.

— Господин маркиз...

«Еще одна!» — подумал он. Все женщины почему-то считали, что снискать его расположение будет проще, если обращаться к нему согласно его титулу. Впрочем, разве он сам не выдвинул сегодня свой титул в качестве аргумента для Ленуара?

— Моя кузина Морепса сказала, что относится к вам с большим уважением, — продолжала герцогиня. — Могу ли я обратиться к вам с просьбой?

— Сударыня, я ваш слуга.

— Помогите герцогу. Меня он не слушает. Впрочем, он меня никогда не слушал.

— Сударыня, помогая мне, вы поможете ему. Я убежден, что вы знаете об этом деле гораздо больше, нежели согласились рассказать мне.

Она теребила завязки чепца.

— Я не могу вам ничего сказать. Он ничего не делал, кроме...

— Не делал чего? Сударыня, заклинаю вас.

— Спасите его, сударь.

Она отвернулась и даже не сбежала, а слетела по ступенькам.

Что ж, подумал Николя, таким образом, она невольно подтвердила правильность его решения во что бы то ни стало поговорить с министром. Не скрыв своего удивления неожиданным вторжением, лакей поначалу отказался доложить о приходе комиссара, ссылаясь на приказ министра не беспокоить его. Но Николя уверенным движением отодвинул лакея и прошел мимо. Миновав галерею и подойдя к кабинету, где его впервые ознакомили с обстоятельствами дела, он тихонько постучал в дверь и, не услышав ответа, вошел. В коротких, до колен, штанах и в рубашке без галстука Ла Врийер сидел в кресле возле камина; он кутался в толстую пеструю шаль, прижимая к груди ее концы. Парик валялся рядом, и в отблесках пламени лысый череп герцога блестел, словно отполированный. Герцог выглядел жалким и больным; похоже, у него случился полный упадок сил. Прежде Николя видел этого человека исключительно бодрым и энергичным, и сейчас он почувствовал к нему сострадание.

— Как это, как это? — возмутился герцог. — Кто посмел меня беспокоить, кто разрешил вам войти сюда?

Он явно не узнал Николя. Комиссар склонился к нему.

— Дело очень срочное. То, что я хочу вам сказать, не терпит отлагательств.

— Я устал.

Не обращая внимания на его слова, Николя быстро обрисовал полную картину расследования, не пропустив ни единой детали, включая многочисленные улики против герцога, изложил имевшиеся у него версии и назвал оставшиеся без ответа вопросы. Из осторожности он умолчал только о мерах, предпринятых им для обнаружения подстрекателя преступления. Он попытался убедить герцога, что трое жертв расстались с жизнью только потому, что свидетели напустили туману в свои показания, а в заключение напомнил, что молодой король ждет не только завершения дела, но и полный отчет о проведенном

расследовании. Подчеркнув, что дело затрагивает интересы государства, Николя напомнил, как встревожился сам герцог, узнав, что шпион иностранной державы оказался причастным к уголовному делу, в связи с которым упоминается столько прославленных имен.

Его собеседник, казавшийся все более и более удрученным, окончательно поник головой, и подбородок его уперся в грудь. С большим усилием ему удалось взять себя в руки.

— Увы, увы! — вздохнул он. — Я не могу, да и не хочу ничего вам сказать. Покойный король любил вас и полностью вам доверял. Если бы у меня был секрет, я бы, конечно, доверил его только вам, ибо давно знаю и уважаю вас. Но сами-то вы, служа мне столько лет, как вы могли поверить гнусным клеветникам и клюнуть на удочку их кровавых махинаций? Я не претендую на образ жизни святого, но неужели вы могли подумать, что это я совершил все эти жуткие убийства? Клянусь вам, я не причастен к этим кошмарам. Надеюсь, вы мне верите? Николя Ле Флок, покойный король считал вас самым искренним из всех своих слуг. Да, точно, точно... Скажите, вы мне верите?

— Сударь, вам достаточно сообщить мне только одну вещь. Где находились вы в те часы, когда были убиты все четыре жертвы? Вопрос очень простой, и вам достаточно одного слова, чтобы дать на него ответ.

Министр повернулся к нему лицом, и Николя с изумлением увидел, как из глаз у него текут слезы.

— Этого я вам не скажу. Даже если меня обвинят в сотне преступлений, я буду молчать! Вот господин де Шамбона... Ничто не заставит меня рассказать о том, что я намерен оставить при себе.

И он тяжело вздохнул.

— Это то единственное, чем я дорожу наравне с моей верностью покойному королю... А сейчас оставьте меня.

В задумчивости Николя удалился.

Портшез доставил его в Шатле. В ожидании он привел в порядок свои записи, стремясь не пропустить ни одной важной детали, каковых за время расследования накопилось немало. Мелочей оказалось столько, что вскоре мысль его застопорилась под тяжестью рухнувших на нее подробностей. В урочный час молчаливый и предупредительный папаша Мари пригласил комиссара разделить с ним трапезу, состоявшую из аппетитного рагу из вымени, любимого простонародьем за его дешевизну. Кисленькое винцо с виноградников из предместий Парижа, припасенное папашей Мари, приятно удивило Николя: оно нисколько не отдавало уксусом. В конце трапезы Николя, уронив голову на руки, уснул прямо за столом: сказала усталость, накопившаяся за прошедшую неделю, насыщенную волнениями, хождениями и поисками.

Явившиеся в пять часов пополудни Бурдо и Рабуин разбудили комиссара. Открыв глаза, он не сразу пришел в себя после тревожного, наполненного странными видениями сна. Он видел, как какой-то человек рукой, оканчивающейся серебряным протезом, приводил в движение автомат, похожий на куклу Вокансона, а другой рукой душил марионетку, как две капли воды похожую на юную королеву. В ужасе он задергался, пытаясь вмешаться, но какая-то сила удерживала его на месте, словно парализованного.

— У нас новости, — провозгласил Бурдо, — да еще какие! И притом отовсюду!

— Однако вы припозднились, — заметил Николя, пробудившись окончательно. — Я уже отчаялся!

— Итак, приготовьтесь: уверен, разочарования не наступит. Нам удалось подобрать парочку колосков, из которых мы получим муку, позволяющую нам основательно продвинуть дело.

— Не томите меня. Ожидание и кисленькое вино папаши Мари погрузили меня в сон, похожий на летаргический, и вдобавок полный кошмаров. Правда, таким образом мне удалось скоротать время. Я вас слушаю.

— Ваша рана на голове начала рубцеваться, от этого вам и снятся кошмары. Итак, вот что мы узнали. Хотя кому-то наш Рабуин и может показаться нескладным, он вполне хорош собой, а потому ему нередко удается сочетать приятное с полезным. Девушка Жосс, пикантная брюнеточка со смазливой мордашкой, более известная под прозвищем Руссильонка, прониклась к нашему агенту сердечной склонностью и усиленно старается его охмурить, так что, ежели бы он согласился, он бы давно стал ее постоянным дружкой.

Покраснев, Рабуин опустил голову.

— Короче говоря, — продолжил Бурдо, — девушка многое видит и многое подмечает, только уж очень она болтлива и выкладывает все как на духу. Она рассказала нашему бесценному агенту, что ее совесть все больше и больше возмущается тем, что происходит на галантных вечеринках, устраиваемых... кем бы вы думали?

— Маркизом де Шамбона?

— А вот нет. Неким молодым человеком, коего она подробно описала Рабуину. Впрочем, сейчас он вам сам все расскажет.

— Судя по описанию, этим молодым человеком вполне может быть Ансельм Витри, но, принимая во внимание, что вы нашли труп этого Ансельма, речь, скорее всего, идет об Эде Дюшамплане.

— А почему эта девушка стала протестовать против вечеров, участие в которых входит в обычный круг ее занятий?

— Будучи особой весьма достойной, она больше не может терпеть те низости и мерзости, что там творятся. К тому же одна из ее товарок недавно подцепила там страшную болезнь, ну, из тех, которые не подхватишь в монастыре, ни в женском, ни в мужском. И наша девушка решила, что больше этим грязным развратникам она даже руки не подаст. Сегодня вечером ее пригласили вновь, но она намерена отказаться.

— Все это прекрасно, — произнес Николя, — но каким образом мы можем воспользоваться этими сведениями? Где, когда и как?

— Надобно вам сказать, господин Николя, — подал голос Рабуин, — ее болтовня имела существенное подкрепление, а проще говоря, она дала мне несколько ключей от потайных дверей — ежели с ней случится что-нибудь дурное. Она также хотела получить какую-нибудь гарантию.

— Теперь понимаю. Ну а дальше?

— Фиакр должен забрать ее на углу улицы Вьей-Тюильри и пассажа Манеж в десять часов вечера. Куда ее повезут, она не знает. Прежде речь шла о частных домах и тайных убежищах в катакомбах. Но она считает, что приглашали ее не каждый раз.

— Так почему же она все же согласилась?

— Я убедил ее.

— Каким образом? — спросил Бурдо.

— Пообещал ей нашу поддержку и защиту. Она девушка благоразумная и сумела накопить немного денег. Родом из Бордо, она хочет вернуться к себе на родину и заняться честным ремеслом.

— Что ж, — задумчиво произнес Николя, — в этом мы ей поможем. А больше никого, кто хотел бы помочь нам?

— Никого. Зато мы знаем, что на сегодняшнее сборище все должны явиться в масках, а при входе предъявить надорванную посередине карту с тузом червей. Следовательно, один из наших вполне смог бы туда проникнуть.

Взяв лист бумаги, Николя, не прерывая разговора, принялся что-то писать.

— Соберите всех наших агентов и осведомителей. Предупредите караулы и городскую стражу. Сосредоточьте основные силы наблюдателей вокруг каменоломен, что возле обсерватории; необходимо также отследить любые подозрительные передвижения карет. Предупреждаю, сделать это нелегко. Возможно, эти люди не пользуются официальным входом в каменоломни, ибо, как известно, в некоторых частных домах, где есть погреба, на наше несчастие, имеются подземные ходы. Вспомните, Пьер, подземелье дома Лардена на улице Блан-Манто. Не забудьте отправить людей на Монпарнас...

— Там ведется постоянное наблюдение, — ответил Бурдо.

— Надобно следить за подступами к особняку Сен-Флорантен. Если министр снова выедет из дома и по дороге отпустит экипаж, мы обязаны во что бы то ни стало проследить, куда он отправится. Я хочу знать цель его ночных вылазок, которые он упорно хранит в тайне. В Шатле должны быть наготове несколько фиакров и хорошая лошадь для меня. Никаких строптивых кобыл, выберите лошадь добродушную и покладистую, ибо мне будет необходимо остаться незамеченным.

— Полагаю, вы не намерены участвовать в этом деле лично, — полувопросительно произнес Бурдо, и в голосе его прозвучало неприкрытое волнение.

— Разумеется, намерен.

— Но это безумие! По крайней мере, позвольте мне сопровождать вас.

— Нет, дорогой Пьер, вы останетесь в Шатле руководить операцией. Зная, что вы на месте, я буду уверен, что все пройдет так, как я рассчитал.

— Следовательно, если я правильно вас понял, вы хотите тайно проникнуть на вечеринку, куда нас приведет Руссильонка? Но вас немедленно узнают, и последствия, как вы понимаете... Вы слишком известная личность.

— Аргумент неубедительный. Я буду в маске и вооружен. Найдите мне карту с тузом червей и широкий черный плащ с высоким воротником. Я загримируюсь, притворюсь молодящимся старикашкой, натяну светлый парик и наложу на лицо толстый слой белил и румян.

— Хорошо, я немедленно займусь приготовлениями. Но я нисколько не одобряю ваш рискованный план. Откуда вы тронетесь в путь?

— Разумеется, с улицы Вьей Тюильри, где Руссильонке назначили свидание. Иначе я могу не успеть вовремя... Итак, лошадь для меня и для второго всадника, который будет следовать за мной на расстоянии, а потом заберет мою лошадь и отведет ее в конюшню. Третий всадник останется в резерве, готовый либо отвезти записку, либо оказать помощь. В его обязанности также входит...

— Вторым всадником буду я, даже не сопротивляйтесь, — решительным тоном прервал его Бурдо.

— И речи быть не может!

— Напротив, так и должно быть: надеюсь, что взываю к человеку разумному. Сами посудите, сколько времени понадобится, чтобы сообщить мне, куда вы поехали. Потом дорога туда, дорога обратно...

Николя насмешливым взором уставился на инспектора.

— Хорошо, я сдаюсь. В самом деле, потребуется никак не менее трех четвертей часа, чтобы доставить известия о ходе операции. Итак, как говаривал мой отец, «иногда надобно уступать придворным».

Он отдавал распоряжения и одновременно писал, постоянно внося в текст поправки, словно составлял протокол их разговора. Затем он свернул листок и, не став его запечатывать, протянул Рабуину и попросил его без промедления доставить записку начальнику полиции в его особняк на улице Нев-Сент-Огюстен.

Остаток дня они придумывали и готовили грим для Николя. Господин Ленуар незамедлительно ответил, что предоставляет комиссару полную свободу действий, в том числе и во всем, что касается галантного вечера и его участников. Ответ начальника завершился теплыми пожеланиями и просьбой не слишком рисковать в этом опасном предприятии, и Николя мысленно поздравил себя с победой. К восьми все было готово, и комиссар явился перед изумленными взорами Бурдо и Рабуина в облике молодящегося старца, согбенного, с лицом, покрытым толстым слоем грима а-ля Ришелье, и в кудрявом светло-рыжем парике. Он победоносно размахивал надорванным тузом червей.

Дальше все пошло по плану. Верхом на спокойной лошади Николя добрался до места встречи и укрылся в небольшой нише возле расположенных чуть поодаль ворот. Улица была пустынна и плохо освещена, ибо в период полнолуния предписывалось уменьшать освещение улиц; но сегодня луна надежно спряталась за тучами. Незадолго до десяти часов появилась чья-то темная фигурка: без сомнения, это была Руссильонка. Словно солдат на параде, она меряла шагами улицу, и над ее высокой прической победоносно развевался султан из перьев. Платье а-ля полонез с турнюрсом соблазнительно подчеркивало изгиб ее талии, лицо скрывала маска. В десять часов с минутами неподалеку от девицы остановился городской фиакр. Переговорив с кучером, Руссильонка, подобрав юбки, села в экипаж, и лошадь медленно затрусила по улице. Подождав, когда фиакр подъехал к улице Шерш-Миди, Николя тронулся с места. Он слышал, как позади него едут Бурдо и третий всадник. В какое адское логово они держат путь?

XIII МЫШЕЛОВКИ

Да замолчите вы!

Разве подобные слова произносят вслух?

Ривароль

Караван направился на улицу дю Фур, доехал до площади Сент-Андре-дез-Ар, затем проследовал по улице Юшетт до Порт-о-Тюиль. Когда фиакр переехал через мост Турнель, Николя содрогнулся, сообразив, что путь их лежит в места, так или иначе связанные с расследованием. Замедлив ход, экипаж резко свернул к берегу и остановился в нескольких туазах от воды. Николя увидел, как Руссильонка вышла и неуверенным шагом по грязи направилась в сторону реки, и скоро стелющийся над берегом туман поглотил ее. Куда она могла пойти? На минутку тучи на небе рассеялись, и он увидел плавучие бани — длинную баржу с выстроенными на палубе двумя павильонами, объединенными общим порталом. Зажженный фонарь указывал на вход. Девица исчезла внутри строения. Спрятавшись за штабелем дров, Николя при свете огнива взглянул на часы: они показывали немногим более половины одиннадцатого. Он услышал шаги Бурдо, а скоро увидел и самого инспектора: тот шел пешком, ведя лошадь на поводу.

— Ну и дыра! — прошептал он.

— За городскими стенами, а значит, вне контроля... — шепнул в ответ Николя.

— Мы действуем по плану.

— Идите к нашему нарочному, пусть пришпорит коня и мчит в Шатле предупредить Рабуина. Боевая тревога. Через три четверти часа, а именно...

Он вновь взглянул на часы.

— В одиннадцать двадцать все должны быть на месте. Не забудьте, лодки должны отходить от острова Сен-Луи и двигаться совершенно бесшумно. На набережной Орлеан всегда много пришвартованных лодок. Действуем с оглядкой: мышеловка должна захлопнуться, когда все будут в сборе. Идите, Пьер, и возвращайтесь ко мне в укрытие. Скоро начнут собираться гости.

Убедившись, что путь свободен, Бурдо удалился. Вскоре он вернулся, и потянулось тревожное ожидание. Наконец стали подъезжать кареты. Опасаясь, как бы огонек огнива не выдал его присутствия, Николя больше не смотрел на часы, но скрывать свое нетерпение ему становилось все труднее. Наконец появился Рабуин. План, разработанный комиссаром во всех подробностях, начал приводиться в исполнение: более шести десятков человек незаметно заняли свои места вокруг баржи с банями. Проникнуть через невидимое оцепление было можно, но выйти нет. На реке патрулировали три лодки; благодаря туману в случае необходимости они могли незаметно приблизиться к плавучему заведению. Настало время Николя занять свое место.

Поправив на голове треуголку, он одновременно ощупал пистолет, спрятанный под полями и утонувший в локонах парика. Этот маленький пистолет, подарок инспектора Бурдо, не раз спасал ему жизнь. Затем он проверил, насколько легко шпага покидает ножны. Пожав руку инспектору и Рабуину, он уверенным шагом двинулся к стоявшему на приколе судну.

Пройдя по мосткам, он уперся в стойку, где стоял лакей, молча проверивший его надорванную карту и знаками велевший ему отдать шляпу, плащ и шпагу. Николя заколебался, однако выполнил условие. Медленно расстегивая плащ и снимая треуголку, он ухитрился незаметно извлечь пистолет и опустить его в карман фрака; отдавая шпагу, он порадовался, что не взял с собой парадную шпагу маркиза де Ранрея. За входом находилась небольшая прихожая, с двумя симметричными лестницами по бокам; лестницы вели в просторный зал, откуда доносился шум праздника. Спустившись вниз, он увидел множество людей в масках и с бокалами в руках. Драпировки из розовой тафты, закрывавшие деревянные стены, ниспадали красивыми складками благодаря продернутым серебряным шнурам. При ослепительном свете бесчисленных свечей грим на лицах гостей казался еще более ярким. В углу он заметил маленькую сцену, окруженную плотным кольцом зрителей, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы протиснуться поближе.

На сцене двое молодых людей, девушка и юноша, разыгрывали непристойный спектакль. Каждая фраза, звучавшая весьма двусмысленно, подкреплялась непристойными шутками, а содержание сводилось к описаниям омерзительных извращений, которые для вящей наглядности демонстрировала на сцене юная пара. Атмосфера в собрании постепенно менялась. Глаза под масками заблестели, поведение актеров на сцене стало еще более вызывающим. Общество постепенно разбивалось на парочки или небольшие группки, тотчас отправлявшиеся в банные кабинеты. Николя почувствовал, что для отвода глаз ему пора найти себе пару. Поискав глазами Руссильонку, он вскоре заметил ее султан из перьев и разглядел платье с турнюром. Девушка вела себя беспокойно, постоянно порывалась куда-то пойти и отвергала всех гостей. Не без труда пробившись к ней, Николя шепнул ей на ухо, что он прислан Рабуином и ему надобно с ней поговорить. Для этого он предлагает ей уединиться в одном из банных кабинетов, дабы все поверили, что они удалились заняться делом. Она повела его в центральный коридор, где по обеим сторонам тянулись двери оборудованных кабинетов. После нескольких неудачных попыток, повлекших за собой визг и ругань, они сумели отыскать свободное помещение. В процессе поисков Николя мог убедиться, что кабинеты запоров не имели. В занятой ими комнатке стояла медная ванна, скамья, маленький столик, где в ведерке со льдом их ожидала бутылка вина, туалетный столик и кушетка. Еще он заметил странное приспособление, однажды виденное им в доме одной актрисы. Это был оловянный тазик, обтянутый сафьяном и закрепленный на деревянной ножке; рядом лежали губка и два

флакона. Он вспомнил, что сие приспособление именуется биде; однажды, пребывая в игривом настроении, Семакгюс назвал его «источником для чресл».

Стоило им войти, как лакей в синей тиковой ливрее, с физиономией, выражение коей нисколько не соответствовало его подчиненному положению, принес полотенца, бергамотовое мыло и туфли без задников. Затем он принялся носить кувшины с горячей водой и наполнять ванну. Когда, наконец, ванна наполнилась, он со слащавым видом поинтересовался, «не желают ли девица и господин воспользоваться его услугами». Получив причитавшиеся чаевые, он удалился, не скрывая своего разочарования.

— Это один из «помощничков», тех, кто потакает порокам одних и поддерживает в бессилии и усталости других, — объяснила Руссильонка.

— Мадемуазель, — проговорил Николя, — мы не забудем вашей помощи, а если вдруг наша память окажется излишне короткой, Рабуин напомнит нам о вас. Как вы догадываетесь, я не намерен оставаться в этом кабинете. Моей целью является выявить устроителя этих вечеров и пресечь его дальнейшую деятельность. Он удерживает у себя юную девушку, сестра которой была убита. Мне надо отыскать ее. Вы добрая девушка, и я уверен, вы мне поможете. Где, по-вашему, может находиться устроитель?

— Сударь, я сделаю все, что вы пожелаете. Но я прошу у вас защиты, ибо я рискую очень многим. Возможно, вы заметили, что я привела вас в левое крыло. Справа по коридору расположены апартаменты доверенных лиц. У меня есть основания полагать, что именно там происходят запретные таинства, ибо туда нет ходу гостям со стороны.

Закрыв глаза, Николя принялся обдумывать свои дальнейшие действия.

— Мы притворимся, что занимаемся тем, чего от нас ждут...

— С вами, сударь, с превеликим удовольствием, — произнесла она, присев в изысканном реверансе.

Он рассмеялся.

— Я слишком люблю Рабуина, чтобы позволить себе воспользоваться вашим вниманием! Мы придвинем к двери скамейку — на тот случай, если кто-нибудь решит проверить, чем мы тут с вами занимаемся, а потом я вылезу в окно и попробую добраться до кормы баржи. Сколько апартаментов находится с каждой стороны?

— Пять или шесть. Ванны есть не во всех. Еще есть парильни.

— Полагаю, вдоль борта имеется палуба?

— Очень узкая, вдобавок баржа все время колыхается. Из-за осенних дождей вода в реке поднялась высоко.

— Хорошо. Пока я буду добираться до кормы, устройте здесь соответствующий шум, дабы убедить тех, кто шпионит за нами, что мы заняты любовными играми.

Она улыбнулась: похоже, это поручение позабавило ее. Он распахнул окно, и порыв холодного, сырого ветра моментально задул пламя свечей. Борта были мокрые; едва он ступил на палубу, как поскользнулся и чуть не упал. Руссильонка закрыла окно, и тотчас, несмотря на шум ветра, он услышал, как в комнате зажурчала вода и раздались сладострастные стоны. Что ж, он правильно рассчитал: девица умела развлекать клиентов. Он попытался не думать о черных волнах, бьющихся о борт судна, напомнив себе, что вокруг плавают лодки с верными людьми, которые в случае нужды налягут на весла и придут к нему на помощь. Добравшись до середины баржи, он натолкнулся на неожиданное препятствие: путь ему преградила утыканная железными шипами решетка. Острые иглы не позволяли ни обогнуть сооружение, ни перелезть через него. Николя так напрягся, что, несмотря на холодную ночь, его неожиданно прошиб пот. Вернуться назад означало провалить собственный план; подозвать курсирующую поблизости лодку — значит привлечь внимание обитателей баржи и тоже провалить план. Всякий раз, оказываясь в безвыходном положении, он стремился отыскать

окольный путь, дабы обойти препятствие. Его изобретательный ум принялся измышлять решения, одно невероятнее другого; задумавшись, он настолько близко подошел к решетке, что фрак его зацепился за один из шипов. Не без труда высвободившись, он неожиданно остановился: в конце туннеля блеснул свет. Надо взять фрак и, пользуясь им как веревкой, совершить прыжок над бездной, пролетев мимо железных игл. Он немедленно приступил к исполнению задуманного. Сняв фрак, он сложил содержимое его карманов в кармашек, пришитый с внутренней стороны панталон и служивший тайником для документов и луидоров. В этот кармашек он ухитрился втиснуть все, включая карманный пистолет. В какой-то момент он подумал, что, может, лучше воспользоваться многократно обмотанным вокруг шеи галстуком, но быстро отверг это решение, опасаясь, что тонкий муслин не выдержит ни его веса, ни острых ребер решетки.

Встав на цыпочки, он прикрепил воротник фрака на концах верхних шипов и, уповав, что швы подмастерьев его портного, мэтра Вашона, выдержат предстоящее им напряжение, резко дернул за полы; и швы, и материя выдержали. Теперь предстояло точно рассчитать прыжок, ибо любая ошибка станет для него роковой: он всем своим весом упадет на шипы и наденется на них, словно на вертел. Прикидывая место для разбега, он отступил к борту, словно веревку, потянул на себя фрак и, перенеся всю тяжесть на правую ногу, оттолкнулся ей от перегородки и полетел над волнами. Все произошло очень быстро: отрыв от палубы, скрип и болезненное приземление по другую сторону решетки. От удара головой о стенку каюты у него закружилась голова. Отлетев назад, он заскользил по мокрой палубе, не удержался, упал, успел ухватиться за бортик и после судорожных усилий уселся на палубе, свесив ноги и с трудом переводя дыхание. Тут он почувствовал, как у него по животу растекается теплая жидкость. Слабый свет, пробивавшийся сквозь окна кабинетов, не позволял разглядеть, что произошло, однако боль, внезапно скрутившая его так, что у него перехватило дыхание, дала понять, что он ранен. Он поднес руку к животу, а потом ко рту: конечно, у него текла кровь. Железное острие рассекло рубашку и порезало тело. Рана болезненная, но поверхностная. Поздравив себя с тем, что не стал снимать галстук, он разматал тонкое полотно и перевязал рассеченный живот, чтобы остановить кровь. Потом подождал, пока восстановится дыхание и сердце начнет биться в привычном ритме.

Он был у цели; теперь ему предстояло осуществить самую важную часть операции. Организатор непристойных развлечений наверняка находился за одним из этих окон. Он с содроганием подумал, что банный кабинет, где сейчас пребывает сей таинственный персонаж, вполне может находиться со стороны берега, и окна его смотрят на Дровяной порт. После недолгих размышлений он решил, что из соображений осторожности его невидимый противник должен выбрать помещение с окнами на реку: так больше шансов остаться невидимым. Превозмогая боль от раны на животе, он двинулся вперед. Первый кабинет на его пути оказался парильней, и она была пуста. Во втором помещении две пары в самых непристойных позах приносили жертвы на алтарь Венеры. В одном из жрецов богини любви Никола с ужасом узнал того, кто носил одно из славнейших имен Франции. Из третьей комнаты, похоже, ненадолго отлучились. Приблизившись к четвертой, он услышал приглушенные стенания и осторожно заглянул в окно. Накрашенная сверх всякой меры женщина размешивала в стакане с водой черноватый порошок, извлеченный ею из маленькой коробочки. Когда он подходил к пятому окну, до слуха его донеслись жалобные крики. К сожалению, препятствие в виде выступа стены не позволило ему увидеть, кто кричит и откуда. Он остановился в нерешительности. Возможно, он столкнется с одной из тех сцен, к которым он успел проникнуться отвращением, или... Для очистки совести он заглянул в окно последней комнаты; она оказалась пуста. Тогда он вернулся на прежнее место и вновь прильнул к окну. Он увидел, как, потрясая плетью, высокого роста женщина вытащила на середину комнаты растрепанную юную девушку, почти девочку, и принялась яростно избивать ее; судя по тому, что жертва даже не пыталась вырваться, а лишь жалобно вскрикивала, истязания продолжались немало

времени. Внезапно одна деталь поразила Николя: под оборками, украшавшими подол платья, мелькнули кавалерийские сапоги. Следовательно, перед ним был мужчина, и это меняло дело. Оставалось решить, как поступить. Вернуться обратно? Но это значит вновь подвергнуть себя риску упасть на острые шипы. Позвать полицейский баркас? Тогда прощай поимка с поличным и арест на месте преступления. И хотя на берегу также расставлены люди, призванные помешать бегству клиентов баржи, при появлении полиции начнется паника, в которой виновные непременно постараются затеряться. Как это часто случалось, сейчас все зависело только от него. Комиссар полиции короля, он обязан был все обдумать и принять решение. Но какое?

Разбить окно и прыгнуть в комнату? Узкая полоска палубы не позволяет разбежаться. Он незаметно толкнул рукой окно, надеясь, что оно не заперто. Увы, его постигло разочарование. Можно постучать в окно и, обнаружив свое присутствие, вынудить обитателя комнаты открыть ему; но тогда он потеряет преимущество внезапного появления. У него мелькнула мысль, что через окно можно прицелиться и выстрелить в незнакомца, но он сразу ее отбросил: не имея веских оснований он, как честный человек, не мог выстрелить в подозреваемого. Однако ему необходимо оказать помощь девушке, возможно, одной из брюссельских беглянок.

Мысль выстрелить в окно не покидала его. И тут его осенило: он выстрелит в ручку окна и, как сумеет, прыгнет в комнату. Если встать слева, можно выстрелить под углом, обеспечив большую точность попадания и не задев тех, кто находится внутри. И он ворвется в комнату с дымящимся пистолетом в руке! Бросив взгляд в окно и убедившись, что мучитель продолжает терзать свою жертву, а значит, действовать надо незамедлительно, он выстрелил.

Хрупкая рама разлетелась на куски. Выставив вперед плечо, он прыгнул в комнату и покатился по полу, выронив по дороге пистолет. Дальнейшие события разворачивались со скоростью молнии. Он увидел молоденькую девушку, привязанную к кушетке; спину ее покрывали красные кровоточащие рубцы. Незнакомый в платье обернулся, одним прыжком достиг стула, где лежала шпага, схватил ее и бросился к лежащему на полу Николя. Тот, все еще оглушенный падением, откатился в сторону и, схватив скамеечку, выставил ее вперед словно оружие. С ее помощью ему удалось отразить первый удар. Стремительные удары множились; противник метил прямо в грудь. Неожиданно острое вонзилось в мягкую древесину скамеечки, Николя с силой надавил на нее, и с глухим треском клинок переломился пополам. Швырнув обломки ему в лицо, противник, выставив вперед руки, бросился на Николя, схватил его за шиворот и попытался задушить. Некоторое время борьба шла на равных, пока соперники, обойдя тесное помещение, не оказались перед разбитым окном. Под ногами захрустело стекло. Противник вновь попытался сжать руки на горле Николя, и тот почувствовал, что силы покидают его; повязка на животе размоталась, кровь хлынула ручьем. Из последних сил он оттолкнул нападавшего. Остатки рамы рухнули в реку, и оба противника, сцепившись в единоборстве, последовали за ними.

Очутившись в черной холодной реке, Николя, ненавидевший темноту, преисполнился ужасом; ему показалось, что он упал в могилу. Шею сдавило словно тисками. Он хлебнул грязной воды, дыхание перехватило, перед глазами заплескались, красные и желтые огоньки. Чувствуя, что больше не может сопротивляться, он потерял сознание.

— Он зашевелился! Зашевелился!

Где-то далеко, в тумане, недовольно ворчал знакомый голос:

— За последние несколько дней он второй раз теряет сознание! Да и выжил-то он только благодаря своей прочной бретонской башке! Я говорил ему, чтобы он был осторожен. Он меня не слушал. Вот уж, действительно, упрямы не занимать...

— Закаленная душа не боится угроз. Мне известна его репутация, а посему я тоже им займусь, — произнес другой голос, ровный и размеренный.

Николя почувствовал, как сбоку на него повеяло теплом горящих угольев. Вокруг него шелестел шепот, но он не понимал из него ни слова.

— А все благодаря моему подкрепляющему! Ему не раз доводилось его пробовать.

Внезапно Николя открыл глаза и закричал:

— Моя записная книжка! Дайте мне мою черную записную книжку!

— О! — вновь раздался ворчливый голос, — Мы можем нас поздравить: он несколько не утратил здравого смысла и в первую очередь вспомнил о главном.

Над ним склонилось знакомое лицо, в котором он узнал дружелюбную физиономию Бурдо.

— Благословите внутренний кармашек ваших панталон, — произнес инспектор. — Он не пропускает воду. А еще сумели отыскать вашу шпагу и даже ваш пистолет.

В поле зрения Николя появилось еще одно лицо.

— Сударь, я очень рад, что вы благополучно выкарабкались из этой истории. Что бы мы без вас делали?

Он узнал Ленуара; заботливый тон начальника взволновал его.

— Сударь, я...

— Молчите! Вам нужен отдых и покой.

— Но мне очень хочется узнать, что произошло после того, как мне показалось, что этот тип задушил меня, и я пошел ко дну.

— Инспектор вам все расскажет.

— Борясь с вашим противником, вы вместе с ним свалились в воду, — начал Бурдо. — Шум от падения услышали на одной из лодок, и наши люди баграми выловили вас обоих, одного за другим. Вы потеряли сознание. Вас доставили в Шатле, раздели, обсушили, разогрели, а подкрепительное папаши Мари довершило лечение.

Николя жестом остановил его.

— А... тот, другой?

— Успокойтесь, он под надежной охраной, в цепях и в темнице.

— Его хорошо стерегут?

Перед его взором снова возникло бледное лицо солдата, повесившегося у себя в камере. Если не принимать надлежащих мер...

— Стерегут как надо; я догадываюсь, о чем вы вспомнили... Когда события стали разворачиваться не совсем по плану, я встревожился и приказал немедленно начать облаву. Обыскав заведение, мы нашли сестру третьей жертвы и препроводили ее в больницу Отель-Дье, чтобы там позаботились о ней и поставили на ноги. Над несчастной жестоко издевались. Некоторые гости...

— Чьи имена не следует называть, — вставил начальник полиции.

— Словом, кое-кому из гостей удалось удрать, избежав допроса, — язвительным тоном продолжил Бурдо. — Как и лорду Эшбьюри: он тоже попался к нам в сети.

— И он тоже?!

— К сожалению, мы не могли его задержать, — произнес Ленуар. — Он пробыл у нас час, не более того... Словно по волшебству, на улицу Нев-Сент-Огюстен примчался английский посол и потребовал передать мне сего лорда, ибо тот, оказывается, является полномочным представителем и пользуется королевским иммунитетом. Наш шпион презрительно оглядел нас и на прощание заметил, что «хотя комиссару Ле Флоку и удалось унести ноги из Англии, сей комиссар, тем не менее, остается врагом его короля, так что пусть он поостережется».

Николя даже подскочил от возмущения. Тут он увидел, что его завернули в одеяло и уложили на ковер, поближе к камину, где полыхал, поистине, адский огонь; приглядевшись,

он обнаружил, что брошенный на пол ковер, изготовленный на королевской мануфактуре Савонри, был взят из кабинета начальника полиции.

— Должен вам сказать, — продолжил Ленуар, — что слежка за герцогом де Ла Врийером принесла свои плоды. Мы, наконец-то, знаем, куда он отправляется по ночам. Это маленькая квартирка на третьем этаже дома на улице Турнель...

— Как? На улице Турнель?

— Да, напротив монастыря минимитов, ближе к углу улицы Нев-Сен-Жиль.

— Набережная Турнель, улица Турнель. Почему это название то и дело возникает в нынешнем деле? Вспомните обрывок письма, найденный в комнатах Дюшамплана-младшего. Быть может, им удалось проникнуть в тайну министра? Тогда в нее, разумеется, посвящен и лорд Эшбьюри!

— Дом находится под наблюдением, — заметил Бурдо. — Мы позволим герцогу выйти из дома, не обнаружив наше присутствие, а потом зададим ему несколько вопросов о характере его ночных визитов.

— Я немедленно иду туда.

— Но вы не в состоянии.

Тут поспешно вмешался Ленуар.

— Полагаю, именно там сейчас место комиссара, так что, если его здоровье позволяет, это было бы и желательно, и уместно...

Николя заметил, как помрачнело лицо Бурдо.

— На этот раз, Пьер, вы пойдете со мной.

Лицо Бурдо просветлело. Николя понимал опасения своего начальника. С чем доведется им столкнуться в этом доме? Чем меньше будет свидетелей, тем больше шансов сохранить честь королевского министра. Разумеется, генерал-лейтенант доверял Бурдо, но знал, Николя чаще приходилось сталкиваться с государственными тайнами, и он научился хоронить их в глубинах своей души.

Вторник, 11 октября 1774 года

Зайдя в дежурную часть, Николя переоделся и, поблагодарив за заботы папашу Мари, вместе с Бурдо сел в экипаж.

— Как повел себя Эд Дюшамплан? — спросил он. — Ибо я уверен, что на барже был именно он. Полагаю, он не скрывал свое имя?

— Он держался высокомерно, однако имени своего не скрывал. Когда с него смыли грим, я отметил, что лицо у него кровоточит; на левой щеке у него оказался свежий шрам. Он-то и заинтересовал меня.

— И что вы об этом думаете?

— Царапина свежая, едва успевшая зарубцеваться; ее случайно разбередили, и она открылась. Я вспомнил рассказ о нападении, совершенном на вас в Версале, когда кучер Семакгюса, хлестнувший нападавшего кнутом, попал как раз по левой щеке!

— Да, все сходится, как вы и говорите. Значит, это он стрелял в меня... А как он сам объяснил наличие шрама?

— Я не стал его об этом спрашивать. Он заявил, что получил эту царапину в стычке с вами. Он утверждал, что не понял причины вашего вторжения к нему в комнату и очень испугался.

— А девушка? Может, это он так любезничал с ней?

— Он говорит, что ее пригласили для забав, устраиваемых на такого рода собраниях, и прежде он никогда ее не видел!

— Короче говоря, сей невинный агнец отрицает все. Вероятно, он убежден, что к нему скоро примчится помощь.

— Неужели он всерьез считает, что те, кто бежал, прикрывая лицо руками и, блуждая во мраке ночи, искал свою карету, станут вытаскивать его из передраги? У него странное и наивное представление о сильных мира сего: он думает, что им ведомо сострадание!

— Надо как можно скорее допросить его в присутствии Ленуара и судьи по уголовным делам, — сказал Николя. — Наступает момент, когда необходимо соблюсти формальности, а именно пригласить Тестара дю Ли. Держу пари, на этот раз генерал-лейтенант не испортит нам праздник. У меня только что родилась идея, как можно разыграть небольшой спектакль, и я готов ею с вами поделиться.

— Меня тревожит ваше самочувствие, не стоило вам сейчас ехать...

— Успокойтесь, я чувствую себя прекрасно. Голова немного гудит, живот словно деревянный, но любопытство пересиливает все! Подкрепительное папаши Мари даже мертвого поставит на ноги!

— Улица Турнель начинается прямо от Бастилии? — спросил Бурдо.

— Совершенно верно! И продолжается до площади Руаяль, с которой ее соединяет улица Па-де-ла-Мерль.

— Вы не перестаете удивлять меня своим знанием города! Бастилия и площадь Руаяль! Соединить их и впрямь недурно, и весьма знаменательно. А про улицу Турнель можно сказать, что она ведет к первой и выводит на вторую!

— Вы как всегда остроумны, Бурдо!

— Я хочу вас поблагодарить, — отозвался инспектор. — Меня трудно одурачить, так что, сами понимаете, я прекрасно понял, что Ленуар намеревался отстранить меня от завершающего этапа расследования.

— Замолчите, несчастный. Надо уметь пребывать в неуверенности.

Улыбнувшись, Бурдо умолк. Обоих друзей охватило вполне понятное волнение; обмен репликами говорил о многом. Ночная поездка по городу продолжалась. Они повстречали несколько запоздалых гуляк, несколько девиц, поджидавших поздних клиентов, бродяг, которые, заслышав стук колес, убегали во тьму, патрульных из городского караула и одного священника, несшего Святые Дары умирающему. Вскоре они прибыли на улицу Турнель.

— Герцог оставлял свою карету на площади Руаяль, — промолвил Бурдо. — Затем он внимательно оглядывался по сторонам, изучая обстановку, и только потом двигался в нужном ему направлении.

— Он не заметил слежки?

— Ну что вы! Иначе нас бы сейчас здесь не было. Наши люди заступали в караул по трое: один крался позади министра, другой впереди, а третий был начеку, готовый в любую минуту прийти на помощь. Он не мог от них скрыться.

Они остановились на улице Сен-Жиль, чуть-чуть в глубине, чтобы видеть нужный им высокий дом на улице Турнель. В окно на третьем этаже пробивался слабый свет. За занавесями скользили чьи-то тени.

— Он все еще здесь, — прошептал Бурдо. — И наши агенты тоже, я их вижу.

— У вас зоркий глаз!

— Они слились со стенами! — довольно усмехнулся инспектор.

Николя взглянул на часы. Было около двух часов. Бурдо схватил его за руку.

— Мы прибыли как раз вовремя.

Из дома вышел человек, закутанный в черный плащ и в надвинутой на лоб треуголке. Постояв немного и бросив испытующий взгляд в темноту — сначала направо, потом налево, — он направился к фонарю, освещавшему сразу обе улицы. Заметив стоявший напротив фиакр, он окинул его подозрительным взглядом, но вид дремавшего на козлах кучера, похоже, успокоил его и убедил, что путь свободен. Торопливым шагом он направился по улице Турнель.

— Он явно идет к площади Руаяль, — проговорил Бурдо. — Там его должна ждать карета.

— Полагаю, наши люди проследят, чтобы он вернулся именно домой?

— Разумеется, распоряжение отдано. Мне кажется, у нас нет выбора: вам надо идти туда, а я покараулю у входа в дом. Не стоит забывать об угрозах англичан.

Комиссар оценил деликатность своего помощника. Поняв с полуслова беспокойство Лемуара, инспектор постарался отойти в сторону, причем так, чтобы друг ничего не заметил, а заметив, не имел бы оснований возразить. Их молчаливое сообщничество, рожденное в пройденных вместе испытаниях и не омраченное ни единой ссорой, со временем только крепло.

Войдя в дом, Николя высек огонь и, осмотревшись, поднялся на третий этаж и постучал в единственную дверь, на которой не было даже молотка. Тотчас за дверью раздался тревожный голос.

— Это вы, Шарль?

— Я комиссар полиции.

Дверь медленно отворилась, и на пороге возникла испуганная белокурая женщина, одетая в домашнее платье из лиловой синели. В руке она держала свечу, неверным светом озарявшую ее фигуру.

— О Господи, наверняка с Шарлем что-нибудь случилось. Сколько раз я говорила ему, что опасно ходить ночью. Ведь я правильно угадала, сударь? Не скрывайте от меня ничего.

Переступив порог, Николя окинул взглядом убранство маленькой квартирки. Несмотря на тесноту, обстановка отличалась изысканностью и роскошью, предположить каковую, если судить по внешнему виду дома, было невозможно.

— Успокойтесь, сударыня. Ничего страшного, уверяю вас. Я всего лишь хочу расспросить вас о человеке, только что покинувшем это жилище.

— Что он сделал? Почему вы спрашиваете меня о нем?

Прикинув, он решил, что женщине никак не могло быть больше двадцати лет.

— Люди, разгуливающие по улицам в столь поздний час, всегда привлекают наше внимание.

— Ах он, бедняжка! Как можно заподозрить его, самого лучшего и самого великодушного из всех моих друзей?

— Чем он занимается и как его зовут?

— Шарль Гобле. Он судебный исполнитель в Шатле.

Когда женщина назвала ему ремесло, избранное герцогом де Ла Врийером, Николя не смог сдержать улыбку.

— И кем он приходится вам, сударыня? Могу я это узнать?

Она опустила голову и, покраснев, прошептала доверительным тоном:

— Он мой друг и отец моего ребенка.

Потянув его за рукав, она провела его в маленькую комнату, совершенно белую, где в середине висела ивовая колыбель с муслиновым пологом. Приподняв полог и дав комиссару возможность взглянуть на очаровательного спящего младенца, она бесшумно вывела посетителя в вестибюль.

— Как вы познакомились с вашим другом?

— Меня зовут Мари Менье, я родом из Мо. Год назад я потеряла мать, она была вдовой уже много лет. Не имея средств к существованию, я отправилась в Париж, где стала просить милостыню. Меня заметили, и спустя немного времени какой-то любезный господин привел меня сюда, а потом ко мне пришел Шарль. Представившись, он сказал, что хочет помочь мне и дать средства к существованию. Я поверила ему и его заботами обрела кров и стол.

— А ребенок?

Она снова покраснела.

— Шарль убедил меня в искренности своего чувства. Я ему всем обязана. Это наш ребенок, и его отец постоянно оказывает нам знаки внимания; его нежная преданность нам, без сомнения, растрогала бы даже вас.

— Сударыня, ваших объяснений мне вполне достаточно. Не стоит тревожить господина Гобле. Не говорите ему о моем визите.

— Я последую вашему совету, сударь. Спокойствие духа Шарля для меня превыше всего. А временами мне кажется, что он чем-то сильно озабочен.

— И последний вопрос. Почему он столь тщательно скрывает ваш дом и свои посещения?

— Потому что, господин комиссар, у него, увы, есть дети от первого брака! И если они узнают...

— Понимаю. Благодарю за уточнение.

Она проводила его до двери.

— Защитите его, сударь. Он предпринимает столько предосторожностей, что иногда мне кажется, что ему кто-то угрожает.

Он вспомнил о последней просьбе герцогини де Ла Врийер. Обе женщины хотели защитить герцога.

— Мы присмотрим за ним, — произнес он.

Внизу Николя ожидал Бурдо; они направились к экипажу. После долгого молчания, которое инспектор из уважения к Николя не решился нарушить, комиссар заговорил так, словно обращался к самому себе.

— Так, значит, вот это что! Чистая полоса в жизни нечестивца, — задумчиво изрек он.

— О Господи! — вздохнул Бурдо. — Ради всего святого, прекратите «ноблекуризировать» и объясните мне все четко и ясно.

— Министр завел себе новую семью: очаровательную молодую женщину и ребенка, которому еще нет и года, и во что бы то ни стало хочет сохранить эту тайну. Об этой стороне его жизни не знает никто. Оберегая секрет своего двойного существования, он и устраивает ночные эскапады.

— Какой человек! — вздохнул Бурдо. — А поглядишь на него, и не поверишь! «Прекрасная Аглая», многочисленные любовницы, государственная служба и... что там еще?

— Лично я, — серьезно ответил Николя, — затрудняюсь сказать, где проявляется истинная суть этого человека. В его беспорядочных связях или в этом эдемском саду, где царит невинность, словно до грехопадения...

— Послушать вас, так чем больше человек грешит, тем больше ему хочется обрести место в райском саду.

Николя засмеялся, но моментально скривился от боли.

— Не надо меня смешить, иначе мой порез начнет кровоточить. В ближайшие несколько дней я могу только улыбаться, хотя, похоже, улыбаться будет нечему. Сейчас я пойду и немного посплю, а утром мы встретимся в Шатле.

— Какие будут указания?

— Вы отправите людей на улицу Кристин и велите им принести оттуда гардероб Дюшамплана. Надо произвести опознание тела несчастного Витри, точнее, того, что от него осталось. Это трудно, хотя сомнений в том, что это именно он, у меня нет. Мне же предстоит переговорить с Ленуаром и Тестаром дю Ли. Да, и не забыть предупредить Сартина, если тот в Париже. Я должен четко сформулировать свои выводы. И через день подозреваемый может предстать перед судом.

— Судом, который, даже получив от нас все улики, обвинит его всего лишь в совершении развратных действий над несовершеннолетней.

— К этому обвинению добавится обвинение в похищении ребенка, так что в лучшем случае его приговорят к наказанию плетью, клеймению, позорному столбу и пожизненной каторге.

— Все верно. Но не исключено, что налетит стая крючкотворов и собьет судей с толку. Вот почему очень важно, чтобы заседание состоялось как можно скорее. Ибо, как и вы, я готов к худшему.

— А Шамбона?

— Боюсь, он относится к неприкасаемым. У генерал-лейтенанта давно имеются доказательства его участия в тайных сборищах либертенов. Однако предъявив ему обвинение, придется потянуть за ниточку, от которой начнет разматываться клубок, ведущий к подножию трона.

— Когда же настанет время, когда законы будут одни для всех?

— Когда править станут Бурдо, — с искренней теплотой ответил Николя.

Николя дал последние указания относительно допроса Дюшамплана-младшего, а также — если понадобится — и других участников дела; после непродолжительных размышлений он отдал еще и особые распоряжения. Он, конечно, упрекал себя за то, что не удовлетворил смиренного любопытства Бурдо, но он не любил раскрывать план кампании, основанной главным образом на собственной интуиции, пусть даже подкрепленной множеством осязаемых улик. Молчание накануне процесса стало для него своего рода ритуалом; опытный сыщик и артист своего дела, он, не желая признаться в этом даже самому себе, обладал склонностью к театральным эффектам, к каковым с полным правом можно было причислить публичное разоблачение преступника.

Обитатели дома на улице Монмартр спали, только Мушетта бодрствовала в ожидании хозяина. Увидев Николя, она с неодобрительным видом обнюхала его и, учуяв запах гнилой воды, вопросительно замяукала. Понимая, что не сможет лечь в кровать, источая столь неаппетитные ароматы, он отправился исправлять положение. В котле на плите вода еще не остыла и была вполне пригодна для мытья. Стоило ему раздеться, как со всей своей гнетущей силой на него навалилась усталость, пробудив во всем теле болезненные ощущения. Когда в кухню вошла разбуженная шумом Катрина, она увидела, как Николя, совершенно голый, безуспешно пытается вымыться. При виде окровавленной повязки, опоясывающей его тело, она вскрикнула и взяла дело в свои руки: осторожно облила его водой, намылила, растерла мочалкой, насухо вытерла и уверенными движениями перевязала рану. С наслаждением проглотив приготовленный Катриной напиток из молока и яиц с добавлением водки и корицы, он поднялся к себе, скользнул под одеяло и на несколько часов забылся сном.

День показался Николя невероятно долгим. Как и после спешного возвращения из Англии несколькими месяцами ранее, он чувствовал себя совершенно разбитым, однако сумел успеть всюду. Он встретился с Ленуаром и получил одобрение своего плана. Затем он предстал пред

длинной и бледной физиономией судьи по уголовным делам. Как всегда, когда события опережали его, господин Тестар дю Ли начинал сопротивляться планам комиссара, ибо не признавал тех судебных процедур, в которых он ничего не смыслил. Николя пришлось напомнить, что до сих пор господину судье не приходилось жаловаться на его начинания, которые, хотя и выбивались из судебной рутины, всегда приводили к посрамлению виновных, что способствовало укреплению репутации королевского правосудия, а следовательно, и самого судьи по уголовным делам, являвшегося одним из его столпов. Оказалось, что самому судье никогда не приходило в голову, что слава от успешного раскрытия уголовных дел падала на него только в тех случаях, когда речь шла о делах чрезвычайных, подлежащих по большей части особому правосудию монарха. Победленный и убежденный, Тестар дю Ли, словно новоявленный Пилат, умыл руки и с утомленным видом отпустил Николя. В качестве последнего аргумента комиссар упомянул Сартина, чье имя по-прежнему внушало почтение нерешительному магистрату.

Гардероб, доставленный с улицы Кристин, разобрали и описали, каждую вещь в отдельности. Николя же, после встречи с Сансоном, отправился в больницу Отель-Дье, где по всем правилам взял показания у юной девушки из банного заведения; как он и предполагал, ее показания подтвердили его версию. Прибыв в Париж, они с сестрой оказались на грани голодной смерти; плутая по столичным улицам, они наткнулись на Дюшамплана, и тот обманом завлек их в незнакомый дом, а затем стал отдавать их в различные злачные заведения для удовлетворения похоти тех, чьим доверенным лицом он являлся.

Из больницы Николя велел отвезти его на набережную Турнель, где осведомители, негласно сопровождавшие его по приказу Бурдо, дабы в любую минуту прийти ему на помощь, могли наблюдать, как он, согнувшись в три погибели, ходил по берегу, явно что-то выискивая. Вернувшись в Шатле, комиссар призвал к себе Бурдо. После разговора оба отправились в мертвецкую — проверить, как обустроен зал для завтрашнего тайного заседания суда по делу об убийствах. Наконец, он подписал охранное свидетельство для Руссильонки, чья помощь и хладнокровие сыграли решающую роль при завершении расследования.

Он снова лег спать очень поздно. На этот раз Катрина ждала его, решив приготовить ему на ужин одно из своих коронных блюд. Взяв кочан капусты, она разрешила его на куски и поставила тушить вместе с теми корнеплодами, которые она, невзирая на сопротивление Пуатвена, упорно продолжала выращивать в огорожке во дворе. Речь шла о «земляных яблоках», постепенно получавших признание как среди придворных, так и среди горожан. Когда овощи хорошенько протушились, она подавила их ложкой, стараясь не слишком растереть капусту, дабы листочки ее хрустели на зубах, и сложила их в глубокую сковородку, где их поджидало растопленное копченое свиное сало, а также соль, перец, мускат, чеснок и ягоды можжевельника. Перемешав содержимое, она отправила сковороду на медленный огонь, чтобы овощи с салом хорошенько протомились и приобрели золотистый цвет; а чтобы они не подгорели, время от времени она помешивала их ложкой. Это блюдо раскрыло для Николя бархатистый вкус нового корнеплода, который, благодаря искусству поварахи, не только не затмил, но, наоборот, подчеркнул прелесть хрустящей капусты и нежность поджаристых кусочков сала и вступил в восхитительный союз с собственной подсушенной корочкой. После сытного ужина, пришедшегося как нельзя кстати, и бутылки бургундского с виноградников Иранси, именуемого Ноблекурм вином великого короля, сон Николя был спокойным, и за ночь он сумел восстановить силы.

ЭПИЛОГ

Итак, у вас, возможно, появятся обоснованные возражения, направленные против принципов, коими я намерен руководствоваться. Буду вам признателен, если вы мне их сообщите, ибо я непременно с ними ознакомлюсь: я исключительно добросовестно веду поиски истины.

Ламуаньон де Малерб

Среда, 12 октября 1774 года

Постановку тщательно продумали. В помещении возле мертвецкой устроили подобие зала суда: поставили длинный стол, два кресла и конторки — одну для Николя, а другую для Бурдо: ему предстояло вести протокол заседания. На сундуке, установленном в центре зала, прямо напротив скамьи обвиняемого, разложили собранные улики. Напротив судейского стола на невысоких подмостках поставили полуоткрытый гроб, дабы можно было видеть бледное, обескровленное лицо юной девушки, чей труп обнаружили среди гнилой требухи, предназначенной для выварки в котлах острова Лебедей. В изголовье гроба горели две свечи. Как всегда предусмотрительный, папаша Мари посчитал необходимым установить рядом маленькую жаровню, где курился ладан. Отблески пламени воткнутых в стенные кольца факелов плясали на стенах, озаряя комнату желтоватым светом.

В мантиях магистратов вошли начальник полиции и судья по уголовным делам и, бросая озадаченные взоры в сторону гроба, сели за стол. Подойдя к ним, Николя начал свою речь.

— Господа, сегодня, в подвальном зале Гран Шатле, мы собрались на заседании чрезвычайной и тайной комиссии с целью поставить точку в деле, стоившем жизни четверым жертвам. Я постараюсь распутать клубок загадок, где причудливым образом переплелись страсти, свойственные извращенной человеческой натуре, и тлетворное влияние вкупе с подстрекательской деятельностью агентов иностранной державы...

— Не могу не выразить своего удивления, — воскликнул Тестар дю Ли, — что процедуры, нарушающие общепринятый порядок осуществления правосудия, к великой моей досаде, производятся по-прежнему! Я смел надеяться, что при новом правлении, уже приведшем к ряду перемен, мы более не будем прибегать к прискорбным нарушениям правил.

— Господин комиссар Ле Флок отступил от строгих норм ведения процесса во исполнение приказа короля и моих инструкций и заручившись моим согласием, — заметил Ленуар.

— И все же я повторяю свой вопрос: а стоило ли навязывать нам сие досадное заседание? — поднося к носу тонкий батистовый платок, процедил сквозь зубы судья по уголовным делам.

Николя сделал вид, что не услышал реплик, которыми обменялись его начальники.

— Позвольте мне, господа, — начал он, — напомнить вам о том, при каких обстоятельствах мне было поручено сегодняшнее дело. Министр Королевского дома, герцог де Ла Врийер, через господина Ленуара передал мне приказ явиться к нему в дом, что находится подле площади Людовика XV; там министр сообщил мне, что ранним утром у него в доме, а точнее, в кухне, обнаружили труп убитой Маргариты Пендрон, горничной герцогини. Возле тела горничной без сознания лежал раненый Жан Миссери, дворецкий герцога. После первого осмотра места происшествия я получил кое-какие косвенные доказательства совершения преступления. Однако оружия, которым жертве нанесли, поистине, ужасающую рану, найти не удалось. Рана дворецкого имела совершенно иную природу. Все заставляло думать, что дворецкий, убив свою любовницу, пришел в ужас от содеянного им преступления и попытался свести счеты с жизнью. Однако кухонный нож, найденный возле него, выглядел просто смешным по сравнению с жуткой раной жертвы. В подвале нашли множество кровавых следов. Цепочка таких следов привела сначала на третий этаж, а потом вывела на балкон, нависавший над порталом особняка. Совершенно ясно, что незнакомец покинул здание именно этим путем. Подбирая с пола в кухне серебряную нить, я заметил на ногах у Маргариты Пендрон дорогие туфельки без задников, из тех, какие обычно надевают на бал знатные особы. Рассказывая о том, как разворачивались события, свидетели демонстрировали непонятное мне смятение и путались в собственных показаниях. Кто-то говорил, что стояла непроглядная ночь, кому-то казалось, что труп обнаружили на рассвете... Но вот что меня поразило: каждый из всех сил

старался подчеркнуть свои плохие отношения с дворецким, а некоторые утверждали, что были равнодушны к Маргарите Пендрон.

— Но ведь дворецкий, кажется, не умер? — перебил комиссара судья по уголовным делам. — Вы его допросили?

— Он ничего не помнил; единственное, в чем он был уверен, — что он лег спать. Рана его оказалась легкой, собственно, даже не раной, а царапиной, и из нее никак не могло вылиться столько крови, сколько ее разлилось вокруг него.

— Но эта кровь вполне могла вытечь из тела молодой женщины, — проговорил Ленуар.

— На полу растеклись две лужи крови, постепенно слившиеся друг с другом. Во время первого допроса я обнаружил, что, как это часто случается в больших домах, отношения между слугами разъедают распри.

— Дело выглядит совсем простым, — бросил Тестар дю Ли. — В лице дворецкого вы получили обвиняемого, и природа его ранения не имела равным счетом никакого значения. Зачем же искать ветра в поле?

— Увы, сударь, на деле все оказалось значительно сложнее, и несколько открытий побудили меня отклонить простое решение. Привратник, Жак Блен, пригласил инспектора Бурдо отведать рагу из кролика.

Красный от возмущения, со вздыбившимся париком, судья вскочил с кресла.

— Вот, извольте, очередная фантазия, которой, как всегда, потчует нас господин Ле Флок! В чем на этот раз вы хотите нас убедить?

— Я всего лишь хочу подчеркнуть, что хорошее рагу получится только в том случае, если смешать кровь животного с небольшим количеством уксуса и добавить эту смесь в соус.

— Ну и что? Я не понимаю вашей мысли.

— Что? Так вот, в соусе совсем не было крови. Вам не кажется странным, когда кто-то среди ночи идет в садок, отлавливает трех кроликов, убивает их, выпускает из них кровь, а затем тушит мясо зверьков? Получается, что привратник страдает бессонницей и обладает поистине зверским аппетитом!

— И какой вы делаете из этого вывод? — спросил Ленуар.

— Сейчас я расскажу вам одну историю. В Фобур-Сент-Антуан мне удалось узнать подробности из жизни несчастной Маргариты Пендрон. Разорвав помолвку с молодым садовником по имени Витри, она бежала из дома и добралась до Парижа. Не знаю, как поначалу складывалась ее жизнь, но в конце концов она стала горничной у герцогини де Ла Врийер. Кто привел ее в этот благородный дом? Проведенное мною расследование позволяет утверждать, что это сделал Эд Дюшамплан, шурин дворецкого Жана Миссери. Сей дворецкий, будучи вдовцом, воспользовался своим старшинством и узурпировал право первой ночи на всю женскую прислугу в доме. Увидев Маргариту Пендрон, он влюбился в нее. Тогда почему он вдруг решил убить ее? Узнал о ее связи с Эдом? Или его раздражали ухаживания других слуг? Я не верю ни в одну из этих причин. Маргариту Пендрон убил тот, кто не принадлежал к обитателям дома. Вскрытие жертвы позволило установить природу орудия убийства. Когда с раны изготовили слепок, стало ясно, что по форме он соответствует человеческому кулаку. Таким образом, подозрение пало на герцога де Ла Врийера, потерявшего в результате несчастного случая на охоте кисть руки и носящего серебряный протез, подаренный ему королем.

— Очередной вздор!

Оставив реплику судьи без внимания, Николя продолжал:

— Маргарита Пендрон должна была исчезнуть. В пользу этой версии говорили многочисленные доводы. Она могла стать свидетельницей сцены, которую не должна была видеть, а увидев, могла сделать ее инструментом шантажа и могла угрожать финансовому

благополучию семейства Дюшампланов — в случае, если Жан Миссери женится на ней, то есть заключит повторный брак. Я уверен, у Эда Дюшамплана имеется свой ход в особняк Сен-Флорантен. У него же и надо искать серебряную руку герцога: полагаю, именно он украл ее. В воскресенье он проник в особняк, где назначил Маргарите свидание; чтобы поговорить со своим прежним любовником, девушке пришлось спуститься в кухню.

— Откуда вы это знаете? — спросил судья по уголовным делам.

— Из показаний Жанны Леба, по прозванию Жанетта, горничной герцогини; она видела записку, написанную печатными буквами и без подписи. Маргарита была убеждена, что ее написал Жан Миссери, и поэтому отправилась в кухню. И там ее убили.

— Но если, по вашим словам, кто-то хотел обвинить в убийстве герцога де Ла Врийера, то почему он не оставил на месте орудие убийства? — поинтересовался Ленуар.

— Его нельзя было оставлять на месте. Если герцог действительно совершил преступление, то забыть на месте серебряный протез означало бы подписать обвинение самому себе. Преступник действовал гораздо более изощренными методами. Орудие преступления не найдено, но оно еще всплывет. А вот другие улики, подтверждающие вину хозяина дома, найтись должны. Вот почему мне на глаза попалась серебряная нить, которая вполне могла быть выдернута из расшитого серебром фрака министра, который тот, как и подобает, носит в дни, когда траур по покойному королю подходит к концу. Но когда в дело вмешалась ревнивая женщина, продуманный механизм дал сбой.

— Решительно, нас пригласили на спектакль по пьесе Кребийона!

— Ни один, даже самый запутанный сюжет не сравнится с хитросплетениями житейских историй, сударь, — улыбнулся Николя. — Эжени Гуэ, старшая горничная, а в прошлом любовница дворецкого, продолжала питать надежды когда-нибудь выйти за него замуж. Возраст и отсутствие кавалеров ожесточили ее, но более всего она возненавидела свою молодую соперницу. Подслушав разговор Маргариты и Жанетты, обсуждавших предстоящее свидание Маргариты, озлобленная женщина придумала способ отомстить. О! Речь идет не о преступлении, а всего лишь о предосудительном поступке. Она берет снотворную настойку герцогини — потом она станет утверждать, что флакон разбился, — и усыпляет своего бывшего возлюбленного.

— Каким образом? — спросил Ленуар. — Это не так просто, нужно найти убедительный предлог.

— Все найдено, сударь. Эжени Гуэ была любовницей Миссери. Она знает, что, несмотря на ненасытное желание, у дворецкого нередко случаются неудачи. Сделав вид, что она по-прежнему питает к нему дружеское расположение, она дает ему несколько советов, как надобно поступать, чтобы всегда быть в форме, и уговаривает его принять ее микстуру вместо афродизиака. Кстати, в его комнате мы обнаружили коробочку со шпанской мушкой. Дворецкий, сам того не зная, погружается в глубокий сон. Эжени хочет не только насладиться неудачей Маргариты, но и отчитать ее за неурочное появление в кухне. Прибыв в подвал по служебному ходу, она обнаруживает там человека в сером фраке; при виде горничной человек бросается в коридор и бежит по внутренней лестнице, ведущей на верхние этажи. Ошеломленная женщина уверена, что видела герцога де Ла Врийера. Когда шаги неизвестного, принятого ею за герцога, стихают, она спешит в зал, где находится большая жаровня, зажигает свечу и видит мертвое тело Маргариты.

— Давайте на минуту прервемся, — произнес Ленуар. — Если неведомый убийца сумел незаметно проникнуть в дом, почему он решил бежать через жилые этажи?

Приблизившись к столу, Николя протянул магистратам толстую пачку бумаг.

— Вот планы особняка Сен-Флорантен, в разрезе и в вертикальной проекции, начертанные господином Шальгреном, архитектором, спроектировавшим это здание. На плане первого этажа хорошо видно, что из кухни на улицу выйти можно только по внутренней

лестнице, ибо, если воспользоваться служебным проходом, попадешь во двор. Эжени Гуэ женщина решительная, и вдобавок с юных лет служит семейству Сен-Флорантемов; преданность ее хозяевам не знает границ. В каждом человеке есть и хорошая, и дурная сторона, люди не бывают только плохими или только хорошими. Хорошее и дурное мирно в них соседствуют. Какие мысли начинают рождаться в голове горничной? Об этом можно только догадываться. Она полагает, что должна сделать все, чтобы спасти хозяина, чьей любовницей она, возможно, была в прошлом. Какое-то время она колеблется, но потом, предположив, что герцог уже успел покинуть особняк, бежит исповедаться герцогине де Ла Врийер, и та с присущей ей энергией начинает готовить контрнаступление. Женщины держат совет. Эжени Гуэ признается в том, что усыпила Жана Миссери. Неожиданно бессознательное состояние дворецкого начинает казаться им спасительной соломинкой. Они решают стащить его в кухню. Но мужчина слишком тяжел для двух женщин, и им приходится привлечь к делу нескольких слуг. Дворецкому наносят поверхностную рану, а чтобы придать сцене больше правдоподобия, пол вокруг тела щедро поливают кровью трех только что убитых кроликов. Герцог возвращается рано утром, но в котором часу — установить не удается из-за разнобоя в показаниях свидетелей. Он находит домочадцев в сильнейшем возбуждении. Никто не осмеливается напомнить ему об ужасных событиях прошедшей ночи. Герцогиня отправляется рассказать обо всем сестре Луизе от Благовещения, свояченице Жана Миссери.

— Но ведь вы сами долгое время считали герцога виновным!

— Разумеется, считал, и не без основания! Он ведь утверждал, что вернулся из Версаля. Особенно когда выяснили, что и в ту ночь, и в последующие, когда произошли еще три убийства, герцог не покидал Парижа; мы далеко не сразу сумели установить его алиби. Тем более, что когда я заметил под перчаткой деревянный протез и спросил его, куда делся королевский подарок, он не смог связно объяснить, украли его или же он его потерял.

— А предполагаемый убийца? Каким образом ему удалось бежать? Или он спрятался в доме? — почти любезным тоном спросил судья по уголовным делам.

— Чтобы проследить его путь, достаточно было пройти по кровавым следам, о которых я упомянул в начале своих разъяснений. Он бежал, прыгнув с портала главного входа, куда он спустился с балкона второго этажа. Мимоходом заметим, что подобные упражнения способен проделать только молодой человек, и вдобавок очень ловкий.

— Последнее замечание, — произнес Тестар дю Ли. — Почему дворецкий отделался легкой царапиной? Если его хотели заставить расплатиться за других, логичнее было бы убить его.

— Сударь, вы только представьте себе, сколько всего пришлось пережить в ту ужасную ночь двум несчастным заплаканным женщинам, измышлявшим способ, как оправдать герцога. И они единодушно решили, что оцарапают дворецкого ножом. Они ведь не убийцы.

Генерал-лейтенант поднял руку.

— Пока, комиссар, все ваши доводы и выводы кажутся нам вполне приемлемыми. Остается выяснить, не держится ли представленная вами конструкция исключительно на вашем логическом мышлении и интуиции; заметьте, я не сказал «на вашем воображении». Разумеется, улик собрано немало и весьма убедительных, однако, чтобы мы поверили, что Эд Дюшамплан, предполагаемый убийца Маргариты Пендрон, является виновным как в преступлении, совершенном в особняке Сен-Флорантен, так и в трех других преступлениях, нам нужны доказательства или факты, достоверность которых легко подтвердить. Если говорить о двух последующих убийствах, а именно девицы для утех, чей труп нашли на берегу реки, и юной беглянки из Брюсселя, то в обоих случаях убийца действовал одним и тем же орудием. Следовательно, есть основания полагать, что речь идет об одном и том же человеке. Что касается четвертого преступления, то есть убийства Ансельма Витри, то в этом случае убийца воспользовался огнестрельным оружием. Господин комиссар, мы вас слушаем.

— Если говорить о девице Маро по прозвищу Этуаль, — ответил Николя, — то я располагаю достоверными уликами, ибо Сыч...

— При чем здесь ночная птица?

— Господин судья по уголовным делам, без сомнения, не в курсе, — с едва заметной усмешкой ответил Ленуар, — что такой псевдоним избрал себе один из наиболее плодовитых газетных писак, а именно господин Ретиф де ла Бретон. Его беспутный образ жизни иногда вынуждает его добровольно помогать полиции, поставляя ей кое-какие сведения.

— То есть вы хотите сказать, что готовы закрыть глаза на некоторые его заблуждения?

— Разумеется, если это помогает раскрытию преступлений и поддержанию общественного порядка.

— Короче говоря, — продолжил Николя, — Сыч стянул туфельки с убитой девушки, точно такие, какие были надеты на Маргарите Пендрон.

— Не вижу ничего убедительного в том, что одни бальные туфельки похожи на другие бальные туфельки, — нетерпеливо произнес Тестар дю Ли.

— Тем не менее сходство бросается в глаза, — произнес Николя, указывая на стоящие на сундуке две пары туфелек. — Я понимаю сомнения господина судьи; к счастью, у меня есть еще одна улика.

Подойдя к сундуку, он развернул фрак нефритового цвета, украшенный поддельными камнями.

— Посмотрите на этот фрак, господа. Его с соблюдением надлежащей процедуры конфисковали из гардероба Дюшамплана-младшего. Если внимательно приглядеться, можно заметить, что на уровне бутонарки в ряду поддельных камней голубоватого цвета не хватает одного камня.

Вытащив из кармана свернутый вчетверо клочок бумаги, он положил его на стол и развернул.

— Вот недостающий камень, найденный на берегу возле тела девицы Маро.

Наступила долгая томительная пауза.

— К счастью, небо иногда помогает правосудию, — продолжил комиссар. — Оно дает нам серебряную нить, намеренно подброшенную убийцей, и позволяет найти камень, оброненный по недосмотру тем же самым убийцей. Когда с помощью достижений анатомической науки сыщику удастся увидеть невидимое в потаенных глубинах человеческого тела, значит, этому сыщику благоволит само Небо. Я узнал, что девица Маро, равно как и девушка, чей труп нашли среди отбросов скотобойни, незадолго до смерти ели ананасы, ибо кусочки этих фруктов, не полностью переваренные, обнаружили в их желудках. А, как известно, ананас является растением экзотическим, прибывшим к нам с островов, и только люди состоятельные могут акклиматизировать его у себя в оранжереях. Не так давно я имел возможность наблюдать, как произрастает сие растение в обогреваемой оранжерее покойного короля в Трианоне.

— Давайте оставим эти вызывающие отвращение подробности! Не станете же вы утверждать, что эти жертвы посещали дома принцев крови?! — возмущенно воскликнул Тестар дю Ли; при мысли об открывавшихся в связи с этим фактом перспективах его бледное лицо вытянулось больше обычного.

— Ну что вы! Напротив, я постарался отвлечь внимание моих осведомителей от этих домов. Поиски ограничились жилищами горожан, расположенными неподалеку от реки, где нашли трупы. Представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что этот фрукт выращивают на Монпарнасе, в особняке маркиза де Шамбона; к этой личности наше внимание привлекла одна из тамошних сводней, ибо маркиз вхож в круги, где часто устраивают ночные собрания. Банное заведение, где арестовали Дюшамплана, подсказало нам природу этих ночных собраний.

— Для вас, сударь, я полагаю необходимым сделать кое-какие пояснения, — обратился Ленуар к судье по уголовным делам. — Дело в том, что маркиз де Шамбона хорошо известен нашим инспекторам по причине своего экстравагантного поведения. Он является великим магистром некоего сообщества либертенов, основанного его отцом. У него много долгов и весьма двусмысленная репутация. Он женился на дочери «прекрасной Аглаи», маркизы де Ланжак, то есть на одной из внебрачных дочерей герцога де Ла Врийера. Но говорят, супруги живут раздельно, ибо муж искал в этом браке возможность поправить свои пошатнувшиеся дела. Он в обиде на министра за то, что теща его попала в немилость, а он навлек на себя позор, заключив мезальянс.

— Я вас внимательно слушаю, — отозвался Тестар дю Ли. — Эти сведения повергли мой ум в еще большее смятение. Какая связь между тем, что вы сейчас сказали, и расследуемыми преступлениями?

— Сударь, — ответил Николя, — я глубоко убежден, что все убийства совершены, чтобы скомпрометировать герцога де Ла Врийера. Первое убийство, жертвой которого стала Маргарита Пендрон, было совершено по нескольким причинам. Ее молодой любовник принялся водить ее на вечеринки, возмущившие ее своими преступными бесчинствами, и, скорее всего, она стала представлять для него опасность — либо потому, что обещала все рассказать, либо потому, что начала его шантажировать. Ее исчезновение устраивало Дюшамплана еще и потому, что вместе с ней исчезала претендентка на место супруги Жана Миссери, а с ней и угроза распыления состояния, оставленного дворецкому его первой женой; будучи холост, он имел право пользоваться этим состоянием пожизненно, а потом оно возвращалось в семью жены. Когда первая попытка скомпрометировать министра провалилась, устроитель принялся придумывать следующий ход. Боюсь, что Эд Дюшамплан и в самом деле настоящее чудовище; мне кажется, он стал участником заговора только для того, чтобы иметь возможность удовлетворять свои извращенные наклонности. Я собственными глазами видел, как во время истязания юной девушки на лице его отражалось жуткое, болезненное наслаждение. Даже в Бисетре душевнобольные во время приступов буйства имеют более человеческие лица.

— «Я воображаю, я думаю, мне кажется...»

Судья по уголовным делам подсказывал на месте словно марионетка, приводимая в движение невидимой пружиной. Николя поклонился и продолжил:

— Теперь я должен поведать еще одно обстоятельство, напрямую затрагивающее интересы королевства. Этот заговор, возглавленный безумцем, является не только делом семейным, но и результатом тайных интриг, исподтишка плетущихся темными личностями, прибывшими к нам из иностранной державы. В галерее Версальского дворца я случайно столкнулся с лордом Эшбьюри из британской секретной службы, с которым я встречался в Лондоне. Когда я попытался подойти к нему, он сбежал. Во время расследования мы обнаружили, что он проживает на улице Кристин в Русской гостинице, расположенной в нескольких туазах от дома Дюшампланов. Когда полиция принялась его разыскивать, он спрятался у Дюшамплана-младшего, уверенный, что там его будут искать в последнюю очередь. Мне удалось обнаружить клочок бумаги, где, со всей очевидностью, стояло название «Турнель». В подтверждение своей догадки скажу, что Эшбьюри арестовали во время суматохи, поднявшейся во время нашей облавы в банном заведении возле моста Турнель.

Слушая комиссара, начальник полиции одновременно делал пометы на листе бумаги, но как только Николя упомянул Турнель, так он тотчас сделал едва заметный знак, призывавший комиссара к осмотрительности.

— Почему именно герцог де Ла Врийер стал целью заговорщиков? — спросил он.

— У нас мир с Англией, — объяснил комиссар, — однако сия держава опасается, что мы поддержим мятеж, назревающий в ее колониях в Америке. Она полагает, что, принимая сторону мятежников, мы хотим взять реванш за Парижский мирный договор и утрату Новой

Франции. Лорд Эшбьюри, или Фрэнсис Сефтон, как он здесь себя называет, прибыл в Париж, скорее всего, с целью возглавить заговор, направленный на ослабление нашего королевства. Для него герцог де Ла Врийер является добычей, о которой можно только мечтать: во-первых, репутация герцога не самая блестящая, а во-вторых, он состоит в родстве с графом де Морепа. Окончательно скомпрометировать герцога означает приблизить падение правительства и вызвать скандал, пятнающий ступени трона.

— Однако, Николя, — произнес Ленуар, — если герцога вынудят уйти в отставку, возникнет опасность, что на его место призовут Шуазеля, всегда враждебно относившегося к Англии и жаждущего исправить свои прошлые недочеты на посту первого министра.

— Эту возможность давно уже никто не принимает в расчет; все уверены, что король даже по просьбе королевы не согласится на возвращение Шуазеля, ибо он никогда не сможет преодолеть свою неприязнь к субъекту, тяжко оскорбившему его отца-дофина. Англичане делают ставку на беспорядок, который может возникнуть в случае успеха их происков. Английские секретные службы знают свое дело и досконально изучили жизнь здешних сильных мира сего. Лорд Эшбьюри близко сошелся с маркизом де Шамбона и, без сомнения, в его же доме познакомился с Дюшампланом-младшим. Хотите доказательство? На следующий день после того, как в Версале я увидел лорда Эшбьюри, там же, в Версале, меня попытались убить. Кто осуществил покушение? Дюшамплан-младший, чья левая щека до сих пор носит след от удара кнутом, полученным от кучера доктора Семакюса. Таким образом, мы имеем дело с иностранным заговором, замаскированным под личную месть, и заговорщиками, скрывающимися под масками распутников.

— Остается последнее преступление. Как вы его объясните? — спросил судья, похоже, окончательно переставший что-либо понимать.

— Раскрыть последнее убийство оказалось труднее всего. Дюшамплан нашел бывшего жениха Маргариты Пендрон, молодого Ансельма Витри, среди венерических больных Бисетра, больницы, где администратором является его старший брат и куда он, влекомый нездоровым любопытством, часто приходит созерцать картины безумия. Он знакомится с молодым Витри, помогает ему устроиться кучером в товарищество фиакров, принадлежащее его брату, и постоянно пользуется его услугами. Не он ли подвозил Дюшамплана к особняку Сен-Флорантен в ночь убийства? По непостижимой случайности именно Витри везет меня в Попенкур, где мне рассказывают историю его и его невесты. Кузов фиакра поражает меня своей неопрятностью и подозрительными пятнами. Без сомнения, это кровь. Кучер все время прячет лицо. Если речь идет о Витри, это вполне понятно: он боится, как бы его не узнали бывшие соседи. Тело, найденное в фиакре возле Воксхолла, без сомнения, тело Витри. Грязь, прилипшая к упряжи, и грязь на берегу возле бань на набережной Турнель совершенно одинакова. К чему стремился убийца Витри? Оцените, господа: он попытался убить сразу двух зайцев! Он был уверен, что либо караульные, либо мы непременно поверим в поставленную им цену самоубийства, а значит, умерев в глазах света, он может беспрепятственно исчезнуть. И рубашка, украденная из особняка Сен-Флорантен, может вновь появиться, обвиняя господина де Ла Врийера в новом преступлении. Но самое интересное: Дюшамплан предусмотрел, что его розыгрышу могут и не поверить; но даже при таком условии рубашку все равно можно использовать с той же целью. Чувствую, что у господина судьи по уголовным делам возник вопрос: почему Дюшамплан убрал Витри? Следовало бы ответить — по причине природной жестокости, потому что ему понадобился труп молодого человека. Но, призвав на помощь воображение, я бы предположил, что он просто избавился от ставшего неудобным свидетеля; скорее всего, Дюшамплан по легкомыслию рассказал Витри о смерти Маргариты Пендрон, и тот неожиданно взбунтовался. На этом прискорбном выводе я и завершаю свою речь, господа. Убежден, я сумею доказать, что Дюшамплан является не только участником антигосударственного заговора, но и повинен во всех четырех убийствах.

В зале воцарилась мертвая тишина. Вошел папаша Мари и оживил уголья в жаровне, подбросив туда очередные кусочки ладана. Оба магистрата сидели молча, погруженные в собственные мысли. Первым заговорил Тестар дю Ли.

— Господин комиссар, я внимательно слушал вас. Мои реплики, какими бы неуместными они вам ни казались, имели единственную цель: уяснить истину. Но как бы я ни осмысливал ваши слова, ни сопоставлял ваши аргументы, ни пытался подлатать вашу версию, рассыпающуюся на кусочки, словно разрезанная на части карта, я не могу убедить себя в том, что рассказанное сейчас вами и есть истина. Поэтому, прежде чем высказать свое мнение, я задам вам два вопроса. Если господин де Ла Врийер, виновность коего подтверждается множеством улик, не виновен, то где его алиби? Вы собрали целый ворох заметок, косвенных доказательств, предположений и беспочвенных деталей, убеждающих вас, и никого более. Дайте мне реальные доказательства того, что Эд Дюшамплан совершил хотя бы одно из преступлений, в которых вы его обвиняете, и я сочту законными и истинными все остальные обвинения, выдвинутые вами против него.

— Сударь, — вмешался Ленуар, — прежде чем комиссар Ле Флок удовлетворит ваше требование, я отвечу на ваш первый вопрос. Даю вам слово, господин судья по уголовным делам, что у герцога де Ла Врийера есть твердое алиби на то время, когда были совершены все четыре преступления. Тем не менее, исполняя приказ короля, я не могу сообщить его вам. А теперь слово господину Ле Флоку.

— Пусть приведут Эда Дюшамплана, — приказал Николя.

В зал в окружении стражников вошел закованный в цепи молодой человек. Он был в рубашке и коричневых панталонах до колен. Николя изумился, насколько он ростом и фигурой походил на молодого Витри. И только руки, изящные, с тонкими пальцами, никак не могли принадлежать садовнику. На левой щеке виднелся пластырь из тафты, пропитанной камедью.

— Я протестую, господа! — вызывающе глядя на обоих магистратов, заявил он. — Меня насильно привели сюда!

Указав подбородком в сторону Николя, он произнес:

— Я стал жертвой вон того господина, пытавшегося утопить меня во время приватной вечеринки.

— Не станем вдаваться в эти подробности, — сухо ответил Ленуар. — Вы обвиняетесь в заговоре против государства и в убийствах Маргариты Пендрон, девицы Маро, юной девушки, прибывшей в Париж из Брюсселя, и садовника Ансельма Витри. Также вы обвиняетесь в похищении несовершеннолетних и в покушении на убийство королевского магистрата. Слово комиссару Ле Флоку.

Молодой человек смотрел прямо в глаза Николя, и тот, внезапно вспомнив взгляд ужа на болотах Бриера и зеленые глаза Моваля и его брата, невольно содрогнулся: зло по-прежнему продолжало свой путь. С большим трудом он взял себя в руки.

— Господин Дюшамплан, — наконец начал он, — полагаю, все согласятся, что предъявление всех имеющихся у нас улик, подтверждающих выдвинутые против вас обвинения, займет слишком много времени и утомит и нас, и вас. Поэтому я намерен продемонстрировать нашим магистратам улики, доказывающие вашу виновность в одном из преступлений. Если это доказательство убедит их, это будет означать, что вы виновны не только в этом, но и во всех остальных убийствах.

Николя встал и медленно направился к Дюшамплану. В пляшущем свете факелов тень его на стене казалась, поистине, гигантской. Схватив молодого человека за ворот рубашки, он сдернул его со скамьи и под громкий звон цепей подтащил ко гробу. Отбросив крышку, со стуком упавшую на каменный пол, он заставил Дюшамплана склониться так низко, что лицо его почти касалось лица жертвы.

— Смотри на дело рук своих, на это обезображенное лицо, на эти запавшие глаза! Смотри на одну из своих жертв и посмей сказать, что это не ты ее убил!

Выпустив ворот обвиняемого, оставшегося понуро стоять возле гроба, он быстро направился к столу.

— Господа, — продолжил он, — прошу вас, приглядитесь внимательнее к этому человеку. Когда проводился осмотр тела жертвы, найденной среди отбросов скотобойни, я в присутствии инспектора Бурдо нашел в кармане платья девушки кусочек человеческой плоти. Это ноготь, владелец которого зацепился им за ткань, дернул, и кусок ногтя оторвался вместе с мясом. Вот он.

Николя достал из кармана черную записную книжку и аккуратно развернул кусочек шелковой бумаги, где лежал вырванный с мясом ноготь; присохший к ногтю кусочек кожи высох и сморщился.

— Эд Дюшамплан, извольте подойти сюда.

Бурдо подвел узника к столу.

— Пусть с него снимут цепи.

В молодом человеке пробудилась безумная надежда: он выпрямился и вновь принял надменный вид; он явно не слышал слов Николя.

— Покажите ваши руки, — произнес Ленуар.

— На каком основании я должен показывать вам свои руки?

— Исполняйте, что велено.

Оба магистрата склонились над руками обвиняемого. Все ногти Дюшамплана были длинными и ухоженными, и только на среднем пальце правой руки ноготь был обломан, и на краю подживала небольшая ранка. Подойдя к обвиняемому, Николя крепко взял его за руку и приложил сохранившийся фрагмент, полностью совпавший с ранкой на пальце.

— Что это значит? — прошептал Дюшамплан.

— Это значит, сударь, — произнес судья по уголовным делам, — что доказательства, собранные комиссаром Ле Флоком, полностью подтверждают справедливость выдвинутых против вас обвинений. Уведите его.

Декабрь 1774 года

— Итак, Николя, — произнес Ноблекур, аккуратно ставя на стол чашку из тончайшего фарфора Индийской компании, — год оканчивается лучше, чем начинался! Однако какое ужасное, непостижимое стечение обстоятельств!

Прошло два месяца с тех пор, как Николя во время тайного заседания в Шатле выдвинул обвинения против Дюшамплана.

— Увы, дело получило неожиданное завершение. До меня только что дошли поразительные новости.

— Какие же?

— Дюшамплан избежал смертной казни. Специально созванная комиссия тайно судила его и приговорила к пожизненным галерам. По-моему, это слишком мягкое для него наказание.

— Да, мне это известно; у нас не умеют хранить секреты... Сколько раз я говорил вам, что ваша блестящая демонстрация улик и предъявленные доказательства не убедили ученое собрание. Что им требовалось? Боюсь, всего лишь предлог, чтобы пощадить субъекта, который слишком много знал о некоторых особах.

— Значит, вы еще не знаете, что по дороге в Тулон Дюшамплана нашли задушенным, а его товарищ по цепи не смог ничего объяснить. Сказали, что Дюшамплан задохнулся от пыли, исходившей от соломенных тюфяков в тюрьме Кламси!

— А каковы результаты вскрытия?

— Какое вскрытие! Его тотчас закопали в общей могиле.

— Есть уверенность, что это был именно он?

— Смею на это надеяться. Если не считать моих английских друзей, то вместе с Мовалем и Камюзом набирается не так уж мало врагов, преследующих меня по пятам, и всех мне следует опасаться.

— 1774-й был тяжелым годом, он навсегда останется для вас годом траура и клеветы... Шум, поднятый вокруг вас и Ла Врийера... Надеюсь, герцог выразил вам признательность за то, что вы вытащили его из этой грязной истории?

— Я на это и не надеялся. Между нами возникло чувство неловкости. Я слишком много знаю о нем; впрочем, о том, что мне известно главное, он не знает до сих пор. Он по-прежнему министр, но при дворе он чувствует похолодание, и оно постоянно нарастает, особенно со стороны короля. Герцогиня вручила мне изящное послание от госпожи де Морепе, которая, как говорят, продолжает пребывать в восторге от «нашего дорогого Ранрея».

— Вот вы уже и стали «новым двором»! У Филемона и Бавкиды... Скорее, жена могильщика.

Николя не понял намека.

— Могильщика?

— Увы, друг мой, близкий, насколько это возможно, к парламенту и его жирным котам, я всегда безоговорочно поддерживал права и прерогативы короны, выступая против незаконного захвата власти сим организмом, подтолкнувшим нас, помимо прочего, к изгнанию отцов-иезуитов, о последствиях коего я вам уже говорил. Так вот, 12 ноября сего года, в день святого Рене, день вполне подходящий...

— Графа де Морепе зовут Рене.

— Совершенно верно! В этот день король, председательствовавший на ложе правосудия, утвердил возвращение парламентов и принял постановление о смерти реформы Мопу.

— Если как следует подумать, то это ошибка.

— Без сомнения, ошибка. Или, скорее, заблуждение. В умах людей формируется сомнительное представление о том, что парламент является той силой, которую нельзя уничтожить, ибо его всегда восстанавливают. Весь Париж повторяет комментарий канцлера Мопу. «Я выиграл для короля процесс, длившийся сто пятьдесят лет. Если король хочет заново его проиграть — это его право».

— Сейчас я, наконец, понял, что хотел сказать посол Англии, — проговорил Николя, — Господин Ленуар, с которым у нас установились искренние и доверительные отношения, попросил меня перевести ему отрывок из перехваченной депеши лорда Стормонта.

— И о чем же сия депеша?

— Если говорить коротко, англичанин пишет, что молодой король полагает, что, восстановив парламент и водворившись в нем, его власть значительно укрепилась. Завершалась депеша Стормонта ужасной фразой: «Совершенно очевидно, он будет разочарован концом своего царствования»^[43].

— Да позволит мне небо не увидеть этого! Уверен, покойный король никогда бы не уступил парламентам.

— Возвращаясь к нашему делу, — начал Николя, — хочу сказать, что юная девица из Брюсселя вернулась домой: мать немедленно приехала и забрала ее. Они уехали, заплаканные, увозя останки их сестры и дочери. Вы помните, какую роль сыграл труп той девушки.

— Да, все было обустроено исключительно искусно. А что Шамбона?

— Маркиз вербует приверженцев, самых разных.

— А таинственные создания, загадочно появившиеся в Трианоне и не менее загадочно исчезнувшие?

— Их видели дважды, и каждый раз в совершенно немыслимых нарядах. Их видят, но никто не может объяснить их появление. Когда в последний раз подняли тревогу, королевские гвардейцы и служители окружили сады Трианона и принялись их прочесывать, дабы загнать незнакомок в ловушку. Но ничего! Никого! Из-за этих неизвестных моя прозорливость поставлена под сомнение. Королева мило подсмеивается надо мной. Но что я могу?

Они немного помолчали. В камине с громким шелестом рассыпалось на угольки полено.

— А как поживает ваш сын?

— О, он настоящий бретонец, прекрасно приспособленный к трудностям. Избежав суровых издевательств, которым обычно подвергают новичков, он заставил считаться с собой, хотя мне кажется, что получить и поставить пару синяков ему все-таки пришлось.

— Похоже, он будет столь же неотразим, как и его отец.

— И его дед! В своем последнем письме он просит меня еще раз поблагодарить вас за презентованные ему коробочки с айвовым мармеладом. Они помогают ему коротать время между трапезами, а их чудесный вкус искупает отталкивающее меню коллежа: черствый хлеб, жилистая говядина, фасоль на прогорклом масле, чечевица с камешками, рис, кишащий долгоносиками, подозрительного вида овощи и десерты, прелесть которых заключается в их отсутствии. Цитирую письмо.

— Действительно, — со смехом отозвался Ноблекур, — ничего не меняется в наших коллежах, и не важно, возглавляют их иезуиты или ораторианцы! Однако вашему сыну не откажешь в остроумии. Уверяю вас, у него будет великолепный стиль. Его отец умеет рассказывать, а сын будет уметь писать. «Породистого пса не надо учить», как любил говорить наш покойный монарх. Я не всегда был справедлив к нему. Несмотря на множество недостатков, это был настоящий король!

Близился вечер, сулящий умиротворение после дневной суеты; оба мужчины долго молчали. Свернувшись клубочками, Сирюс и Мушетта спали на каменном полу возле каминного экрана. Неожиданно в комнате возник Пуатвен с двумя записками в руках и обе вручил Николя. По его словам, одну принес разносчик, а вторую доставили в роскошной карете. Попросив Ноблекура извинить его, комиссар углубился в чтение. Успевший задремать, старый магистрат открыл глаза: вздох Николя разбудил его.

— Дурные новости?

— Есть и хорошая, но она не искупает дурную.

Вновь воцарилась тишина, потом Николя, сам того не желая, заговорил:

— Я получил записку от Антуанетты; она сообщает, что покидает Париж. Продав свою лавку на улице Бак, она отбывает в Лондон, где открывает торговлю кружевами. Два дня назад она съездила в Жюйи, чтобы обнять Луи, и уехала...

Он запнулся, словно в горле у него встал огромный ком. В памяти, одна за другой, всплывали картины прошлого.

— Она решила не прощаться со мной. И поручила мне Луи.

С необычайно серьезным видом Ноблекур выпрямился.

— Что подтолкнуло ее совершить столь неожиданный поступок?

— Кажется, я знаю; я один повинен в нем. В октябре, находясь в Версале по делам расследования, я встретил Сатин в дворцовой галерее. Она открыла там мелочную торговлю и несколько раз в неделю раскидывала во дворце свой прилавок с безделушками. Увидев ее, я не сумел скрыть свое раздражение и выразил неудовольствие, хотя и окольным путем. Вдобавок в эту минуту я заметил лорда Эшбьюри и бросился за ним... Словом, досадное стечение обстоятельств...

— Мне понятен ход вашей мысли, Николя. Вам стало неудобно не за себя, не так ли?

— Разумеется, нет! Я подумал о Луи, последнем из рода Ранреев. Не знаю, вышла ли замуж моя сводная сестра Изабелла; конечно, если у нее будет потомство... Внезапно я представил себе, как Луи, которому имя даст законное право претендовать на место королевского пажа или гвардейца, идет по дворцу... а его мать стоит за прилавком в дворцовой галерее.

Задумчиво качая головой, Ноблекур размышлял.

— Друг мой, нисколько не оправдывая ваше бурное воображение, кое вы имели несчастье спустить с цепи, предлагаю вам лучше подумать о том, что Сатин прекрасно все поняла. Разумеется, прежде чем появляться в галерее, ей стоило бы поразмыслить и постараться не ставить вас в столь неловкое положение. Но так как зло уже свершилось, она решила пожертвовать любовью женщины и матери ради будущего своего сына. Поняв вас с полуслова, она совершила, поистине, героический поступок, за который вы должны быть ей признательны. Сейчас ваши угрызения совести ни к чему не приведут. Сделав выбор в пользу здравого смысла, она надеется, что вы обеспечите Луи будущее, достойное славного имени, которое он когда-нибудь станет носить. Она ждет от вас только этого. Вспомните, ведь она молода, и вы тоже: вы оба еще можете устроить свою жизнь. Она имеет право на вторую попытку. Но пребывая под вашей сенью, она не могла ни о ком думать, ибо вы были ее единственной любовью, и в душе она всегда была верна вам.

— А Луи? Что подумает он? Он затаит на меня обиду.

— Я уверен, что Сатин ничего не сказала ему о вашей встрече. Объясняя причины своего отъезда, она не стала настраивать сына против отца. Луи достаточно взрослый, чтобы понимать, что между вами давно не существует отношений. В его возрасте вы нужны ему. Поддержите его и взбодритесь сами. А какова хорошая новость?

— Она не столь значительна: адмирал д'Арране через три дня ждет меня в Версале. Он пригласил меня на ужин.

— Вот и отлично, пользуйтесь, пока вы молоды. Говорят, у него очаровательная дочь.

Ноблекур ничего не знал, но всегда обо всем догадывался. Николя вздохнул: счастье никогда не бывает полным. Оно заставляет платить за свой визит, и платить дорого. Завершался год, жуткий и горестный. Время, проскальзывая, словно песок между пальцами, закаляло душу. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул: перед внутренним взором вновь предстали овеванные ветрами и осыпанные солеными брызгами песчаные дюны, где прошло его детство. Далеко, на убегающем горизонте, возникла и обрела контуры еще одна точка. Пока он ждал, когда она приблизится, за ней возникла вторая. Путь казался гладким и свободным, но теперь он понимал необходимость считаться со временем, бегущим в противоположную жизни сторону. И это понимание питало его страхи и надежды.

1

См. «Дело Николя Ле Флока».

2

Автор благодарит профессора Даниэля Тейсера из Канского университета за уточнения, внесенные им в биографию Лаборда.

3

Короткая туника, которую в Средние века надевали поверх доспехов.

4

См. «Дело Николя Ле Флока»

5

Согласно преданию, святой Грелюшон избавлял от бесплодия.

6

Буало. «Поэтическое искусство», песнь III. (Пер. Э. Линецкой)

7

Богадельня, основанная Людовиком Святым для confrérie крестоносцев, ослепленных сарацинами. Ее строения занимали участок от нынешней площади Французского Театра до двора Карузель. В 1779 году богадельню перевели на улицу Шарантон.

8

См. «Призрак улицы Руаяль».

9

См. «Призрак улицы Руаяль».

10

Фагон (1638–1718), врач Людовика XIV.

11

См. «Дело Николя Ле Флока».

12

Франсуа де Малерб. «Жестокая принужденность».

13

Статуя Генриха IV.

14

Сегодня площадь Вандом.

15

См. «Дело Николя Ле Флока».

16

Иов. 15, 15; 4, 18 (*примеч. переводчика*).

17

Парафраз из: Мф — 5, 29–30 (*примеч. переводчика*).

18

Знаменитый трактир, названный по фамилии его владельца; отличался своими демократичными ценами.

19

Этот случай, извлеченный из архивов того времени, рассказал историк А. Франклин, и автор, старающийся во всем придерживаться фактов, решил его использовать.

20

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

21

В 1793 году королевская усыпальница в Сен-Дени была варварски разрушена, а маски уничтожены.

22

В то время д'Аржансон занимал пост военного министра.	23
«Эмиль» Руссо.	24
См. «Загадка улицы Блан-Манто».	25
См. «Дело Николя Ле Флока».	26
См. «Дело Николя Ле Флока».	27
См.: Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 2. Гл. 12. Пер. с фр. — М.: Голос, 1992. С. 184 (<i>примеч. переводчика</i>).	28
Лагарп (1739–1803), критик.	29
См. «Призрак улицы Руаяль».	30
В августе 1901 года две англичанки, мисс Моберти и мисс Джурден, гуляя по парку вокруг Трианона, неожиданно перенеслись в XVIII век и увидели вокруг себя людей, одетых по тогдашней моде. Тайна этого путешествия во времени до сих пор остается неразгаданной. Автору показалось забавным взглянуть на этот случай из XVIII столетия.	31
Сегодня площадь Вандом.	32
Госпожа де Ноайль — придворная дама, прозванная «Госпожа Этикет».	33
В этот городок семья Морепе была отправлена в изгнание Людовиком XV.	34
См. «Загадка улицы Блан-Манто».	35
Меню Плезир — мастерские, где изготовляли декорации и костюмы для придворных церемоний.	36
Маркиз де Бьевр (1747–1789), король каламбура.	37
Из проповеди отца Массийона.	38
Случай, документально зафиксированный.	39
Камин а-ля Ришелье — намек на поворачивающийся камин, который маршал Ришелье использовал для галантных походов.	40
В то время дома нередко проседали.	41

В древнем городе Капуя (на юге Италии), славившемся производством предметов роскоши, карфагенский полководец Ганнибал провел зиму после победы над римлянами в сражении при Каннах (216 г. до н. э.). Длительное бездействие Ганнибала, якобы поддавшегося «чарам Капуи», вызвало недовольство. С тех пор Капуя стала олицетворять место безмятежной праздности (*примеч. переводчика*).

42

Иолай — сподвижник Геракла в его борьбе с Лернейской гидрой.

43

Подлинная цитата из донесения лорда Стормонта после восстановления парламентов.
